

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
АРХИВ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
АРХИВ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АРХИВНЫЙ ПОИСК
Электронный сборник научных статей и публикаций

Выпуск 2

Редакционный совет:

к.и.н. И.Н. Ильина (председатель),
к.и.н. С.А. Лиманова (зам. председателя),
д.и.н. Н.Е. Быстрова, к.и.н. М.В. Ковалев, к.и.н. Т.Н. Лаптева,
Н.В. Литвина, д.и.н. Л.А. Сидорова, к.и.н. А.В. Собисевич

Москва
Архив РАН
2019

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
АРХИВ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Архивный поиск
Выпуск 2

**Сборник научных статей
и публикаций**

Москва
Архив РАН
2019

УДК 930.25+792.03+573.6+58.007+92
ББК 72.3, 72.6, 79.3, 28Г, 85.333
А 876

Утверждено к печати решением Ученого совета Архива РАН

Рецензенты:

д.и.н. С.А. Мезин, к.филос.н. Е.В. Воронцова

Ответственный редактор:

к.и.н. С.А. Лиманова

Редакторы сборника:

к.и.н. М.В. Ковалев, к.и.н. Т.Н. Лаптева, Ю.В. Стеценко

Технический редактор:

Д.В. Аносов

Архивный поиск: сборник научных статей и публикаций /
Отв. ред. С.А. Лиманова. – Вып. 2. – М.: Архив РАН, 2019. – 412 с.
с ил. – ISBN 978-5-6041820-1-7.

Второй выпуск электронного издания «Архивный поиск» составлен по тематическому признаку и содержит статьи и публикации, связанные с двумя историко-культурными событиями: 150-летием президента АН СССР, академика В.Л. Комарова и объявленным в России Годом театра. Включенные в сборник научные статьи являются результатом изучения архивных документов по проблемам естественно-научного знания и истории театра. Выпуск содержит обзоры ряда архивных фондов, принятых на хранение в Архив РАН.

Издание предназначено историкам, архивистам, специалистам в области музееведения, выставочной работы, всем заинтересованным читателям.

В оформлении обложки использованы документы АРАН.

ISBN 978-5-6041820-1-7

© Коллектив авторов, текст, 2019
© Архив РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....8

Раздел I

К 150-летию со дня рождения В.Л. Комарова

Статьи

Л.Д. Бондарь. Комиссия по изучению озера Байкал Императорской – Российской – Всесоюзной академии наук: ее состав и председатели.....12

Л.Д. Виноградова. История развития изотопных исследований в Биогеохимической лаборатории АН СССР 24

Н.М. Осипова. Вклад академика В.Л. Комарова в изучение Камчатки 45

Е.П. Тихонова. Структура, штат и тематика исследований в Зоологическом институте АН СССР накануне Великой Отечественной войны (1937–1940).....54

Ю.В. Щепанская. К истории отечественной генетики: документы доктора биологических наук Т.В. Асеевой в Архиве РАН.....71

Публикации

Письмо директора санатория «Узкое» П.М. Кара-Мурзы президенту АН СССР В.Л. Комарову.
Публикация О.Б. Бокаревой.....82

Письма историка А.И. Яковлева президенту Академии наук СССР В.Л. Комарову.
Публикация Е.П. Янина 91

Раздел II

К году Театра в России (2019)

Статьи

И.Н. Ильина. Роли исполняли: актеры японского театра кабуки в документах Архива РАН.....120

М.Ю. Киселев. Доклад А.В. Луначарского «Театральная политика Советской власти» и диспут по нему в Коммунистической академии 141

Е.В. Косырева. «Порицания заслуживает не тот театр, который мирится с посредственным репертуаром, а тот, кто не умеет оценить истинного актера»: краткий обзор документов по истории театра в Архиве РАН.....157

С.А. Лиманова. Артист или геолог? Выбор жизненного пути А.П. Павлова.....172

Публикации

«Современный революционный театр должен подобрать репертуар»: историк-востоковед В.А. Гурко-Кряжин и театр Публикация Д.В. Аносова.....188

«Чудо Святой Девы»: неопубликованная мистерия (миракль) В.А. Гурко-Кряжина Публикация Д.В. Аносова, Ю.В. Стеценко.....205

«Сделано открытие чешского и словацкого народного театра»: документы П.Г. Богатырева из Архива РАН Публикация В.Ю. Афиани, О.В. Селивановой.....219

Из жизни актера столичного Театра сатиры: письма В.Я. Хенкина Н.В. Алексеевой (1937–1939) Публикация Н.В. Бойко.....242

Театральное хобби историка И.Н. Бороздина: «Смотр театрального искусства народов СССР» Публикация О.В. Селивановой.....258

Раздел III

Документальное наследие. Архивная практика

Статьи

Н.В. Литвина. Экспозиция на основе архивных документов в системе отечественной музейно-выставочной деятельности.....280

М.В. Мандрик, Д.Н. Савельева. Алексей Петрович Мандрюка (1918–1986): реконструкция биографии по документам СПбФ АРАН.....291

Н.М. Осипова, Н.Ф. Паламарь, И.А. Урмина. Выставка документальных источников по истории церкви из фондов Архива РАН: сохранение и реставрация.....311

Публикации

«...Ваша коллекция служит величайшим украшением музея Кембриджа». Письмо Александра фон Гумбольдта Генриху фон Струве. 1827 г. Публикация О.А. Кириковой, К.Г. Шишкиной.....328

Мандрюка А.П. «Дорога к светлой темноте. Воспоминания» Публикация М.В. Мандрик, Д.Н. Савельевой.....338

Интересная жизнь С.Р. Минцлова Публикация А.Г. Цыпкиной.....358

Обозрения фондов

Т.Н. Лантева. «Виппер Юрий Борисович».....374

Т.Н. Лантева. «Мустель Эвальд Рудольфович».....381

Ю.В. Стеценко. «Балашов Николай Иванович».....386

Ю.В. Стеценко. «Галин Лев Александрович».....393

Ю.В. Щепанская. «Сифоров Владимир Иванович».....396

Ю.В. Щепанская. «Федосеев Петр Николаевич».....402

Список авторов.....410

Предисловие

Весь мир — театр.
В нём женщины, мужчины — все актеры.
У них свои есть выходы, уходы,
И каждый не одну играет роль.
Уильям Шекспир.
«Как вам это понравится».

Архив Российской академии наук представляет читателям второй выпуск электронного издания «Архивный поиск». Объявляя его замысел как тематический, мы с полным правом можем утверждать, что он в таком качестве состоялся.

Основное содержание издания определили два важных историко-культурных ориентира: 2019 год, объявленный Годом театра в Российской Федерации, и юбилейная дата прославленного академика, президента АН СССР Владимира Леонтьевича Комарова, 150 лет со дня рождения которого исполняется в этом году.

Представленные статьи и публикации документов подтверждают постоянство социетета наук и художеств. Отражен он и на обложке второго выпуска: этот своеобразный коллаж составили собственноручная ботаническая зарисовка академика В.Л. Комарова и фотография актера японского театра кабуки в роли «Белой Цапли».

На основе исследований в области естественных наук сложился первый раздел выпуска. Он посвящен академику В.Л. Комарову (1869–1945) в знак признательности ученому, президенту Академии наук, общественному деятелю и, вероятно... знатоку театра: в документальном фонде В.Л. Комарова в Архиве РАН хранится авторская пьеса-шутка на ботаническую тему «*Филогения в Воронежже*» (1922), созданная по аналогии с античными трагедиями Еврипида «*Ифигения в Авлиде*» и «*Ифигения в Тавриде*». В 1944 г., поздравляя В.Л. Комарова с 75-летием, Всероссийское театральное общество адресовало ему такие слова: «Яркий пример Вашей

жизни в науке вдохновляет нас, деятелей русского театра, на еще более напряженный творческий труд».

В связи с этим нельзя не вспомнить слова еще одного героя нашего издания – геолога, академика Алексея Петровича Павлова: «Для меня несомненно, что работа художника есть также научная работа». Впрочем, как показывают документальные фонды известных ученых, многие из них были творческими личностями, умевшими совмещать научную работу с любовью к искусству.

В фокусе внимания авторов статей второго раздела оказались многочисленные документы Архива РАН, имеющие отношение к театральному миру. В выпуске представлено богатейшее собрание документов по тематике русского и зарубежного театра из фондов историков И.М. Майского и И.Н. Бороздина, востоковеда В.А. Гурко-Кряжина, этнографа П.Г. Богатырева, филолога Ю.Б. Виппера.

Выставочные экспозиции архива – закономерный результат не только информационной работы, но и научного творчества. В третий раздел выпуска включены аналитические статьи, подготовленные на основе тематических выставочных проектов с использованием документов Архива РАН.

В качестве традиционной части выпусков «Архивного поиска» мы представляем обзоры нескольких архивных фондов, поступивших на государственное хранение в Архив Российской академии наук.

Редакционный совет электронного издания желает нашим читателям успешных архивных поисков и творческого отношения к науке!

*Председатель редакционного совета
к.и.н. И.Н. Ильина.*

РАЗДЕЛ I

К 150-летию со дня рождения
В.Л. Комарова

Статьи

Л.Д. Бондарь

**Комиссия по изучению озера Байкал
Императорской – Российской – Всесоюзной
академии наук: ее состав и председатели***

L.D. Bondar

**Commission for the study of the
Lake Baikal of the Imperial – Russian –
all-USSR Academy of Sciences:
its composition and chairmen**

Аннотация. В статье на основе документов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН освещен персональный состав Комиссии по изучению озера Байкал (КИБ) за все время ее функционирования (1916–1929). Уделено внимание сведениям о сохранившихся списках ее членов, сведениям протоколов о пополнении ее состава, а также о ее управленческом коллективе, среди которого председатели (академик Н.В. Насонов, академик П.П. Сушкин, академик В.Л. Комаров) и ученые секретари (В.М. Рылов и Г.Ю. Верещагин).

Ключевые слова: Комиссия по изучению озера Байкал, Академия наук, персональный состав.

Abstract. The article contains a description of the composition of the Commission for the Study of the Lake Baikal (CSB) for all time of its functioning (1916–1929) on the basis of documents of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Attention is paid to information about the surviving lists of its members, information of the protocols on the replenishment of its composition, as well as its management team, including the chairmen (academician N.V. Nasonov, academician P.P. Sushkin, academician V.L. Komarov) and scientist secretaries (V.M. Rylov, and G. Yu. Vereshchagin).

*Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00539.

Keywords: Commission for the Study of the Lake Baikal, Academy of Sciences, personal composition.

Комиссия по изучению озера Байкал (КИБ), явившаяся предшественницей Байкальской лимнологической станции (БЛС), а затем и Лимнологического института СО РАН, была сформирована и утверждена на заседании Общего собрания Императорской академии наук 10 марта 1916 г. Документы, отложившиеся от деятельности КИБ, хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН) и охватывают весь период работы комиссии (1916–1929).

Первоначальный состав КИБ был небольшим: при председательстве академика Н.В. Насонова в комиссию были включены академики минералог Н.И. Андрусов, ботаник И.П. Бородин, геофизик Б.Б. Голицын, зоолог В.В. Заленский, а также ученые – профессор Петроградского университета (ПГУ) Л.С. Берг, будущий профессор Иркутского университета В.Ч. Дорогостайский, профессор Московской сельскохозяйственной академии (МСА) С.А. Зернов, сотрудник Министерства земледелия И.Д. Кузнецов, профессор Лесного института В.Н. Сукачев¹. Все они в совокупности приняли участие в двух первых заседаниях КИБ 1916 г. – 21 апреля и 27 октября². Академик Б.Б. Голицын к работе в КИБ фактически не приступил: он ушел из жизни 4 мая 1916 г.

При формировании комиссия получила право кооптации новых членов, и первое расширение состава произошло уже на втором заседании КИБ – 27 октября 1916 г. Еще 27 апреля 1916 г. состоялось заседание Канцелярии АН, на котором обсуждалось письмо из Москвы «от четырнадцати лиц, заинтересованных в изучении о. Байкала, о желательности учреждения при Академии наук комиссии, задачи которой заключались бы, во-первых, в выработке специальной программы для планомерного всестороннего изучения о. Байкала, 2) снаряжении экспедиции для исследования о. Байкала и 3) учреждения биологической станции на о. Байкале». Ко времени получения письма комиссия в АН уже была создана, а потому она направила приглашение войти в состав КИБ 14-ти московским уче-

ным, подписавшим упомянутое письмо. Желание принять участие в работе комиссии выразили: академик А.П. Павлов, профессор Московского университета Д.Н. Анучин, профессор Московского университета Г.А. Кожевников, ассистент Московского университета В.С. Елпатьевский, профессор МСА Ф.А. Спичаков, профессор МСА Н.М. Кулагин, профессор МСА Я.В. Самойлов, геолог В.А. Обручев, которые и были избраны в состав КИБ на заседании 27 октября. На место ушедшего из жизни Б.Б. Галицина в комиссию на этом заседании был избран академик А.Н. Крылов – гидрограф и кораблестроитель, а также выбраны новые члены, которые в дальнейшем станут активнейшими сотрудниками КИБ: ученый хранитель Зоологического музея Г.Ю. Верещагин³, профессор Лесного института Г.Г. Доппельмайр, гидрограф Ф.К. Дриженко, заведующий Мурманской биологической станцией Г.А. Клуге, ученый хранитель Зоологического музея В.А. Линдгольм, ученый хранитель Зоологического музея В.М. Рылов⁴.

Третье и итоговое общее⁵ заседание КИБ 1916 г. состоялось 19 декабря⁶, и на нем вновь существенно расширился состав комиссии. Одним из «блоков» стала группа харьковских ученых, разделивших задачу «постоянного планомерного исследования оз. Байкала» и выразивших, в ответ на приглашение АН, согласие на участие в работах КИБ. В итоге на этом заседании были выбраны в состав комиссии следующие ученые: из Харьковского университета – приват-доцент В.П. Горяев и профессора П.П. Сушкин (будущий академик, с 1923 г.), В.М. Арнольди, Н.Ф. Белоусов, А.Н. Брусницын, А.М. Никольский; из петроградских ученых – академик В.И. Вернадский, сотрудник Музея антропологии и этнографии К.К. Гильзен, профессор ПГУ А.А. Еленкин, профессор Лесного института Л.А. Иванов, проф. Петроградского женского медицинского института Н.М. Книпович, старший ботаник Ботанического музея Н.Н. Крылов, ученый хранитель Зоологического музея А.В. Мартынов, профессор ПГУ С.А. Советов, сотрудник Зоологического музея П.Ю. Шмидт, председатель РГО Ю.М. Шокальский; из петроградских чиновников – сотрудники Министерства земледелия В.К. Бражников и В.И. Мейснер, сотрудники Геологического

комитета В.К. Катульский и И.П. Толмачев, сотрудники Главного гидрографического управления Л.Л. Брейтфус и М.Е. Жданко; из московских ученых – профессора МСА В.Г. Глушков и В.К. Солдатов, ассистент МСА М.П. Мальчевский, профессор Московского университета М.М. Новиков; из других регионов – профессор Донского университета А.И. Бартенев, профессор Киевского университета Ю.Н. Вагнер, директор Иркутской метеорологической обсерватории А.В. Вознесенский, заведующий Вилла-Франкской зоологической станцией Киевского университета М.М. Давыдов, заведующий Бакинской ихтиологической станции А.Н. Державин, сотрудник Зоологического кабинета Киевского университета Б.А. Сварчевский. Тогда же был официально избран первый секретарь КИБ, которым стал избранный в члены КИБ на предыдущем заседании В.М. Рылов⁷.

Перовое заседание комиссии 1917 г., состоявшееся 16 января, вновь расширило списочный состав КИБ; на нем в члены Комиссии по изучению озера Байкал были избраны петроградский гидрограф А.М. Бухтеев, профессор Петроградского агрономического института С.М. Вислоух, гидрограф Р.Ю. Гутман, ассистент Лесного института Г.И. Поплавская, профессор Петроградского агрономического института С.С. Ганешин⁸. Уже на следующем заседании, 25 марта 1917 г., состоялось очередное пополнение состава КИБ. Избранными в комиссию оказались: первый исследователь Байкала Б.И. Дыбовский⁹, профессор Киевского университета В.К. Совинский¹⁰, ассистент ПГУ И.В. Молчанов, ассистент Московского университета К.И. Мейер, петроградские горные инженеры А.П. Герасимов, М.М. Тетяев, П.И. Преображенский¹¹.

Начавшая активно в 1917 г. деятельность КИБ к лету, не в последнюю очередь по политическим причинам, приостановилась¹², но в мае 1918 г. работа была возобновлена. Хотя состав комиссии в тот год не пополнялся, изменения в ней все же произошли, но иного рода: к этому времени ушли из жизни два члена КИБ – В.К. Совинский и К.К. Гильзен, а председателя на заседании КИБ 30/17 мая 1918 г. замещал И.П. Бородин, он же представлял КИБ в Академии наук 5 июня 1918 г.¹³

Сведения протоколов об избрании в КИБ позволяют датировать один документ, хранящийся среди делопроизводственных материалов КИБ. Это рукописный именной перечень, составленный рукой В.М. Рылова и имеющий авторский заголовок «Список членов Байкальской комиссии при Императорской академии наук»¹⁴. Очевидно, список составлялся не единовременно: 8 листов бумаги большого формата разделены буквами алфавита, а далее под каждой буквой записаны фамилии членов комиссии; после фамилии одной буквы до начала другой буквы – довольно большой отступ, какие-то буквы не заполнены. Ясно, что документ был организован таким способом, чтобы в дальнейшем была возможность пополнять список в алфавитном порядке, и эти пополнения, судя по стилю записей, точно происходили. К примеру, на букву «Г» сначала занесены три фамилии членов КИБ, избраны 19 декабря 1916 г.: К.К. Гильзен, В. П. Горяев, В.Г. Глушков, – далее другими чернилами вписаны Р.Ю. Гутман и С.С. Ганешин, избранные 16 января 1917 г., и последним – А.П. Герасимов, ставший членом КИБ 25 марта 1917 г. Аналогично организованы записи и на все остальные буквы. В списке 68 имен – все персоны, избиравшиеся в члены КИБ в 1916–1917 гг., исключая лишь Б.Б. Голицына, фактически не приступившего к работе в КИБ; из списка вычеркнуты В.К. Совинский (с пометкой о смерти) и А.П. Брусницын¹⁵; отметки о смерти стоит напротив фамилий К.К. Гильзена († 1918) и В.В. Заленского († 26 октября 1918).

Таким образом, о дате создания списка можно предполагать следующее: он мог быть начат в декабре 1916 г., когда В.М. Рылов был избран секретарем КИБ (на это указывает и факт употребления в шапке документа наименования «Императорская академия наук»), последние же записи сделаны после 25 марта 1917 г. – после последних больших выборов в КИБ, а отметки о смерти – в конце 1918 г.; о смерти членов КИБ, ушедших из жизни позднее, отметок нет.

На первом заседании 1918 г. был озвучен вопрос о необходимости издания трудов КИБ, и для первого выпуска В.М. Рыловым был составлен и опубликован список ее членов¹⁶. Этот опублико-

ванный список практически полностью совпадает с рукописным перечнем В.М. Рылова. Различия заключаются лишь в том, что в печатный перечень внесено имя Б.Б. Голицына, а также сюда включены отсутствующие в рукописном списке имена четырех ученых, об избрании которых мы не имеем официальных сведений: один из организаторов Государственного гидрологического института А.А. Каминский и три ассистента из Московского университета – Л.А. Зенкевич, И.И. Месяцев, Л.Л. Рассолимо. Дата избрания этих четырех членов КИБ может быть приблизительно установлена. Подготовка к публикации списка членов КИБ была закончена не ранее конца 1921 г.¹⁷: в списке обозначены как ушедшие из жизни, помимо упоминавшихся Б.Б. Голицына († 1916), В.К. Совинского († 1917), К.К. Гильзена († 1918) и В.В. Заленского († 1918), также В.П. Горяев († 1920), И.Д. Кузнецов († 1920), В.К. Бражников († май 1921) и последний в хронологии – М.Е. Жданко, дата смерти которого – 16 ноября 1921 г. Таким образом, избрание А.А. Каминского, Л.А. Зенкевича, И.И. Месяцева и Л.Л. Рассолимо приходится на период 1919–1921 гг. – промежуток времени между завершением рукописного и опубликованного списков¹⁸.

Более точную дату назвать затруднительно. Мы можем утверждать, что после последнего заседания 1918 г. (30/17 мая) комиссия не собиралась вплоть до 18 февраля 1921 г.: тогда традиционно утверждался протокол предыдущего заседания, и его датой было 30/17 мая 1918 г.¹⁹, т.е. до 18 февраля 1921 г. избраний не происходило. Других протоколов за 1921 г. не сохранилось; однако это не исключает, что до конца 1921 г. могло состояться заседание (заседания) и избрание четырех названных новых членов.

Далее вновь последовал перерыв, и относительно регулярная работа началась с заседания 2 января 1923 г.²⁰ Были ли заседания во второй половине 1921–1922 гг. – не ясно, но протоколы 1923 г. неоднократно говорят именно о возобновлении работы КИБ в 1923 г. Состав комиссии, очевидно, сохранялся прежним, председателем оставался Н.В. Насонов, секретарем – В.М. Рылов. Изменения произошли на третьем заседании 1923 г., 29 октября: тогда В.М. Рылов попросил освободить его от должности секретаря, и секретарем

КИБ был избран Г.Ю. Верещагин²¹, оставшийся на той должности непрерывно, вплоть до назначения его заведующим БЛС в 1929 г.

А уже на следующем заседании, 11 февраля 1924 г., произошла и другая перемена: Н.В. Насонов из-за своей загруженности передал председательство П.П. Сушкину, сохраняя за собой членство в комиссии²². Относительно новых избраний на следующих заседаниях 1924 г. (20 марта, 22 апреля, 16 мая) официальных сведений нет, хотя в числе присутствующих на заседаниях 1924 г. членов КИБ появляются зоолог С.Г. Лепнева²³ и ботаник Б.Л. Исаченко²⁴.

В следующем, 1925 г. задокументированы новые избрания. 14 марта 1925 г. письмо в КИБ с благодарностью за избрание составил сотрудник Иркутской обсерватории В.Б. Шостакович²⁵; 16 мая 1924 г. он присутствовал на заседании КИБ еще в качестве приглашенного гостя²⁶, следующее его посещение заседания состоялось 5 мая 1925 г. уже в качестве члена комиссии²⁷. В этот год также были избраны Б.С. Виноградов, «производящий исследование Забайкалья» (29 октября)²⁸, а также сотрудники Зоологического музея Н.П. Анненкова-Хлопина и П.Д. Резвой (3 декабря 1925 г.)²⁹. С 24 сентября 1925 г.³⁰ и вплоть до завершения работы КИБ на заседаниях регулярно присутствовал сотрудник Гидрологического института, зоолог И.И. Соколов, хотя избрание его также не протоколировано.

На протяжении практически всего 1925 г. (14 января, 11 апреля, 5 мая, 24 сентября, 29 октября, 5 ноября) П.П. Сушкин должен был делегировать свои председательские функции; замещал его и.о. директора Зоологического музея А.А. Бялыницкий-Бируля; лишь на двух последних заседаниях этого года (26 ноября и 3 декабря) П.П. Сушкин председательствовал сам. Вместе с тем в протоколах нет упоминаний об избрании А.А. Бялыницкого-Бирули в члены КИБ. Впервые в качестве члена КИБ он упоминается 20 марта 1924 г.³¹. Больших временных лагун в протоколах, предшествующих этой дате, нет; возможно, это избрание по какой-то причине в протокол просто не попало.

Среди бумаг КИБ имеется еще один поименный перечень «Список членов Байкальской комиссии», на этот раз составлен-

ный рукой Г.Ю. Верещагина³². На основании информации об избрании, начиная с 1922 г. (со времени составления опубликованного списка КИБ), можно определить время создания и этого списка, не имеющего авторской датировки. Новыми именами (отсутствующими в опубликованном В.М. Рыловым списке) здесь являются А.А. Бялыницкий-Бируля (появляющийся в протоколах впервые 20 марта 1924 г.) и И.И. Соколов (впервые появляющийся в протоколе за 24 сентября 1925 г.). Таким образом, список мог быть составлен после 24 сентября 1925 г., но до 29 октября этого же года, когда в члены КИБ был избран Б.С. Виноградов, а далее (3 декабря 1925 г.) Н.П. Анненкова-Хлопина и П.Д. Резвой; трех последних исследователей в списке Г.Ю. Верещагина нет. Присутствовавший периодически на заседаниях КИБ с 20 марта 1924 г. Б.Л. Исаченко в верещагинском списке членов комиссии отсутствует.

Перечень Г.Ю. Верещагина примечателен также тем, что по сравнению с опубликованным списком, он лишился 29 имен – умерших или эмигрировавших членов КИБ. В последнем списке КИБ – 45 имен. Г. Ю. Верещагин разделил их на три группы: «Петроград» (очевидно, используя ее привычное название города), «Москва», «Провинция». Петроград: Л.С. Берг, И.П. Бородин, А.А. Бялыницкий-Бируля, Г.Ю. Верещагин, В.И. Вернадский, В.Г. Глушков, С.С. Ганешин, Г.Г. Доппельмаир, А.А. Еленкин, Н.М. Книпович, В.А. Линдгольм, А.В. Мартынов, М.П. Мальчевский, Н.В. Насонов, Г.И. Поплавская, В.М. Рылов, В.Н. Сукачев, П.П. Сушкин, С.А. Советов, Ю.М. Шокальский, П.Ю. Шмидт, И.В. Молчанов, А.А. Каминский, И.И. Соколов, А.В. Вознесенский. Москва: В.М. Арнольди, А.Н. Бартенев, С.А. Зернов, Г.А. Кожевников, Н.М. Кулагин, В.И. Мейснер, А.П. Павлов, Я.В. Самойлов, Ф.А. Спичаков, В.К. Солдатов, К.И. Мейер, Л.А. Зенкевич, И.И. Месяцев, Л.Л. Рассолимо. Провинция: А.В. Вознесенский, В.Ч. Дорогостайский, А.Н. Державин, В.С. Елпатьевский, Г.А. Клуге, Б.А. Сварчевский.

В 1926–1928 гг. новых избраний не было, но на двух заседаниях (19 апреля 1927 г. и 15 марта 1928 г.) среди присутствующих

членов КИБ упоминается Т.П. Кравец, проводивший тогда работы на Байкале во главе экспедиции по изучению сейш и приливов Байкала³³. В 1926 г. П.П. Сушкин бессменно исполнял функции председателя КИБ, но в 1927–1928 гг. А.А. Бялыницкий-Бируля периодически вновь принимал на себя замещение. Последнее заседание, на котором присутствовал председатель П.П. Сушкин, состоялось 23 мая 1928 г.³⁴, а 17 сентября 1928 г. он скончался в Кисловодске от пневмонии. 18 октября 1928 г. председательствующий на заседании комиссии «товарищ председателя КИБ» А.А. Бялыницкий-Бируля почтил память ушедшего председателя, сообщив одновременно о готовящемся в Физико-математическом отделении 31 октября избрании нового председателя КИБ – академика В.Л. Комарова³⁵.

Избрание председателем КИБ В.Л. Комарова совпало с началом новой страницы в истории комиссии, связанной с получением ею первых штатных единиц и отдельного финансирования, что ознаменовало собой институализацию в структуре АН СССР Байкальской лимнологической станции, работа которой была организована КИБ уже в первые годы ее создания и бессменно ею курировалась³⁶. Заседания КИБ под председательством В.Л. Комарова продолжались еще в 1929 г.³⁷, но далее деятельность комиссии фактически прекратилась, а руководство всеми байкальскими исследованиями перешло в руки заведующего БЛС, которым с 1929 г. стал Г.Ю. Верещагин³⁸.

Примечания

1. Протокол заседания КИБ. 27 октября 1916 г. // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 74. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–12 об.
2. Протокол заседания КИБ. 21 апреля 1916 г. // СПбФ АРАН. Л. 2–3 об.
3. Именно для Г.Ю. Верещагина байкальские исследования станут не только главной научной темой, но и основным приложением его научно-административного таланта. С преемницей КИБ Байкальской лимнологической станцией скоро станет связанным не только имя Г.Ю. Верещагина, но и вся его жизнь, вплоть до последнего дня, который он провел на станции на Байкале в должности ее директора.

4. Протокол заседания КИБ. 27 октября 1916 г. // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–12 об.
5. Параллельно с общими происходили заседания различных подкомиссий.
6. Протокол заседания КИБ. 19 декабря 1916 г. // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 1. Л. 45–47.
7. Там же.
8. Протокол заседания КИБ. 16 января 1917 г. // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.
9. Похоже, что в это время связи с Б.Д. Дыбовским у петроградских ученых не было. В документе 1918 г. (см. дальше: Список членов Байкальской комиссии при Императорской академии наук. Б/д // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–10) напротив его фамилии указано – «адрес неизвестен». Только на заседании КИБ 20 марта 1926 г. П.П. Сушкин сообщил, что получены сведения о Б.И. Дыбовском, работавшем в те годы во Львове, и тогда он был избран почетным членом КИБ: Протокол заседания КИБ. 20 марта 1926 г. // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 29. Л. 11. 17 февраля 1927 г. КИБ получила от него для библиотеки брошюры (его и брата) и его портрет: Протокол заседания КИБ. 17 февраля 1927 г. // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 41. Л. 5 об.
10. Членство В. К. Совинского в КИБ было недолгим: на заседании 30/17 мая 1918 г. было зачитано его письмо с благодарностью за избрание и одновременно сообщено о его кончине: Протокол заседания КИБ. 30/17 мая 1918 г. // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 6. Л. 3–4.
11. Протокол заседания КИБ. 25 марта 1917 г. // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 4. Л. 53.
12. Последнее заседание 1917 г. состоялось 25 апреля: Протокол заседания КИБ. 25 апреля 1917 г. // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 4. Л. 70.
13. Протокол заседания КИБ. 5 июня 1918 г. // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
14. Список членов Байкальской комиссии при Императорской академии наук. Б.д. СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–10.
15. Персону А.Н. Брусницына не удалось полноценно идентифицировать. В рукописном списке имеется пометка, что он профессор Харьковского университета и сотрудник университетской физической лаборатории. Не ясно, по какой причине он вычеркнут из рукописного документа (точно ли по причине смерти?) и не внесен в опубликованный список; никаких пометок по этому поводу в рукописном перечне нет.

16. Список членов Комиссии по изучению оз. Байкала (корректурa с правкой В.М. Рылова) // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 7. Л. 6 об.–7 об.
17. Но и не значительно позднее: второй выпуск первого том «Трудов КИБ» вышел в Петрограде в 1922 г.
18. В бумагах КИБ сохранилось письмо от Л.Л. Рассолимо, которое он подписывает как профессор, с благодарностью за избрание в члены комиссии; это письмо было написано лишь 30 мая 1924 г.: Письмо Л.Л. Рассолимо в КИБ. 30 мая 1924 г. // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 23. Л. 6.
19. Протокол заседания КИБ. 18 февраля 1921 г. // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.
20. Протокол заседания КИБ. 2 января 1923 г. // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 12. Л. 4.
21. Протокол заседания КИБ. 29 октября 1923 г. // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 12. Л. 23.
22. Протокол заседания КИБ. 11 февраля 1924 г. // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.
23. В протоколах упоминается единожды.
24. Сведений о его избрании не сохранилось, но он присутствовал на нескольких заседаниях 1924–1925 гг.; впервые фигурирует в протоколе от 20 марта 1924 г.: Протокол заседания КИБ. 20 марта 1924 г. // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.
25. Письмо В. Б. Шостаковича в КИБ // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 23. Л. 5.
26. Протокол заседания КИБ. 16 мая 1924 г. // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 15. Л. 12.
27. Протокол заседания КИБ. 5 мая 1925 г. // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 20. Л. 8.
28. Протокол заседания КИБ. 29 октября 1925 г. // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 20. Л. 17.
29. Протокол заседания КИБ. 3 декабря 1925 г. // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 20. Л. 29.
30. Протокол заседания КИБ. 24 сентября 1925 г. // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 20. Л. 12.
31. Протокол заседания КИБ. 20 марта 1924 г. // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.
32. Список членов Байкальской комиссии. Б/д // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
33. Протокол заседания КИБ. 19 апреля 1927 г. // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 41. Л. 13; Протокол заседания КИБ. 15 марта 1928 г. // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 54. Л. 6.
34. Протокол заседания КИБ. 23 мая 1928 г. // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 54. Л. 11.
35. Там же. Л. 14.
36. *Бондарь Л.Д., Груздева Е.Н.* О дате создания Байкальской лимнологической станции АН СССР // Миллеровские чтения – 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: Материалы II Международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / Сост. и отв. ред. И.В. Тункина. СПб., 2018. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 14). С. 322–332; *Груздева Е.Н., Бондарь Л.Д.* К истории создания Байкальской лимнологической станции АН СССР: записка Г.Ю. Верещагина «Байкальская станция в Мари-туе» // Архивный поиск. Выпуск 1: электронный сборник научных статей и публикаций / Сост. Д.В. Аносов и др. М., 2019. С. 121–135 [Электронный ресурс]. URL: <http://arran.ru/bookreader/publication.php?guid=1D8B67A6-6929-4751-B7DA-BC4C99A95244&ida=1&kod=9#page/198/mode/1up> (дата обращения: 07.06.2019).
37. Протокол заседания КИБ. 3 января 1929 г. // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 63. Л. 1; Протокол заседания КИБ. 12 ноября 1929 г. // СПбФ АРАН. Ф. 74. Оп. 1. Д. 63. Л. 4.
38. *Бондарь Л.Д., Груздева Е.Н.* О дате создания Байкальской лимнологической станции АН СССР. С. 331.

Л.Д. Виноградова

История изотопных исследований в Биогеохимической лаборатории АН СССР

L.D. Vinogradova

History of isotopic researches at the Biogeochemical laboratory of the Academy of Sciences of the USSR

Аннотация. В статье говорится о становлении изотопных исследований в Биогеохимической лаборатории АН СССР и в СССР в целом; о создании и деятельности Комиссий по изучению тяжелой воды, по изотопам, по проблеме урана; о трудностях, сопровождающих исследования и постройку установок в Союзе для получения тяжелой воды.

Ключевые слова: исследования, тяжелая вода, изотопы, установки, Комиссии, ассигнования.

Abstract. This article is devoted to the development of isotopic researches at the Biogeochemical laboratory and in the USSR in general; the creation and activity some Commissions for study of heavy water, isotopes, problem of U; the difficulties, covering investigations and building of plants for receiving of heavy water.

Keywords: researches, heavy water, isotopes, plants, Commissions, assignments.

Изотопные исследования в Биогеохимической Лаборатории АН СССР были начаты в 1933 г. и непосредственно связаны с открытием американского ученого Гарольда Юри¹, который в 1932 г. обнаружил молекулы тяжеловодородной воды в природной воде, за что был удостоен Нобелевской премии по химии 1934 г. Тяжеловодородная вода или просто тяжелая вода – это изотопная разновидность воды, в молекуле которой атомы водорода замещены атомами дейтерия. Любопытно, что сам Г. Юри отнесся к этому открытию как к научному казусу и не увидел больших возможно-

стей в применении тяжелой воды. Получить чистую тяжелую воду удалось другому американскому ученому-физикохимику Гильберту Льюису² уже в 1933 г.

В.И. Вернадский, находясь за границей и узнав об этом открытии, 22 октября 1933 г. писал А.П. Виноградову в Ленинград: «Прежде, чем отвечать на Ваши вопросы – хочу написать о той работе, которую надо было бы поставить у нас – если это возможно. Переговорите с В.С.³, которому я тоже пишу. Если бы у нас было бы просто изменить характер темы или воспользоваться сразу открывшимися возможностями, я бы не задумываясь поставил бы данную тему на немедленную работу. Теперь же можно только: 1) подготовить материал – возможно большой и 2) выяснить возможность и поставить работу в некоторой части.

Созовите совещание при Биогеох[имической] лаборатории, переговорите с Горбовым⁴, Хлопиным⁵ и с кем еще найдете нужным из химиков. Прилагаемое мое заявление в Академию подайте. Если у Вас имеются какие-нибудь сомнения по существу, сейчас же мне опишите и можете приостановить дело, т.к. я отсюда, конечно не могу знать положение дел.

Если нужно проводить через Хим[ическую] Асс[оциацию]⁶ – конечно ведите, но, во всяком случае, держите в курсе Курнакова⁷ и Мацюлевича⁸. На совещание их надо пригласить.

Я думаю, воду надо выделить:

Из зерен (хлеба и т.п.).

Из клубней, как картофель.

Из зеленой массы живых растений и их корней.

Надо приготовить большое количество воды.

В Nature 132. 1933. 536. Хорошая сводка⁹. Буду Вас держать в курсе»¹⁰.

Начав свою научную деятельность у В.И. Вернадского в 1926 г., А.П. Виноградов очень быстро становится его «правой рукой» и во время длительных зарубежных командировок В.И. Вернадского исполняет обязанности директора Биогеохимической лаборатории АН СССР, полностью осуществляя ее научное и административное руководство. Характеризуя научную деятельность А.П. Ви-

ноградова, В.И. Вернадский в 1933 г. писал: «Всецело работает в Биогеохимической лаборатории. Это работа его жизни. С большим успехом и огромной энергией. На нем держится Лаборатория»¹¹.

А.П. Виноградов оперативно в короткие сроки разворачивает работу по тяжелой воде в Лаборатории. Под его руководством конструируется специальная установка – электролизер, так как, с 1933 по 1946 гг. единственным промышленным способом получения тяжелой воды, хотя и весьма дорогостоящим, был электролиз, при котором тяжелая вода накапливалась в остатке электролита при многократном цикле электролиза.

Постановлением СНК СССР от 25 апреля 1934 г. Академия наук СССР переводилась из Ленинграда в Москву. А.П. Виноградов назначается заместителем директора Лаборатории и вместе с семьей и несколькими сотрудниками переезжает в Москву для налаживания деятельности лаборатории на новом месте, но работа по тяжелой воде не прекращалась. Работу в Ленинграде продолжал К.К. Жиров – бывший сотрудник Радиевого института, технический сотрудник Биогеохимической лаборатории с 1932 по 1934 гг. Александру Павловичу приходилось ездить в командировки в Ленинград, чтобы лично продолжать руководить постройкой электролизера. См. ил. 1.

«Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Иванович!» Пишу с вокзала – Ленинград. Измерения воды из хлорит[ового] сланца не дали каких-либо указаний на содержание $^2\text{H}_2\text{O}$ в заметных количествах. Вода из хлоритового сланца показала присутствие посторонних веществ, которые могут смазывать эффект, зависящий от присутствия небольших количеств $^2\text{H}_2\text{O}$, поэтому придется повторить отгон через накаленную окись меди.

Что за примесь? От нее нельзя отделаться 5-кратной дистилляцией; пропускаю через CuO . Между тем обычная вода (и утяжеленная) – дали обычные (согласные с прежними измерениями) показания.

Вода из дерева (сжжения в O_2) – почти чистая H_2O . Более тонко определить, по видимому, нельзя.

Придется заняться вопросом о распределении H_2O в орг[анизмах] и в орг[аногенных] породах весьма детально. Во вся-

ком случае, мне становятся понятными сбивчивые результаты, которые сейчас известны из литературы»¹².

В 1934 г. электролизер был построен. Несмотря на трудности, состоящие в никелировании цилиндра электролизера, установка была полностью отлажена, была пущена динамомашинка и была начата отгонка воды из электролизных ванн для получения тяжелой воды методом интерферометрии. Полученная тяжелая вода служила стандартом для различного рода измерений и для изучения реакций обмена ^1H и ^2H . В этом же 1934 г. В.И. Вернадский вносит на заседании Президиума АН СССР 22 апреля предложение о создании Комиссии по изучению тяжелой воды. Президиум оставляет этот вопрос открытым, приняв довольно осторожную резолюцию: «Поручить Физико-математической и Химической Группам обсудить этот вопрос во время апрельской сессии»¹³. Постановление об организации временной Комиссии по изучению тяжелой воды все же было принято Президиумом 22 мая 1934 г. по представлению Химической Группы со следующим составом: академик В.И. Вернадский – председатель, А.П. Виноградов – ученый секретарь и члены Комиссии: С.А. Щукарев¹⁴, В.Г. Хлопин, П.И. Лукирский¹⁵, А.И. Горбов, И.И. Жуков¹⁶, И.Д. Менделеев¹⁷. Комиссия ставила своей целью получение и изучение свойств тяжелой воды, тяжелого изотопа водорода и других изотопов, их распространение в природе.

Уже на декабрьской сессии АН СССР 1934 г. А.П. Виноградов выступает с докладом: «Тяжелая вода и нахождение ее в земной коре», который затем был опубликован в виде статьи в журнале «Социалистическая реконструкция и наука» в 1935 г. (Вып. 1. С. 25–32), а статья «Тяжелая вода» – в 1934 г. в журнале «Наука и техника» (№ 17. С. 6–7). За исследования по изучению тяжелой воды А.П. Виноградов был удостоен Премии имени Ленина 1935 г. Но продолжение работ в конце декабря 1934 г. оказалось невозможным. Александр Павлович пишет Владимиру Ивановичу в Ленинград¹⁸:

«По-видимому, у меня с $^2\text{H}_2\text{O}$ в Ленинграде все встало. Денег нет. Жиров ушел»¹⁹.

Комиссия по изучению тяжелой воды не имела средств для исследований, так как по положению Комиссия сама не ведет иссле-

дований и лишь руководит работой учреждений, которые в общем порядке получают ассигнования на соответствующие темы. Из-за отсутствия средств В.И. Вернадский не мог развернуть деятельность Комиссии в 1935 г. Работа была временно приостановлена, а между тем исследования по тяжелой воде за границей в США, Англии, Германии, Японии и в других странах шли полным ходом по ряду важных научных и прикладных направлений. Владимиру Ивановичу приходилось неоднократно ходатайствовать перед Президиумом Академии наук о выделении средств на продолжение работ по изучению тяжелой воды. Так в начале 1935 г. на заседании Президиума он поднял вопрос о выделении 50000 руб. на работы Комиссии.

Поднимался этот вопрос и А.П. Виноградовым как Ученым секретарем Комиссии на заседании Президиума Химической Группы 25 марта 1935 г., которая постановила поддержать ходатайство Комиссии перед Президиумом Академии наук об отпуске на ее работы 50000 руб.²⁰. И несмотря на поддержку Химической Группы, Президиум АН СССР отказал Вернадскому выделить просимую сумму из фондов Академии. Мотивация отказа была весьма формальной: «Предложить Комиссии в текущем году проводить работу в пределах средств, выделяемых заинтересованными учреждениями. Поручить Управлению делами Академии наук учесть заявку Комиссии при разработке финансового плана на 1936 г.»²¹. Решение вопроса о финансировании работ Комиссии по тяжелой воде затягивалось, не смотря на постоянные обращения Владимира Ивановича в Президиум АН СССР и переговоры с В.П. Волгиным²², Н.С. Курнаковым²³ и И.В. Зубовым²⁴. 3 мая 1935 г. была подана записка в Президиум Академии наук о критическом положении работ по тяжелой воде для обращения в правительственные органы. В конце концов, после долгих мытарств, Вернадский добился получения в 1935 г. на дальнейшую работу Комиссии вместо 50 000 руб. лишь 4000 руб. по постановлению Президиума АН СССР от 5 июля 1935 г.²⁵.

В 1935 г. А.П. Виноградов начинает систематические работы по изучению тяжелого водорода в организмах, органогенных по-

родах и в природных водах, о чем сообщает Вернадскому в Ленинград: «Наладил отгон воды из организмов ($2\text{H}_2\text{O}$), концентрирую $^2\text{H}_2\text{O}$ »²⁶.

С наступлением 1936 г. борьба за получение ассигнований для работ по тяжелой воде продолжалась. Кроме многочисленных обращений в различные инстанции Академии наук о катастрофическом положении исследований по тяжелой воде, Комиссия также неоднократно возбуждала вопрос об организации в СССР большой мощной и технологической установки для получения тяжелой воды в целях снабжения ею исследовательских институтов страны. В 1935 г., кроме электролизера, сконструированного в Биогеохимической лаборатории, работала установка в Днепропетровском Физико-химическом институте АН УССР под руководством профессора А.И. Бродского²⁷.

21 января 1936 г. А.П. Виноградов на заседании Президиума Химической группы осветил положение вещей с установкой по получению $^2\text{H}_2\text{O}$ в Днепропетровском Физико-химическом институте: «Главхимпром, субсидировавший до настоящего времени установку по тяжелой воде в Днепропетровске, с этого года субсидирование прекращает. Если Академия наук не возьмет на себя субсидирование установки, то производство $^2\text{H}_2\text{O}$ в СССР прекратится»²⁸. Постановление Президиума Химической группы было следующим: «Принимая во внимание, что изучение тяжелой воды в общей системе химических исследований является вопросом весьма актуальным, просить Президиум АН СССР обратиться к правительству с просьбой о временном сохранении установки с тем, чтобы Главхимпром, использовав опыт и кадры этой установки, организовал бы более рациональное производство тяжелой воды на основе концентратов, образующихся при электролитическом получении водорода и дешевой электроэнергии»²⁹. Постановлением Президиума Академии от 5 апреля 1936 г. по очередному ходатайству В.И. Вернадского было отпущено Комиссии 30000 рублей, благодаря чему была выполнена часть работы, запланированной Комиссией на 1936 г., а именно: в Биогеохимической лаборатории была создана установка для точного определения

плотности воды (точность измерения 10^{-7}), дающая возможность определить $^2\text{H}_2\text{O}$ низких концентраций, а также была сооружена установка по очистке воды от посторонних примесей с целью получения эталонов воды, и микроустановка по электролизу воды для получения $^2\text{H}_2\text{O}$ более высоких концентраций для калибровки и эталонов. Кроме того осуществлялся поиск объектов, обогащенных ^2H , и изучение распространения ^2H в организмах и органических породах, в кристаллизационной воде минералов и породах метаморфической области. В Ленинградском университете под руководством профессора С.А. Щукарева была создана установка для определения концентраций тяжелого изотопа в газе и разработана электролизная установка для получения $^2\text{H}_2\text{O}$ по каскадной, непрерывно действующей схеме, а также выбран и обоснован принцип установки для разделения изотопов газа, основанный на диффузии изотопных молекул через струю паров ртути; приобретено нужное оборудование и материалы. Остальные темы – создание мощной установки для получения тяжелой воды и изучение ее физико-химических свойств выполнить из-за нехватки средств не удалось. Поэтому в 1937 г. Комиссией был поднят вопрос о приобретении за границей 100 грамм 98%-ной $^2\text{H}_2\text{O}$ для выполнения работ членами Комиссии (академик Н.Д. Зелинский³⁰ – получение бензола с замещением всех атомов водорода дейтерием; профессор А.Ф. Капустинский³¹ – термохимия тяжелого водорода; профессор В.Г. Хлопин – газовые реакции в присутствии радиоактивных веществ; профессор А.И. Бродский – обменные реакции между изотопами кислорода в растворенных соединениях кислорода; И.И. Жуков – гидриды тяжелых металлов с тяжелым водородом), а также вновь был возбужден вопрос о постройке в Союзе собственной мощной установки для получения тяжелой воды. В 1937 г. Комиссия ставила перед собой выполнения следующих основных задач: 1) распределение тяжелой воды в природных объектах (Биогеохимическая лаборатория АН СССР), 2) изучение физико-химических свойств тяжелой воды (работу вели члены Комиссии), 3) получение изотопов ^2H и ^{18}O (Ленинградский государственный университет). Для выполнения этих задач Комиссии требовалось 30000 рублей

и приобретения за границей 100 грамм тяжелой воды. В связи с большим научным интересом к проблеме тяжелой воды Президиум АН выделил Комиссии необходимую сумму и представленный план работ утвердил³².

Решением Бюро Отделения химических наук АН СССР от 25 мая 1939 г. Комиссия по изучению тяжелой воды реорганизуется в Комиссию по химии изотопов³³, которая была утверждена Президиумом Академии Союза, как и ее состав, только в конце 1940 г. после проведения Отделением химических наук АН СССР I-ого Всесоюзного совещания по химии изотопов 16 и 17 апреля 1940 г. в Москве, организованного при активном участии А.П. Виноградова³⁴. В резолюции Совещания говорилось: «Предложить Отделению химических наук представить на утверждение Президиума АН СССР следующий состав Комиссии по химии изотопов³⁵: председатель – академик В.И. Вернадский, заместитель председателя – профессор А.И. Бродский, ученый секретарь – профессор А.П. Виноградов; члены Комиссии: академики А.Н. Фрумкин³⁶, В.Г. Хлопин, Н.Д. Зелинский, члены-корреспонденты АН СССР А.Ф. Капустинский, С.З. Рогинский³⁷, профессора С.Э. Фриш³⁸, Р.Х. Бурштейн³⁹, Я.О. Парнас⁴⁰, Г.М. Франк⁴¹, А.А. Гринберг⁴²». 1 января 1941 г. вторым заместителем председателя Комиссии был утвержден В.Г. Хлопин⁴³. Комиссия ставила своей задачей научную работу в области изотопии химических элементов, а также создание современных научных приборов и установок для изучения, обогащения и получения изотопов⁴⁴.

Работа I-ого Всесоюзного совещания по химии изотопов отчетливо показала огромную важность как в теоретическом, так и в практическом отношении исследований по химии изотопов, а также отметила резкое отставание в развитии этих направлений в СССР. Поэтому в принятой Совещанием резолюции, в частности, говорилось: «В целях развития исследований по изотопам просить Президиум АН СССР оказать всемерную поддержку работам по изотопам Биогеохимической лаборатории АН СССР, Физико-химическому Институту им. Писаржевского АН УССР, Радиовому Институту АН СССР; обеспечить материальными ресурсами,

кадрами, помещением работу по изотопам, проводимую в Биогеохимической лаборатории, в частности, по постройке масс спектрографов; в виду отставания в развитии исследований по изотопам в биологии и медицине, просить немедленно приступить к постройке циклотрона в Москве для необходимости иметь для исследований большое количество искусственных радиоэлементов; купить в США выпущенный для широкого пользования масс спектрограф «Neria»; ускорить организацию добычи радия из мезотория-I и радиевых руд»; создать в СССР центр по определению атомных весов химических элементов и т.д.»⁴⁵.

Одним из наиболее значительных исследований по изотопам конца 30-х – начала 40-х годов стало изучение изотопного состава кислорода фотосинтеза. А.П. Виноградовым совместно с Р.В. Тейс было показано, что при фотосинтезе кислород выделяется из воды, а не из углекислоты, как думали раньше. Был также изучен изотопный состав воды метаморфических пород и минералов.

В конце 1930-х гг. прошлого столетия исследования А.П. Виноградова по химии изотопов и работа в Комиссии по химии изотопов оказались тесно связанными с исследованиями в области ядерной физики в связи с открытием в декабре 1938 г. немецким радиофизиком О. Ганом явления деления ядер урана под действием нейтронов.

Вскоре в зарубежной печати стали появляться сведения о реальной возможности практического использования внутриатомной энергии урана и об исследованиях, ведущихся в этом направлении. Получив в начале июня 1940 г. письмо от сына Георгия из Вашингтона, в которое была вложена вырезка со статьей из «Нью-Йорк Таймс» от 5 мая 1940 г. под названием «Vast power source in atomic opened by science» («Громадный источник энергии, открытый наукой, в энергии атома»), В.И. Вернадский вместе с академиком В.Г. Хлопиным обратился в Президиум АН СССР с заявлением о срочной организации работ по использованию внутриатомной энергии актин-урана в Советском Союзе⁴⁶. 30 июля 1940 г. по заявлению В.И. Вернадского и В.Г. Хлопина Президиум Академии наук принял решение о создании Комиссии по проблеме урана⁴⁷.

На этом же заседании был утвержден состав Комиссии: академик В.Г. Хлопин – председатель, академик В.И. Вернадский – заместитель председателя, академик А.Ф. Иоффе⁴⁸ – заместитель председателя; члены Комиссии академики: А.Е. Ферсман⁴⁹, С.И. Вавилов⁵⁰, П.П. Лазарев⁵¹, А.Н. Фрумкин, Л.И. Мандельштам⁵², Г.М. Кржижановский⁵³, П.Л. Капица⁵⁴, профессор, заместитель директора Биогел – А.П. Виноградов, старший научный сотрудник РИАН – И.В. Курчатов⁵⁵, старший научный сотрудник Института физической химии АН СССР – Ю.Б. Харитон⁵⁶, старший научный сотрудник Института геологических наук АН СССР – Д.И. Щербаков⁵⁷.

Президиум Академии поставил перед Комиссией следующие задачи:

1. Определить тематику научно-исследовательских работ институтов Академии наук в области изучения урана.
2. Организовать разработку методов разделения и обогащения изотопов урана и исследований по управлению процессами радиоактивного распада.
3. В целях создания государственного фонда урана организовать изучение урановых месторождений, для чего считать необходимым командировать бригаду под руководством академика А.Е. Ферсмана на главнейшие месторождения урана в Средней Азии⁵⁸.

А.П. Виноградов включился в урановую проблему летом 1940 г. По мнению Александра Павловича «проблема использования внутриатомной энергии до 1940 г. носила отвлеченный характер и только благодаря получения американскими учеными, согласно публикациям в зарубежной печати, нескольких граммов ²³⁵U, она стала приобретать практическое значение, аналогично проблемам использования искусственного жидкого топлива или искусственного каучука. Изучение механизма процесса распада ²³⁵U, и тем более техническое использование энергии урана, ставило вопрос о методах получения ²³⁵U в любых количествах, который в то время решен не был»⁵⁹. В тот период остро стоял вопрос не только о методах получения ²³⁵U, но и о методах разделения изотопов урана. В связи с наличием этих проблем летом

1940 г. Александр Павлович составляет два документа, в которых излагает свои предложения по методу разделения изотопов урана и по комплексному решению урановой проблемы, имевшие практическое значение. Первый документ в виде записки А.П. Виноградов направил 12 июня 1940 г. В.И. Вернадскому как директору Биогеохимической лаборатории – «О выделении ^{235}U », в которой предложил метод термодиффузии как наиболее эффективный процесс разделения изотопов из жидких и газообразных веществ с использованием в качестве рабочего вещества UF_6 . «Предварительные расчеты, – писал Александр Павлович, – позволяют ожидать (при указанном процессе разделения урана) обогащение урана в несколько раз в течение небольшого отрезка времени»⁶⁰.

К моменту создания Комиссии по проблеме урана в Биогеохимической лаборатории уже велись работы по постройке масс-спектрографов для разделения изотопов. Эти работы были поддержаны на I-ом Всесоюзном совещании по химии изотопов, проходившем в апреле 1940 г. в Москве. Безусловно, А.П. Виноградов был целенаправленно подготовлен к работам по урановой тематике всем ходом развития поставленных им же самим изотопных исследований в Биогеохимической лаборатории АН СССР. Еще до первого заседания Урановой комиссии 23 августа 1940 г. Александр Павлович направил в Президиум Академии наук второй документ «О методах выделения урана-235 и мерах, необходимых для их разработки»⁶¹. По ряду предложений, изложенных в документе, Президиум АН СССР принял соответствующие постановления: 1) вопрос о выяснении возможности получения карбонильных соединений урана был включен в план научно-исследовательских работ на 1941 г. Института органической химии АН СССР, 2) для всестороннего изучения месторождений урана в Средней Азии в бригаду академика А.Е. Ферсмана был включен старший научный сотрудник Института геологических наук АН СССР Д.И. Щербаков как специалист, хорошо знакомый с урановыми месторождениями этого региона и способный оценить их запасы⁶².

17 мая 1941 г. на заседании Урановой комиссии (Ленинград, Радиевый институт) А.П. Виноградов сделал доклад «О работах по

термодиффузии в Биогеохимической лаборатории АН СССР», но начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война прервала все исследования по урановой тематике. Работа А.П. Виноградова по изучению тяжелой воды, изотопии, по урановой проблеме стали прелюдией к его деятельности и деятельности Биогеохимической лаборатории в Советском атомном проекте. См. ил. 2.

Биогеохимическая лаборатория АН СССР.

Впоследствии изотопные исследования стали одним из главных достижений советской геохимической школы, возглавляемой А.П. Виноградовым. А.П. Виноградов одним из первых понял и оценил значение изотопных методов для решения геологических и космохимических проблем и по праву является основоположником нового научного направления в СССР- геохимии изотопов.

Примечания

1. Гарольд Клейтон Юри (Harold Clayton Urey) (1893–1981) – американский физик и физико-химик, пионер в области исследования изотопов.
2. Гилберт Ньютон Льюис (Gilbert Newton Lewis) (1875–1946) – американский физико-химик, член Национальной АН США. Основные работы в области термодинамики, фотохимии, химии изотопов, ядерной химии.
3. Садиков Владимир Сергеевич (1874–1942) – химик, биохимик, биогеохимик, профессор Ленинградского университета, заведующий отделом специальных методов исследований Биогеохимической лаборатории АН СССР. Основные работы посвящены проблемам органической химии и биогеохимии.
4. Горбов Александр Иванович (1859–1939) – химик, сотрудник Петербургского университета (1883–1885); заведующий химической лабораторией (1885) и профессор (1918–1934) Инженерной академии в Петрограде (Ленинграде).
5. Хлопин Виталий Григорьевич (1890–1950) – радиохимик, академик АН СССР (1939), основатель научной школы. Сотрудник (1922–1939) и директор (1939–1950) Государственного радиевого института, профессор (1934–1937) Ленинградского университета. Один из руководителей Советского атомного проекта. Труды по химии и геохимии радиоактивных элементов. Лауреат Сталинских премий (1943, 1946, 1949). Герой Социалистического Труда (1949).
6. В 1930 г. в связи с принятием нового Устава Академии наук Хими-

ческий институт АН СССР был реорганизован в Химическую Ассоциацию, в которую вошли 8 институтов и лабораторий с общим административным аппаратом. Возглавил Ассоциацию академик Н.С. Курнаков. С 1930 по 1934 г. Химическая Ассоциация входила в Отделение физико-математических наук. Химическая Ассоциация просуществовала до апреля 1935 г., когда решением Президиума Академии была преобразована в Химическую Группу АН СССР под председательством академика Н.С. Курнакова. В Группу вошли 4 института: ИОНХ, ИОХ, КЭИН, ИГИ и две лаборатории: Биогеохимическая лаборатория АН СССР и Лаборатория химической физики АН СССР. В 1938 г. в это объединение вошел Радиевский институт АН СССР. В 1938 г. все существовавшие до того времени группы были упразднены в связи с изменением структуры Академии наук.

7. Курнаков Николай Семенович (1860–1941) – физико-химик, академик АН СССР (член Петербургской АН с 1913), организатор и директор институтов физико-химического анализа (с 1918), по изучению платины и др. благородных металлов (с 1922) и общей и неорганической химии АН СССР, образованного слиянием этих 3-х институтов (1931–1941), директор Государственного института прикладной химии (1919–1927), один из основоположников физико-химического анализа, основатель научной школы. Премия им. Ленина (1928). Сталинская премия (1941). В 1933 г. Курнаков был председателем Химической Ассоциацией (ХАС).
8. Мацюлевич Клавдий Робертович (1883–1938) – химик-органик, доцент Ленинградского университета, профессор Ленинградского химико-технологического института, консультант Российского института прикладной химии. Работы по различным вопросам органической химии. Расстрелян в 1938 г. В 1933 г. К.Р. Мацюлевич был заместителем Курнакова по Химической Ассоциации.
9. Статья «Тяжелый водород и тяжелая вода». Перевод этой статьи был выполнен Х.Г. Виноградовой-Томашевской с комментариями А.П. Виноградова и опубликована в журнале «Природа» в 1933 г. (№ 12. С. 64–67).
10. Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова (1927–1944). М.: Наука, 1995. С. 108–109.
11. Виноградова Л.Д. «Я не мог пройти мимо науки...» (О жизни и деятельности академика А.П. Виноградова). М.: Наука, 2007. С. 66.
12. Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова. С. 141.
13. О создании Комиссии по изучению тяжелой воды // АРАН. Ф. 2. Оп. 6-а. Д. 2.

14. Щукарев Сергей Александрович (1893–1984) – химик, гидролог, педагог, историк методологии науки. Окончил Петроградский университет (1916). Ассистент (1920–1925), доцент (1925–1930), профессор (1931), заведующий кафедрой химии химического факультета ЛГУ (1939–1970), проректор ЛГУ (1939–1940). Основные работы посвящены развитию учения о периодичности вопросов высокотемпературной химии и проблемам растворов.
15. Лукирский Петр Иванович (1984–1954) – физик, академик АН СССР (1946, член-корреспондент АН СССР с 1933). Окончил Петроградский университет (1916); Работал в ряде научных институтов Ленинграда и в ЛГУ, один из основоположников эмиссионной электроники. Труды по физике рентгеновских лучей и ядерной физике; классические работы по фотоэффекту. Репрессирован (1938–1942).
16. Жуков Иван Иванович (1880–1949) – химик, член-корреспондент АН СССР (1946). Окончил Санкт-Петербургский университет (1903), где работал всю свою жизнь. Заведующий кафедрой физической химии, впоследствии преобразовав ее в кафедру коллоидной химии (с 1929).
17. Менделеев Иван Дмитриевич (1883–1836) – наиболее одаренный из детей Д.И. Менделеева. Окончил с золотой медалью гимназию в Санкт-Петербурге (1901). и Петербургский политехнический институт, но позже перевелся на физико-математический факультет университета. Помогал отцу, делая сложные расчеты для его экономических работ. С 1924 г. и до конца жизни постоянно работал в Главной Палате мер и вес, где исследовал материалы при низких температурах, изучал теорию весов и конструирование термостатов. Способствовал изданию посмертного труда Д.И. Менделеева «Дополнения к познанию России». Автор философских трудов: «Мысли о познании» и «Оправдание истины» (1909–1910). Написал воспоминание об отце, которые были полностью опубликованы лишь в 1993 г. Был среди первых в СССР, кто изучал свойства тяжелой воды.
18. В.И. Вернадский переехал Москву только летом 1935 г., после того как А.П. Виноградов нашел для Вернадских удобную квартиру и в ней был сделан капитальный ремонт.
19. Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова. С. 144.
20. О финансовом положении Комиссии по изучению тяжелой воды // АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6. Л. 10.
21. Ходатайство ак. В.И. Вернадского об ассигновании 50 000 руб. на работы Комиссии по изучению тяжелой воды // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 2. Л. 146.

22. Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962) – историк, академик АН СССР (1930). В 1935 г. был Непременным секретарем АН СССР.
23. Н.С. Курнаков с апреля 1935 г. был Председателем Химической Группы АН СССР.
24. Зубов Иван Васильевич в 1935 г. был Управляющим Делами АН СССР.
25. О выделении средств Комиссии по изучению тяжелой воды // АРАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 3. Л. 24.
26. Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова. С. 174.
27. Бродский Александр Ильич (1895–1969) – физико-химик, академик АН УССР (1939), член-корреспондент АН СССР (1943), директор Днепропетровского Физико-химического института АН УССР. Основные работы в области электрохимии, химии и разделения изотопов, руководитель работ по созданию первой в СССР установки для получения тяжелой воды. Лауреат Сталинской премии (1946), Герой Социалистического Труда СССР (1949).
28. Об установке для получения тяжелой воды в Днепропетровске // АРАН. Ф. 461. Оп. 1. Д. 14. Л. 28.
29. Там же.
30. Зелинский Николай Дмитриевич (1861–1953) – химик-органик, академик АН СССР (1929), организатор Института органической химии АН СССР (1934), один из организаторов Всесоюзного химического общества имени Д.И. Менделеева и его почетный член (1941), один из основоположников органического катализа и нефтехимии, создал угольный противогаз. Основные труды посвящены проблемам химии нефти, каталитических превращений углеводородов, открыл реакцию получения альфа-аминокислот.
31. Капустинский Александр Федорович (1906–1960) – физико-химик, член-корреспондент АН СССР (1939). Профессор Горьковского (1934–1937), Казанского (1941–1943), Московского (1945–1949) университетов, Московского института стали (1937–1941) и Московского химико-технологического института им. Д.И. Менделеева (1943–1960). Основные труды в области кристаллохимии и химической термодинамики, предложил третий принцип термодинамики.
32. Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова. С. 210. прим. 8.
33. О реорганизации Комиссии по изучению тяжелой воды в Комиссию по изотопам // АРАН, Ф. 518. Оп. 2. Д. 9. Л. 40.
34. О I-ом Всесоюзном совещании по изотопам // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 12. Л. 1.
35. О составе Комиссии по изотопам при ОХН АН СССР // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 26. Л. 44, 45.

36. Фрумкин Александр Николаевич (1895–1976) – электрохимик, академик АН СССР (1932), директор Института физической химии АН СССР (1939–1949), директор Института электрохимии АН СССР (1958–1976), заведующий кафедрой электрохимии МГУ (1930–1976) Создатель научной школы; труды по кинетике и механизмам электрохимических процессов. Премия им. Ленина (1931). Сталинская премия (1941, 1949, 1952).
37. Рогинский Симон Залманович (1900–1970) – физико-химик, член-корреспондент АН СССР (1939). Окончил Днепропетровский горный институт (1922); сотрудник (с 1930), заведующий лабораторией (1961–1970) Института физической химии АН СССР. Участник Советского атомного проекта (1949–1950). В 1950 г. лишен допуска к секретным работам и уволен с должности заведующего созданного им Отдела радиохимии ИФХ АН СССР. Один из первых применил электронную микроскопию для изучения поверхности катализаторов; предложил экспериментальный метод выявления неоднородности поверхности и механизма взаимодействия между молекулами (дифференциально-изотопный метод Рогинского-Кейер). Лауреат Сталинской премии (1941) и Сталинской премии II-ой степени (1949). Герой Социалистического Труда (1965).
38. Фриш Сергей Эдуардович (1899–1977) – физик, член-корреспондент АН СССР (1946). Сотрудник Государственного оптического института (1919–1939); профессор ЛГУ. Основные труды по систематике спектров, по изучению эффекта Зеемана, сверх тонкой структуры спектральных линий, по определению ядерных моментов, спектроскопии газового разряда и плазмы.
39. Бурштейн Ревекка Хаимовна (1904–1992) – электрохимик, доктор химических наук (1941); сотрудник (1927–1947), профессор (1942) Физико-химического института им. Л.Я. Карпова, заведующий лабораторией Института физической химии АН СССР (1946–1958), заведующий лабораторией Института электрохимии АН СССР.
40. Парнас Яков Оскарович (1884–1949) – биохимик, академик АН СССР (1942) и АМН СССР (1944). Исследовал анаэробные превращения углеводов; первооткрыватель фосфоролиза гликогена, организатор Института медицинской химии при Львовском университете. Основатель и руководитель школы биохимиков в Польше и СССР. Арестован в 1948 г.; умер в тюрьме.
41. Франк Глеб Михайлович (1904–1976) – биохимик, академик АН СССР (1966, член-корреспондент АН СССР 1960), член-корреспондент АМН СССР (1945). Сотрудник ЛФТИ (1929–1933), заведующий отделом биофизики ВИЭМ (1933–1946), заведующий Радиационной лабораторией,

- на основе которой в 1948 г. организован Институт биофизики АН СССР, директор (1948–1945); заведующий Лабораторией биофизики изотопов и излучений АН СССР (1943–1962), на базе которой создан Институт биологической физики АН СССР (1952), директор (с 1957). Основные труды по биологическому действию УФ-излучений, биофизике нервного возбуждения, мышечного сокращения. Участвовал в создании первого советского электронного микроскопа. Вице-президент Международной организации по изучению живой клетки при ЮНЕСКО (с 1964); член Совета Международной организации биофизиков (с 1951); действительный член Международной астронавтической академии (с 1966). Почетный член АН ВНР (1973) и АН ГДР (1975). Лауреат Сталинской премии II-ой степени (1949), Сталинской премии III-ей степени (1951), Государственной премии (1978) посмертно.
42. Гринберг Александр Абрамович (1898–1966) – химик, академик АН СССР (1958), профессор (1932), заслуженный деятель науки и техники РСФСР, сотрудник Института по изучению платины и других благородных металлов АН СССР (до 1937), преподаватель I-ого Ленинградского медицинского института (1928–1947), Ленинградского технологического института (с 1936), ЛГУ (1942–1949). Основные труды по химии комплексных соединений, в том числе платины и палладия.
43. О назначении В.Г. Хлопина вторым зам. пред. Комиссии по изотопам // АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 49. Л. 40.
44. *Виноградова Л.Д.* «Я не мог пройти мимо науки...». С. 78. Комментарий № 15.
45. Резолюция I-ого Всесоюзного совещания по изотопам // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 28. Л. 176-178.
46. Заявление В.И. Вернадского и В.Г. Хлопина об использовании внутриатомной энергии актин-урана // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 24. Л. 17.
47. Атомный проект СССР. Документы и материалы / Под общей редакцией Л.Д. Рябева. М.: «Наука»; Физматгиздат, 1998. Т. 1. 1938–1945. С. 127–129. Док. 54.
48. Иоффе Абрам Федорович (1880–1960) – физик, академик АН СССР (Российской АН с 1920), вице-президент АН СССР (1926–1929, 1942–1945), организатор и первый директор Физико-технического института (1918–1951), Лаборатории (Института) полупроводников АН СССР (с 1952). Один из создателей советской школы физиков. Пионер в исследовании полупроводников; основные труды в области прочности, пластичности, электропроводности твердых тел. Сталинская премия (1942), Ленинская премия (1961, посмертно).
49. Ферсман Александр Евгеньевич (1883–1945) – минералог, геохимик, академик АН СССР (Российской АН с 1919), академик-секретарь Отделения физико-математических наук (1924–1927), вице-президент (1927–1929), член Президиума (1929–1945) АН СССР, директор Кольской базы АН СССР (1930–1945), Председатель Уральского филиала АН СССР (1932–1938). Организатор ряда научных учреждений и многочисленных экспедиций по изучению минеральных ресурсов страны, один из основоположников геохимии. Фундаментальные труды по геохимии и минералогии. Премия им. Ленина, Сталинская премия (1942).
50. Вавилов Сергей Иванович (1891–1951) – физик, академик АН СССР (1932), президент АН СССР (1945–1951), преподаватель (с 1918), профессор МГУ (с 1929), директор Физического института АН СССР (1932–1951); основатель научной школы по физической оптике. Фундаментальные труды в области оптики, главным образом, по люминесценции и ее практическому применению, а также по философии естествознания и истории науки. Первый председатель правления общества «Знание» (с 1947) и главный редактор БСЭ (с 1949). Сталинская премия (1943, 1946, 1951, 1952- посмертно).
51. Лазарев Петр Петрович (1878–1942) – физик, биофизик, геофизик, академик АН СССР (Российской АН с 1917), сотрудник Лаборатории П.Н. Лебедева МГУ (с 1903), организатор и директор Государственного биофизического института (1920–1931), директор Биофизической Лаборатории АН СССР (с 1938). Основные труды в области фотохимии, молекулярной биофизики, разработал ионную теорию фотовозбуждения, руководил исследованиями Курской магнитной аномалии (с 1918).
52. Мандельштам Леонид Исаакович (1879–1944) – физик, академик АН СССР (1929, член-корреспондент АН СССР – с 1928 г.); один из основателей отечественной научной школы по радиофизике. Совместно с Г.С. Ландсбергом открыл комбинационное рассеяние света в 1928 г.; с Н.Д. Папалекси выполнены основополагающие исследования по нелинейным колебаниям, разработан метод параметрического возбуждения электрических колебаний, предложен метод радиоинтерференции. Труды по рассеянию света. Премия им. Ленина (1931). Сталинская премия I-ой степени (1942).
53. Кржижановский Глеб Максимилианович (1872–1959) – энергетик, партийный и государственный деятель, академик (1929), вице-президент АН СССР (1929–1939). Работы по электрофикации народного хозяйства.

54. Капица Петр Леонидович (1894–1984) – физик, академик (1939, член-корреспондент АН СССР – 1929). Один из основателей физики низких температур и физики сильных магнитных полей. В 1921–1934 гг. – в научной командировке в Великобритании, работал в Кембридже под руководством профессор Резерфорда. Организатор и первый директор (1935–1946 и с 1955) Института физических проблем АН СССР (ныне – им. П.Л. Капицы). Участник Советского атомного проекта (с 1946), но его 2-х летний план реализации проекта не был одобрен. Ушел в отставку. Дважды лауреат Сталинской премии I-ой степени (1941, 1943), лауреат Нобелевской премии (1978). Член Лондонского королевского общества (1929).
55. Курчатov Игорь Васильевич (1903–1960) – физик, академик АН СССР (1943). Научный руководитель Советского атомного проекта. Под его руководством сооружен первый циклотрон в СССР (1939), создан Институт атомной энергии (1943–1960), с 1960 г. его имени, разработана противоминная защита кораблей, создан первый в Европе атомный реактор (1946), первая в СССР атомная бомба (1946), первая в мире термоядерная бомба (1953) и АЭС (1954). Сталинская премия (1942, 1949, 1951, 1954). Ленинская премия (1957).
56. Харитон Юлий Борисович (1904–1996) – физик, академик АН СССР (1953, член-корреспондент АН СССР с 1946). Научный руководитель Всесоюзного НИИ экспериментальной физики. Основополагающие труды по физике горения и взрыва. Совместно с Я.Б. Зельдовичем впервые осуществлен расчет цепной реакции деления урана (1939–1941). Научный руководитель разработки и создания отечественного атомного и термоядерного оружия. Глава научной школы. Сталинская премия (1949, 1951, 1953), Ленинская премия (1957).
57. Щербаков Дмитрий Иванович (1893–1966) – геолог, геохимик Академик АН СССР (1953), академик-секретарь Отделения геолого-географических наук АН СССР. Работы по геологии, геохимии редких металлов и радиоактивных элементов, по геологии рудных месторождений Средней Азии. Ленинская премия (1965).
58. *Виноградова Л.Д.* «Я не мог пройти мимо науки...». С. 77.
59. Там же. С. 78, 79.
60. Там же. С. 79.
61. Там же.
62. Там же. См. примечание № 16.

Ил. 1. А.П. Виноградов у колонки электролизера для получения тяжелой воды. Биогеохимическая лаборатория АН СССР. Ленинград. 1934 г. Хранится в Мемориальном кабинете-музее академика А.П. Виноградова ГЕОХИ РАН.

Ил. 2. Биогеохимическая лаборатория АН СССР.

Слева направо. Верхний ряд, стоят: З.Г. Пинскер, Д.П. Малюга, Э.Е. Вайнштейн, А.Л. Дробков; 2-й ряд: Б.И. Цветков, В.В. Данилова, В.М. Ратынский, С.М. Манская, А.К. Лаврухина, (?), М.П. Белая, Е.Г. Лapidус, Т.Ф. Боровик Романова, Г.Г. Бергман, С.В. Одинцова, М.А. Драгомирова, А.П. Троицкая. Сидят: Е.А. Бойченко, Р.В. Тейс, Д.И. Рябчиков, Х.Г. Виноградова-Томашевская, А.П. Виноградов, В.И. Вернадский, С.А. Боровик, В.И. Баранов, И.Д. Борнеман-Старынкевич, А.Д. Шаховская. Нижний ряд: ?, П.Н. Палей, С.В. Ренц, К.Г. Кунашева, С.И. Сиякова, Г.Г. Цейтлин, Ш.Е. Каминская, Е.Б. Евдокимова, А.И. Софинская, Е.И. Донцова.
Москва. Фотография сделана в день рождения В.И. Вернадского 12 марта 1944 г. в его домашнем кабинете.

Н.М. Осипова

Вклад академика В.Л. Комарова в изучение Камчатки

N.M. Osipova

The contribution of the academician V.L. Komarov in the exploring of Kamchatka

Аннотация. Академик В.Л. Комаров принимал участие в экспедиции на Камчатку в 1908–1909 гг., результатом чего стали его классические труды «Путешествие по Камчатке в 1908–1909 годах» и «Флора полуострова Камчатки». С тех пор Комаров не переставал уделять внимание этому богатейшему краю России. Документы Комарова хранятся в Архиве Российской академии наук.

Ключевые слова: архив, ботаник, документы, Камчатка, В.Л. Комаров, Академия наук, экспедиция.

Abstract. The academician V.L. Komarov had participated in the expedition to Kamchatka in 1908–1909, his classic works «Journey to Kamchatka in 1908–1909 years» and «Flora of the peninsula of Kamchatka» were the result. Since then, Komarov has not ceased to pay attention to this rich edge of Russia. Komarov's documents are stored in the Archive of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: the archive, the botanist, the documents, Kamchatka, V.L. Komarov, the Academy of Sciences, the expedition.

Старейшее научное собрание документов – Архив Российской академии наук – хранит уникальные документы по истории российского и зарубежного мирового научного сообщества, собранные в 2000 фондах. Среди фондов глав Академии одним из наиболее информативных и богатых является фонд президента Академии наук СССР в 1936–1945 гг., ботаника и географа Владимира Леонтьевича Комарова.

В составе его фонда (Архив РАН, фонд 543), структурированного по шести описям насчитывается 2762 дела за 1864–1960 гг.

В первую очередь это рукописи научных работ Комарова, среди которых монографии «Путешествие по Камчатке в 1908–1909 годах» (1910) и «Флора полуострова Камчатки» (1925, 1928) и др.; подготовительные и черновые материалы (дневники экспедиций и наблюдений, записные книжки, таблицы, указатели, списки, библиографии, в том числе по Камчатке) к трудам, отзывы и рецензии о работах ботаников и др. Также в фонде содержатся его личные и бытовые документы, автобиографии, списки трудов, поздравительные материалы, отзывы о трудах Комарова, материалы о нем, документы Н.В. Комаровой (жены) и Л.В. Комарова (отца). Документы о многогранной деятельности ученого отражают в первую очередь его научно-организационную активность в осуществлении нормального функционирования Академии наук СССР и ее институтов в непростые годы его президентства. Интересны документы по подготовке и участию советских ученых в конференциях, совещаниях и международных конгрессах, запись беседы В.Л. Комарова с И.В. Сталиным о проведении юбилея АН СССР (1944). Кроме того, сохранились материалы о работе Комарова в Ботаническом саду (1907–1931), Совете по изучению производительных сил (1927–1941), в Монгольской комиссии (1931–1944), в Совете баз и филиалов (1932–1944) и других академических учреждениях, об участии в Камчатской экспедиции (1907–1913), а также программы учебных курсов и практических занятий (1900–1937) и депутатская переписка (1937–1944). Дополняют фонд семейные фотографии, фотопортреты Комарова и групповые снимки (1870-ые–1945), фотографии коллег, друзей и родственников (1864–1945), экспедиционные фотоматериалы (1895–1935), рисунки растений и труды других лиц. Обширная переписка Комарова включает 1740 дел¹. См. ил. 1.

В фонде среди многообразия документального наследия ученого сосредоточился интересный и достаточно полный комплекс документов, связанных с экспедицией на Камчатку 1908–1909 гг. Немало сил он приложил к изучению и популяризации этого региона России. Уже будучи известным ученым, изучавшим Дальний Восток, Комаров в 1908–1909 гг. принял участие в экспедиции на

Камчатку, результатом чего стали его классические труды «Путешествие по Камчатке в 1908–1909 годах» и «Флора полуострова Камчатки». Об этой экспедиции академик В.А. Обручев в своей фундаментальной «Истории геологического исследования Сибири» писал следующее: «В 1908–1910 гг. Географическое общество на средства московского купца Рябушинского организовало большую экспедицию на Камчатку с отрядами зоологическим, ботаническим, геологическим и гидрогеологическим»².

Хронологически документы в первую очередь представляют собой переписку об организации и проведении экспедиции. Это девять писем и телеграмм Ф.П. Рябушинского к Комарову, которые содержат предложение ученому принять участие в Камчатской экспедиции, где Федор Павлович пишет, что «очень просил бы Вас составить программу исследований, список необходимых приборов, инструментов, других принадлежностей (упаковочный материал и т.д.) и смету на расходы»³, и вопросы, связанные с ее финансированием. Письма Комарова касаются приглашения Рябушинскому присутствовать на его докладе о деятельности Камчатской экспедиции на Общем собрании Географического общества 15 декабря 1908 г., а также содержат краткий отчет о маршруте и смете этой экспедиции. В фонде также имеются и другие материалы Комарова (договор, обязательство, смета, свидетельства, предписания и др.) по Камчатской научной экспедиции (1907–1909 гг.) и отчеты о расходах Камчатской научной экспедиции за 1908–1909 гг.⁴. Интересна переписка Комарова с В.В. Войткевичем, поверенным Рябушинского, о подписании договора об экспедиции на Камчатку (1909 г.); Я.С. Судариковым, служащим Банкирского дома братьев Рябушинских, о банковском переводе денег и высылке отчета о расходовании средств на исследования (1908–1912); Татьяной Константиновной Рябушинской, вдовой Рябушинского, о финансировании, публикации и обработке трудов экспедиции (1910–1914). Кроме того, в фонде имеется переписка за период 1909–1940 гг. с участниками Камчатской экспедиции Иваном Кайдаловым, Владимиром Николаевичем Лебедевым, Иннокентием Егоровичем Машихиным, а также сотрудником Камчатского музея Прокопием

Трифоновичем Новограбленовым и агрономом, научным работником Камчатской сельскохозяйственной опытной станции в Мильково Антонием Андреевичем Титляновым⁵.

Итоги научной деятельности экспедиции должны были быть отражены в издании трудов. В «Плане трудов ботанического отдела Камчатской экспедиции Ф.П. Рябушинского», составленном Комаровым, предполагалось подготовить три выпуска трудов: «Дневник экспедиции и общий очерк посещенной ею страны» (320 страниц), «Флора Камчатки, т.е. описание и определитель цветковых и высших споровых растений этой страны», «Растительность Камчатки, т.е. ботанико-географический очерк ее»⁶. Сохранился подготовленный в соответствии с этим планом автограф монографии Комарова из 28 глав «Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг. (Камчатская экспедиция Ф.П. Рябушинского)» (выпуск 1, опубликованный в 1912 г.)⁷, где он пишет: «Мое “Путешествие по Камчатке” совершенно не задается целью дать сколько-нибудь исчерпывающий трактат об этой стране или каких-либо ее особенностях. Это простой бесхитростный рассказ...»⁸. В то же время подготовительные материалы к работе Комарова «Флора полуострова Камчатка» (черновики, рисунки) и библиография «Флора полуострова Камчатки», составленная Комаровым⁹, отражают кропотливую работу ученого в течение последующих двадцати лет для того, чтобы в 1929 г. вышла его монография с обстоятельным предисловием в виде второго выпуска «Флора полуострова Камчатки», иллюстрированная фотографиями и гербариями, подготовленными в экспедиции¹⁰. В автографе монографии, хранящемся в Архиве РАН, Комаров пишет, что «Главным источником для этой работы служит гербарий, собранный Ботаническим отделом экспедиции Ф.П. Рябушинского»¹¹. См. ил. 2.

Также в фонде имеются фотографии экспедиции, в том числе сделанные самим Комаровым¹², зарисовки срезов растений и записные книжки Комарова о сборе гербария в Камчатской экспедиции 1908–1909 гг.¹³. В пояснительной записке о гербарии, собранном во время Камчатской экспедиции, написанной не ранее 1915 г., Кома-

ров пишет: «Я собрал в Камчатке гербарий в 710 видов цветковых и Pteridophyta¹⁴ (более 13 экз[емпляров]), а мои спутники большие коллекции по споровым. Все они хранятся в Петроградском Ботаническом саду»¹⁵. В связи с этим интересен отчет А.А. Еленкина из Петроградского Ботанического сада – «Сведения относительно разработки коллекции споровых растений, собранных в Камчатке ботаническим отделом коллекции Рябушинского», где отмечено, что проводилась этикетировка «собранных коллекций в отделах: 1) лишайники, 2) водоросли, и 3) мхи (за исключением сфагелов)»¹⁶ и дается перечень растений¹⁷.

В двадцатых годах в развитие темы исследования ботанического разнообразия Камчатки Комаровым были опубликованы очерки и статьи «Растительность Камчатской области» (1921), тоже на английском языке «Vegetation of the Kamchatka region» (1923), «Ботанический очерк Камчатки» (1927), «Соображения о ботанических исследованиях Камчатки» (б.д.)¹⁸.

Кроме ботанического аспекта исследования Камчатки Комаров в 1908–1909, 1913 гг. занимался вопросами метеорологии Камчатки, о чем свидетельствуют таблицы и записи метеорологических наблюдений на метеорологических станциях¹⁹. Интересовала его также социально-экономическая жизнь, что отразилось в таблицах и выписках Комарова «О социально-экономической жизни Камчатки» (1908)²⁰. См. ил. 3.

И в последующие годы ученый не оставлял исследование и популяризацию этой темы, что подтверждается сохранившимися картой-схемой Комарова распространения различных видов растительности на Камчатке, Алтае и в Заполярье²¹, а также афишами 1936 г. о его лекции «В стране вулканов. Камчатка» в цикле лекций «Экспедиции советских ученых»²².

Комаров в свое время писал, что «растительность Камчатки одна из наименее исследованных на земном шаре»²³. Он в течение всей жизни не переставал уделять внимание этому богатейшему краю России и сделал немало, чтобы флора Камчатки не являлась белым пятном в отечественной ботанической науке. Документы Комарова, хранящиеся в Архиве РАН, являются ценным докумен-

тальным источником по исследованию Камчатки и имеют вполне актуальное практическое значение.

Примечания

1. Более подробно см.: Архив Российской академии наук: Путеводитель по фондам (Москва): Фонды личного происхождения / Сост. Г.А. Савина, Н.М. Осипова, Ю.В. Щепанская (Труды Архива РАН. Т. 1(30)). М., 2008. С. 175–178.
2. Рукопись монографии Обручева «История геологического исследования Сибири». Период четвертый (1889–1917). Введение и глава I. Общий обзор исследований Сибири с 1889 по 1917 гг. Краткие биографии главных исследователей // АРАН. Ф. 642. Оп.1. Д. 209. Л. 25.
3. Письма и телеграммы Ф.П. Рябушинского В.Л. Комарову // АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1276. Л. 1.
4. Материалы (договор, обязательство, смета, свидетельства, предписания и др.) Камчатской научной экспедиции и отчеты о расходах Камчатской научной экспедиции за 1908–1909 гг. (из документов о научной и служебной деятельности Комарова) // АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 238. Л. 1–29; Д. 239. Л. 1–88.
5. Письма и телеграммы И. Кайдалова, В.Н. Лебедева, И.Е. Машихина, П.Т. Новограбленова и А.А. Титлянова В.Л. Комарову // АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 680. Л. 1–6; Д. 865. Л. 1–5; Д. 976. Л. 1–11; Д. 1082. Л. 1–52; Д. 1431. Л. 1–3.
6. Рукописные наброски Комарова «План трудов ботанического отдела Камчатской экспедиции Ф.П. Рябушинского» // АРАН. Ф. 277. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.
7. Рукопись монографии Комарова «Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг. (Камчатская экспедиция Ф.П. Рябушинского)», выпуск I // АРАН. Ф. 277. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–382.
8. Там же. Л. 5.
9. Рукопись библиографии «Флора полуострова Камчатки» и материалы к монографии Комарова «Флора полуострова Камчатка» (черновики, рисунки) // АРАН. Ф. 277. Оп. 1. Д. 65. Л. 1–312; Д. 223. Л. 1–772.
10. Рукописи монографии Комарова «Флора полуострова Камчатки» и предисловия (на англ. яз.), фотографии к ней // АРАН. Ф. 277. Оп. 1. Д. 72. Л. 1–1174; Д. 73. Л. 1–12; Д. 75. Л. 1–93; Д. 76. Л. 1–56.
11. Рукопись монографии Комарова «Флора полуострова Камчатки» // АРАН. Ф. 277. Оп. 1. Д. 72. Л. 2–3.
12. Фотографии Комарова во время экспедиции на Камчатке // АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 7. Л. 1–16; Д. 85. Л. 1–40.
13. Записные книжки Комарова сбора гербария в Камчатской экспедиции // АРАН. Оп. 1. Д. 202. Л. 1–1959.
14. «Папортникообразные» (лат.).
15. Рукописные наброски Комарова «План трудов ботанического отдела Камчатской экспедиции Ф.П. Рябушинского» // АРАН. Ф. 277. Оп. 1. Д. 32. Л. 3.
16. Рукописный [отчет] А.А. Еленкина «Сведения относительно разработки коллекции споровых растений, собранных в Камчатке ботаническим отделом экспедиции Рябушинского» // АРАН. Ф. 277. Оп. 5. Д. 26. Л. 1.
17. Там же. Л. 1 об.–2 об.
18. Правленая машинопись очерка Комарова «Растительность Камчатской области», правленая машинопись статьи Комарова «Ботанический очерк Камчатки», рукописное резюме Комарова на англ. яз. «Vegetation of the Kamchatka region» («Флора полуострова Камчатка») и машинопись [статьи] Комарова «Соображения о ботанических исследованиях Камчатки» // АРАН. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–37; Д. 61. Л. 1–60; Д. 69. Л. 1–68; Д. 117. Л. 1–4.
19. Рукописные таблицы и записки метеорологических наблюдений Комарова на метеорологических станциях Камчатки во время экспедиции // АРАН. Ф. 277. Оп. 1. Д. 203. Л. 1–908; Д. 207. Л. 1–47.
20. Рукописные таблицы и выписки Комарова «О социально-экономической жизни Камчатки» // АРАН. Ф. 277. Оп. 1. Д. 201. Л. 1–29.
21. Рукописные карты-схемы Комарова распространения различных видов растительности на Камчатке, Алтае и Заполярье // АРАН. Ф. 277. Оп. 1. Д. 234. Л. 1–3.
22. Афиша о лекции Комарова «В стране вулканов. Камчатка» в цикле лекций «Экспедиции советских ученых» // АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 376. Л. 1.
23. Машинопись [статьи] Комарова «Соображения о ботанических исследованиях Камчатки» // АРАН. Ф. 277. Оп. 1. Д. 117. Л. 1.

Ил. 1. В.Л. Комаров во время экспедиции на Камчатке. 1908–1909 гг.
АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 7. Л. 1.

Ил. 2. В.Л. Комаров во время экспедиции на Камчатке. 1908–1909 гг.
АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 7. Л. 2.

Ил. 3. В.Л. Комаров во время экспедиции на Камчатке. 1908–1909 гг.
АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 7. Л. 3.

Е.П. Тихонова

**Структура, штат и тематика исследований
в Зоологическом институте АН СССР накануне
Великой Отечественной войны (1937–1940 гг.)***

E.P. Tikhonova

**Structure, staff and research topics
in the Zoological Institute of the USSR Academy of Sciences
on the threshold of the Great Patriotic War (1937–1940)**

Аннотация. В настоящей статье на основании архивных данных рассматриваются структура, штат и направления научной деятельности в Зоологическом институте АН СССР в предвоенные годы, изменение тематики исследований под влиянием партийных органов, воздействие ужесточения трудового законодательства на деятельность научного учреждения и его сотрудников.

Ключевые слова: Зоологический институт АН СССР, структура, штат, тематика исследований.

Abstract. In this article on the basis of archival documents the structure, staff and directions of scientific activity in the Zoological Institute of the USSR Academy of Sciences in the prewar years are analyzed, changes in the area of research under the influence of party body, the impact of tightening labor legislation on the activities of the scientific institution and its employees are considered.

Keywords: Zoological Institute of the USSR Academy of Sciences, structure, staff, research topics.

Поставив перед собой задачу кратко охарактеризовать деятельность Зоологического института перед войной, мы столкнулись с тем, что этот период в истории ЗИН практически никем серьезно

*Работа выполнена в рамках государственного задания, тема № АААА-А17-117030310208-0.

не изучался. Следует отметить работу директора института, академика С.А. Зернова¹, в которой описываются первые годы работы Зоологического института после преобразования его из Зоологического музея². О работе ЗИН за 50 лет с 1917 по 1967 гг. докладывали Б.Е. Быховский и М.Е. Тер-Минасян на пленарном заседании научного совета в 1967 г., посвященного 50-летию Советской власти³. Отдельные сведения об этом периоде мы можем почерпнуть из исторического очерка К.Б. Юрьева, написанного к 150-летию института в 1982 г.⁴, А.Н. Световидов в 1959 г. писал о подготовке кадров в Зоологическом институте⁵, однако никто из авторов не акцентировал внимание на интересующем нас предвоенном периоде истории Зоологического института, не изучал его деятельность в 1937–1940 гг. Именно этот крайне интересный период нам хотелось бы осветить более подробно. Материалами для работы послужили документы научного архива Зоологического института РАН, Архива РАН и его Санкт-Петербургского филиала.

В 30-е годы XX столетия Зоологический институт уже был центральным учреждением в стране по изучению мировой фауны и, в особенности, фауны СССР. В разработанном в 1937 г. «Положении о Зоологическом институте АН СССР» говорилось, что «основной задачей ЗИН является изучение и освоение фауны Советского Союза во всем ее комплексе в связи с условиями окружающей среды, динамикой биологических процессов и использованием фауны для народного хозяйства. <...> Изучение животных ведется в отношении их систематики, зоогеографии, биологии и экологии, а также филогении, истории развития и происхождения отдельных видов, групп и целых фаун»⁶. Кроме того, согласно этому же документу важной задачей было «проведение мероприятий, необходимых для быстрой реализации новейших достижений в области рыбного и сельского хозяйства, животноводства и охраны здоровья трудящихся в разрезе проблематики ЗИН»⁷.

Еще в начале 1930-х гг. в Зоологическом институте сформировалась структура, состоявшая из четырех отделов⁸, не изменившаяся к 1937 г. Все отделы подразделялись на отделения, согласно систематическим группам животных, которые в них изучались,

или в соответствии с характером работ. Отдел наземных позвоночных под руководством А.Я. Тугаринова включал четыре отделения: млекопитающих (руководил отделением Б.С. Виноградов), остеологии (В.И. Громова), орнитологии (П.В. Серебровский) и герпетологии (С.А. Чернов). В отделе работали 12 научных и 4 научно-технических сотрудника. В сентябре 1938 г. отделение остеологии было объединено с отделением млекопитающих под руководством Б.С. Виноградова⁹. Отдел наземных беспозвоночных, возглавлявшийся А.Н. Кириченко, состоял из 21 научного и 10 научно-технических сотрудников и включал в себя 9 отделений: полужесткокрылых (А.Н. Кириченко), чешуекрылых (Н.Я. Кузнецов), сетчатокрылых (С.Г. Лепнева), тлей (А.К. Мордвилко), жесткокрылых (А.Н. Рейхардт, затем Д.А. Оглоблин), среднеазиатских жесткокрылых (А.П. Семёнов-Тян-Шанский), перепончатокрылых (А.С. Скориков), двукрылых (А.А. Штакельберг, затем А.А. Черновский и снова А.А. Штакельберг) и прямокрылых (Э.Ф. Мирам). Отдел паразитологии имел одно отделение, в котором работали 7 научных и 1 научно-технический сотрудник, руководил отделом Е.Н. Павловский. Наконец, в отделе гидробиологии под началом В.И. Жади́на были 8 отделений: высших червей (Н.П. Анненкова), низших червей (Е.С. Кирьянова), моллюсков (В.И. Жадин), ихтиологии (Г.У. Линдберг, затем А.Н. Световидов), оболочников, паукообразных и многоножек (В.В. Редикорцев, затем С.Г. Лепнёва), ракообразных и планктона (В.М. Рылов), иглокожих (А.М. Дьяконов), губок и кишечнополостных (А.И. Булычева).

Кроме того, в состав института дополнительно к отделениям входили некоторые научные, научно-вспомогательные и подсобные структуры. Так, экологическая лаборатория¹⁰ под руководством И.Д. Стрельникова проводила экспериментальные работы и имела в своем составе двух научных сотрудников. Техническая лаборатория, состоявшая из 2 научных и 3 технических сотрудников под руководством М.П. Розанова, обслуживала выставочный зал и отдел наземных позвоночных. Энтомологическая препаровочная, которой заведовала Э.Ф. Мирам, подготавливала энтомологические коллекции для научной обработки. Ей помогал один техниче-

ский сотрудник. Главой библиотеки института был И.Г. Мусатов. Выставочным залом с помощью одного технического сотрудника руководил И.А. Рубцов. В то же время в аспирантуре ЗИН обучались 6 аспирантов. Таким образом, штат Зоологического института в 1937 г. состоял из 63 научных, 28 научно-технических сотрудников и 6 аспирантов.

Мы видим, что в Зоологическом институте имелись два отдела, в которых изучали наземную фауну (позвоночных и беспозвоночных), отдел гидробиологии, где объектами исследований служили водные животные, и отдел паразитологии. Как отмечает А.В. Смирнов¹¹, структура института строилась, скорее, на «экологическом», чем на «систематическом» принципе, и компоновка подразделений шла по средам обитания.

Осенью 1937 г. Главное управление гидрометеорологической службы приняло решение прекратить гидробиологические работы¹², поэтому из лаборатории гидробиологии и микробиологии Гидрологического института в Зоологический институт были переведены 9 научных и 1 научно-технический сотрудник вместе с бюджетом, научным оборудованием, научными материалами, кадастровыми гидробиологическими и микробиологическими каталогами и библиотекой¹³. Таким образом, гидробиологический отдел ЗИН значительно расширился и, как отмечал В.И. Жадин, «получил возможность вплотную заняться проблемой биологической продуктивности водоемов»¹⁴.

С 15 мая 1938 г. по постановлению Президиума АН СССР в состав Зоологического института вошли Мурманская и Севастопольская биологические станции. Их штаты были включены в штатное расписание института¹⁵. Так, научный и научно-технический персонал института увеличился до 108 единиц¹⁶. На 1 января 1940 г. в институте числились 74 научных и 41 научно-технических сотрудника, всего вместе с административно хозяйственной частью и младшим обслуживающим персоналом – 159 штатных единиц¹⁷.

Кроме того, в конце марта 1940 г. в Зоологический институт из Института горючих ископаемых и Института микробиологии АН СССР была передана Залучинская сапропелевая биологиче-

ская станция¹⁸, находившаяся в деревне Залучье Калининской области¹⁹. Станция вошла в состав ЗИН как отдельное подразделение, состоящее из 8 сотрудников, и с 15 июня 1940 г. они переводом были зачислены в штат ЗИН²⁰. Однако на IV квартал 1940 г. для Зоологического института было установлено штатное расписание в количестве 150 единиц²¹.

В ходе первого (1928–1932) и второго (1933–1937) пятилетних планов развития народного хозяйства начала складываться общегосударственная система планирования научных исследований. В первых пятилетних планах большинство академических учреждений излагали направления своих исследований, суммировав работы отдельных сотрудников. На вторую пятилетку уже был составлен перспективный план исследований Академии. Большое внимание в плане было уделено проблемам организации советской науки и ее связи с народнохозяйственными задачами²². Для того чтобы преодолеть чрезвычайную разрозненность фаунистических исследований и перейти к плановому проведению исследований, Зоологический институт АН СССР в феврале 1932 г., по договоренности с Госпланом СССР, организовал в Ленинграде Всесоюзную фаунистическую конференцию, в которой приняли участие 365 зоологов из 136 научных учреждений СССР²³. В организационный комитет конференции, помимо сотрудников ЗИН, входили представители других научных учреждений, а также посланцы наркоматов (Наркомпрос, Наркомзем, Наркомснаб) и ленинградского отделения Коммунистической академии. На конференции было предложено распределение тематики по учреждениям.

Директор Зоологического института академик С.А. Зернов в своем докладе в октябре 1937 г. на юбилейной конференции, подводившей итоги научной работы в СССР за 20 лет Советской власти, указал, что работа Всесоюзной фаунистической конференции в 1932 г. послужила отправной точкой для внедрения плановости в работу Зоологического института. В том же докладе он также достаточно подробно осветил тематику и основные достижения сотрудников Зоологического института в период с 1931 по 1936 гг.²⁴.

Рассмотрим основные темы, над которыми работали сотрудники ЗИН в 1937 г. Они отражены в документе «Основные задачи и структура Зоологического института», подписанном заместителем директора А.М. Дьяконовым и ученым секретарем Е.Ф. Гурьяновой²⁵. По этому документу видно, что это был обширный план фундаментальных исследований с некоторым уклоном в прикладную сторону, которую всегда приветствовали власти. Тематика научных исследований соответствовала подразделению института на отделы, в каждом из которых была своя специфика.

Так, в отделе наземных позвоночных изучали систематический состав позвоночных животных СССР и сопредельных стран; филогенетические отношения отдельных видов в пределах нашей фауны, а также по отношению к родственным группам вообще; историю развития и происхождения отдельных видов и групп, в частности историю происхождения домашних животных; географическое распространение отдельных видов животных, закономерности их распространения, историю и динамику этих процессов; биоценотические отношения позвоночных к другим группам животных и растений и их связи со средой; биологию отдельных видов позвоночных животных; возможности акклиматизации, охраны и доместикации полезных животных. Исследования проводили преимущественно в СССР, но также и в сопредельных странах (Монголия), а в некоторых случаях – и во всемирном масштабе.

Сотрудники отдела наземных беспозвоночных исследовали фауну насекомых и паукообразных, их систематику, зоогеографию, биологию и экологию. Основными проблемами отдела были описание фауны насекомых путем составления монографий, включаемых в издание «Фауна СССР»; изучение неполовозрелых фаз насекомых; зоогеографическое районирование; составление карт географического распространения и экономического значения вредителей сельского хозяйства и животноводства; изучение биоценотических взаимоотношений насекомых с растениями и окружающей средой; выяснение вопроса кормовой специализации у насекомых (пища как экологический фактор); проблема массового размножения насекомых (динамика размножения и методика воздействия на нее).

В отделе паразитологии проводили работы по изучению паразитов человека, домашних и диких животных в трех основных направлениях: систематика, морфология, филогения и эволюция паразитов; изучали паразитоценозы; проводили экспериментальные и полевые работы по экологии паразитов и влиянию внешних факторов на их жизненный цикл. Эти исследования давали основу для выработки мер борьбы с паразитами и распространителями болезней.

В отделе гидробиологии изучали фауну морских и континентальных вод Союза по следующим разделам: систематический состав водных животных (особое внимание уделялось изучению фауны Арктики, дальневосточных морей и водохранилищ); разработка естественных классификаций; составление монографий по отдельным группам водных животных; зоогеография и история развития фаун морских и континентальных водоемов СССР; установление системы зон и биоценозов водоемов, закономерностей горизонтального и вертикального распределения животных в связи с факторами среды и историей развития водоема; проблема биологических индикаторов, имеющих значение для установления течений и санитарии вод; влияние гидротехнических сооружений на фауну и продуктивность водоемов; разработка теории биологической продуктивности водоемов.

Экологическая лаборатория была связующим звеном между всеми четырьмя предыдущими отделами в области экологических работ, но она имела также и самостоятельную проблематику, преимущественно экспериментальную. Изучали внутривидовые и межвидовые отношения между животными и между животными и растениями; закономерности массового размножения животных; выявляли значение факторов неорганической и органической среды (свет, температура, влажность, климат и микроклимат, пища) в экологии вида; проводили сравнительное изучение биоценозов для изучения их динамики.

В 1938 г. началось осуществление третьего пятилетнего плана (1938–1942). При его составлении впервые по указанию Совнаркома СССР Президиум Академии предложил академическим учреж-

дениям разработать план внедрения в производство результатов научных исследований. Планы Академии на 1938 г. дважды рассматривались на заседаниях Совнаркома – 8 мая и 26 июля 1938 г. Совнарком отмечал пробелы в тематике Академии и нацеливал ее на постановку первоочередных теоретических проблем, вытекающих из третьего пятилетнего народнохозяйственного плана, на сокращение сроков их разработки²⁶. Известно, что в советский период государство старалось жестко контролировать науку, стремясь к скорейшему достижению практических результатов, особенно в условиях нестабильности политической обстановки и подготовке к возможной войне.

На расширенном заседании Президиума АН 11 мая 1938 г. Общее собрание вынуждено было признать необходимость перестройки работы Академии, поэтому всем учреждениям АН СССР было предложено обсудить план еще раз²⁷. В Зоологическом институте так же, как и в других академических институтах, план работы на 1938 г. был пересмотрен. После бурного обсуждения новый план был принят на заседании ученого совета ЗИН 19 мая 1938 г.²⁸. Согласно этому плану, который в корне отличался от плана предыдущего года, работа большинства сотрудников должна была быть сконцентрирована вокруг пяти проблем²⁹:

1. Низшие таксономические единицы (руководитель С.А. Чернов). По этой проблеме предполагались исследования по разработке основ классификации животных в пределах вида, определение критериев вида и всех низших таксономических единиц.

2. Происхождение и эволюция паразитизма (руководитель Е.Н. Павловский). В этой проблеме разрабатывалось биологическое обоснование рациональной борьбы с распространением паразитарных заболеваний человека и животных. В рамках этой проблемы исследования проводили по двум основным темам: «Сезонная и возрастная динамика паразитоценозов животных» под руководством Б.Е. Быховского и И.Е. Быховской, «Роль паразитов в составе биоценозов и вопросы циркуляции вирусов и паразитарных начал в природе». Эту тему вели Б.И. Померанцев, А.С. Мончадский, Е.Н. Павловский и др. Обе работы были тесно связаны с

исследованиями, проводившимися в Военно-медицинской академии. Организовывали также совместные экспедиции.

3. Биологическая продуктивность морских и континентальных вод (руководитель В.И. Жадин). В результате передачи в 1938 г. в Зоологический институт двух морских биологических станций (Севастопольской и Мурманской) увеличилось количество гидробиологов в штате ЗИН, что позволило более широко изучать данную проблему. В ЗИНе был организован семинар по вопросам биологической продуктивности. В течение 1938 г. были проведены 23 заседания семинара. В этой проблеме работа велась по пяти темам: 1) «Динамика гидробиологических процессов в водохранилищах канала Москва-Волга» (В.И. Жадин, В.М. Рылов, Е.С. Неизвестнова, Д.А. Ласточкин, А.П. Щербаков, П.Г. Данильченко); 2) «Круговорот веществ и пищевые связи в биоценозах озера» и 3) «Биосток рек и методы его изучения в целях прогноза биологического режима водохранилищ». По второй и третьей теме В.И. Жадин, Е.С. Неизвестнова и Н.Г. Родина проводили работы на Красногорском озере; 4) «Пищевые связи в биоценозах моря». Исследования по фито- и зоопланктону и бентосу, а также питанию рыб проводили в Дальне-Зеленецкой губе Баренцева моря и на Севастопольской станции на Черном море; 5) «Динамика биогенных элементов». По данной теме на Мурманской биологической станции в 1938 г. были выполнены исследования по сезонной динамике донных биоценозов литорали.

4. Кормовая специализация у растительноядных насекомых. Эта проблема имела большое значение для выработки мер борьбы с вредными насекомыми. Работу вели по теме «Значение кормовой специализации в распространении полезных и вредных растительноядных насекомых» совместно с институтом пчеловодства», но в последующие годы эта тема была закрыта.

5. Приспособление животных к жизни в пустыне (руководитель Б.С. Виноградов). Эта тема была частью общетеоретической проблемы адаптации животных к различным условиям существования. Работа проходила в Каракумской пустыне по двум направлениям: «Приспособление животных к грунтам в пустыне» и

«Приспособления животных пустыни к осенне-зимним условиям существования». Таким образом, количество исследуемых тем (по сравнению с предыдущими годами) сократилось почти в три раза.

В соответствии с новым планом в 1938 г. была изменена и система руководства научной работой института. Существовавшим ранее отделением и отделам института были оставлены функции хранения коллекций и работы по музею. Научное руководство было сконцентрировано отдельно, в руках руководителей проблем. Исследователи объединялись не по принципу систематического положения изучаемого ими материала (специалисты по жукам, по двукрылым и т.д.), а на основании единой тематики или проблемы. Считалось, что этим достигается необходимая комплексность в разрешении проблем и «сознательная целеустремленная деятельность» коллектива сотрудников. Планы Севастопольской и Мурманской станций также подверглись изменениям и были «увязаны с планом Зоологического института». Вследствие этого проблема «Продуктивность моря» (руководитель К.А. Бродский) стала единой для всех трех учреждений (имеется в виду Зоологический институт, Мурманская и Севастопольская биологические станции). Был также установлен порядок отчетности по выполнению научного плана. Каждые 10 дней (1, 10 и 20 числа) руководители проблем, а также редактор «Фауны СССР» и «Определителей» подавали в дирекцию краткую письменную сводку о проделанной работе³⁰.

В июне 1938 г. были утверждены суммы на научные командировки и полевые работы на 1938 г. География исследований была довольно обширна: Дальние Зеленцы, озера Севан, Красногорское, Селигер, Барабинские, водохранилище канала Москва-Волга, Каспийское море, Башкирская АССР, Крымская АССР, Средняя Азия, Западная Сибирь, Донецкая, Восточно-Сибирская и Ленинградская области. Были запланированы 17 научных командировок и экспедиций. Всего на эти работы было выделено 84 588 руб.³¹.

План работ Академии наук на 1939 г. обсуждался на Общем собрании 29 сентября 1938 г. В принятой резолюции говорилось, что попытки провокации фашизмом войны против Советского Союза

требуют от всего научного коллектива академии включения в план 1939 г. актуальной народно-хозяйственной и оборонной тематики. Также по предложению, сделанному президентом АН В.Л. Комаровым, Общее собрание утвердило новую структуру Академии наук: вместо трех отделений было решено организовать восемь³². Например, из Отделения математических и естественных наук предлагалось сделать четыре: Отделение физико-математических наук, Отделение химических наук, Отделение геологических наук и Отделение биологических наук (ОБН)³³. В декабре 1938 г. в Московском доме ученых состоялось заседание, посвященное обсуждению тематики Биологического отделения Академии наук на 1939 г.³⁴. Дважды (26 февраля и 22 апреля 1939 г.) Совнарком обсуждал план работ Академии наук СССР на 1939 г. Была образована правительственная комиссия по рассмотрению и внедрению законченных работ Академии³⁵. 28–29 мая 1939 г. Общее собрание вновь обсуждало план работ Академии наук на 1939 г. На этом же заседании академик Е.Н. Павловский сделал доклад – «Природная очаговость инфекционных и паразитарных болезней»³⁶.

В 1939 г., так же, как и в 1938 г., все научные силы Зоологического института были сконцентрированы на разработке пяти основных теоретических проблем важных в народно-хозяйственном отношении. Работа ЗИНа проходила совместно с работой смежных, родственных по специальности учреждений. Особенно тесный контакт удалось достичь с ВНИРО и ВНИОРХ по линии рыбной и нерыбной промышленности моря и пресных вод, с ВИЗР'ом – по линии защиты растений от вредителей, с Военно-медицинской академией, Наркомздромом рядом заповедников и охотничьих хозяйств³⁷.

В 1940 г. работы проводили по тем же проблемам, что и в 1939 г. По каждой проблеме были получены результаты, имеющие практическое значение. В институте регулярно проводили научные семинары, на которых часто присутствовали ученые из других научных учреждений Ленинграда. На семинарах обсуждали важнейшие вопросы соответствующих разделов зоологии³⁸.

Таким образом, начиная с 1938 г., в корне изменился подход к планированию научной проблематики института. Если раньше

каждый ученый изучал выбранную им узкую группу животных, то теперь ученые разных специальностей объединялись для решения одной общей проблемы. Например, тему «Вид и низшие таксономические единицы» под руководством герпетолога С.А. Чернова разрабатывали териологи Б.С. Виноградов, А.И. Аргиропуло и В.И. Громова, орнитологи А.Я. Тугаринов и П.В. Серебровский, ихтиолог Д.Н. Талиев, гидробиологи Е.Ф. Гурьянова и С.С. Смирнов, энтомологи К.В. Арнольди, А.М. Дьяконов, И.В. Кожанчиков, В.В. Попов и И.А. Рубцов³⁹.

Рассмотрим теперь, в каких условиях приходилось трудиться сотрудникам Зоологического института, и какие изменения произошли в эти годы в правилах внутреннего распорядка. Как известно, в конце 30-х годов XX века был принят целый ряд законов для укрепления трудовой дисциплины. Сначала 20 декабря 1938 г. вышло Постановление СНК СССР о введении на предприятиях и в учреждениях трудовых книжек. Затем последовало Постановление СНК, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28.12.1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины». В это же время была введена система поощрений для добросовестных работников – принято положение о присвоении высшего трудового отличия – звания Героя Социалистического труда и награждении медалями «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие»⁴⁰.

Большинство академических учреждений до 1938 г. включительно не имело правил внутреннего распорядка. Часы работы научного и обслуживающего персонала не регламентировали. Научные сотрудники по академической традиции проводили эксперименты, писали и публиковали статьи по свободному расписанию. Для реализации «Декабрьского постановления» была создана «Комиссия по вопросу о трудовой дисциплине в институтах и учреждениях АН СССР» под председательством Президента АН академика В.Л. Комарова. На заседании комиссии, состоявшемся 21 января 1939 г., Комаров сказал: «Декрет о поднятии трудовой дисциплины застал нас врасплох. В институтах Академии наук нет установленных твердых правил, нет установленных часов работы»⁴¹. Комиссия в срочном порядке разработала проект типового

положения о правилах внутреннего распорядка в институтах Академии наук⁴².

Зоологический институт отреагировал на эти нововведения весьма оперативно. Уже в начале января 1939 г. был составлен график работы по заполнению трудовых книжек. Специально для этой цели была выделена группа сотрудников, которые должны были закончить оформление трудовых книжек к 15 января 1939 г.⁴³

4 января 1939 г. был издан приказ по ЗИН об отмене прихода на работу в разное время и установлен 6-часовой рабочий день для научных, научно-технических и административных служащих – с 10 до 17 часов с часовым обеденным перерывом. Приход на работу и уход с работы в обязательном порядке отмечали у табельщика⁴⁴. За опоздания карали достаточно строго, вплоть до увольнения.

В 1940 г. в связи с возросшей военной опасностью в СССР была повышена обязательная мера труда – увеличена продолжительность рабочего дня рабочих и служащих до 8-ми часов. Все государственные, кооперативные и общественные предприятия и учреждения были переведены с шестидневки⁴⁵ на семидневную неделю, считая седьмой день недели (воскресенье) днем отдыха. Ужесточилась ответственность за прогулы. Под страхом тюремного заключения были запрещены увольнение и переход в другую организацию без разрешения директора. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. в Зоологическом институте была установлена семидневная рабочая неделя и 8-часовой рабочий день для всех сотрудников ЗИН. Рабочий день теперь начинался в 9 часов утра и оканчивался в 17 час. 30 мин., с получасовым перерывом на обед⁴⁶.

С 1 сентября 1940 г. был изменен существовавший порядок учета выхода на работу и ухода с работы сотрудников ЗИН. Вместо регистрации в журнале установили табельную доску. Каждый сотрудник имел табельный номер, который он вешал на доску, приходя на работу, и снимал с доски, уходя домой. Заведующая канцелярией ежедневно к 12 часам подавала в дирекцию рапорт с указанием количества сотрудников, явившихся на работу вовремя, опоздавших (с указанием времени), неявившихся (больных, в

экспедициях, командировках). Разрешения на выход из здания сотрудников в рабочее время по служебным делам подписывал заведующий отделом или отделением и санкционировала дирекция. Выход из института без письменного разрешения рассматривался как самовольный уход с работы⁴⁷. Если сотрудник опаздывал на работу менее, чем на 5 минут, ему «ставили на вид»⁴⁸. За опоздание более, чем на 5 минут, объявляли выговор⁴⁹.

Из всего вышесказанного мы видим, что в предвоенные годы увеличился численный состав Зоологического института АН СССР, за счет принятия в его состав лаборатории гидробиологии и микробиологии из Гидрологического института, Мурманской и Севастопольской биологических станций, а также Залучинской сапропелевой биологической станции. Кроме того, в связи с усилившимся вмешательством советского правительства в деятельность научного сообщества страны, жестким контролем тематики научных исследований и ужесточением трудового законодательства в Зоологическом институте произошли значительные изменения в планировании научных разработок, структуре руководства научными темами и системе отчетности.

Примечания

1. *Зернов С.А.* Зоологический институт Академии наук СССР за период 1931–1936 гг. // Известия АН СССР. Сер. Биол. 1937. № 4. С. 1121–1141.
2. *Слепкова Н.В.* Реорганизация Академии наук 1929–1931 гг. и Зоологический музей. // Академический архив в прошлом и настоящем. Сб. научных статей СПб.: Изд-во Нестор-История, 2008. С. 292–302.
3. *Быховский Б.Е., Тер-Минасян М.Е.* Зоологический институт Академии наук СССР в 1917–1967 гг. // Материалы к пленарному заседанию Научного совета, посвященному 50-летию Советской власти. Л., 1967. С. 3–21.
4. *Юрьев К.Б.* Исторический очерк. // Зоологический институт. 150 лет / Под ред. О.А. Скарлато. Л.: Наука, 1982. С. 13–41.
5. *Световидов А.Н.* О подготовке кадров в Зоологическом институте Академии наук СССР. // Известия АН СССР. Сер. Биол. 1959. № 1. С. 155–158.
6. Основные задачи и структура Зоологического института АН СССР //

- Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 55. Оп. 1 (1937). Д. 1. Л. 8.
7. Положение о Зоологическом институте АН СССР // Там же. Л. 4.
  8. Распоряжение № 23 по ЗИН АН СССР от 4.09.1933 г. // Научный архив Зоологического института РАН (НА ЗИН РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 879. Л. 29.
  9. Распоряжение № 47 по ЗИН АН СССР от 3.09.1938 г. // НА ЗИН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 891. Л. 59.
  10. В экологической лаборатории ЗИН АН СССР, организованной в 1934 г. при отделе наземных беспозвоночных, проводили исследования по изучению влияния экологических условий на развитие и изменчивость некоторых чешуекрылых и теплового обмена под действием солнечной радиации и микроклиматических факторов у некоторых насекомых, моллюсков и грызунов. См: Зернов С.А. Указ. соч. С. 1126.
  11. *Смирнов А.В.* О попытке подразделения в 1940 г. Зоологического института АН СССР на Институт зоологии и паразитологии и Институт гидробиологии. // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы XXXIV международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН (25–29 ноября 2013 г.). Вып. XXIX. СПб., 2013. С. 115–116.
  12. Письмо из Президиума АН СССР от 23.10.1937 г. Председателю СНК СССР тов. В.М. Молотову // СПбФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1(1937). Д. 7. Л. 9.
  13. Распоряжение № 45 по ЗИН АН СССР от 15.11.1937 г. // НА ЗИН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 888. Л. 74.
  14. Записка о передаче лаборатории гидробиологии и микробиологии из государственного Гидрологического института ГМС в состав Зоологического института АН СССР от 07.10.1937 г. // СПбФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1(1937). Д. 7. Л. 20 об.
  15. Распоряжение № 22 по ЗИН АН СССР от 22.05.1938 г. // НА ЗИН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 891. Л. 24.
  16. Распоряжение № 30 по ЗИН АН СССР от 3.07.1938 г. // Там же. Л. 36–39.
  17. Распоряжение № 7 по ЗИН АН СССР от 29.01.1940 г. // Там же. Д. 897. Л. 14–16.
  18. Постановление Президиума АН СССР от 20 марта 1940 г. и Бюро Биологического отделения АН СССР от 26 марта 1940 г. // Там же. Л. 84.
  19. В настоящее время – деревня Залучье в Осташковском районе Тверской области.
  20. Распоряжение № 50 по ЗИН АН СССР от 23.06.1940 г. // НА ЗИН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 897. Л. 84.
  21. Распоряжение № 118-а по ЗИН АН СССР от 23.11.1940 г. // НА ЗИН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 897. Л. 196.
  22. *Митрякова Н.М.* Начальные этапы планирования в Академии наук СССР (1927–1940 гг.). // Вестник Академии наук СССР. 1971. № 8. С. 130–139.
  23. *Кирьянова Е.Ф.* Всесоюзная фаунистическая конференция. // Природа. 1932. №5. С. 453–458.
  24. *Зернов С.А.* Указ. соч.
  25. «Основные задачи и структура Зоологического института» // СПбФ АРАН, Ф. 55. Оп. 1(1937). Д. 1. Л. 8–12.
  26. *Митрякова Н.М.* Указ. соч.
  27. В Академии наук СССР. Постановление Расширенного Президиума Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. 1938. № 5. С. 78.
  28. Протокол XXI заседания Ученого совета ЗИН АН СССР от 19.05.1938 г. // СПбФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1(1938). Д. 1. Л. 14.
  29. Годовой отчет о научной работе Зоологического института АН СССР за 1938 г. // СПбФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1(1938). Д. 7. Л. 1–13.
  30. Распоряжение № 42 по ЗИН АН СССР от 9.06.1939 г. // НА ЗИН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 894. Л. 55.
  31. Распоряжение № 25 по ЗИН АН СССР от 11.06.1938 г. // НА ЗИН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 891. Л. 28–29.
  32. *Савина Г.А.* Опыт социальной истории в лицах: В.Л. Комаров – президент АН СССР. Нестор: Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. 2005 № 3(9). С. 165–205.
  33. Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947) / Под ред. акад. С.И. Вавилова. Изд-во АН СССР. М.-Л. 1950. С. 196–197.
  34. Там же. С. 201.
  35. *Митрякова Н.М.* Указ. соч.
  36. Материалы к истории .... С. 214.
  37. Отчет о научно-исследовательской работе ЗИН АН СССР за 1939 г. // СПбФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1(1939). Д. 10. Л. 2.
  38. Отчет о научной деятельности Зоологического института АН СССР за 1940 г. // СПбФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1 (1940). Д. 10. Л. 12.
  39. Отчет о научно-исследовательской работе ЗИН АН СССР за 1939 г. // СПбФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1(1939). Д. 10. Л. 4–7.
  40. *Романенкова Е.Н.* Ужесточение трудового законодательства (1930–

июнь 1941 г.) // История отечественного государства и права. Учеб. пособие. М.: ТКВелби, 2004.

41. Протокол Заседания Комиссии под председательством академика В.Л. Комарова по вопросу о труддисциплине в институтах и учреждениях АН СССР от 21.01.1938 г. // АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 53. Л. 3.
42. Типовое положение о правилах внутреннего распорядка в институтах АН СССР // АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 53. Л. 16–18.
43. Распоряжение № 1 по ЗИН АН СССР от 2.01.1939 г. // НА ЗИН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 894. Л. 1.
44. Распоряжение № 2 по ЗИН АН СССР от 4.01.1939 г. // НА ЗИН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 894. Л. 2.
45. Шестидневная рабочая неделя, или шестидневка, с фиксированным днем отдыха, который приходился на 6, 12, 18, 24 и 30 число каждого месяца, была введена с 1 декабря 1931 г. Постановлением СНК СССР от 21.11.1931 г. «О непрерывной производственной неделе в учреждениях».
46. Распоряжение № 54 по ЗИН АН СССР от 28.06.1940 г. // НА ЗИН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 897. Л. 90.
47. Распоряжение № 82 по ЗИН АН СССР от 29.08.1940 г. // НА ЗИН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 897. Л. 140.
48. Распоряжение № 94 по ЗИН АН СССР от 26.09.1940 г., № 96 от 27.09.1940 г., № 97-а от 29.09.1940 г. // НА ЗИН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 897. Л. 155, 158, 159.
49. Распоряжение № 87 по ЗИН АН СССР от 10.09.1940 г. // НА ЗИН РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 897. Л. 147.

К истории отечественной генетики: документы доктора биологических наук Т.В. Асеевой в Архиве РАН

Yu. V. Shchepanskaya

On the history of domestic genetics: the doctor of biological sciences T.V. Asseeva documents in the RAS Archives

Аннотация. Статья посвящена обзору документальных материалов из личного фонда известного биолога и селекционера Т.В. Асеевой. Архивные документы дают возможность проследить сложный жизненный путь и по достоинству оценить научный вклад талантливого исследователя, оставившего яркий след в истории отечественной генетики.

Ключевые слова: биология, генетика, сортовая систематика, культурное растение, сельское хозяйство, Т.В. Асеева.

Abstract. The article is devoted to the review of documentary materials from the personal fund of the famous biologist and breeder T.V. Asseeva. Archival documents provide an opportunity to investigate the hard way of life and appreciate the scientific contribution of a talented researcher who left a bright mark in the Russian genetics history.

Keywords: biology, genetics, billet systematics, cultivated plant, agriculture, T.V. Asseeva.

Первая треть XX столетия ознаменовалась бурным развитием смежной области биологии – генетики. В эти годы было впервые сформировано понятие «ген» и обосновано его существование, начались работы по исследованию хромосом, было доказано, что ДНК является носителем наследственной информации. Первые работы по генетике успешно проводились в России на опытных сельскохозяйственных станциях и в университетских лабораториях.

ях. Однако биологической науке предстояло пройти трудный путь в условиях политической и идеологической доктрины молодого советского государства.

В ряду выдающихся российских биологов, стоявших у истоков отечественной генетики, хочется отметить скромных, самоотверженных и незаслуженно забытых подвижников, переживших сложный период политических гонений на генетику, продолжавших упорно отстаивать свои научные взгляды, демонстрируя стойкость и несгибаемость перед лицом суровых испытаний.

В этом благородном деле сохранения памяти о жизненном пути, о непростых человеческих судьбах и примерах преданного служения науке неопределимую услугу оказывают архивные документы, открывающие все новые и новые имена выдающихся русских ученых, которым выпало жить и творить в грозные годы начала минувшего столетия.

Таким неутомимым исследователем, селекционером-практиком была Татьяна Васильевна Асеева, всю свою жизнь посвятившая работам по генетике, цитологии и сортовой систематике культуры картофеля, ставшая соавтором выведения наиболее ценных отечественных сортов и положившая начало научным основам картофелеводства в нашей стране. См. ил. 1.

Окончив в 1920 г. факультет растениеводства Петровской сельскохозяйственной академии, Асеева долгие годы работала на Корневской картофельной селекционной станции¹, где под руководством А.Г. Лорха² занималась изучением сортового состава посевов картофеля и определением его хозяйственной ценности.

С конца 1920-х гг. Асеева продолжила экспериментальные исследования по генетике и селекции картофеля в Лаборатории генетики Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур под руководством Н.И. Вавилова и Научно-исследовательском институте картофельного хозяйства Наркомата земледелия РСФСР.

Изучение природы спонтанных мутаций и образования новых морфологических форм в ходе сортоиспытания с успехом проводились Асеевой на Белорусской зональной опытной станции в совхозе «Большая Слепянка», в опытных хозяйствах различных

регионов страны, что давало возможность выявить и оценить особенности и достоинства местных популяций культурных растений.

Асеевой принадлежит заслуга выведения первых советских сортов картофеля «Лорх» и «Корневский»³, отличавшихся высокой урожайностью и непревзойденными вкусовыми качествами. Урожаи этих сортов картофеля стали жизненно важным подспорьем для страны в годы Великой Отечественной войны⁴.

Экспериментальными работами Асеевой было положено начало систематическим исследованиям генетики картофеля. Основные принципы сортоопределения, разработанные ею, в дальнейшем были использованы во всех отечественных определителях картофеля⁵.

Наиболее полное представление о научной деятельности Асеевой, о ее вкладе в развитие государственной системы сортоиспытания в нашей стране, о характере ее творческой личности дают материалы личного фонда ученого, хранящиеся в Архиве РАН⁶.

В состав фонда вошли автографы, машинописные и черновые варианты научных работ Асеевой за период с 1927 по 1937 г.: «Вегетативные мутации у картофеля», «Вегетативные мутации у картофеля в свете новейших исследований», «Рентгеномутации у картофеля» (совм. с Я.Л. Шехтманом), «Рентгеномутанты»⁷, научный доклад «Сортовая систематика и генетика картофеля», представленный в 1970 г. на соискание ученой степени доктора биологических наук по совокупности опубликованных работ⁸.

Среди научных трудов Асеевой сохранились отпечатки ее статьи «Bud mutation in the potato and their chimerical nature», опубликованной в английском журнале «Journal of Genetics» за 1927 г.⁹, а также фотокопии и переводы фрагментов работ английского биолога Х.У. Говарда (H.W. Howard), опубликованных в журнале «Heredity» за 1962 г., с отзывами и ссылками на научные исследования Асеевой о действии гена «М», ограничивающего распространение пигмента у картофеля¹⁰.

Существенную часть фонда составляют многолетние записи, фиксировавшие ход экспериментальных исследований, проводившихся на опытных селекционных станциях и в лабораторных

условиях: таблицы и графики наблюдений вегетативных рентгеномутаций у картофеля, статистические сводки сортоиспытаний, обобщенные данные по урожайности и сравнительным признакам коллекций семенного фонда, схемы и прогнозы выведения новых сортов культурных растений путем гибридизации¹¹. Эти материалы, характеризующие основные направления повседневных опытных изысканий ученого, относятся к периоду 1932–1937 гг.

Научные взгляды Асеевой нашли отражение в ее отзывах на диссертационные работы исследователей по проблемам селекции и изменчивости картофеля, в том числе, на автореферат диссертации В.И. Оверчука «Создание исходного материала для селекции картофеля в Полесье УССР», представленной на соискание докторской степени по сельскохозяйственным наукам, и кандидатскую диссертацию А.В. Мезенцева «Влияние гамма-облучения различной мощности и электронного облучения на изменчивость картофеля»¹².

Асеева темпераментно реагировала на малейшие неточности, ошибки и несоответствия, допущенные в научных и беллетристических статьях. Примером тому служат ее подробные, педантичные разборы и комментарии к публикациям в периодической печати. Ее беспристрастным отзывам подверглись ботанические очерки писателя и литературоведа А.Н. Стрижева, опубликованные в журнале «Наука и жизнь»¹³. Письма Асеевой в редакцию журнала изобилуют критическими замечаниями и научными доводами по поводу спорных утверждений автора¹⁴.

Раздел биографических документальных материалов содержит свидетельство Курской духовной консистории от 31 октября 1896 г. о крещении Асеевой и запись о ее рождении, удостоверение о поступлении в 1912 г. в восьмой дополнительный класс Курской второй женской гимназии с углубленным изучением математики, свидетельство об окончании шоферских курсов Императорского Московского технического училища 1 ноября 1916 г., трудовую книжку, многочисленные справки о служебной деятельности¹⁵.

Отдельную группу личного фонда Асеевой составляют иллюстративные документы – индивидуальные и групповые фотоснимки

с коллегами по институту, работниками селекционных станций, специалистами опытных сельскохозяйственных учреждений¹⁶. См. ил. 2.

Научные работы Асеевой получили высокую оценку и заслуженное признание за рубежом. Ее статьи, отзывы и ссылки на них публиковались в зарубежных периодических изданиях. Среди иностранной корреспонденции Асеевой, в первую очередь, стоит упомянуть письмо знаменитого английского ученого Р. Саламана (R.N. Salaman)¹⁷ от 14 января 1931 г. с приглашением к совместным исследованиям и поздравлениями в связи с «превосходными» результатами работ в области мутаций картофеля¹⁸.

В конце 1930-х гг. в ее адрес поступали восторженные отзывы от немецкого специалиста Х. Рафлета (H. Rathlet), автора оригинальных работ по генеалогии сортов и генетике картофеля, американского генетика Ф. Оуэна (F. Owen), американского биохимика Р. Читтендена (R. Chittenden), американского ботаника немецкого происхождения Э. Артшвагера (E. Artschwager)¹⁹, а также обращения научно-исследовательских институтов и лабораторий с просьбами прислать описания научной методики селекции, фитопатологической оценки и сортоиспытания семян картофеля.

Документальные материалы фонда свидетельствуют о том, что Асеева получала приглашения от Исполнительного комитета V Международного ботанического конгресса в Кембридже принять участие в работе Секции генетики в августе 1930 г., а также представлять выставочные образцы картофельных мутантов на VI Международном генетическом конгрессе в Итаке (США) в августе 1932 г. Однако, по всей видимости, этим событиям в жизни Асеевой не суждено было произойти.

В 1939 г., когда в стране развернулась политическая борьба с генетикой и генетиками, получившая название «лысенковщины», Асеева была вынуждена прекратить свои генетические исследования и уйти из Института. Позднее в своей автобиографии она записала, что «давление на классическую генетику все усиливалось, мои знания и опыт стали ненужными»²⁰.

В этот тяжелейший для страны период, когда ведущие генетики были арестованы, уволены, отстранены от преподавания в шко-

лах и вузах, Ассеева открыла в себе подлинный дар художника-иллюстратора, который не только в буквальном смысле спас ей жизнь, но и позволил продолжать заниматься любимым делом в качестве просветителя и популяризатора разнообразных видов среднерусской флоры и фауны.

При ее участии вышли в свет «Школьный ботанический атлас»²¹, иллюстрированный альбом «Картофель в СССР»²², были подготовлены труды и путеводители Курского государственного природного заповедника им. проф. В.В. Алехина.

В фонде Ассеевой самую привлекательную часть составляют ее художественные работы – в основном, карандашные рисунки представителей животного и растительного мира, в том числе, забавных домашних питомцев, пейзажи, жанровые сценки и бытовые сюжеты из жизни коллег-биологов, институтских сослуживцев, снабженные остроумными комментариями и яркими характеристиками²³.

Ее пристрастие к «братьям нашим меньшим» нашло отражение в переписке с администрацией кукольного театра С.В. Образцова по поводу методов дрессировки домашних животных²⁴. Примером послужил собственный кот Ассеевой по кличке Джой, развивший в себе уникальные математические дарования и способности к прочим диковинным трюкам.

Научная деятельность Ассеевой получила высокую оценку ведущих генетиков и селекционеров. В отзыве на ее доклад «Изучение сортовой систематики и генетики картофеля», представленный на соискание ученой степени доктора биологических наук, профессор С.М. Букасов²⁵ писал: «Татьяна Васильевна Ассеева положила начало научным основам картофелеводства в Советском Союзе. Она впервые изучила и детально описала обширную коллекцию сортов картофеля, состоящую из тысяч селекционных сортов многих зарубежных стран и местных сортов многих областей СССР. Она – инициатор важного начинания – сбора местных сортов, что дало возможность составить полную картину стародавнего и современного их состава. Были выявлены обезличенные ранее сорта, имеющие ценность для производства, а также сорта

устаревшие и малоценные, но все еще засоряющие сортовые посадки картофеля. Результаты изучения перечисленного материала были использованы Ассеевой для создания основ ботанической и агрономической систематики сортов картофеля. Она разработала детальную методику описания сортов, что послужило и для создания первого в СССР руководства по апробации картофеля»²⁶.

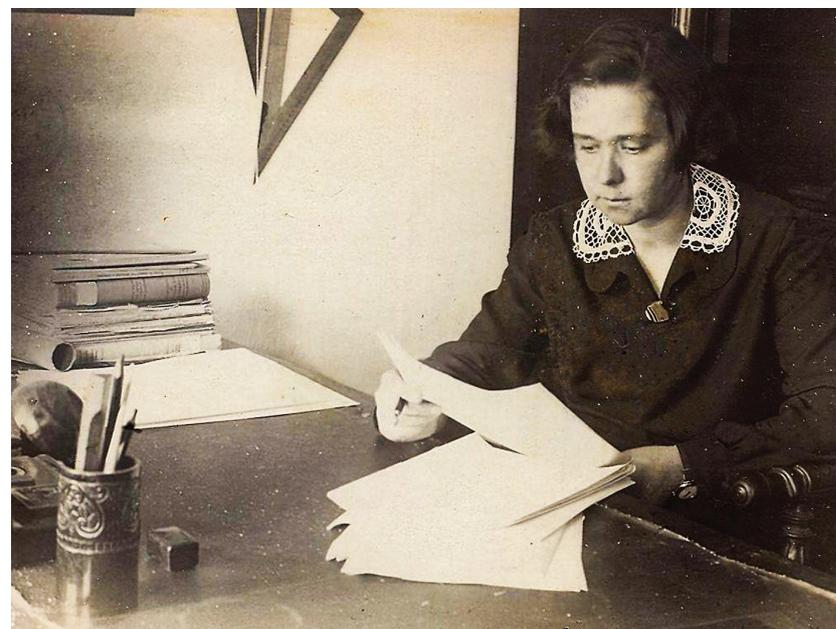
Итоговую оценку научных заслуг Ассеевой дал доктор биологических наук, заведующий Лабораторией генетических методов селекции растений Института общей генетики АН СССР С.Я. Краевой: «Она провела огромную экспериментальную работу и внесла большой, как теоретический, так и практический вклад <...> в сортовую систематику, в частную генетику картофеля, в изучение спонтанных вегетативных мутаций, в разработку индуцированного получения мутаций. <...> Эти работы Татьяны Васильевны в настоящее время можно считать классическими, они представляют собою образец возвышенного служения науке, которая служит практике»²⁷.

Примечания

1. Корневская картофельная селекционная станция была образована в 1919 г. под Москвой. В 1930 г. она была преобразована в Научно-исследовательский институт картофельного хозяйства.
2. Лорх Александр Георгиевич (1889–1980), советский селекционер, доктор сельскохозяйственных наук, один из родоначальников селекции и сортоиспытания картофеля в СССР.
3. 5 апреля 1945 г. за участие в выведении этих сортов Ассеева была награждена премией Наркомата земледелия СССР. См.: Выписка из приказа № 482 по Народному комиссариату земледелия СССР от 5 апреля 1945 г. о премировании селекционеров за сорта картофеля советской селекции // АРАН. Ф. Р.-V. Оп. За. Д. 15. Л. 2.
4. В 1942 г. в Мариинском районе Кемеровской области сорт «Лорх» дал мировой рекорд урожая – 1331 центнер с гектара, став одной из самых популярных сельскохозяйственных культур в нашей стране.
5. Яшина И.М. Многолетняя работа по селекции картофеля и перспективы ее дальнейшего развития // Картофель и овощи. 2007. № 4. С. 2–9.
6. Архивный фонд Т.В. Ассеевой поступил на хранение в Архив РАН 25 ноября 1975 г. от сотрудника Отдела селекции и генетики Научно-

исследовательского института картофельного хозяйства Э.В. Кирсановой в количестве двух связок архивных документов. В результате научно-технического описания документальных материалов сформировано 34 дела за период с 1927 по 1974 г.

7. АРАН. Ф. Р.-V. Оп. 3а. Д. 1–5.
8. АРАН. Ф. Р.-V. Оп. 3а. Д. 7. Л. 1–31.
9. АРАН. Ф. Р.-V. Оп. 3а. Д. 1. Л. 1–27.
10. АРАН. Ф. Р.-V. Оп. 3а. Д. 6. Л. 1–29.
11. АРАН. Ф. Р.-V. Оп. 3а. Д. 3. Л. 1–49.
12. АРАН. Ф. Р.-V. Оп. 3а. Д. 9. Л. 1–11.
13. *Стрижев А.Н.* Много ли растениям воды нужно? // Наука и жизнь. 1971. № 2. С. 125; Стрижев А.Н. Фенологические сезоны года // Наука и жизнь. 1972. № 1. С. 134.
14. АРАН. Ф. Р.-V. Оп. 3а. Д. 10. Л. 1–6.
15. АРАН. Ф. Р.-V. Оп. 3а. Д. 11, 12.
16. АРАН. Ф. Р.-V. Оп. 3а. Д. 25. Л. 1–8.
17. *Salaman Redcliffe Nathan (1874–1955)*, британский ботаник и селекционер. Автор монографий «*Potato Varieties*», «*The History and Social Influence of the Potato*» и многочисленных работ по генетике картофеля.
18. АРАН. Ф. Р.-V. Оп. 3а. Д. 13. Л. 3–4.
19. Там же. Л. 1; Д. 14. Л. 1–2.
20. Автобиография Асеевой Татьяны Васильевны. Машинопись. [Не ранее 1948 г.] // АРАН. Ф. Р.-V. Оп. 3а. Д. 18. Л. 4.
21. *Асеева Т.В., Тихомиров В.Н.* Школьный ботанический атлас: Дикорастущие травянистые цветковые растения средней полосы Европейской части СССР. М.: Просвещение, 1964. 295 с.
22. Картофель в СССР: [Альбом] / Под ред. И.А. Бенедиктова, А.В. Гриценко, П.Н. Поспелова. М.: Изд-во Наркомзема СССР, 1940. 80 с.
23. АРАН. Ф. Р.-V. Оп. 3а. Д. 27.
24. Там же. Д. 23. Л. 1–11.
25. *Букасов Сергей Михайлович (1891–1983)*, доктор биологических и сельскохозяйственных наук, академик ВАСХНИЛ (1956). Специалист по селекции и систематике картофеля, создатель ракоустойчивых и фитофтороустойчивых сортов.
26. АРАН. Ф. Р.-V. Оп. 3а. Д. 22. Л. 1.
27. Отзыв д.б.н. С.Я. Кравцова на доклад Т.В. Асеевой «Сортовая систематика и генетика картофеля». Машинопись. 21 января 1970 г. // АРАН. Ф. Р.-V. Оп. 3а. Д. 22. Л. 16–17.

Ил. 1. Т.В. Асеева [1930-е гг.]
АРАН. Ф. Р.-V. Оп. 3а. Д. 25. Л. 3.

Ил. 2. Т.В. Асеева (в центре) со слушателями Курсов апробаторов при Всероссийском научно-исследовательском институте картофельного хозяйства. 1971 г. АРАН. Ф. Р.-V. Оп. 3а. Д. 25. Л. 7.

РАЗДЕЛ I

К 150-летию со дня рождения
В.Л. Комарова

Публикации

О.Б. Бокарева

**Письмо директора санатория «Узкое» П.М. Кара-Мурзы
президенту АН СССР В.Л. Комарову**

О.В. Bokareva

**The letter from the director of
the sanatorium «Uzkoe» P.M. Kara-Murza to the president
of the Academy of Sciences of the USSR V.L. Komarov**

Аннотация. В основе статьи – публикация архивного документа – письма директора санатория «Узкое» П.М. Кара-Мурзы президенту АН СССР В.Л. Комарову. Оно было написано в июле 1942 г., когда в санатории был организован военный госпиталь. П.М. Кара-Мурза работал в госпитале врачом. Он также руководил санаторием как административно-хозяйственным комплексом. После возвращения из эвакуации в Москву многие ученые продолжали проводить свой отдых в Узком.

Ключевые слова: письмо, Архив РАН, П.М. Кара-Мурза, В.Л. Комаров, санаторий «Узкое», военный госпиталь.

Abstract. The article is based on the publication of archival document – the letter from the director of the sanatorium «Uzkoe» P.M. Kara-Murza to the president of the Academy of Sciences of the USSR V.L. Komarov. It was written in July 1942, when a military hospital was organized in the sanatorium. P.M. Kara-Murza worked in the hospital as a doctor. He also managed the sanatorium as an administrative and economic complex. After returning from the evacuation to Moscow many scientists continued to spend their holidays in the Uzkoe.

Keywords: a letter, the Archive of the Academy of Sciences of the USSR, P.M. Kara-Murza, V.L. Komarov, the sanatorium «Uzkoe», a military hospital.

Письмо Петра Макаровича Кара-Мурзы, директора санатория «Узкое» АН СССР (1936–1953), было написано президенту Академии наук СССР Владимиру Леонтьевичу Комарову второго июля 1942 г.¹ Машинописный текст письма с автографом, рукописной датой и местом составления сохранился в личном фонде академика В.Л. Комарова наряду с довоенной телеграммой П.М. Кара-Мурзы².

В тексте письма практически нет исправлений, несмотря на то, что в нем присутствуют орфографические и пунктуационные неточности. Одна рукописная помета имеется только на первом листе: в тринадцатой строке, над ней, вписан пропущенный предлог «в». Резолюции В.Л. Комарова в тексте письма нет. Конверт не сохранился.

На протяжении нескольких столетий санаторий «Узкое» был подмосковной дворянской усадьбой, расположенной на самом высоком месте Москвы (Сосенский стан Московского уезда) – на пике Теплостанской возвышенности, в юго-западной части города (памятник природы)³. После революции в усадьбе было организовано место отдыха для ослабленных детей. Часть имущества последних владельцев Узкого, князей Трубецких, была передана в Румянцевский музей, а из него – в РГБ; часть библиотеки (около 15 тысяч книг) осталась в Узком. Санаторий был открыт в усадьбе 14 мая 1922 г.⁴.

Он находился в ведении Центральной комиссии по улучшению быта ученых, а затем – Комиссии содействия ученым и Народного комиссариата здравоохранения СССР. Его посещали знаменитые деятели науки, культуры, искусства, отечественной медицины: К.С. Станиславский, А.Б. Фохт, Н.А. Семашко, О.Ю. Шмидт, М.М. Богословский, А.Е. Ферсман, В.И. Вернадский, Н.Д. Зелинский, И.А. Каблуков, А.Н. Северцов, Н.Н. Лузин, М.Н. Розанов, В.А. Обручев, Е.А. Косминский и многие другие⁵. Вместе в бильярд играли А.В. Луначарский и В.В. Маяковский. Читальня (мемориальная комната В.С. Соловьева) была местом уединения О.Э. Мандельштама. В ноябре 1937 г. санаторий «Узкое» был передан в систему Академии наук СССР⁶.

Во время Великой Отечественной войны санаторий стал военным госпиталем. Сотрудники АН СССР были эвакуированы из Москвы, многие были размещены в Боровом (Казахстан). В.Л. Комаров возглавил специальную комиссию Академии наук СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны.

Узкое вошло в Московскую зону обороны. В усадебном парке были вырыты траншеи, устроены блиндажи. На территории находилась Юго-Западная группа войск, основную часть ее составляла 332-я стрелковая дивизия⁷.

В ноябре 1941 г. на базе санатория «Узкое» был развернут полевой передвижной госпиталь 104-А на 210 коек. С марта 1942 г. по июнь 1943 г. там размещался эвакогоспиталь. С лета 1943 г. санаторий снова начал принимать отдыхающих, но в статусе Дома отдыха⁸.

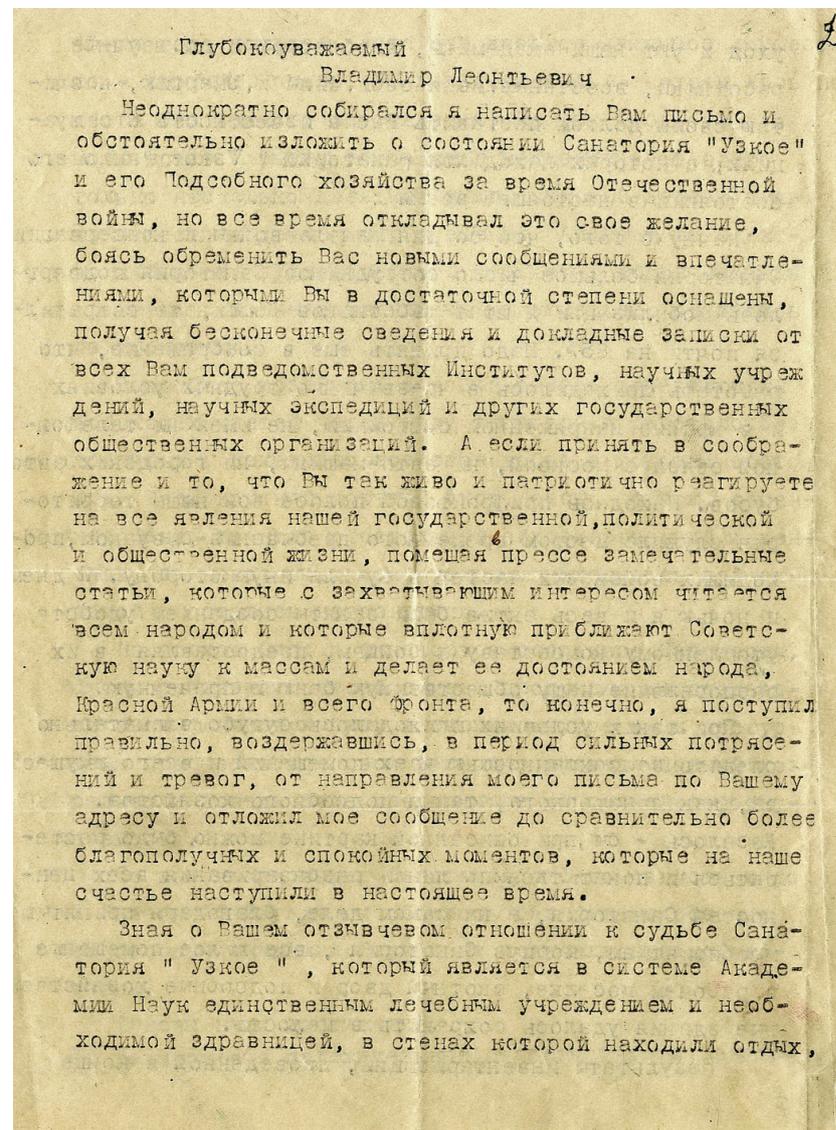
В военном госпитале в качестве врача трудился директор санатория «Узкое» П.М. Кара-Мурза, а также другие сотрудники.

В своем письме к В.Л. Комарову он пишет, что «большая часть сотрудников мобилизована», а в санатории (комбинате) осталась четверть от его первоначального состава.

П.М. Кара-Мурза не только оказывал помощь раненым, но и продолжал руководить Узким в хозяйственном отношении: следил за использованием по назначению усадебных построек, за сохранностью ценных историко-художественных экспонатов и медицинской аппаратуры, за реализацией сельскохозяйственной продукции за финансовой отчетностью санатория.

Письмо П.М. Кара-Мурзы является своего рода отчетом, созданным в период тяжелого военного времени. В преддверии 150-летнего юбилея со дня рождения В.Л. Комарова и 75-летней годовщины со Дня Победы публикация этого архивного документа весьма актуальна, поскольку в нем затронуты важные темы локального (организация госпиталя) и союзного (роль Академии наук СССР в деле Победы) масштабов.

Письмо публикуется в соответствии с правилами археографии при сохранении стилистических особенностей автора.

Письмо П.М. Кара-Мурзы к В.Л. Комарову. Б.д.
АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 696. Л. 2.

Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич⁹.

Неоднократно собирался я написать Вам письмо и обстоятельно изложить о состоянии Санатория¹⁰ «Узкое» и его Подсобного¹¹ хозяйства за время Отечественной войны, но все время откладывал это свое желание, боясь обременить Вас новыми сообщениями и впечатлениями, которыми Вы в достаточной степени оснащены, получая бесконечные сведения и докладные записки от всех Вам подведомственных Институты, научных учреждений, научных экспедиций и других государственных общественных организаций. А если принять в соображение и то, что Вы так живо и патристично реагируете на все явления нашей государственной, политической и общественной жизни, помещая в¹² прессе замечательные статьи, которые с захватывающим интересом читаются¹³ всем народом и которые вплотную приближают Советскую¹⁴ науку к массам и делают¹⁵ ее достоянием народа, Красной Армии и всего фронта, то, конечно, я поступил правильно, воздержавшись, в период сильных потрясений и тревог, от направления моего письма по Вашему адресу и отложил мое сообщение до сравнительно более благополучных и спокойных моментов, которые на наше счастье наступили в настоящее время.

Зная о Вашем отзывчивом¹⁶ отношении к судьбе Санатория «Узкое», который является в системе Академии Наук единственным лечебным учреждением и необходимой здравницей, в стенах которой находили отдых, уход и уют наши академики, профессора и др. научные работники, восстанавливая свои силы и энергию, я считаю своим долгом поставить Вас в известность о ситуациях, в которых находился санаторий¹⁷ «Узкое» и о его состоянии в настоящее время¹⁸.

Начну¹⁹ с того, что со дня начала войны и консервации Санатория большое число сотрудников Санатория подверглось мобилизации и штат работников Комбината сократился почти на 85%. Надо принять еще в соображение, что работать приходилось в чрезвычайно трудных условиях и в крайне напряженном состоянии, не имея ни телефонной связи с Москвой, ни авто-машины, ни городских автобусов. Находясь [в] прифронтовой полосе, вся наша²⁰

территория служила местом временного пребывания – бивуаком²¹ проходящих войсковых частей в ту или иную сторону. И днем, и ночью я и весь актив были заняты созданием удобств утомленному комсоставу и бойцам, предоставляя в их распоряжение нашу общественную баню и прачечную.

При таких условиях приходилось сугубо внимательно следить за сохранностью всех помещений и всего имущества, как санаторного, так и подсобного хозяйства. Казалось бы,²² при описанной картине можно было растеряться и покатиться по линии разбазаривания всех ценностей Санатория, а на самом деле, благодаря принятым мероприятиям, корпус Санатория, все жилое помещение в рабочем поселке, скотный двор и подсобные хозяйственные здания удалось сохранить в целостности.

Результаты инвентаризации, проведенной в конце [19]41-го года, показали, что все дорогое движимое имущество – картины, рояль, бильярд²³, мебель – сохранилось на месте без всякого повреждения. Ценная библиотека в количестве 7 тысяч томов книг недосчитывает всего только несколько десятков книг, каковой дефект нужно отнести к довоенному времени. Аппаратура электрокабинета²⁴, зубоврачебного кабинета, водолечебница и аптека, за незначительным исключением, оказались не тронутыми.

Подсобное хозяйство в самый разгар передвижения войсковых частей через нашу территорию работало непрерывно²⁵ и сохранило все свое добро в хорошем состоянии. Весь крупный рогатый скот, овощи, фураж, семенной фонд, трактор и остальной с/хозяйственный инвентарь, за некоторыми исключениями, находились под охранной и остались не тронутыми.

Не плохое было и финансовое состояние Санатория. Путем реализации своей с[ельско]/хоз[яйственной] продукции мы создавали свою финансовую базу и своими внутренними ресурсами покрывали все свои расходы, проведя полный хозрасчет и доведя свое предприятие до полной самоокупаемости.

Со дня консервации Санатория с I-го Августа²⁶ и до I-го Января²⁷ 1942 года мы обошлись без финансирования со стороны Академии Наук и не получали никакой дотации.

Таковы наши достижения.

Но, подчеркивая положительные стороны работы Санатория в период военных действий, я должен указать и на некоторые дефекты. В бытность Госпиталя²⁸ в помещении Санатория произошла авария с отопительной системой. При эвакуации Госпиталя большая часть бельевого и постельного имущества и часть хозяйственного инвентаря я принужден был²⁹ выдать Госпиталю в виду его нужды в оборудовании, о чем были составлены соответствующие³⁰ акты за подписью обеих сторон.

По линии с/хозяйства были также незначительные недочеты.

Подводя итоги проведенной работы в самый разгар военных³¹ операций, учитывая положительные и отрицательные стороны этой работы, необходимо отметить, что имущество и хозяйство, порученное нам на хранение, в большей части своей остались в сохранности, а меньшая часть не была разбазарена и расхищена, а пошла на пользу Красной Армии.

Таким образом, наше учреждение с честью вышло из положения: с одной стороны, оно сохранило доверенное ему ценное имущество Академии Наук и, с другой стороны, выполнило³² свой гражданский долг Советского³³ тылового учреждения, придя³⁴ на помощь Госпиталю и частям Красной Армии путем гостеприимства, устройства приюта, созданием санитарно-гигиенических условий и частичным снабжением всем тем, в чем эти части чувствовали нужду.

В настоящее время, после получения от Вас телеграфного решения передать помещение Санатория с оборудованием на временное пользование ЦК Союза Высшей Школы³⁵, мы приступили к организации Госпиталя, где будет выделено определенное количество коек, предназначенных к использованию для академиков.

При трудных условиях уже провели необходимый ремонт зданий; обставили все помещение надлежащим образом и даже оборудовали операционную.

В ближайшие дни учреждение начнет функционировать.

Все вопросы, связанные с реорганизацией санатория³⁶ и с заключением различных соглашений, договоров и т.п., были мною

согласованы с Уполномоченным³⁷ Президиума Академии Наук С.М. Файландом³⁸ и им же санкционированы.

В бытность свою в Москве Вице-президент³⁹ Академии Наук Иоффе Абрам Федорович⁴⁰ посетил Госпиталь и обошел все помещение.

Заканчивая свое письмо, прошу извинения за длинноты⁴¹, допущенные в нем мною.

С искренним уважением и почтением,
Д-р П. Кара-Мурза.

Шлю сердечный привет Надежде Викторовне⁴².
2/VII-42 г.
«Узкое».

АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 696. Л. 2–4. Машинопись, автограф.

Примечания

1. Кара-Мурза (Карамурза) Петр Макарович (1876–1953) – директор санатория «Узкое» АН СССР с февраля 1936 г. по сентябрь 1953 г., начальник военного госпиталя с августа 1941 г. по июнь 1943 г., врач.
2. Телеграмма П.М. Кара-Мурзы в связи с 70-летним юбилеем академика В.Л. Комарова. 1939 г. // АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 696. Л. 1.
3. Саркисов И.З. Отдыхайте в Подмосковье. Справочник о домах отдыха и санаториях. М.: Московский рабочий, 1962. С. 166–167; Юго-Запад Москвы. Из истории развития социалистического города. М.: Наука, 1985. С. 14–17.
4. Коробко М.Ю. Усадьба Узкое: историко-культурный комплекс XVII–XX веков [Электронный ресурс] // Электронная научная библиотека по истории древней архитектуры. URL: <http://www.rusarch.ru/korobko1.htm> (дата обращения: 6.05.2019).
5. Письмо от члена-корреспондента АН СССР Е.А. Косминского к Б.Н. Заходеру. Москва-17, п.о. «Теплый Стан», санаторий «Узкое». 26 июля 1939 г. АРАН. Ф. 1532. Оп. 4. Д. 149. Л. 1.
6. Коробко М.Ю. Указ. соч.
7. Там же.
8. Санаторий «Узкое» РАН, Федеральный научно-клинический центр

реаниматологии и реабилитологии [Электронный ресурс] // Санаторий «Узкое» РАН. URL: http://san_uzkoe@fnkscg.ru (дата обращения: 6.05.2019).

9. Перед знаком препинания расположен большой пробел.
10. Слово написано с прописной буквы.
11. Слово написано с прописной буквы.
12. Предлог вписан над строкой.
13. Слово исправлено из «читается».
14. Слово написано с прописной буквы.
15. Слово исправлено из «делает».
16. Слово исправлено из «отзывчивом».
17. Первая буква в слове является строчной.
18. Знак препинания изменен: поставлена точка вместо двоеточия.
19. Слово исправлено: первая буква заменена на прописную.
20. Первая буква в слове исправлена: напечатана по имеющейся.
21. Бивуак (бивак) – место под открытым небом.
22. Слово исправлено из «казалось-бы».
23. Так в рукописи.
24. Слово исправлено из «электро кабинета».
25. Слово исправлено из «безпрерывно».
26. Слово написано с прописной буквы.
27. Слово написано с прописной буквы.
28. Слово написано с прописной буквы.
29. Первая буква в слове исправлена: напечатана по имеющейся.
30. Последняя буква в слове исправлена: напечатана по имеющейся.
31. Первая буква в слове исправлена: напечатана по имеющейся.
32. Слово исправлено из «выполнило».
33. Слово написано с прописной буквы.
34. Слово исправлено из «прийдя».
35. Высшая школа марксизма-ленинизма при ЦК ВКП (б).
36. Первая буква в слове является строчной.
37. Слово написано с прописной буквы.
38. Сергей Михайлович Файланд, заведующий Отделом научной пропаганды АН СССР, уполномоченный Президиума АН СССР в Москве.
39. Слово написано с прописной буквы.
40. Академик, заместитель В.Л. Комарова (1942–1945).
41. Слово исправлено из «длиноты».
42. Надежда Викторовна Комарова (урожденная Старк) (1886–1962), супруга В.Л. Комарова.

Е.П. Янин

**Письма историка А.И. Яковлева
президенту Академии наук СССР В.Л. Комарову**

Е.П. Янин

**Letters of the historian A.I. Yakovlev
to the President of the USSR Academy of Sciences V.L. Komarov**

Аннотация. Публикуются письма известного русского историка, члена-корреспондента АН СССР А.И. Яковлева президенту Академии наук СССР академику В.Л. Комарову. Они содержат малоизвестные сведения о жизни и деятельности обоих ученых, особенно в годы Великой Отечественной войны. Особый интерес представляет информация об участии А.И. Яковлева в организации библиотеки Президиума АН СССР.

Ключевые слова: А.И. Яковлев, В.Л. Комаров, историк, академик, Академия наук, библиотека.

Abstract. The letters of the famous Russian historian, corresponding member of the Academy of Sciences of the USSR A.I. Yakovlev to the President of the Academy of Sciences of the USSR academician V.L. Komarov are published. They contain little-known information about the life and work of both scientists, especially during the Great Patriotic War. Of particular interest is the information about the participation of A.I. Yakovlev in the organization of the library of the Presidium of the Academy of Sciences of the USSR.

Keywords: A.I. Yakovlev, V.L. Komarov, historian, academician, Academy of Sciences, library.

Алексей Иванович Яковлев (1878–1951) – сын известного чувашского просветителя И.Я. Яковлева¹, русский историк, археограф, педагог, организатор библиотечного дела, член-корреспондент АН СССР (1929), автор монографий, брошюр и статей, посвященных социально-экономической и военно-политической истории и

общественной мысли в России XVI–XVII вв., составитель и редактор уникальных изданий письменных исторических источников, ученик В.О. Ключевского.

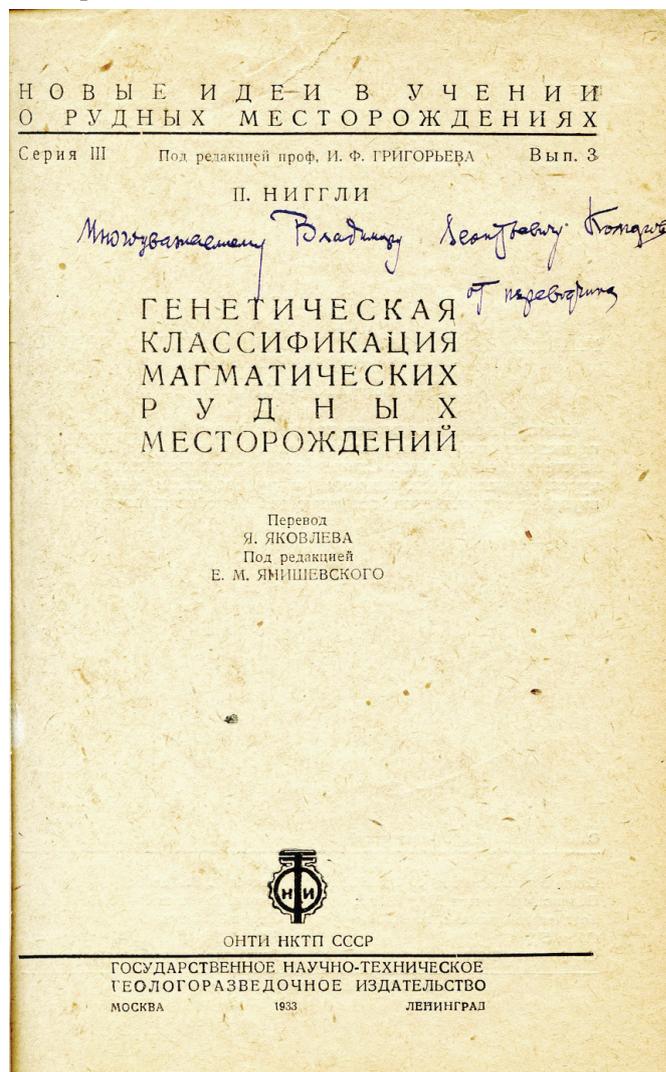
После окончания в 1900 г. историко-филологического факультета Московского университета Яковлев был оставлен для подготовки к профессорскому званию. В 1903–1904 гг. он сдал магистерские экзамены по русской и всеобщей истории и политической экономии, в 1903–1906 гг. преподавал русскую и всеобщую историю в разных высших и средних заведениях, в том числе на Московских высших женских курсах (по 1919 г.); приват-доцент Московского университета (1906–1917) и одновременно, с 1 мая 1906 г., заведующий Читальным залом, помощник библиотекаря, с 1 апреля 1908 г., заведующий, с лета 1919 г., отделом русской истории и, с 1924 г., консультант без содержания Румянцевского музея (ныне Российская государственная библиотека), был членом Совета Музея. В 1917 г. (19 февраля) Яковлев защитил в Московском университете магистерскую диссертацию по теме «Засечная черта Московского государства в XVII в.» и в том же году (23 апреля) – докторскую диссертацию по теме «Приказ сбора ратных людей». В Московском университете он вел курсы по историографии и методологии истории, экстраординарный (1917) и ординарный (1918–1919) профессор по кафедре русской истории историко-филологического факультета, профессор кафедры истории европейских и внешнеевропейских обществ факультета общественных наук (1921–1925), профессор этнологического факультета (1925–1929) Московского университета, преподавал на курсах по подготовке архивных работников (1918–1919). В 1920 г. Яковлев уехал в Симбирск, где работал в Чувашском институте народного образования в должности профессора истории и заведующего учебной частью², затем был ректором Симбирского практического института народного образования, ректором Симбирского государственного университета, одновременно заведовал Симбирским губернским архивом, периодически посещал Москву, поскольку боялся оставить Румянцевский музей, который нередко защищал от произвола новых властей. Осенью 1922 г. Яковлев вернулся в

Москву. В 1924–1930 гг. он преподавал в Московском университете, читал лекции по истории на Высших литературных курсах и заведовал их учебной частью. В 1922–1929 гг. – действительный член Института истории РАНИИОН, где руководил аспирантами. В 1924–1930 гг. работал директором библиотеки ВСНХ СССР.

В августе 1930 г. Яковлев был арестован по фальсифицированному «Академическому делу»³, тринадцать месяцев просидел в «Шпалерке» (тюрьма на Шпалерной улице в Ленинграде), был приговорен к ссылке и отправлен в Минусинск на 5 лет, где работал помощником библиотекаря в Минусинском краеведческом музее, преподавал английский и латинский языки⁴, в том числе сотрудникам Минусинской геологоразведочной базы, занимался переводами геолого-географической литературы. В Мемориальном кабинете-музее В.И. Вернадского при ГЕОХИ РАН отложился экземпляр переведенной Яковлевым с немецкого языка на русский книги П. Ниггли⁵, на титуле которой имеется дарственная надпись академику Комарову от переводчика. См. ил. 1. На третьей странице книги указано, что перевод ее сделан по инициативе Минусинской базы Западно-Сибирского геологоразведочного треста «Союзгеоразведки».

В 1933 г. Яковлев был освобожден (со снятием судимости), после чего вернулся в Москву, где в 1934–1937 гг. заведовал вновь созданным Бюро транскрипции географических названий Всесоюзного картографического треста (при Главном геолого-гидрогеодезическом управлении Наркомтяжпрома СССР), с 1938 г. и до конца своей жизни работал старшим научным сотрудником Института истории АН СССР, в 1941–1949 гг. был профессором в Московском государственном библиотечном институте, одновременно заведовал отделом рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина; в 1943–1951 гг. – профессор кафедры истории СССР исторического факультета Московского университета. Яковлев был членом Археографического совета (1948–1951) Института истории АН СССР, Ученого совета Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина и Ученого совета НИИ краеведческой и музейной работы. В 1943 г. ему была присуждена Ста-

линская премия второй степени, в 1945 г. он награжден Орденом Трудового Красного Знамени⁶.

Ил. 1. Титул книги П. Ниггли с дарственной надписью А.И. Яковлева академику В.Л. Комарову. «Я. Яковлев» – псевдоним Яковлева как переводчика. Мемориальный кабинет-музей В.И. Вернадского при ГЕОХИ РАН.

Известный историк Л.Н. Пушкарев⁷, работавший в 1948–1951 гг. в Институте истории АН СССР в научной группе Яковлева, вспоминал о нем: «Внешность его располагала к себе с первого взгляда. Высокого роста, не сутулый, скромно, но как-то очень rispetабельно одетый, с умным взглядом много повидавшего и опытного человека, скорее замкнутый, чем открытый, он производил впечатление в высшей степени интеллигентного человека. Да это и был интеллигент старого закала со своим представлением о долге, чести, обязанностях. Он был до болезненности пунктуален и требовал этого же от нас. Речь его была несколько старомодна («Позвольте вас спросить...», «Не будете ли вы так любезны, передать мне...», «Соблаговолите повторить» и т.д.) Повышенных тонов в разговоре он не терпел совершенно, сказанному доверял, но был требователен...⁸. Он был искренне верующим человеком. Его похоронили на Новодевичьем кладбище, на его могиле стоит простой крест из черного мрамора. Это вызвало в свое время протест со стороны Отдела науки («Человек с Лениным встречался, а на могиле – крест!»)⁹.

Знакомство Яковлева с В.Л. Комаровым состоялось благодаря академику В.И. Вернадскому. В опубликованных дневниках и автобиографических заметках последнего встречаются записи (их обнаружено более 20) о Яковлеве, из которых следует, что Вернадского и Яковлева, несмотря на довольно значительную разницу в возрасте (15 лет), связывали теплые, доверительные и дружеские отношения. Первая запись о Яковлеве у Вернадского датируется 20 декабря 1930 г., однако знакомство их состоялось намного раньше. Так, в «Хронологии 1937 г.» Вернадский сообщает¹⁰, что знал Яковлева как товарища своего сына Георгия¹¹. Действительно, Георгий Вернадский, будучи студентом Московского университета, занимался (около 1908–1910 гг.) в семинариях Яковлева¹².

Личное знакомство Яковлева с академиком Комаровым состоялось, очевидно, в середине 1930-х гг. Так, в дневнике Вернадского есть (19 декабря 1938 г.) запись о том, что «был А.И. Яковлев – принес свою книгу¹³, которую при поддержке Комарова ему удалось издать при непрерывном саботаже издательства АН... В

истории с книгами Яковлева, который благодаря Комарову и своей энергии находил силы, играл скверную роль <Б.Д.> Греков и мелкие коммунисты-мародеры (Вернадский всегда писал слово «коммунист» с одним «м» – *Е.Я.*), которые начали печатать его работы под своим именем, думая, что он не вернется (из ссылки – *Е.Я.*). Я[ковлев] преувеличивает мою роль – не мог убедить в противном. Я ему действительно один раз помог – рассказал Комарову и положение дел, и о ценности Яковлева»¹⁴. Но, судя по всему, Вернадский помогал Яковлеву неоднократно. Так, в 1943 г. Вернадский вспоминает о том, что «помог А.И. Яковлеву защитить свои права – вышедшую сейчас книгу – очень интересную – «Холопство и холопы в Москов[ской] Руси XVII в[ека]»¹⁵... Внутри историков... – мир интриг. Этой книгой хотели (Я[ковлев] в то время был арестован и выслан в Минусинск) воспользоваться избранные уже <в академики> ком[мунисты] – я обвинял <Б.Д.> Грекова и <В.П.> Волгина. Я познакомил Яковлева с Комаровым, и он (т.е. Яковлев – *Е.Я.*) объяснил в чем дело. Сейчас (IX.1943) книга вышла как яковлевская, а не труд Ист[орического] отделения»¹⁶.

Обращение Вернадского к Комарову и вмешательство последнего помогло Яковлеву не только опубликовать книги под своим именем, но и – при непосредственном участии президента АН СССР – вернуться на работу в Академию (в Институт истории СССР), за что Яковлев был крайне признателен Комарову. Эта признательность находит отражение (нередко прямо-таки в пафосных фразах) и в публикуемых ниже письмах и телеграммах Яковлева к Комарову. Здесь надо заметить, что минусинская ссылка, судя по всему, обострила в Яковлеве, скажем так, чувство самосохранения. В дневнике Вернадского есть показательная запись (17 февраля 1941 г.): «Днем был А.И. Яковлев. Живой разговор – всегда рад его видеть. Между прочим, часто переходит на французский язык, так как думает, что во многих домах есть слуховые в стенах устройства для подслушивания. Передает, что есть случаи, которые иначе нельзя объяснить. Я думаю, что он пересаливает»¹⁷ Много позже Пушкирев вспоминал, что Яковлев «всегда старался выказать полное приятие им постановлений партии и правительства и неизмен-

но положительное отношение к политике»¹⁸. Упомянутым выше «чувством самосохранения» во многом, очевидно, и объясняется частое использование Яковлевым в своих письмах явно не свойственных ему «газетных здравниц» в честь «Верховного Вождя Русской земли» и т. п. Хотя, безусловно, следует учитывать и характер того времени – многие письма были написаны Яковлевым в разгар Великой Отечественной войны, в которых он, говоря его словами, пытался отразить существующее тогда общее настроение.

Письма и телеграммы Яковлева хранятся в личном фонде академика Комарова в Архиве РАН (фонд 277). При подготовке их к публикации авторские подчеркивания были выделены курсивом; части недописанных и сокращенных слов даются в квадратных скобках. Пропущенные слова, знаки препинания в телеграммах, инициалы, а также слова, введенные публикатором для лучшего понимания смысла, заключены в угловые скобки. Явные описки исправлены без каких-либо указаний. Орфография и пунктуация, в основном, приведены в соответствие с современными нормами русского языка при максимальном сохранении авторской манеры.

№ 1

А.И. Яковлев – В.Л. Комарову
Москва-47, ул[ица] Горького, <дом> № 104, кв[артира] 6,
Тел[ефон]: Д-1-41-53
<Получено> 23 сентября 1938 г.

Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич.

В апреле прошедшего 1937 г. года я оставил Вам перевод книги Гаузена о геологическом строении бассейна Верхнего Енисея¹⁹. Смею напомнить Вам о том, что рукопись лежит у Вас в кабинете. Оставляя ее, я имел некоторую надежду на то, что она, может быть, сослужит некоторую полезную службу, если появится в печати. Кроме экземпляра, оставленного у Вас, у меня есть еще экземпляр, тщательно проредактированный одним из наших крупнейших геологов²⁰, который мог, в случае благоприятного решения

о печатании, сменить тот, который я Вам оставил. Если печатание невозможно, не будет ли машинописный текст перевода, переданный в библиотеку или рукописное отделение геологического отдела Академии наук, полезен для справок геологам, не знающим английского языка?²¹.

На самых ближайших днях (около 1 октября) я буду иметь честь и удовольствие поднести Вам отпечатанный, благодаря Вашему содействию, том издаваемых мною новгородских кабальных книг, составивших в этой своей первой части около 50 печатных листов. Другой такого же объема том на днях поступает в печать²², а по поводу общего хода наших работ, если Вы позволите, я хотел бы иметь у Вас личный доклад.

Уважающий Вас и признательный Вам
Алексей Яковлев

АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1676. Л. 1. Авторизованная машинопись с подписью-автографом.

№ 2

А.И. Яковлев – В.Л. Комарову
Москва-47, ул[ица] Горького, <дом> № 104, кв[артира] 6,
<Телефон>: Д-1-41-53
7 января 1939 г.

Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич.

Если Вы разрешите мне, как старому многолетнему библиотекарю, хотелось бы быть Вам полезным по организации справочной библиотеки при кабинете Президента Всесоюзной академии наук, в каковую должны войти все основные энциклопедии (английская, французская, немецкая), основные атласы, справочники (напр[имер], The Statesman's Yearbook²³ и др.), не говоря уже о полном наборе основных русских энциклопедий.

Такое оборудование <библиотеки> через специальный отдел Академии по выписке иностранных книг и через хозяйственный

отдел Академии потребует ассигнования около 2000 руб[лей] валютных и около 2000 руб[лей] наших советских.

Если выраженное Вами (при моем личном разговоре с Вами) желание Вы решите привести в исполнение, я займусь этим детально и составлю подробную смету в указанных пределах.

С глубоким к Вам уважением
Алексей Яковлев

АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1676. Л. 2. Авторизованная машинопись с подписью-автографом.

№ 3

А.И. Яковлев – В.Л. Комарову
28 апреля 1939 г.

Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич.

Ввиду того, что мне, по независящим от меня причинам, доселе не удалось привести в порядок приготовленные еще к Вашему приезду книги для Вашего служебного кабинета, и, учитывая доходящие до меня через разных лиц, работающих при Академии наук, недоуменные замечания по поводу этого чрезвычайно простого и ясного в своей сущности дела, позволю себе изложить Вам на бумаге то, что было мною предпринято по Вашему согласию и указанию в течение февраля-марта с[его] г[ода].

В поданной мной Вам докладной записке я предлагал оборудовать эту справочную библиотеку иностранными изданиями на сумму примерно 2–3 тысячи валютных рублей и 3 тысячи рублей советских (см. мой доклад от 4 февраля с. г.). Когда я приступил к систематическому, правильно мною повторявшемуся, осмотру книгохранилищ «Межд[ународной] книги»²⁴ и других госуд[арственных] фондов, я обнаружил там весьма значительное количество новых заграничных изданий справочного и географического характера (между прочим, словари Вебстера²⁵, Бешерелля²⁶, Британскую энциклопедию, <Большую энциклопедию> Ларусса²⁷,

атласы Штилера, Андреа, Гаммонда, Филипса²⁸, библиографию Брюне²⁹ и т.д. и т.п.), между которыми встречались редкие и очень ценные издания, вроде указанного труда Брюне, трудно разыскиваемого даже в Зап[адной] Европе. Вполне естественно, запросив об этом П.Г. Шидловского³⁰, я несколько изменил программу задания, решив спешно оборудовать Ваш кабинет сначала при помощи покупок на Московском рынке, не требующем валютных ассигнований, так как по подлинным словам т. Шидловского на наши советские деньги можно было приобретать книги, не стесняя программы приобретения предположенной мною сметы в 3 тыс[ячи] советских рублей.

Этими покупками во многих случаях значительно сокращались в будущем заказы за счет валютных ассигнований.

К моему большому огорчению мне не только не удалось перебросить приготовленные книги к Вашему возвращению, как я обещал, в помещении самой Академии, но они и доселе лежат кучами в помещении Академической библиотеки на улице Фрунзе³¹, возбуждая справедливое неудовольствие тамошней администрации, принужденной и отвечать за них и мириться с беспорядком, вызываемым этим скоплением громоздких изданий (вроде Британской энциклопедии) в тесном помещении этой библиотеки.

Вместе с тем, мне было передано от Вашего имени, что затраты на покупку книг сделаны слишком большие. Замечу, что валютных заказов доселе не было сделано *совсем*, а Британская энциклопедия, Большая Французская энциклопедия и Брюне поглотили 6 тысяч рублей, тогда как другие учреждения не задумываются перед покупкой одной Британской энциклопедии за 7 тысяч рублей. На мои обращения к проф[ессору] Яковкину³² о валютном отчислении для покупки из московских фондов *вновь выписанных книг* с выставки Международной книги, продающихся только на валюту, я вообще не получил никакого формального ответа, а ассигнования через библиотеку на ул[ице] Фрунзе советских денег идут с такими задержками, что я должен был, дабы не упускать в магазинах ценных изданий, берущихся покупателями на расхват, все время затрачивать свои собственные деньги

(иногда более 1000 рублей), лишь с большими проволочками возвращаемые мне обратно.

Указываю на это не для того, чтобы принести жалобу или обратить внимание на свою готовность исполнить желание Президента Академии, что с готовностью сделает, конечно, любой сотрудник нашего учреждения, а для того, чтобы, если моя работа в указанном направлении, рассматриваемая мною как общественное задание, будет признана Вами желательной, и впредь дело это могло бы развиваться без излишних проволочек и задержек. Проект положения о специальной библиотеке при Президиуме, мною подготовленный, будет Вам незамедлительно представлен.

С глубоким уважением

А. Яковлев

Член-корреспондент <АН СССР> профессор

АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1676. Л. 3–5. Авторизованная машинопись с подписью-автографом.

№ 4

Телеграмма

А.И. Яковлев – В.Л. Комарову

Из Москвы, городская.

Москва, Пятницкая, 33

<13 октября 1939 г.>

Владимиру Леонтьевичу Комарову

Поздравляю семидесятой годовщиной жизни <,> отданной научному исканию <,> творчеству <.> Желая многих лет дальнейшей плодотворной работы <.> Приветствую высокой наградой советской власти <.> Профессор Алексей Яковлев.

АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1676. Л. 6. Бланк телеграммы.

№ 5

А.И. Яковлев – В.Л. Комарову
Москва,
31 декабря 1939 г.

Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич.

Поздравляю Вас и Надежду Викторовну³⁴ с Новым годом и желаю Вам от всего сердца сил, здоровья, благополучия. Ваше нездоровье омрачило для Ваших друзей и почитателей конец кончающегося сегодня года, – да будет начало 1940-го года для нас скрашено Вашим полным выздоровлением. Я знаю, как нехорошо преждевременно нарушать полный покой при заболевании, подобном Вашему, и, как это ни радостно будет для всех нас, боюсь слишком поспешного Вашего возвращения к делу. Только бы вполне Вы оправились!

Вы внесли новый бодрящий дух в жизнь Академии, сплотили вокруг себя ее деятельные силы, сумели связать нас, скромных работников науки, с высшими представителями Советской власти, и этим сообщили нашему стодневному труду уверенность и спокойствие, – отсюда наш общий страх, чтобы здоровье Ваше не потерпело ущерба. Берегите же себя от перенапряженности в труде!

Вам преданный А. Яковлев

АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1676. Л. 7–7 об. Автограф.

№ 6

Телеграмма

А.И. Яковлев – В.Л. Комарову
Из Москвы,
Москва, Пятницкая, 33
15 марта 1941 г.

Президенту Академии Комарову

Радуюсь Вашему высокому отличию <.> Сердечно поздравляю <.> Профессор Яковлев³⁵.

АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1676. Л. 8. Бланк телеграммы.

№ 7

А.И. Яковлев – В.Л. Комарову
Москва-47, ул<ица> Горького, <дом> № 52, кв<артира> 6
18 мая 1942 г.

Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич.

Позвольте поднести Вам две странички моих воспоминаний о Владимире Ильиче Ленине. Думаю, что каждая деталь, относящаяся к жизни такого большого человека, как Владимир Ильич, может быть полезной для его биографии: в этом вижу оправдание напечатания моих скромных заметок о встречах с ним.

Очень радовался, читая в газетах Ваши статьи, столь страстные, столь сильные и так верно отражающие наше общее настроение. Радовался им и потому, что видел в них симптомы Вашего выздоровления и Вашей неизменно кипучей работоспособности.

Прошу передать уверение в моем глубоко уважении и передать мой сердечный привет многоуважаемой Надежде Викторовне.

Преданный Вам

А. Яковлев

АРАН. Ф. 277. Оп. 5. Д. 90. Л. 4. Авторизованная машинопись с подписью-автографом.

№ 8

Дарственная надпись, сделанная А.И. Яковлевым на оттиске его статьи «Четыре встречи с В.И. Лениным», подаренного В.Л. Комарову,

5 мая 1942 г.

Глубокоуважаемому Владимиру Леонтьевичу Комарову
на память о Великом Ленине
от автора. 1942–5–5.

«Исторический журнал», 1942, № 1–2, <с. 160–162>.

№ 9

А.И. Яковлев – В.Л. Комарову
Москва-47, улица Горького, дом № 52, квартира 6,
8 июля 1943 г.

Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич.

Приношу Вам мою глубокую благодарность за Вашу, дящуюся уже немало лет, поддержку моей научной работе. Благодаря Вам мне удалось напечатать Новгородские кабальные книги, часть Морозовских хозяйственных актов³⁶ и др. В этом году при Вашей моральной поддержке я был удостоен нашей высшей награды – Сталинской премии за мой многолетний труд по истории древнерусского холопства³⁷. Моя особая благодарность Вам – по поводу продвижения (несмотря на ряд сильных противодействий в недрах самой Академии) этой моей работы к печати. Сегодня я получил уведомление, что вновь прокорректированный текст ее готов к спуску в машины, и бумага, нужная для печатания, по распоряжению Отдела печати ЦК ВКП(б)³⁸ сдана в типографии, и на ближайших же днях книга моя будет напечатана. Увидать труд, отнявший у меня не один десяток лет, в печати, да еще в трудные дни Великой Отечественной войны, это ли не награда для скромного ученого архивного исследования, если и связанного с нашей великой народной страдой, то только морально, ибо оно не имеет прямого касательства к обороне! Приятнейшим долгом по выходе книги будет поднесение ее нашему Великому Вождю И.В. Сталину, Вам и В.М. Молотову.

Не могу не выразить Вам признательности и за удачнейшее возглавление нашего академического издательства двумя замечательными работниками – старым бойцом революции, бывшим шлиссельбуржцем Ф.Н. Петровым³⁹ и молодым ее героем – партизаном уже нынешней войны – В.Г. Тепленко⁴⁰. В лице этих двух товарищей мы получили, наконец, то высококультурное возглавление нашего издательского аппарата, которого так долго не удавалось наладить. Общее дружное желание лиц, ныне соприка-

сающихся с Издательством, конечно, работать как можно далее и впредь с этими двумя товарищами.

Позвольте пожелать Вам сил, здоровья, крепости на радость всем Вашим искренним почитателям и друзьям. Да сломит наша Родина скорее ненавистного врага и да вернется она к своей мирной строительной работе!

Низкий поклон и сердечный привет Надежде Викторовне.

Вас искренне уважающий и сердечно Вам преданный
Ал. Яковлев

АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1676. Л. 9–9 об. Авторизованная машинопись с подписью-автографом.

№ 10

А.И. Яковлев – В.Л. Комарову
7 января 1944 г.

Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич.

Препровождаю Вам для просмотра приготовленную моими сотрудниками и мною выставку «Полководец Суворов». Кроме «Суворова», мы приготовили еще выставки, посвященные Александру Невскому, Дмитрию Донскому, Минину и Пожарскому, Кутузову, и разрабатываем планы таких же выставок, посвященных Ивану IV, Богдану Хмельницкому. Петру I, истории Севастопольской осады 1854/[185]5 гг. и истории современной Отечественной войны.

По поводу «Суворова» я получил следующий отзыв маршала Жукова:

«СССР. Первый заместитель Народного Комиссара Обороны.
11 декабря 1943 [г.], № 111-а-43

Лауреату Сталинской премии,
члену-корреспонденту Всесоюзной Академии наук,
проф[ессору]

А.И. Яковлеву

Альбом, посвященный деятельности А.В. Суворова по содержанию и художественному оформлению исполнен Вами хорошо.

Альбом будет хорошим наглядным пособием для офицерского состава и особенно для курсантов Суворовский и офицерских школ Красной армии при изучении истории славных побед Русской армии под водительством гениального полководца А.В. Суворова.

Хорошо было бы в альбоме расширить и ярче* показать победы Русской армии над пруссаками в Семилетнюю войну и роли в ней А.А. Суворова на заре своей полководческой деятельности.

Маршал Советского Союза
Жуков (подпись)

Сверх того благоприятные отзывы получены от Института истории АН <СССР>, от редакции «Исторического журнала», от Наркома В.П. Потемкина⁴¹ и его заместителей, от ак[адемика] Тарле⁴², художников, писателей и мн[огих] других лиц.

Из ПУР⁴³ пишут:

«Альбом-выставка “Полководец Суворов”» – оригинально задуманное и впервые оригинально выполненное пособие. Альбом в ярких и малоизвестных широкому кругу читателей фоторепродукциях показывает основные моменты жизни и боевой деятельности великого русского полководца. Как просветительное пособие, альбом полезен и может выполнить свою положительную роль в данном виде».

Столь же благоприятный отзыв обрадовал меня и в Президиуме Совнаркома. А.Я. Вышинский⁴⁴ выразил пожелания, чтобы альбом был превращен в диапозитивы. Теперь мы заняты подготовкой нашего материала к печатному изданию.

Смею думать, что задание Президиума АН <СССР>, предложенное мне к исполнению, можно считать выполненным удовлет-

* Уже исполнено (сноска, сделанная рукой А.И. Яковлева внизу страницы). На первой странице письма в левом углу написано: «Доложено В.Л. Комарову. В Дело. 10/1-[19]44 г.» Подпись неразборчива, но, судя по начальным буквам, это подпись Б.А. Шпаро.

ворительно. Мои сотрудники и благодарят Президиум и в первую очередь Вас, Глубокоуважаемый Владимир Леонтьевич, за оказанное доверие и выражают свою горячую готовность и дальше развивать это дело.

Глубоко уважающий и преданный Вам
А. Яковлев

АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1676. Л. 10–10 об. Авторизованная машинопись с подписью-автографом.

№ 11

А.И. Яковлев – В.Л. Комарову
14 октября 1944 г.

Высокоуважаемый, любимый Владимир Леонтьевич.

Разрешите в день Вашего славного 50-летнего юбилея⁴⁶ принести Вам мой горячий личный привет. Мы все, академические работники разных специальностей, бесконечно признательны Вам за Ваше мудрое, сердечное и деятельное руководство нашим многосложным учреждением в труднейшую годину, переживаемую нашей Родиной, и горячо приветствуем ту высокую оценку Вашей работы, которой Вас почтил Верховный Вождь Русской земли и всех ее народов.

Помимо общей признательности Вам всей нашей дружной академической семьи, я имею особые основания сердечно благодарить Вас за то, что в 1937 году именно благодаря Вашему распоряжению я был возвращен на академическую дорогу, после ряда трудных лет получил научное пристанище, смог напечатать свои три большие по объему научные труды и этим путем посылно приобщиться к той грандиозной социалистической стройке, которая идет под руководством нашего Великого Вождя И.В. Сталина.

Примите же благосклонно выражение моей сугубой благодарности Вам.

Шлю сердечный привет охранительнице Вашего семейного покоя и благополучия Надежде Викторовне.

Вам преданный почитатель Ваш
Ал. Яковлев

АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1676. Л. 11. Авторизованная машинопись с подписью-автографом.

№ 12

А.И. Яковлев – В.Л. Комарову
6 марта 1945 г.

Глубокоуважаемый, дорогой Владимир Леонтьевич.

В дополнение к моему пространному докладу, одновременно с настоящим письмом, Вам предоставляемому, беру на себя смелость обратиться к Вам с настоящим кратким письмом по тому же делу об издании военно-исторических альбомов.

Мои ближайшие сотрудники (их около 15 человек) <и я> считаем задачу тесной увязки славного русского прошлого с великими событиями наших дней, с развитием и упрочнением Советского строя, с гениальной работой нашего великого Вождя – очередным и важнейшим заданием. Наши доблестные воины сокрушают врага на поле брани, а мы, скромные работники тыла, должны помогать укреплению боевой работы своими знаниями, умением, опытом и трудом. Формой, в которой мы – историки и присоединившиеся к нам художники, можем быть полезны всенародному делу, является выработка стандартов военно-исторической, научно-поставленной и художественно-обработанной литературы. Руководство этими заданиями, смею думать, всего естественнее было взять на себя могучему аппарату нашей Академии, в недрах которой это дело и возникло в данном случае. Вот почему, два с половиною года напряженно работая над этим делом и преодолевая много трудностей и препятствий, как вне, так и внутри Академии, мы имели и имеем смелость рассчитывать на Ваше сильное покровительство в нашем задании.

Стандартный тип будущего издания, как он нам предносится в мыслях, прилагаю в виде изданного мною альбома «Древности мордовского народа»⁴⁷, в свое время Вам поднесенного, но, быть может, не имеющегося у Вас под руками. Думаю, что издание таких же альбомов под заголовками «Александр Невский», «Дмитрий Донской», «Минин и Пожарский». <Альбомы > «Суворов» и «Кутузов» были бы полезны для воспитания подрастающих поколений советских людей.

Прошу извинения за доuku по делу, которому и мои сотрудники, и ученики, и я сам придаем серьезное общественное и государственное значение и которое не может осуществляться в недрах А[кадемии] н[аук СССР] без Вашего покровительства.

Уважающий Вас и признательный Вам
Алексей Яковлев

АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1676. Л. 12–12 об. Авторизованная машинопись с подписью-автографом.

№ 13

Телеграмма

А.И. Яковлев – В.Л. Комарову
Местная, Москва, Пятницкая, 33
Президенту Академии наук Комарову
12 июня 1945 г.

Сердечно поздравляю высоким отличием⁴⁸<,> желаю долгих лет плодотворной работы на благо Родины<,> возглавляемой Великим Вождем нашим <.> Алексей Яковлев.

АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1676. Л. 13. Бланк телеграммы.

Примечания

1. Яковлев Иван Яковлевич (1848–1930) – православный миссионер, педагог, организатор народных школ, создатель нового чувашского алфавита и учебников чувашского и русского языков для чувашей, писатель, переводчик, фольклорист. Основатель (1868) и бессменный руководитель Симбирской чувашской учительской школы (с 1917 г. – учитель семинарии). Инспектор (1875–1903) чувашских школ Казанского учебного округа, в который входила и Симбирская губерния.
2. В письме к известному российскому и советскому историку Ю.В. Готье (1873–1943) 23 октября 1920 г. Яковлев пишет: «Мне пришлось принять в заведование сложное полуразрушенное школьное хозяйство и стать лицом к лицу с топливным кризисом. По ходу дел я вынужден даже взяться за физически очень приятное, но отнимавшее много времени дело рубки леса своими руками» (см.: *Готье Ю.В. Мои записки*. М.: ТЕРРА, 1997. С. 547).
3. В это время в судьбе Яковлева активное участие принимали брат и сестра В.И. Ленина – Д.И. и А.И. Ульяновы, с которыми (как и с их братом) Яковлев был знаком с детства. Отец Ленина, И.Н. Ульянов (1831–1886), инспектор (с 1869 г.), директор (с 1874 г.) народных училищ Симбирской губернии, способствовал деятельности И.Я. Яковлева в своей губернии, они были знакомы семьями. Именно поэтому, когда Чувашское национальное общество пыталось устранить И.Я. Яковлева от руководства учительской семинарией, его сын обратился за помощью к Ленину. Ю.В. Готье в своих записках 21 апреля 1918 г. сообщает: «<А.И.> Яковлев рассказывал, что вчера был принят тов. Лениным в кабинете прокурора судебной палаты по делу его отца; был очень любезен и тотчас отправил телеграмму в Симбирск, чтоб не трогали старика Яковлева...» (см.: *Готье Ю.В. Мои записки*. М.: ТЕРРА, 1997. С. 133). Позднее Ленин еще раз принял участие в его судьбе, направив 28 мая 1919 г. телеграмму симбирской губернской ЧК с распоряжением не выселять И.Я. Яковлева и его жену из квартиры (см.: *Ленин В.И. Полное собрание сочинений*. М.: Изд-во политической литературы, 1970. Т. 50. С. 61. Т. 51. С. 39). Об «Академическом деле» см. многотомное издание: *Академическое дело, 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / Отв. ред. В.П. Леонов*. СПб.: Библиотека РАН, 1993–2015.
4. Яковлев знал, судя по всему блестяще, также греческий, немецкий и французский языки. На латыни он даже писал стихи.
5. *Ниггли П.* Генетическая классификация магматических рудных месторождений / Пер. Я. Яковлева; под ред. Е.М. Янишевского // *Новые идеи в учении о рудных месторождениях*. Сер. III. Вып. 3. / Под редакцией профессора И.Ф. Григорьева. М.-Л.: ОНТИ, Геолразведиздат, 1933. 93 с. На обороте титула указано: *P. Niggli Natürliche Klassifikation der Magmatischen Erzlagerstätten*. London: Thomas Murby, 1929). «Я. Яковлев» – псевдоним А.И. Яковлева как переводчика. Ниггли Пауль (нем. Paul Niggli; 1888–1953) – швейцарский минералог, петрограф и геохимик. Профессор химии Цюрихского университета. Член академий наук ряда стран, в том числе иностранный член-корреспондент РАН (с 1924 г.) и АН СССР (с 1925 г.). Основные научные труды посвящены геохимии, металлогении, дифференциации магмы, химизму минералов и горных пород, некоторые из них переведены на русский язык. Развивал идею о распространении химических элементов в земной коре в зависимости от строения их атомов. В честь Ниггли назван минерал нигглиит (теллуристая платина). Янишевский Евгений Михайлович (1904–1981) – геолог, минералог, кандидат наук. В первой половине 1930-х гг. – управляющий Издательством горно-геологической и нефтяной литературы. В середине 1930-х гг. сотрудник Института прикладной минералогии (затем Всесоюзный институт минерального сырья). В послевоенные годы занимался геохимическими поисками урановых месторождений в НИИ Минсредмаша, был заместителем генерального директора СГАО «Висмут» по геологии, затем работал в ИМГРЭ. Долгие годы отвечал в Госплане СССР за состояние урановой сырьевой базы. О И.Ф. Григорьеве см. ниже примечание 20.
6. Более подробно о жизни и творчестве Яковлева см.: А.И. Яковлев [Некролог] // *Вопросы истории*. 1951. № 9. С. 183; *Александров Г.А.* Чувашские интеллигенты. Биографии и судьбы. Чебоксары, 2002. С. 172–201; *Александров Г.А.* Алексей Иванович Яковлев – историк, археограф, педагог // *Вопросы истории*. 2003. № 8. С. 151–158; *Краснов Н.Г.* Иван Яковлев и его потомки. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 2007. 478 с.; *Тихонов В.В.* «В истории так мало незыблемых истин...» (к 130-летию со дня рождения Алексея Ивановича Яковлева // *История и историки*. 2008. *Историографический вестник*. Тула: Гриф и К, 2010. С. 289–317; *Тихонов В.В.* Московская историческая школа в первой половине XX века: Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М.–СПб.: Нестор-История, 2012. 320 с.
7. Пушкарев Лев Никитич (род. 12 мая 1918) – советский и российский

- историк, кандидат филологических наук (1949 г.), доктор исторических наук (1970 г.), автор трудов по истории общественно-политической мысли России XVII в., о духовном мире крестьян и других сословий российского общества XVII–XVIII вв., о классификации русских письменных источников, о жизни и творчестве Юрия Крижанича; сотрудник Института истории АН СССР (с 1949 г.), Института истории СССР АН СССР (с 1969 г.), Института российской истории РАН (с 1991 г.); сейчас на пенсии. Участник Великой Отечественной войны, два ранения и тяжелая контузия, награжден орденами и медалями.
8. *Пушкарев Л.Н.* Три года работы с А.И. Яковлевым // *Историографический сборник*. Вып. 19. Саратов: Изд-во Саратовского государственного ун-та им. Н.Г. Чернышевского, 2001. С. 128.
  9. Там же. С. 135. («Отдел науки» – имеется в виду Отдел науки ЦК КПСС.)
  10. *Вернадский В.И.* Дневники, 1935–1941: В 2 кн. Кн. 1.: 1935–1938. М.: Наука, 2005. С. 166.
  11. Вернадский Георгий Владимирович (1887–1973) – сын академика Вернадского, русский и американский историк, в 1910 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета, с 1913 г. приват-доцент на кафедре русской истории Петербургского университета. Здесь защитил магистерскую диссертацию на тему «Русское масонство в царствование Екатерины II». В период Гражданской войны (1917–1920) преподавал в Перми, Киеве, Симферополе, был начальником отдела печати в правительстве генерала П.Н. Врангеля. Эмигрировал из России в 1920 г., жил и работал в Константинополе, Афинах, Праге (преподавал в Русском юридическом факультете Карлова университета). С 1927 г. в США – научный сотрудник Йельского университета (Нью-Хейвен), в 1946 г. получил звание профессора русской истории; с 1956 г. – на пенсии. Автор трудов по русской истории. Один из основоположников американской школы русистики. О нем см.: *Болховитинов Н.Н.* Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М.: РОССПЭН, 2005. 140 с.
  12. *Вернадский Г.В.* Из воспоминаний // *Вопросы истории*. 1995. № 1. С. 132.
  13. Имеется в виду книга: *Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов: (1591–1596 и 1602–1603 гг.)*. Ч. I и II / Под редакцией профессора А.И. Яковлева. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1938.
  14. *Вернадский В.И.* Дневники, 1935–1941: В 2 кн. Кн. 1.: 1935–1938. М.: Наука, 2005. С. 375.
  15. *Яковлев А.И.* Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.: по архивным документам Холопьего и Посольского приказов, Оружейной палаты и разряда. Т. 1. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1943. 564 с.
  16. *Вернадский В.И.* Дневники, 1935–1941: В 2 кн. Кн. 1.: 1935–1938. М.: Наука, 2005. С. 166.
  17. *Вернадский В.И.* Дневники, 1935–1941: В 2 кн. Кн. 2.: 1939–1941. М.: Наука, 2008. С. 210.
  18. *Пушкарев Л.Н.* Три года работы с А.И. Яковлевым // *Историографический сборник*. Вып. 19. Саратов: Изд-во Саратовского государственного ун-та им. Н.Г. Чернышевского, 2001. С. 130.
  19. Речь идет о работе: *Hausen H.* The Upper Yenissei Drainage Area (Territory of Uriankhai) // *Acta geographica* (Helsinki – Helsingfors). 1927. Vol. 1. № 1. P. 1–186. Гаузен Ханс (Hans Magnus Hausen, 1884–1979) – известный финский геолог, петрограф, минералог, палеогеограф. В отечественной научной литературе его фамилия обычно пишется как «Хаузен» (Ганс Магнус Хаузен). В 1914–1917 гг. он работал геологом в Аргентине, в 1927–1951 гг. был профессором геологии в известном шведоязычном Университете Турку (Академия Або), проводил исследования во многих районах мира, известен работами по четвертичной геологии, ледниковым отложениям и связанными с ними формами рельефа Прибалтики и Псковской области, одним из первых высказал гипотезу денудационного происхождения Балтийско-Ладожского уступа (глинта); изучал геологию, минералогию и рудные месторождения в районе Печенги.
  20. Не исключено, что этим геологом был И.Ф. Григорьев – главный редактор серийного издания «Новые идеи в учении о рудных месторождениях», в которой в 1933 г. была издана (в переводе Яковлева) упомянутая выше книга П. Ниггли. Григорьев Иосиф Федорович (1890–1951) – академик АН СССР (1946), крупнейший специалист по геологии рудных месторождений, известный исследователь Рудного Алтая; с 1918 г. работал в Геологическом комитете, преподавал в Горном институте (с 1921 г.), читал курс рудных месторождений в Московской горной академии (1929–1936); заведующий рудным отделом (с 1933 г.), заместитель директора (с 1937 г.) и директор (1941–1942, 1947–1949) Института геологических наук АН СССР, заместитель председателя Комитета по делам геологии при СНК СССР (1942–1946), главный геолог Комиссии по созданию отечественной базы атомного сырья (1945–1947). Арестован по ложному обвинению 31 марта 1949 г. («Красноярское дело геологов»), во время допросов

не подписал никаких протоколов, никого не оговорил, скончался в тюрьме 14 мая 1951 г.; полностью реабилитирован 31 марта 1954 г. См. о нем: *Лаверов Н.П., Горбунов Г.И., Сафонов Ю.Г.* Знаток рудных месторождений страны // *Вестник АН СССР*. 1990. № 6. С. 133–137; *Беляков Л.П.* «Красноярское дело» // *Репрессированные геологи*. М.-СПб., 1999. С. 422–427.

21. В Архиве РАН отложилось следующее письмо референта Комарова Б.А. Шпаро (о нем см. ниже примечание 45) академику В.И. Вернадскому (АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 7. Л. 45. Машинопись с подписью. На бланке Президиума АН СССР):

<г. Москва>, 8 октября 1938 г.
№ АК-2а
Академику В.И. Вернадскому

По распоряжению Президента Академии Наук СССР академика В.Л. Комарова посылаю Вам напечатанный на пишущей машинке перевод книги Х. Гаузена «Площадь бассейна верхнего течения Енисея». Чл[ен]-корреспондент <АН СССР> А.И. Яковлев, который перевел книгу на русский язык, выразил пожелание о посылке ее Вам, полагая, что, по просмотре книги, Вы могли бы найти ей полезное применение.

В частности, если перевод не страдает существенными недостатками, книга могла бы быть полезной, находясь в рукописном отделении одной из геологических библиотек.

Референт при Президенте Академии Наук СССР (Б.А. Шпаро)

22. Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов: (1591–1596 и 1602–1603 гг.). Ч. I и II / Под ред. проф. А.И. Яковлева; Акад. наук СССР. Ин-т истории. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1938.
23. «Ежегодник государственного деятеля» – английский однотомный справочник, который ежегодно публикуется с 1864 г. и содержит информацию о странах мира.
24. Всесоюзное внешнеторговое объединение «Международная книга» занималось экспортно-импортными торговыми операциями с книгами, периодикой, аудио- и видеопродукцией
25. Словарь Уэбстера – «Американский словарь английского языка» («American Dictionary of the English Language»), созданный известным автором словарей и справочников Ноа Уэбстером (1758–1843) в первой половине XIX в.
26. Очевидно, речь идет о «Nouveau Dictionnaire national» («Новый национальный словарь») французского лексикографа и филолога Луи

Николя Бешереля (1802–1884).

27. Ларусс (фр. Les Éditions Larousse) – французское издательство, основанное в 1852 г. Пьером Ларуссом (1817–1875) и Огюстеном Буайе (1821–1896).
28. Перечисляются известные (в основном, географические) атласы того времени.
29. Многотомное руководство для букинистов и любителей книг («Manuel du libraire et de l'amateur des livres»), составленное французским библиографом Ж.Ш. Брюне (1780–1867).
30. Шидловский Павел Гаврилович (1900–1979) – административный деятель; в системе АН СССР работал, по крайней мере, с 1929 г.; с 1 февраля 1933 г. по 1 мая 1934 г. – консультант по финансовым вопросам Комиссии по базам АН СССР (по совместительству), в 1934–1965 гг. возглавлял финансово-плановые структуры Президиума АН СССР, в 1955–1966 – начальник Планово-финансового отдела АН СССР. См.: *Шидловский П.Г.* «О.Ю. Шмидт отличался способностью быстро схватывать разные вопросы». Воспоминания П.Г. Шидловского: 1946 г. / Публикацию подготовил В.Г. Бухерт // *Исторический архив*. 2011. № 4. С. 25–38.
31. Сейчас улица Знаменка, Библиотека по естественным наукам РАН, г. Москва.
32. Яковкин Иннокентий Иванович (1881–1949) – историк права, библиоковед и библиограф, в 1929–1949 гг. – директор Библиотеки Академии наук (БАН); с 1929 г. – профессор и заведующий (1944–1949) кафедрой истории государства и права Ленинградского университета.
33. 13 октября 1939 г. Комарову исполнилось 70 лет.
34. Комарова (урожд. Старк) Надежда Викторовна (1886–1962) – педагог, ботаник, преподавала на высших женских курсах в Петрограде, с 1930 г. жена академика Комарова, его ближайший помощник и неофициальный референт.
35. Постановлением СНК от 13 марта 1941 г. Комарову была присуждена Сталинской премии 1-й степени (за работу «Учение о виде у растений: страница из истории биологии»). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 212 с.).
36. Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова. Часть 1 / Под общей ред. чл.-корр. Академии наук СССР, проф. А.И. Яковлева. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 226 с. В 1945 г. вышла 2-я часть: Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова. Часть 2 / Под общей редакцией чл.-корр. Академии наук СССР проф. А.И. Яковлева. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1945.

- 209 с. Содержат сохранившуюся часть вотчинного архива крупного феодала-землевладельца и государственного деятеля XVII в. Б.И. Морозова (воспитателя – «дядьки» – царя Алексея Михайловича).
37. За книгу «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.: по архивным документам Холопьяго и Посольского приказов, Оружейной палаты и разряда. Т. 1» (М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1943. 564 с.) Яковлев был удостоен в 1943 г. Сталинской премии 2-й степени за 1942 год, которую (100 000 рублей) он отдал на учреждение в Чувашии и Мордовии двух приютов для осиротевших детей воинов, павших в Великой Отечественной войне.
38. ЦК ВКП(б) – Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).
39. Петров Федор Николаевич (1876–1973) – российский революционер, советский государственный и партийный деятель; окончил (1902) медицинский факультет Киевского университета; в 1896 г. примкнул к социал-демократам, с 1903 г. большевик, активный участник революционных событий 1905–1906 гг.; в 1907–1915 гг. отбывал тюремный срок в Шлиссельбургской крепости; в 1939–1949 гг. – директор издательства «Большая советская энциклопедия»; главный редактор и член редакций многих энциклопедических и словарных изданий; дважды Герой Социалистического Труда (1961, 1971).
40. Точных сведений найти не удалось. Среди членов редакционной коллегии «Вестника АН СССР» в 1942–1943 гг. присутствует кандидат технических наук В.Г. Тепленко. Есть информация, что подполковник (полковник?) Василий Григорьевич Тепленко (1900–?) с 25 сентября 1945 по 22 апреля 1947 г. был начальником издательства Советской военной администрации в Германии (Издательство СВАГ). В ЦГАМО в коллекции документов Московского истребительного мотострелкового полка УНКВД г. Москвы и Московской области (Ф. 2608. Оп. 1. 27 ед. хр., 1941–1968) имеется боевая характеристика командира отделения партизанского полка В.Г. Тепленко.
41. Потемкин Владимир Петрович (1877–1946) – советский государственный и партийный деятель, историк, педагог, дипломат, академик АН СССР (1943 г.), академик Академии педагогических наук РСФСР (1944); начальник Политуправления Южного и Западного фронтов (1919–1920), член Одесского губисполкома (1921–1922), генеральный консул и полпред СССР в Турции, Греции, Италии и Франции (1923–1937), первый заместитель народного комиссара иностранных дел СССР (1937–1940), наркомом просвещения РСФСР (1940–1946), президент АПН РСФСР (1943–1946). Преподавал в Высшей партийной школе при ЦК ВКП (б) (1937–1940).
42. Тарле Евгений Викторович (1874–1955) – российский и советский историк, педагог, академик АН СССР (1927).
43. Политическое управление (в данном случае речь идет о Главном Политическом управлении Рабоче-крестьянской Красной армии).
44. Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954) – советский государственный деятель, юрист, дипломат; прокурор СССР (1935–1939), министр иностранных дел СССР (1949–1953), постоянный представитель СССР при ООН (1953–1954); доктор юридических наук (1936), профессор, академик АН СССР (с 1939), ректор Московского университета (1925–1929).
45. Шпаро Борис Александрович (?–?) – референт при Президенте АН СССР В.Л. Комарове с 1938 г., юрист с законченным университетским образованием; учился в Московской консерватории по классу фортепиано, прошел курсы повышения квалификации при Московской прокуратуре, работал старшим консультантом по правовым вопросам в академическом издательстве, секретарем редакции «Научного работника», ответственным секретарем и членом редколлегии Вестника АН СССР. Был (в 1920-х гг.) сотрудником ЦЕКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК РСФСР). В 1926 г. в Москве жил на ул. Пятницкой, дом 30, квартира 1.
46. Речь идет о 50-летию научной деятельности Комарова.
47. Альбом древностей мордовского народа / Ответственные редакторы: академик Ю.В. Готье, член-корреспондент АН СССР А.И. Яковлев. Саранск: Издание Мордовского научно-исследовательского института, 1941. 138 с.
48. 10 июня 1945 г. Комаров был награжден третьим Орденом Ленина.

РАЗДЕЛ II

К году Театра в России (2019)

Статьи

И.Н. Ильина

**Роли исполняли:
актеры японского театра кабуки
в документах Архива РАН**

I.N. Iina

**Roles played by:
actors of the Japanese Kabuki theatre in the documents
of the Archives of RAS**

Аннотация. В статье исследуется состав японской труппы кабуки, выступавшей в СССР в 1928 г., и сценическое мастерство ведущих актеров театра. На основе документов Архива РАН из фонда академика И.М. Майского реконструированы биографии актеров, представлена их личная и творческая жизнь. Анализ и сопоставление различных видов архивных документов позволяет составить объективное представление о специфике японского театрального искусства и его восприятии советской публикой.

Ключевые слова: Архив РАН, архивный документ, театр, гастроли, кабуки, СССР.

Abstract. The article examines the composition of the Japanese troupe Kabuki, who performed in the USSR in 1928, and the scenic skill of the leading actors of the theater. Based on the documents of the RAS Archive from the academician I.M. Maisky personal fund, the biographies of the actors are reconstructed, their personal and creative life is presented. The analysis and comparison of different types of archival documents allows to make an objective idea of the specifics of Japanese theater art and its perception by the Soviet public.

Keywords: Archive of the Russian Academy of Sciences, archival document, theater, tour, Kabuki, USSR.

Театр кабуки – древнее восточное искусство театра. Более 300 лет оно сохранялось как традиционно замкнутое и территориально закрытое японское явление культуры. Лишь 90 лет назад, летом

1928 г., труппа театра кабуки впервые в своей истории покинула пределы собственной страны, выехав в СССР на первые зарубежные гастроли.

История этого международного проекта является частью истории Японии и японского искусства, вписана в историю культуры и внешней политики СССР, дипломатику и театроведение. На протяжении XX в. исследователи уделяли должное внимание этому неординарному для своего времени событию культурной и политической жизни двух стран¹.

Новая волна интереса к теме поднялась в 2000-е гг. в связи с опубликованием переписки знаменитого дипломата, историка, академика Ивана Михайловича Майского с российскими и зарубежными адресатами, в которой были зафиксированы детали организации визита японской театральной труппы в СССР, подробности ее пребывания в Москве и Ленинграде, характер восприятия спектаклей советской публикой². К теме визита японского театра кабуки в СССР вновь обратились как российские, так и зарубежные ученые³.

Несмотря на стремление исследователей всесторонне охватить историю гастролей японского театра в СССР и воссоздать ее в деталях, некоторые аспекты этого события и сегодня остаются недостаточно раскрытыми. Документальное собрание Архива РАН позволяет не только обнаружить малоизвестные документы, но и заполнить на их основе информационные лакуны.

В этом контексте интерес представляют документы из фонда академика Ивана Михайловича Майского (Архив РАН, фонд 1702), относящиеся к составу труппы театра кабуки и непосредственно к личностям прибывших на гастроли актеров. См. ил. 1. Будучи советником по культуре посольства СССР в Японии, Майский со всей серьезностью относился к познанию незнакомой ему страны, восточного искусства, в том числе и театрального, имел личные знакомства в артистических кругах⁴. Как известно, Майский был одним из инициаторов и организаторов гастролей японского театра кабуки в СССР в 1928 г., которые состоялись под эгидой Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС). В архивном фонде дипломата и историка в Архиве РАН содержится

немало документальных свидетельств реализации этого двустороннего культурного мероприятия: письма, обращения, запросы, проекты договора, рукописи статей и тексты выступлений. Помимо большой подборки газетных материалов с публикациями на тему гастролей театра кабуки (около 180), предоставленных советским Бюро газетных вырезок, в коллекции Майского имеются также списки, биографические материалы и фотографии японских актеров, прибывших в составе труппы в СССР.

Выступления японской труппы театра кабуки состоялись в Советском Союзе в августе 1928 г. в Москве и Ленинграде. Невероятно красочно и политически остро писал об этом событии самый знаменитый журналист тех лет Михаил Кольцов⁵. Его обширная статья в газете «Правда» от 5 августа 1928 г. начиналась так: «Москва переживает японские дни. Кабуки вторглись в дождливое столичное лето. На Кабуки требуют себе билеты от завкома пролетарские театралы. О Кабуки судачат в университетских курилках. Кабуки склоняет всякого рода трамвайная публика, проезжая мимо пестрых нарядных фонарей на фасаде второго Художественного театра <...>»⁶.

Необычность искусства кабуки вполне соответствовала новаторскому курсу и экспериментальным исканиям, царившим в советском театре 1920-х гг. Незнакомая сценическая экзотика, невиданный ранее восточный колорит, непривычные названия пьес будоражили воображение советской публики и даже вызвали своеобразный ажиотаж. «Приезд японского театра кабуки вызвал среди москвичей необычайный интерес. Билеты на первые спектакли брались с бою, у дверей театра по время премьеры, даже после начала спектакля долго еще толпилась публика и предприимчивые театральные “зайцы” перепродавали билеты по 25–30 рублей (при официальной цене билетов от 1 до 4 рублей за место – *И.И.*)», – писала газета «Прожектор»⁷. Тот же Кольцов отмечал: «С билетами на первые спектакли японского театра произошло нечто вроде массового умопомешательства. Обрывали телефоны, заискивали и угрожали, доказывали и спорили, обижались и разругивались насмерть»⁸.

Вместе с тем, представления оказались трудны для восприятия советским зрителем. Нередко публика уходила разочарованной: «Люди, желающие увидеть легкое и занимательное зрелище, были явно разочарованы. Смотреть утомительно, трудно»⁹. Автор статьи в газете «Голос текстилей» К. Минский писал: «Любопытно посмотреть на необычное представление, ознакомиться с вековыми достижениями японского театра. Но это интересно полчаса, час – не больше. Для рядового зрителя высидеть весь спектакль, продолжающийся около четырех часов, трудно <...>»¹⁰. И продолжал: «Гастроли японского театра интересны и поучительны, главным образом, для наших театральных работников и вообще для людей, непосредственно связанных с искусством. Будем надеяться, что в следующий раз всесоюзное общество культурной связи с границей пригласит в СССР какой-либо из европейских театров, представляющих больший интерес для массового советского зрителя»¹¹.

Причины такой реакции, безусловно, заключались в специфике японского театра и его драматургии, в языке исполнения и манере актерской игры, – все это сильно отличалось от привычных зрителю русской и европейской театральных школ. В целях лучшего понимания происходящего на сцене центральные газеты и специальные журналы почти ежедневно публиковали научные статьи известных театроведов, критиков и ученых-востоковедов не только с изложением истории театра кабуки, но и пояснениями к содержанию японских пьес, действующим лицам и исполнителям. Так, например, газета «Новый зритель» и журнал «Современный театр» разместили на своих страницах программу выступлений театра кабуки в Москве с приложением либретто постановок и фотографии из сцен спектаклей¹². Рассчитывать на то, что все пришедшие в театр ознакомятся с этими статьями, конечно, не приходилось, и потому в театрах перед началом спектакля иногда устраивались соответствующие разъяснительные лекции. Например, в день премьеры в Москве «перед началом спектакля проф[ессор] Конрад дал краткую характеристику постановки театра и содержания пьесы»¹³.

Пожалуй, самым трудным оказалось восприятие собственно японских актеров и их игры. Действительно, зритель, привыкший

следить за развитием сюжета пьесы, понимать действия актеров, видеть выражение их лиц, чувствовать характер роли, оказался в иной ситуации, когда сюжеты и слова были непонятны, костюмы тяжелы и непривычны, а лица актеров полностью скрыты за сложным гримом или масками. Более того, в соответствии с исторической традицией, японская труппа состояла исключительно из актеров-мужчин, исполнявших как мужские, так и женские роли. Артисты совершенно не были узнаваемы ни на сцене, ни вне сцены, а их трудно произносимые японские имена вряд ли могли запомниться кому-либо, кроме японоведов и переводчиков.

Между тем, как отмечал Майский, «в японском театре центр тяжести лежит не в пьесе, а в искусстве актера»¹⁴. А главными элементами этого искусства, как оказалось, были символизм, нарочитая театральность и внешние атрибуты – костюмы, жесты и маски.

Гастрольная труппа, прибывшая в СССР, представляла Токийский театр «Кабукидза», принадлежавший компании «Сйоцику Гомейся», которая владела несколькими театрами и киногруппами в Японии. Здание театра «Кабукидза» впервые было построено в 1889 г. Однако оно сгорело в пожаре 1921 г. и было отстроено заново в 1924 г.; новое здание соорудили из железобетона, соединив при этом последние достижения европейской архитектуры с японским стилем¹⁵. См. ил. 2.

На службе в компании находились первоклассные театральные актеры и киноартисты¹⁶. Как подчеркивалось Майским и тиражировалось в прессе, в Советский Союз приехали лучшие и даже выдающиеся артисты японского театра кабуки. Часть японской труппы прибыла в Москву заранее, 12 июля 1928 г., чтобы подготовить театральные подмостки к спектаклям. Основная группа артистов приехала в Москву 26 июля и была встречена на Ярославском вокзале представителями японского посольства, работниками московских театров, председателем ВОКС О.Д. Каменевой, президентом Государственной академии художественных наук П.С. Коганом¹⁷.

На всем пути следования японской труппы из Владивостока в Москву жители сибирских и уральских городов стремились встре-

тить проезжающих артистов и неизменно выражали желание увидеть их выступления. Однако гастроли театра кабуки проходили согласно договору. Примечательно, что при его заключении в июне 1928 г. японские артисты заявили о своем намерении выступать в СССР безвозмездно¹⁸.

Гастроли начались 1 августа в Москве, в помещении 2-го Московского Художественного академического театра на Театральной площади (сегодня здесь размещается Российский академический молодежный театр), где были представлены 14 спектаклей, а с 19 августа продолжены в Ленинграде, в Государственном академическом Малом оперном театре, где состоялось шесть выступлений¹⁹. Как сообщал представитель японской труппы Цуруа Асари, в репертуар гастрольного тура вошли шесть драм и четыре балета в адаптированном (сокращенном) виде: пьесы «47 самураев», «Мастер масок», «Роща Судзугамори», «Самоубийство влюбленных», «Наруками», «Любовь самурая», а также классическая «Пантомима» и три балета – «Белая цапля», «Марионетка» и «Танец змеи»²⁰. См. ил. 3. Имеющие вековую традицию пьесы театра кабуки всегда были весьма длительными представлениями, занимая не менее десяти часов. В гастрольном варианте продолжительность пьес была сокращена до трех часов.

В фонде Майского сохранился список выезжающих на гастроли артистов и других работников театра кабуки. Из него становится ясно, что в состав гастрольной труппы были включены 49 человек: 20 артистов, 8 музыкантов, драматурги, представители театральной компании «Сйоцику Гомейся», ассистенты, технический персонал²¹. В списке, по японской традиции, артисты были указаны с двойными именами: именем от рождения и именем в соответствии с принадлежностью к той или иной актерской династии. Все прибывшие артисты, за исключением одного, представляли актерскую династию Ичикава (в ином написании – Итикава, Итикава). См. ил. 4.

В целях обеспечения успеха гастрольного тура, популяризации его в нашей стране японским артистам уделялось повышенное внимание. Наиболее упоминаемыми в прессе были два

ведущих артиста – глава труппы Ичикава Садандзи и исполнитель женских ролей Ичикава Сйоцио. Некоторые издания сумели назвать имена четырех и более актеров: ведущий артист и руководитель труппы Ичикава Садандзи, исполнитель женских ролей Ичикава Сйоцио, артисты Ичикава Энсйю, Ичикава Данко, Накамура Фукусуге (он же Ичикава Арадзиро)²². Театральный критик и знаток Японии Григорий Гаузнер²³, в то лето регулярно писавший о театре кабуки, так представил самых запомнившихся своей игрой актеров: «Садандзи – глава актерской династии Ичикава; Сьо-Тьо (Сйоцио) – знаменитый исполнитель женских ролей, 42-летний мужчина, очаровательно играющий молоденьких девушек; Энсьо – который так мастерски играл сцену самоубийства; молодой Каваразаки – единственный в труппе представитель другой актерской фамилии; Арадзиро – актер с длинным лицом, которое можно узнать под всяким гримом; Сакон и Эндзяку, которые одни в этих гастролях выполняли традицию универсальности актера»²⁴. См. ил. 5.

Большие сложности были связаны с произношением и написанием имен артистов. В отсутствии единой транскрипции одни и те же имена порой так существенно различались, что читатели и зрители разобраться не могли. В публикациях и информационных материалах употреблялись как первые, так и вторые имена актеров, что создавало дополнительную путаницу.

Несомненным главой гастрольной труппы и ведущим актером театра кабуки был Ичикава Садандзи. См. ил. 6. Пожалуй, это единственное имя, которое употреблялось в СССР в одном варианте написания и без ошибок; чаще всего актера именовали просто Садандзи. Внешний вид артиста был так описан корреспондентом газеты «Советская Сибирь»: «Средних лет японец с замшевым лицом, скромно одетый, по-европейски коротко стриженный на висках и затылке <...> Ичикава Садандзи – так зовут японца. Наш собеседник – кумир японской молодежи – один из самых знаменитых актеров национального театра, потомственный почетный лицедей, первый артист Кабуки. Он представитель славной артистической семьи <...>»²⁵.

В фонде И.М. Майского содержится биография Ичикавы Садандзи, подготовленная для организаторов гастролей²⁶. Из нее следует, что собственное имя Садандзи – Такахаша Эндзиро. Он родился в 1880 г. в Токио, принадлежал к актерской династии Ичикава, имеющей около 150 лет истории. Именовался Садандзи V вслед за своим отцом Садандзи IV (правда, в некоторых публикациях его называют Садандзи II по отношению к его отцу Садандзи I). Был классическим актером театра кабуки. Артистическую карьеру начал в возрасте четырех лет, впервые появившись на сцене вместе с отцом. Первое театральное династическое имя Ботан (Пион) он получил как актер в возрасте маленького мальчика²⁷. По традиции, следующее родовое театральное имя он получил в юношеском возрасте в 1900 г. и стал именоваться Энсйю II. В 1906 г. обрел, наконец, имя Садандзи, указывающее, что он уже достиг искусства, равного искусству его отца²⁸. Был, несомненно, передовым человеком, знатоком театрального искусства, изучал европейский театр в Германии, Франции, Англии, Америке. В результате, в 1907 г. этот классический актер театра кабуки осуществил в Японии постановку «Венецианского купца» Фридриха Шиллера, основав тем самым новый театр. В числе его постановок пьесы Шекспира, Ибсена, Метерлинка, Стриндберга, Горького и др.²⁹

Садандзи по праву был признан прогрессивным театральным деятелем и до сих пор считается «революционером в искусстве». В театре кабуки он был, безусловно, ведущим актером и некоторые роли играл монополично. Описывая личность Садандзи, Майский сказал о нем: «Как человек Садандзи отличается среди других актеров большой серьезностью и необычайным трудолюбием в работе над самим собой. Он молчалив и скромен. Садандзи и его жена славятся также в Японии как любящая друг друга супружеская пара»³⁰. Подтверждением тому может служить и тот факт, что на гастроли в СССР они приехали вместе. Завершая биографию Садандзи, Майский отметил и другие таланты актера: «Он пишет также и японские танки (танка – жанр высокой поэзии, лирическое стихотворение из 31 слога – *И.И.*). Его поэтический псевдоним – Сйоэн»³¹.

Место Ичикавы Садандзи в театральном мире Г. Гаузнер оценил так: «Это большой актер мирового масштаба, один из тех актеров, о мастерстве игры которых передаются предания из поколения в поколение»³². Во время советских гастролей специалисты писали: «Сильнее всего этот замечательный актер в героическом репертуаре, в старых “дзидаймоно”, исторических трагедиях, где он выступает во всем блеске своей техники, захватывая зрителя чеканностью своей речи, тончайшей отделкой жеста, напряженной выразительностью всего сценического облика. Особенно удаются Садандзи роли, богатые острыми трагическими конфликтами, борьбой страстей, душевными коллизиями героя»³³. Газета «Ленинградская правда» 4 августа 1928 г. информировала читателей: «Недавно в Японии был опубликован каталог ролей (видимо, пьес – *И.И.*), в которых выступал Садандзи в главных ролях за последние 20 лет; в каталог вошли только новые, в наше время написанные пьесы. Их 150. “Трудно представить себе, – говорит известнейший драматург Окамото Кидо в предисловии к этому каталогу, – артиста с более широким диапазоном. Такого артиста, как Садандзи, не было ни в древности, ни в наше время”»³⁴.

Пресса не уставала подчеркивать, что Садандзи – это организатор и новатор театра. Выступая на вечере встречи с представителями советской общественности, Садандзи произвел сильное впечатление: «<...> великий артист Японии Итикава Садандзи, встреченный овацией <...> произнес и очень эффектную, и очень сердечную речь <...> Он говорил, этот японский Станиславский, в артистически выразительных чертах которого есть действительно нечто, напоминающее нашего Станиславского, он говорил, что искусство передается от сердца к сердцу <...>»³⁵. Новое творчество Садандзи, вероятно, оказалось ближе советским театрам: «Кабуки еще строго придерживается традиций старого самурайского театра, но Садандзи уже ищет новых форм, новых установок, ищет путей сближения Кабуки с современностью. В своем театре он новатор»³⁶. См. ил. 7.

Как уже отмечалось, в ходе советских гастролей на страницах печати наряду с Садандзи практически постоянно упоминался и

другой известный японский актер – Ичикава Сйоцио (так по-русски писали И.М. Майский и переводчица Е.П. Терновская, сопровождавшая труппу театра во время гастролей). Имя его под пером журналистов менялось, пожалуй, чаще всего, просто от статьи к статье: Сйоцио, Сйотио, Сьоцё, Сьерцё, Сьо-Цё, Сьо-Тё, Сётё, Шохо, Шоочоо и др. Трудно догадаться, что все это один человек.

Индивидуального фотоснимка этого артиста, к сожалению, в коллекции Майского обнаружить не удалось; его лицо можно разглядеть только на групповом снимке в газете. А вот прекрасная фотография актера в роли героини балета «Белая Цапля», несомненно, стала в период гастролей самой популярной и распространенной, что добавило актеру известности. Вместе с тем, когда Сйоцио заболел (как и многие актеры труппы по причине неизбежной акклиматизации), смена актеров прошла незамеченной, «благо публика не разбирается», – писала Терновская³⁷.

Краткая биография актера также сохранилась в составе документов Майского³⁸. Сйоцио родился в 1886 г. в Токио. Его настоящее имя – Судзуки Тецуя. Он был учеником отца своего коллеги Садандзи. Впервые появился на сцене девяти лет от роду, в 1896 г., получив в детском возрасте первое театральное имя – Сакимацу. Поднявшись на вторую ступень искусства, он в 1906 г. получил второе театральное имя – Эндзяку. Женится на дочери своего учителя, сестре Садандзи. После смерти своего учителя неизменно играл с его сыном Садандзи, являясь его постоянным партнером на сцене. В 1912 г. артист получил третье имя – Сйоцио III. В 1920-х гг. считался самым интересным актером в женских ролях. Как отмечал Майский, «он очень скромен и женственен. Говорят, что он больше всего не любит ссоры и насекомых и очень любит маленьких кукол»³⁹. Сйоцио относится к тем актерам, по игре которых японки «изучают женское изящество, манеры, умение одеваться»⁴⁰. См. ил. 8.

Амплуа Сйоцио и манера его игры во время гастролей стали предметом особого внимания. Газета «Читатель и писатель» 30 июля 1928 г. разъясняла: «Традиции старинного японского театра не допускают присутствия женщин на сцене. Поэтому все роли в Кабуки исполняются мужчинами. Существуют такие актерские

семьи, которые воспитывают для японского театра специально исполнителей женских ролей – “оннагата”. В настоящее время популярнейшим “оннагата” в Японии является приезжающий в Москву актер театра Кабуки – Сьорцзо (Сйоцио – *И.И.*). Танцы этого артисты легки и воздушны, манеры женственно-мягки, и непосвященный никогда не догадается, что перед ним мужчина»⁴¹.

О Сйоцио писали постоянно. Привлекательным было уже одно его пребывание на сцене. «Сьоцзо просто интересно видеть на сцене, что бы он ни делал», – замечал Г. Гаузнер⁴². Репертуар, диапазон ролей, качество театральной игры Сйоцио неизменно вызвали в прессе похвальные отзывы: «Он выступал в роли служанки в “Любви самурая”, в роли придворной дамы в “Наруками”, в роли гордой дочери мастера масок в “Сюдзендзи Моноготари”. Он танцевал в балетах “Танец Змеи” и “Белая Цапля”. Мы помним его повадку, которой подражают японки, изящество и тонкость его жестикующий, умение строить игру из нескольких незначительных движений, труднейшее умение просто быть на сцене, которым Сьо-Тьо владеет в совершенстве»⁴³.

Как танцор этот актер восхищал журналистов. «Танец Сьо-Цьо в “Мусуме Додзиодзи” (Танец Змеи) – образец японского балета, которому так бледно пытался подражать Дягилев», – писала газета «Правда»⁴⁴. Известный театровед, сподвижник В.Э. Мейерхольда Юрий Соболев⁴⁵ увидел в творчестве «оннагата» целую философию: «Театр Кабуки, не допуская актрису на свою сцену, мастерством актеров как бы преодолевает законы физиологии. Мужчины кабуки, изображающие женщину, женственны той театральной женственностью, в которой неизвестно, что ярче – тончайшая копия природы или изумительнейшая техника, победившая природу. Во всяком случае, когда Сётё изображал в балете-феерии “Танец змеи” колдунью, в его дразнящих плясках был весь аромат того, что называлось “вечной женственностью”»⁴⁶.

Добавим, что в документах Майского обнаружены краткие сведения еще об одном ведущем артисте гастрольной труппы кабуки – Ичикаве Энсйо⁴⁷. Он родился в Токио в 1894 г. Его настоящее имя – Такахаси Мициносуке. Он был усыновлен учите-

лем, отцом своего коллеги Садандзи. Впервые появился на сцене в 1898 г. в возрасте пяти лет под первым театральным именем Ботан (Пион). В 1915 г. в юношеском возрасте получил следующее имя Энсйо. В 1920 г. на годовом конкурсе Народного Художественного Общества в Японии он получил награду за исполнение роли Дзюгиро в драме «Тайкоку» (из жизни исторического деятеля Тойотомы Хидейоси) и с тех пор стал известен как талантливый актер. Г. Гаузнер писал о нем: «Вот Энсьо, который так мастерски играл сцену самоубийства князя Энъя в “47 самураях”, который в танце “Марионетка” обнажил корни лучших традиций Кабуки, мужского театра, потомка театра Марионеток»⁴⁸.

Имена японских актеров как главных действующих лиц гастролей в СССР были названы в речи советника И.М. Майского на приеме в посольстве в ноябре 1928 г. по случаю завершения гастролей. Всех их и каждого в отдельности – Садандзи, Сйоцио, Энсйо, Данко, Икеда – он благодарил за совершение исторического шага в судьбах японского театра, за соприкосновение культуры и народов двух стран⁴⁹.

Как видим, пласт документов по тематике японского театра кабуки из фонда академика И.М. Майского уникален и значителен, однако его информативные возможности использованы исследователями – специалистами в области театра, культуры, общественных и межгосударственных отношений – не в полной мере. Между тем, документы могут стать фундаментом для развития широкой научной проблематики. В целях данного исследования они позволили не только восстановить имена исполнителей главных ролей в японских пьесах в начале XX в., раскрыть историко-биографический аспект и творчество ведущих японских актеров, но и в целом понять специфику организации театра кабуки, основанную на вековой преемственности драматургии этого искусства и работе актерских династий. Введение в научный оборот малоизвестных документов из собрания Архива РАН сделает возможным воссоздание более целостной картины культурной жизни СССР в период гастролей японского театра кабуки в 1928 г. См. ил. 9.

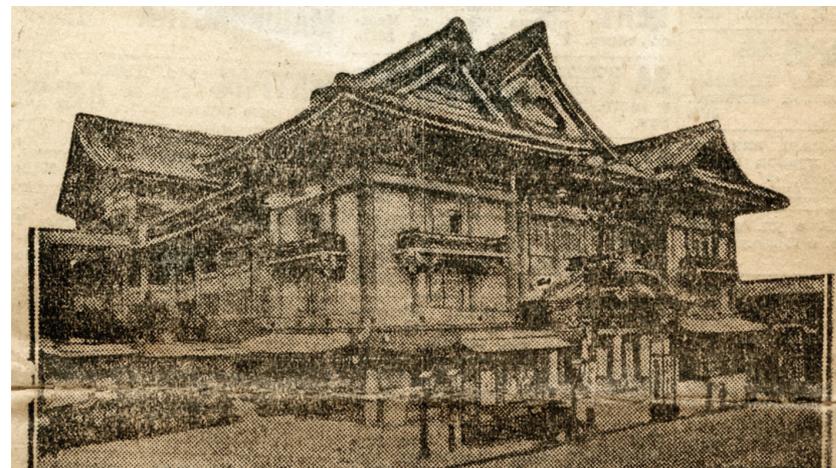
Примечания

1. Японский театр. Сборник статей под редакцией Н.И. Конрада. Ленинград-Москва: Всесоюзное Общество культурной связи с заграницей, 1928. 60 с.; *Киносита Д., Минами Х., Сугавара Т., Хамамура Ё.* Кабуки. М.: Искусство, 1965. 204 с.; *Эйзенштейн С.М.* Нежданый стык // Избранные произведения. В 6-ти тт. М.: Искусство, 1968. Т. 5. 600 с.; *Гундзи М.* Японский театр кабуки. М.: Прогресс, 1969. 232 с.; *Гришелева Л.Д.* Театр современной Японии. М.: Искусство, 1977. 237 с.; *Конрад Н.И.* Избранные труды: Литература и театр / Отв. ред. тома М.Б. Храпченко. М.: Наука, 1978. 462 с.; *Трояновский О.А.* Через годы и расстояния: история одной семьи. М.: Вагриус, 1997. 384 с.
2. *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. В 2 кн. Кн. 1: 1900–1934. М.: Наука, 2005. 580 с.; Кн. 2: 1935–1975. М.: Наука, 2005. 644 с.; *Он же.* Избранная переписка с иностранными корреспондентами. 1916–1975: в 2-х книгах. Кн. 1: 1916–1941. М.: Наука, 2011. 800 с.; Кн. 2: 1942–1975. М.: Наука, 2012. 880 с.
3. *Савелли Д.* Борис Пильняк в Японии: 1926. // *Пильняк Б.* Корни японского солнца. – М.: Три квадрата, 2004. С. 165–328; *Воскресенский Д.Н.* Япония: картинки былого. Из архива академика И.М. Майского // Восточная коллекция. 2005. № 1. С. 26–38; *Молодяков В.Э.* Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). Геополитика. Дипломатия. Люди и идеи. М.: АИРО-XXI, 2012. 656 с.; *Кулинич Н.Г.* Первые гастроли японского театра кабуки в СССР // Гуманитарные и юридические исследования. СКФУ, 2016. Вып. 4. С. 81–86; *Китamura Ю., Савелли Д.* Оправданная экзотика, или Приезд театра кабуки в Советский Союз (1928) // Вопросы литературы. 2018. № 5. С. 39–75.
4. *Воскресенский Д.Н.* Япония: картинки былого. Из архива академика И.М. Майского // Восточная коллекция. 2005. № 1. С. 36.
5. Кольцов Михаил Ефимович (1898–1940) – советский писатель, публицист, общественный деятель, журналист, зав. иностранным отделом Союза писателей СССР, чл.-корр. АН СССР.
6. Вырезка из газеты «Правда», 5 августа 1928 г.: «Перед занавесом» // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 139.
7. Вырезка из газеты «Прожектор», 12 августа 1928 г.: «Японский театр в Москве» // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 164.
8. Вырезка из газеты «Правда», 5 августа 1928 г.: «Перед занавесом» // АРАН. Ф.1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 139.
9. Вырезка из газеты «Прожектор», 12 августа 1928 г.: «Японский театр в Москве» // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 164.
10. Вырезка из газеты «Голос текстилей», 9 августа 1928 г.: «Спектакли японского театра в Москве» // АРАН. Ф.1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 152.
11. Там же.
12. Вырезка из газеты «Новый зритель», 5 августа 1928 г.: «Гастроли японской труппы кабуки» // АРАН. Ф.1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 141; Вырезка из журнала «Современный театр», 12 августа 1928 г.: «Гастроли японской труппы кабуки» // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 166.
13. Вырезка из газеты «Наша газета», 2 августа 1928 г.: «Первая гастроль театра кабуки» // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 117.
14. Биография Садандзи // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 50. Л. 48.
15. История театра Кабукидза // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 50. Л. 43–44.
16. Театральная компания «Сйоцику Гомейся» // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 50. Л. 45.
17. Вырезка из газеты «Правда», 27 июля 1928 г.: «Японский театр кабуки приехал в Москву» // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 85.
18. АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 50. Л. 26–27.
19. Вырезка из газеты «Правда», 27 июля 1928 г.: «Японский театр кабуки приехал в Москву» // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 85.
20. Вырезка из газеты «Наша газета», 31 июля 1928 г.: «Завтра первый спектакль кабуки» // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 109.
21. АРАН. Ф.1702. Оп. 3. Д. 50. Л. 17–18.
22. Вырезка из газеты «Известия ВЦИК», 20 июля 1928 г.: «Гастроли японского театра кабуки» // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 60; Вырезка из газеты «Известия ВЦИК», 25 июля 1928 г.: «Что покажет театр кабуки в Москве» // АРАН. Ф.1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 76; Вырезка из газеты «Известия ВЦИК», 3 августа 1928 г.: «Трагедия о сорока семи» // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 127.
23. Гаузнер Григорий Осипович (1907–1934) – советский писатель и поэт, театральный критик, знаток и любитель Японии, соратник В.Э. Мейерхольда.
24. Вырезка из газеты «Правда», 14 августа 1928 г.: «Кабуки в Москве. Третья программа» // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 170.
25. Вырезка из газеты «Советская Сибирь», 29 июля 1928 г.: «Кабуки» // АРАН. Ф.1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 104.
26. Биография Садандзи // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 50. Л. 47–49.
27. По традиции актеры театра кабуки проходят три ступени совершенства и соответственно трижды получают театральное династическое имя – в детском, юношеском и зрелом возрасте.

28. Биография Садандзи // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 50. Л. 47–48.
29. Вырезка из газеты «Ленинградская правда», 4 августа 1928 г.: «Садандзи» // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 131.
30. Биография Садандзи // АРАН. Ф.1702. Оп. 3. Д. 50. Л. 49.
31. Там же.
32. Вырезка из газеты «Правда», 3 августа 1928 г.: «Кабуки в Москве. Первая программа» // АРАН. Ф.1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 134.
33. Вырезка из газеты «Известия ВЦИК», 26 июля 1928 г.: «Мастера японского театра» // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 79.
34. Вырезка из газеты «Ленинградская правда», 4 августа 1928 г.: «Садандзи» // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 131.
35. Вырезка из газеты «Вечерняя Москва», 28 июля 1928 г.: «Цветок японской культуры» // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 95.
36. Вырезка из газеты «Читатель и писатель», 30 июля 1928 г.: «Национальный театр Японии» // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 105.
37. *Майский И.М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. В 2-х кн. Кн. 1: 1900–1934. М.: Наука, 2005. С. 316.
38. Биография Сйоцио // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 50. Л. 50.
39. Там же.
40. Там же.
41. Вырезка из газеты «Читатель и писатель», 30 июля 1928 г.: «Национальный театр Японии» // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л.105.
42. Вырезка из газеты «Правда», 8 августа 1928 г.: «Кабуки в Москве. Вторая программа» // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 150.
43. Вырезка из газеты «Правда», 14 августа 1928 г.: «Кабуки в Москве. Третья программа» // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 170.
44. Вырезка из газеты «Правда», 3 августа 1928 г.: «Кабуки в Москве. Первая программа» // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 134.
45. Соболев Юрий Васильевич (1887–1940) – театровед, журналист, педагог, режиссер, соратник В.Э. Мейерхольда, доктор искусствоведения.
46. Вырезка из журнала «Современный театр», 12 августа 1928 г.: «Гастроли театра кабуки» // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 167.
47. Биография Энсийо // АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 50. Л. 51.
49. Вырезка из газеты «Правда», 14 августа 1928 г.: «Кабуки в Москве. Третья программа» // АРАН. Ф.1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 170.
49. АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 55. Л. 1–2.

Ил. 1. И.М. Майский с артистами театра кабуки в Токио. 1928 г.
АРАН. Ф. 1702. Оп. 2. Д. 264. Л. 1.

Ил. 2. Здание театра кабуки в Токио.
АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 34 (1).

ГАСТРОЛИ ЯПОНСКОЙ ТРУППЫ КАБУКИ

(В ПОМЕЩЕНИИ МХАТ 2, ПЛОЩАДЬ СВЕРДЛОВА) 166

14 и 15 АВГУСТА

ДАММАРИ.

Пантомима.

Ставится перед началом спектакля, чтобы показать зрителям главных артистов. Артисты выстраиваются на сцене в различных костюмах, и в соответствующих позах, без слов, изображая разные типы.

МАСТЕР МАСОК.

Драма в 1 дейст. Ономото Кидо.

Ясё — мастер масок.
Нацура } Его дочери
Наеде }
Харукино — работник, муж Каеде.
Минамото Йорие — князь.
Синодо Горо — самурай, сопровождающий князя.
Нананубо Юкицита — самурай, дружинник соперника Минамото, князя Ходэйю.
Самурай, дружинники князя Ходэйю.
Монах из храма Сюдэндзи.

Ичикива Садандзи.
Ичикива Сяюцё.
Ичикива Сакон.
Каварадзэки Цюдзиро.
Ичикива Энсю.
Ичикива Данкю.
Ичикива Арадзиро.
Ичикива Сакимацу.
Ичикива Эндзиро.
Ичикива Мачисабуро.
Ичикива Цюгоро.
Ичикива Дандзиро.

Картина 1-я.

В горах живет старый мастер масок Ясё с двумя дочерями. Одна из них — Каеде — счастлива своей скромной жизнью. Другая — Нацура — рвется из дома к пышной и богатой жизни.
 Князь Йорие Минамото заказал Ясё маску, но старый мастер тайно отплатил одну за другой — в них нет души, на них лежит тень смерти. Князь признает за маской, но мастер снова просит у него отсрочки. В это время Кацура, старшая дочь, выносит маску, которую прошлой ночью сделал ее отец.
 Князь хвалит работу Ясё и уезжает, увозя с собой не только маску, но и дочь мастера — Кацура. Ясё в отчаянии от позора, легкого на его имя потому, что он отдал маску, у которой нет души.

Картина 2-я.

Кацура становится наложницей князя, и наслаждается пышной жизнью, к которой так стремилась. Они гуляют по берегу моря. В это время князя убивают, а израненная Кацура спасается в дом отца.

Картина 3-я.

У порога отцовской хижины умирает израненная Кацура. От монаха ближнего храма узнает отец о том, что князь погиб, Ясё понял почему ему не удалось вдохнуть жизнь в маску князя: тень смерти уже витала над головой князя. Радость художника, вновь обретшего уверенность в своем искусстве, охватывает его. Взгляд старика падает на лицо умирающей дочери и, видя, как движется на это лицо тень смерти, мастер забывает о том, что он отец. Он обхватывает ее руками и хочет, во что бы то ни стало, запечатлеть это лицо — для будущей модели.

САМОУБИЙСТВО ВЛЮБЛЕННЫХ.

Драма в 2-х действиях. Ономото Кидо.

Никици Ханкуро — молодой самурай из свиты, Слюгуна (военного диктатора Японии).
Саната Ичиносуне — самурай друг Кикици.
Саната Гендзабуро — его младший брат.
Хацисуне — слуга Кикици.
О-Соме — молодая гейша.
Йохэй — отец О-Соме.
О-Хана — гейша.

Ичикива Садандзи.
Ичикива Арадзиро.
Каварадзэки Цюдзиро.
Ичикива Дандзиро.
Ичикива Сяюцё.
Ичикива Эндзиро.
Ичикива Энсю.

Действие 1-е.

В Киото, в чайном доме живет молодая гейша О-Соме, недавно продавшая туда отцом наследство тленных семейных обстоятельств. Вскоре у нее завязывается роман с самураем Кикици Ханкуро.
 О-Соме просила своего отца заказать для нее и ее возлюбленного два кимоно, с одинаковым рисунком, (распространенный японский обычай, подчеркивающий чувства влюбленных) и, получив их радуется, мечтает, как они вместе с Кикици будут любоваться друг другом в этих кимоно. Сам Кикици рассказывает ей, что Слюгун взырывается в Эдо и он должен последовать за ним. Не придется им, видно, любоваться друг другом в этих кимоно. О-Соме в отчаянии.
 Друг Кикици — Сава Ичиносуне с гейшей О-Хана не знают, что у О-Соме и Кикици большое горе, и предлагают повеселиться. Приносят вино, в котором Кикици ищет забвения. Но мысль о девушке, которая должна будет остаться здесь и выжить горькую жизнь гейши, не покидает его. Он пытается занять у приятеля денег, чтобы выкупить О-Соме у хозяина и увезти ее с собой, но, получив отказ, обещает ей продать свой дорогой меч, чтобы добыть необходимую сумму денег. В это время появляется младший брат Саката Ичиносуне — Гендзабуро и умоляет брата отказаться от кутежей и вернуться домой.
 Гендзабуро обвиняет Кикици в соращении брата и вызывает его на поединок.

Действие 2-е.

На поединке убит Гендзабуро. Тщетно О-Соме умоляет Кикици бегать — он тверд в своем намерении смертью искупить вину. Тогда О-Соме просит его умереть вместе с ней. Кикици соглашается. Оба идут в дом и возвращаются обратно в тех самых одинаковых кимоно, которые должны были быть одеждой радости, а теперь стали одеждой смерти.

БЕЛАЯ ЦАПЛЯ.

Девушка-цапля — Ичикива Сяюцё.

Прекрасной девушкой обернулась Белая Цапля и любила человека, но несчастной была эта любовь и должна она понести за нее расплату тевизима мукмиада. В зимнюю ночь на берег реки, скрывает в камышах выросших, возвращается девушка-оборотень. В белом кимоно с развевющимися рукавами, легкая как птица, начинает она свой предсмертный танец, рассказывая им о своей любви, о своем страхе перед мукмиа ад. Все быстрее и быстрее, разметав волосы, ломая ветки ивы, обезумевшая танцует она...

1st class:

- 39 Ikeda Ginjiro ..... Dramatist.
- 40 Asari Teuruo ..... The secretary of Kido.
- 41 Takahashi Eijiro ..... (Ichikawa Sadanji).
- 42 Takahashi Tomi ..... (his wife).
- 43 Suzuki Tetsuya ..... (Ichikawa Shocho)
- 44 Takahashi Michinosuke (Ichikawa Ensho).
- 45 Kinoshi Masanori ..... (Ichikawa Danko).

Ил. 4. Часть списка артистов театра кабуки.
 АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 50. Л. 17.

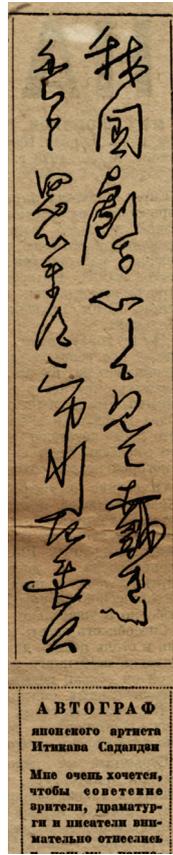

Ил. 5. Фотографии артистов: Ичикива Садандзи (Такахаша Эндзиро), Каварадзэки Сёдзиро (Каварадзэки Тораносукэ), Ичикива Арадзиро (Накамура Фукусукэ), Ичикива Сакон (Сето Фуджиро), Ичикива Эндзюку (Ваганабе Масуцэ), Ичикива Энсю (Такахаша Мицисукэ).
 АРАН. Ф. 1702. Оп. 6. Д. 247. Л. 28, 15, 3, 27, 24, 29.

Ил. 3. Программа спектаклей театра кабуки.
 АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 166.

Ил. 6. Садандзи в театральном костюме.
 АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 34 (2).

Ил. 7. Автограф Садандзи.
 АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 135 (2).

**ЯПОНСКИЕ ТЕАТРАЛЬНЫЕ ГОСТИ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ ВЕЧЕРЕ ВСТРЕЧИ
 С ДЕЯТЕЛЯМИ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТЕАТРЕ МЕЙЕРХОЛЬДА**
 В первом ряду—слева: директор гастрольной поездки—г. ТИТО, драматург
 ИКЕДО, артисты—г.г. СЭТЭ и ИТИКАВА САДАНДЗИ, председатель всесоюзного
 об-ва связи с заграницей т. О. Д. Каменева, жена Садандзи, жена поверенного
 в делах Японии г-жа САНО и поверенный в делах Японии г. САНО.
 Во втором ряду—стоят слева: представитель «Чи П» —т. Колпачки,
 бас Гр. Пирогов, молодая советская японоведна —т. Терновская.

Ил. 8. Сёюцио среди артистов кабуки.
 АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 135 (1).

Ил. 9. Артисты в сценах из спектаклей.
АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 164.

М.Ю. Киселев

Доклад А.В. Луначарского «Театральная политика Советской власти» и диспут по нему в Коммунистической академии

М. Yu. Kiselev

The report of A.V. Lunacharsky «Theatrical policy of the Soviet power» and the debate in the Communist Academy

Аннотация. В статье представлена информация о докладе А.В. Луначарского «Театральная политика Советской власти». В прениях по докладу выступили А.Р. Орловский, В.В. Маяковский, И.М. Нусинов и др. Значительная часть доклада и выступавших в прениях была посвящена обсуждению пьесы М.А. Булгакова «Белая гвардия». Доклад А.В. Луначарского и дискуссия по нему являются ярким примером непростой идеологической борьбы в репертуарной политике советского театра во второй половине 1920-х гг.

Ключевые слова: театр, история, доклад, А.В. Луначарский, диспут, архив, Российская академия наук.

Abstract. The article provides information on the report of A.V. Lunacharsky «Theatrical policy of the Soviet state». A.R. Orlovsky, V.V. Mayakovsky, I.M. Nusinov and others spoke in the debate on the report. A significant part of the report was devoted to the discussion of the stage play by M.A. Bulgakov «White Guard». Report of A.V. Lunacharsky and the discussion on it are a vivid example of a difficult ideological struggle in the repertoire of the Soviet theater in the second half of the 1920s.

Keywords: theater, history, report, A.V. Lunacharsky, dispute, archive, Russian Academy of Sciences.

Первый народный комиссар просвещения РСФСР Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) уделял большое внимание

развитию советского театра. В фонде Коммунистической академии ЦИК СССР сохранилась стенограмма его доклада «Театральная политика Советской власти» (машинопись с рукописной правкой) и прений по докладу на заседании Секции литературы и искусства¹, датированного 2 октября 1926 г. Необходимо отметить, что доклад А.В. Луначарского «Основы театральной политики Советской власти», прочитанный 19 сентября 1925 г. в Ленинградском государственном академическом театре драмы, опубликован². В то же время А.В. Луначарский был творческой личностью и в своих выступлениях редко повторялся. Для лучшего понимания позиции участников диспута обратимся к его докладу.

В докладе А.В. Луначарский отмечал, что советскому обществу нужен такой театр, который по содержанию своей общественной пропаганды являлся бы воспитывающим широкие массы в духе социалистических идеалов, а также служил орудием идеологической войны против чуждых идеологий. Театр должен был иметь форму, приспособленную к тому, чтобы «внутреннее, идейное, организационное содержание захватывало возможно сильнее, оставляло возможно более глубокий след на слушателях и зрителях»³. Он заявлял, что чисто художественный театр, который обладает всеми способами «впечатляемости», может быть, по существу, не нужен, поскольку он несет либо вредный, либо безразличный материал. Не нужен также театр, который не может выразить революционное, коммунистическое идейное содержание. «Такая тонкая идеологическая форма, как театр, не может быть создана, по образу и подобию нашему, по приказу, по декрету»⁴.

Докладчик высказывал мысль, что пролетариат, и примкнувшая к нему небольшая часть интеллигенции, должны выдвинуть из своей среды творцов, драматургов, режиссеров, актеров, ибо они «усвоили себе все приобретенные до сих пор театром приемы впечатляемости»⁵. Он призывал усваивать традиции русского театра, которые очень ценны: русская революция получила в наследство театр «типа Малого театра с [А.С.] Грибоедовым и [А.Н.] Островским и Художественный театр с импрессионистским и символическим уклоном»⁶. По его мнению, традиции русского

театра включали в себя значительное количество крупнейших ценностей, которые «лежат в некоторой степени в стороне от дороги классов, или такие, в которых предшествовавшие классы выражали тенденции, в общем, близкие к нашим»⁷. Театр выработал необыкновенно стройную серию приемов для проведения социальной пропаганды, для установки типов и типичных положений, для самопознания страны в художественных формах, то есть таких, которые «увлекают, привлекают, радуют, и вместе с тем дают поучительные, образовательные, воспитывающие результаты»⁸.

А.В. Луначарский призывал давать большую свободу в постановке новой комедии и драмы, а «не придирайтесь». В качестве примера он приводил пьесу Б.С. Ромашова «Воздушный пирог»⁹, поставленную в театре Революции, которую чуть не запретили на том основании, что «был использован громкий процесс, посчитали нездоровой сенсацией, но пьеса будит мысль и возбуждает толки»¹⁰. Он также отмечал большой успех пьесы Н.Р. Эрдмана «Мандат» в постановке В.Э. Мейерхольда, в то же время «я слышал от товарищей с очень большой компетентностью, что это пьеса черносотенная, и они удивляются, почему репертком не запретил ее»¹¹.

Докладчик информировал, что после революции появился футуристический театр, ломавший старые традиции: Мейерхольдовский театр, который с первых дней принял революцию, и Таировский театр, который долгое время боялся всех оттенков революционности. Он давал следующую характеристику В.Э. Мейерхольду: «он утверждал в дискуссии, что театр имеет своей задачей исключительно дать развлекательный спектакль, должен стать на линию цирка. Не надо нам никакой психологии, никаких черт типического реализма – прежде всего человеку в театре должно быть весело»¹². Им была высказана точка зрения, что этого мало, поскольку это не соответствовало установленному колоссальному значению театра.

А.Я. Таиров, в свою очередь, заявлял, что придерживается неореализма, который ближе к пролетариату: в его театре не требовали, чтобы им верили, достаточно, если публика хотя бы на минуту представила бы, что перед ней настоящие страдания или радость. А.В. Луначарский приводил слова В.Э. Мейерхольда и А.Я. Таи-

рова о том, что главная беда театров – отсутствие драматургов, которые могли бы написать насыщенную социальным содержанием пьесу. Он утверждал, что марксистский театр должен показывать в типичных для классов и групп положениях типичных же их представителей в окружении типичной для них среды.

Касаясь театра В.Э. Мейерхольда, докладчик утверждал, что он вынес необыкновенную смелость приема из прежней своей манеры, которая была отражением формализма богемского периода. Он может в любой момент «переходить от чисто реалистических черт, данных его артистами по живому наблюдению жителей современной Москвы, к стилизации, которая является сумасшедшим доведением до абсурда того, что в данном типе есть»¹³: от биомеханики к социомеханике. Подобное, по его мнению, произошло и с театром А.Я. Таирова: от неореализма к убедительной форме передачи определенного социально-ценного содержания.

В своем выступлении А.В. Луначарский остановился на вопросе «правых театров академических». В частности, в Малом театре ставилось определенное количество пьес старого репертуара, но их не снимали с постановки, поскольку необходимо было сохранение традиций искусства. Кроме того, многие пьесы имели успех, что сказывалось на поступлении значительных финансовых средств в кассу театра. В качестве примера постановки современных произведений на сцене Малого театра он приводил «марксистскую» пьесу А.Г. Глебова «Загмук»¹⁴ и пьесу В.Н. Билль-Белоцерковского «Лево руля», которые пользовались большим успехом. Кроме того, отмечался успех распространения среди трудящихся дешевых абонементов в театры через профсоюзы, в результате чего докладчик сделал вывод, что «наш театр сильно орабочен»¹⁵.

В другом положении оказался Художественный театр, в котором ранее публика требовала чрезвычайно утонченных новых форм с налетом импрессионизма и символизма. После революции в Художественном театре пришли к мысли, что необходимо быть в русле новой жизни: в качестве примера указывалось на постановку В.И. Немировичем-Данченко нового произведения революционного содержания – «пацифистско-толстовскую»¹⁶

пьесу К.А. Тренева «Пугачевщина». По его мнению, постановка не очень удалась, герой был неубедителен, все социальные отношения были представлены смутно. Одной из характерных черт Художественного театра была боязнь затрагивать религиозное чувство. Была отмечена постановка для молодежи в театре К.С. Станиславским пьесы «Горячее сердце»: старые персонажи, описанные А.Н. Островским, «как будто отмерли, но, надо помнить, что для нас, особенно для нашей молодежи, надо отмершее иногда напоминать»¹⁷. Докладчик напоминал, что бюрократическое самодовольство и забитость отдельных людей, конфликты, обывательский чад и застой не умерли, поэтому с ними еще придется бороться негодованием и смехом.

В дальнейшем А.В. Луначарский давал характеристику постановки пьесы М.А. Булгакова «Дни Турбиных»: он находил в ней огромное количество всяческих художественных и политических недостатков – «пьеса скользкая и написана со скользкими намерениями»¹⁸. Он считал, что пьеса была написана художником, который откровенно заявлял «о своей тенденции, если не антисоветской, то «асоветской»¹⁹. Однако пьеса была поставлена, затрачены были деньги, талант молодых актеров, но после премьеры в Художественном театре ему было предложено изменить постановку, в частности, ее текст.

Луначарский утверждал, что автором в пьесе было поставлено политическое задание: М.А. Булгаков соглашался с большевиками, что гетмановщина и петлюровщина – авантюра, но утверждал при этом, что интеллигенция, которая шла в белую гвардию – мерзавцы. Докладчик считал ошибочным политический тезис пьесы, что сдача полка произошла из-за невозможности дальше бороться, из-за известной политической растерянности. Главное политическое содержание пьесы, конфликт пролетариата и интеллигенции показан не был, а интеллигенты были изображены «безнадежными обывательскими тупицами»²⁰. Противопоставление обывательской канители сценам мнимого героизма – художественная фальшь. «Пьеса в политическом смысле свидетельствует об известном смехотворном сдвиге: защищая элементы белой гвардии, автор становится

неубедительным и нечувствительным для самого себя – там, где он говорит о их мещанской подоплеке, он топит своих героев»²¹.

В заключении доклада А.В. Луначарский отмечал, что Москва и ее театры считаются самым блестящим проявлением театральной жизни: «разнообразные методы, разнообразная физиономия нашего театра, творческая работа драматургии, работа по оформлению в буквальном смысле у нас кипит»²². Он призывал к большей свободе в постановках театров, но просил не забывать о цензуре и борьбе с контрреволюцией. По его мнению, театр достиг значительной степени художественного и идеологического развития: та степень свободы, которая была допущена с формальной, идеологической точки зрения – «спасла для нас театр»²³. Докладчик сообщал о финансировании театров: в Москве театральное дело обстоит блестяще, тогда как в провинции все неблагополучно. «Если бы там театр мог опираться на профессионально-организованную публику, он смог бы бороться с волной халтуры, пьес для кассы, фальшивых и нездоровых сенсаций. Но мы этого сделать не можем»²⁴. Государство не только выделяло субсидии театрам, но и снижало цены на билеты, в результате чего последний год театры закончили без дефицита бюджета. Он считал правильной линией Наркомата просвещения в области театрального искусств: появление «Дней Турбиных» не факт халатности, а «это своеобразный, спорный, колючий факт, который входит в общую рубрику искания наших театров в смысле формы и содержания, и сыграет в нынешних условиях положительную роль»²⁵.

Обратимся к выступлениям участников диспута. Театральный критик А.Р. Орловский отмечал, что академические театры – могучий источник художественной продукции, от которого «отслаивались, отпочковывались»²⁶ молодые театры Е.Б. Вахтангова и В.Э. Мейерхольда. Об этом можно не спорить, а доказывать это – все равно, что воевать с несуществующими оппонентами. В то же время он считал, что нельзя смешивать А.Н. Островского с М.А. Булгаковым. А.Р. Орловский указывал, что А.В. Луначарский защищал постановку в Большом театре «Града Китежа» («Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии»

А.Н. Римского-Корсакова), тогда как один московский критик назвал ее «религиозной пропагандой»: одно дело смотреть старые оперы, другое дело – ставить на советские деньги дорогостоящую оперу, которая является «бесспорно чуждым, идеологически враждебным нам спектаклем, рассчитанным на широкие массы»²⁷.

А.Р. Орловский отмечал, что массы тянутся к художественной продукции, например, на заводе «Динамо» иногда стоят очереди рабочих, которые хотят обязательно попасть в Большой театр, «где поют, играют и танцуют по-настоящему»²⁸. Однако, по его мнению, чем больше А.В. Луначарский защищал необходимость этих театров для масс, тем с большей осторожностью необходимо было относиться к вновь выдвигаемым ими спектаклям. Критик выдвигал лозунг: «Нам нужен Островский, но совершенно не нужен новый «Островский» – Булгаков»²⁹, объясняя это тем, что «нельзя подходить с критерием защиты А.Н. Островского к терпимости в отношении М.А. Булгакова»³⁰. Касаясь постановки булгаковской «Белой гвардии», он замечал, что, если есть разрыв между глубокой темой и плохим мастерством, то есть и более постыдный разрыв между большим мастерством и убожеством темы.

А.Р. Орловский считал, что «консерватизм форм», который защищал А.В. Луначарский, «не должен давить на нас при оценке величайшего и самого скверного консерватизма в идеологическом отношении»³¹. По его утверждению, ни чеховские спектакли, ни А.Н. Островский, не давали такого политически вредного мещанства без всякой критики. Ни малейшего добровольного критического подхода со стороны режиссерского и актерского коллектива театра к булгаковскому мещанству не было: виноват Московский художественный академический театр (МХАТ) и потому, что «он пошел сознательно за Булгаковым, и вяпался вместе с ним в мещанскую лужу»³². Что касается оперы, то он отмечал, что новых опер практически нет: пробовали переделать «Жизнь за царя» в «Серп и Молот» – кроме анекдота ничего не вышло, музыка помешала. Возвращаясь к постановке «Белой гвардии», он выступал против мнения о разоблачении в пьесе мещанской природы бело-

гвардейцев, считая это утешением, «поскольку сцена имеет свои законы эмоционального воздействия, где логика часто умолкает»³³.

В качестве примера отмечалась единодушная оценка спектакля, выразившаяся в простом и здоровом протесте против него самым резким образом со стороны «45 товарищей из районов, из разных пролетарских организаций»³⁴. Критик констатировал, что МХАТ предусмотрительно закрыл продажу льготных билетов на первые пять спектаклей, и отдельные рабочие не могли на них попасть. Он отмечал некоторые неувязки в пьесе, одна из которых связана с тем, что все белогвардейские офицеры и командиры не имели денщиков. Основанием для резкого выступления против «Белой гвардии», по его мнению, была и сохранившаяся часть белогвардейцев, которые воевали в рядах Чжан Цзо-Лина в Китае. Пьеса, с одной стороны, давала героические моменты белогвардейского движения, с другой стороны, социально изолировала «героев» от соприкосновения с другими социальными группами, что извращало «их классовое лицо сознательно и недопустимо»³⁵.

А.Р. Орловский выступал против мнения о том, что МХАТ и пьеса не для массового зрителя: в России не может быть театра для двух публик, театр должен ориентироваться на широкие рабоче-крестьянские массы. В то же время А.В. Луначарский доказывал, что в театре есть «рабочая полоса»³⁶. В итоге критик заявлял: «спектакль, который является организатором химически выделяющихся агентов буржуазии, тех, кто любит помечтать о старом, кто хочет пропагандировать идеи Булгакова, который заставляет проливать слезы по поводу белой гвардии и устраивает из этого политическую демонстрацию, который благодаря Булгакову перемигивается с теми, которые еще до сих пор не сложили оружия, я считаю такой спектакль недопустимым»³⁷.

Выступивший на Секции литературы и искусства Дайтшин представил свою оценку пьесы М.А. Булгакова «Белая гвардия». Он считал, что основная установка пьесы дана офицерством: «Если даже император умер, да здравствует император», и в ней нет ни капли сатиры. Однако «в сцене с петлюровщиной вы найдете кучу этой сатиры»³⁸. По его мнению, в пьесе с одной стороны,

показано прекрасное офицерство, для которого одна беда – «штабная сволочь», с другой – прекрасное студенчество, которое пошло идейно защищать «святую Русь»: эта армия жива, нужно дать ей командира, и еще есть сила.

В пьесе показаны бандиты, около которых «человек в галифе, очень похожий на комиссара, и по внешности, и по форме. Единственный тип рабочего – ярый защитник хозяйственной собственности и грабитель»³⁹. Дайтшин не соглашался с утверждением А.В. Луначарского, что время сейчас спокойное, настаивая на переносе центра борьбы на фронт идеологии. Дайтшин призывал «не проморгать в театре первую попытку протаскать на подмостки и через них в более сильной форме агитировать и пропагандировать чуждые нам идеи, это первая пролазка на идеологическом фронте в области театра»⁴⁰. Отдельно он остановился на факте получения прибыли в 60 тыс. рублей на год показа пьесы, усомнившись, неужели эти деньги дороже прорыва идеологического фронта. Однако, по его мнению, запрещать пьесу не надо, «если она будет обслуживать эту буржуазию, шипящую белогвардейскую массу, а такая все-таки у нас есть»⁴¹.

Литературный критик И. Ипполит⁴² в своем выступлении не соглашался с утверждением А.В. Луначарского, что театр идет вперед и развивается быстрыми темпами. По его мнению, театру приходилось вести борьбу с двумя крупными врагами, первый из которых – кино, вытесняющее театр: театры наполовину пустуют, а в кино очередь. Театр копировал кино, инсценировал фильмы: в 1923 г. вышел фильм «Розита», и театр выпустил постановку «Розита». Второй враг театра – книга: «Когда человек читает книгу, он может представить себе любые сюжеты, имеет возможность поставить героя в любую ситуацию, театр это суживает и ограничивает. В репертуаре театров идут «Вириния», «Белая гвардия», «Цемент», которые являются инсценировками литературных произведений. Раньше Малый театр создал А.Н. Островского, Художественный театр – А.П. Чехова, а теперь театр использует писателей»⁴³. Он констатировал, что нет крупного серьезного автора, который бы работал для театра.

Обращаясь к постановке «Белой гвардии», Ипполит отмечал, что опасность не в том, какой характер носит содержание пьесы, а в том, с каким восторгом ее принимала публика, поскольку это была настоящая политическая демонстрация. По его мнению, происходил рост молодой, нарождавшейся буржуазии, которая укреплялась, не только хозяйственно, но и политически, а когда в театре она находила свою почву, то устраивала демонстрацию, сходящую ей с рук. Он считал, что очень много говорят от имени пролетариата, но «пролетариат своего слова не сказал, когда-нибудь он скажет это слово по вопросу о том, театр для пролетариата, или пролетариат для театра, и тогда мы услышим другой ответ»⁴⁴.

В диспуте принимал участие В.В. Маяковский, текст выступления которого опубликован полностью⁴⁵. Из этого выступления видно, что от В.В. Маяковского оставались далеки как политические взгляды М.А. Булгакова, так и сама эстетика Художественного театра⁴⁶. В речи вновь звучали отсылки к «тете Мане и дяде Ване», над которыми поэт потешался еще в «Мистерии-буфф», однако теперь к этим «тетям и дядям» прибавились новые, «белогвардейские» – из «Дней Турбиных». Хотя академические театры, по словам В.В. Маяковского, были достойны «гильотины»⁴⁷, он не являлся сторонником политики запрета в отношении «нежелательных» с идеологической точки зрения произведений искусства. Поэт выступал «и за право театра ставить чуждые, скажем, ему, Маяковскому, пьесы, и за право публики на любую реакцию на них»⁴⁸.

Критик и лингвист И.М. Нусинов⁴⁹ в своем выступлении не соглашался с утверждением В.В. Маяковского, что эстрада и клубные постановки играли несравненно большую роль в смысле влияния на массы, чем постановки больших театров. Он замечал, что «Маяковскому вероятно известно также, что стихи разных стенных газет читаются в несравненно большем количестве, чем стихи Маяковского»⁵⁰. По его мнению, на театры обрушились с безответственной критикой, тогда как никто не придумал средств, при помощи которых «можно архи-буржуазный Московский худо-

жественный театр и еще более мещанский Малый театр за 8 лет заставить работать на пролетариат»⁵¹. И.М. Нусинов отмечал, что достигнуты наиболее благоприятные результаты в вопросе приближения «театральной энергии»⁵² к пролетариату и значительно меньшие результаты в области построения своего собственного пролетарского театра.

Выступавший констатировал, что в годы революции театр объявил отделение от литературы, которая ничего не давала: «целый ряд дешевых постановок и исторических инсценировок был документом бедности нашей революционной литературы»⁵³. Теперь театры поняли, что литература им нужна. Театр В.Э. Мейерхольда сделал значительный шаг «от театра кающейся буржуазии к живым запросам пролетарского зрителя»⁵⁴. Касаясь пьесы «Белая гвардия», он отмечал, что никто не защищал эту постановку, но раз она перешла на сцену, то может послужить проверкой зрелости зрителя. Он предлагал «нашей прессой, нашим общественным мнением, даже нашими соответственными резолюциями в различных клубах заставить Художественный театр самого снять эту постановку, это будет несравненно лучше для нас, чем полицейские меры по отношению к этой постановке»⁵⁵.

В своем заключительном слове А.В. Луначарский не соглашался с утверждением А.Р. Орлинского, что в докладе давалась характеристика театра как массового и пропагандистского. К данной характеристике докладчик прибавлял наличие «максимальной художественности»⁵⁶. Что касается пьесы «Белая гвардия», то он отмечал недоработку Репертуарного комитета, который пропустил пьесу – «ее действительно проморгали»⁵⁷. В то же время, по его мнению, разрешение М.А. Булгакову «пискнуть» сыграло негативную роль для самого автора – «он сам себя скомпрометировал. Во-первых, сдал несколько позиций и бил нам челом головами, которые ему представлялись менее ценными, во-вторых, там, где он начал хвастаться, его можно упрекнуть в мещанском, обывательском подходе, но и герои его вышли такими же. Надо было дать «пискнуть» для того, чтобы показать, как отвратительно звучит этот писк»⁵⁸.

А.В. Луначарский отмечал, что пролетариат с его классовым инстинктом ни на какую самую открытую белую пропаганду не пойдет, «но мы боремся за мелкую буржуазию и колеблющуюся часть интеллигенции»⁵⁹. Он считал, что М.А. Булгаков написал слабую пьесу, в которой «все лучшее – вода, и на нашу мельницу»⁶⁰.

Докладчик указывал, что в академических театрах осуществлена постановка не только оперы «Град Китеж», но и «Декабристы», «Иван Солдат», «Любовь к трем апельсинам», «Красный Мак». Причем «Град Китеж» был утвержден «по инициативе одного коммуниста, поставленного во главе Большого театра и пропущенного Репертуарным комитетом»⁶¹. После постановки оперы «Град Китеж» на коллегии Народного комиссариата просвещения была создана специальная комиссия, которая должна была определить, какое впечатление опера производила на публику. Если бы оказалось, что она произвела впечатление богослужения, то ее следовало запретить. В то же время А.В. Луначарский констатировал, что опера – великолепное музыкальное произведение, да и православию не умерло, надо ставить православную пьесу «с большой опаской»⁶², поскольку разрешено существование самой церкви с ее хоровым пением и церемониями. А.В. Луначарский критиковал органы цензуры, которые придирались к пьесам А.Н. Островского, а пропустили «Белую гвардию» и «Град Китеж». Он предлагал показывать оперу один сезон, а «потом убрать, но не надо делать скандала, не только потому, что это приносит большие убытки, а потому, что в таких вещах надо действовать умно и осторожно»⁶³.

Докладчик не соглашался с утверждением Ипполита, что кино вытесняло театр. По его мнению, «кино могучее искусство, но ему недостает слова и, если ему придать слово, это погубит кино: именно театр возвращается в стихии слова»⁶⁴. Кино не может заменить театр, поскольку оно не может быть столь «идейно»⁶⁵, оно идет за театром. Если «Цемент» и «Виринею» переделали для театра, то это значит, что книги недостаточно: именно театр поднял успех этой книги – вот что значит инсценировка.

А.В. Луначарский выступал против сравнения В.В. Маяковским количества посещений в театрах и эстрадных выступлений

в пивных. Он указывал, что в год театры посещает 70–80 тыс. человек, среди которых много рабочих. Не соглашался докладчик с В.В. Маяковским и в том, что эстраде уделялось мало внимания: в Главполитпросвете проводилась работа по проверке эстрадных номеров. Некоторые поэты подготовили ряд сборников для эстрады, создавалась клубная литература. Он отмечал, что на театр тратятся меньшие финансовые средства: клубная политика гораздо более важна, чем театральная, и по количеству средств, и по количеству внимания, а «Маяковский ревнует к театру»⁶⁶. Касаясь высказывания В.В. Маяковского «Художественный театр докатился до жизни такой», А.В. Луначарский отмечал, что «тому, кто смотрит на театр извне, кажется, что он катится назад, а самому театру кажется, что он быстро приближается к нам»⁶⁷.

В конце диспута А.В. Луначарский приводил слова В.И. Ленина: «специалист-интеллигент не наш, но нам нужно создать для него товарищескую среду и благоприятные условия существования. Это единственный способ заставить его более или менее добросовестно служить нам, а потом и перейти к нам»⁶⁸.

Доклад А.В. Луначарского и дискуссия по нему являются ярким примером непростой идеологической борьбы в репертуарной политике советского театра во второй половине 1920-х гг. Приведенные документы позволяют расширить источниковедческую базу по истории отечественного театроведения и могут быть использованы как в исследовательских, так и в образовательных целях.

Примечания

1. Доклад А.В. Луначарского «Театральная политика Советской власти» и прения по докладу на заседании Секции литературы и искусства Коммунистической академии. 02.10.1926 г. // АРАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 90. Л. 1–68.
2. *Луначарский А.В.* Основы театральной политики Советской власти. М.-Л., 1926. 28 с.
3. Доклад А.В. Луначарского «Театральная политика Советской власти» и прения по докладу на заседании Секции литературы и искусства Коммунистической академии. 02.10.1926 г. // АРАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 90. Л. 4.

4. Там же. Л. 6.
5. Там же.
6. Там же. Л. 7.
7. Там же. Л. 8.
8. Там же. Л. 9–10.
9. *Ромашов Б.С.* Воздушный пирог. М.: Театральное издательство, 1925. 121 с.
10. Доклад А.В. Луначарского «Театральная политика Советской власти» и прения по докладу на заседании Секции литературы и искусства Коммунистической академии. 02.10.1926 г. // АРАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 90. Л. 12.
11. Там же.
12. Там же. Л. 15.
13. Там же. Л. 17.
14. *Глебов А.Г.* Загмук. Трагедия раннего воспитания. М.: Театральное издательство, 1926. 125 с.
15. Доклад А.В. Луначарского «Театральная политика Советской власти» и прения по докладу на заседании Секции литературы и искусства Коммунистической академии. 02.10.1926 г. // АРАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 90. Л. 20.
16. Там же. Л. 24.
17. Там же. Л. 25.
18. Там же. Л. 26.
19. Там же.
20. Там же. Л. 30.
21. Там же. Л. 32.
22. Там же. Л. 34.
23. Там же. Л. 35.
24. Там же. Л. 36.
25. Там же. Л. 38.
26. Там же. Л. 40.
27. Там же. Л. 41.
28. Там же.
29. Там же.
30. Там же.
31. Там же. Л. 42.
32. Там же.
33. Там же. Л. 44.
34. Там же.
35. Там же. Л. 45.
36. Там же. Л. 46.
37. Там же. Л. 46–47.
38. Там же. Л. 48.
39. Там же.
40. Там же.
41. Там же. Л. 49.
42. Иоэльсон Исаак Израилевич (псевдоним – Ипполит Константинович Ситковский, второй псевдоним – И. Ипполит) (1903–1938) – литературный критик, публицист.
43. Доклад А.В. Луначарского «Театральная политика Советской власти» и прения по докладу на заседании Секции литературы и искусства Коммунистической академии. 02.10.1926 г. // АРАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 90. Л. 51.
44. Там же. Л. 52.
45. *Маяковский В.В.* Выступление по докладу А. В. Луначарского «Театральная политика советской власти» 2 октября 1926 года // М. Булгаков, В. Маяковский: диалог сатириков. М., 1994. 556 с. С. 245–247.
46. Подробнее см.: *Яблоков Е.А.* «Они сошлись...» // М. Булгаков, В. Маяковский: диалог сатириков. М., 1994. С. 5–56.
47. *Маяковский В.В.* Выступление по докладу А.В. Луначарского «Театральная политика советской власти» 2 октября 1926 года // М. Булгаков, В. Маяковский: диалог сатириков. М., 1994. С. 246.
48. Там же.
49. Нусинов И.М. (1889–1950) – советский литературный критик и литературовед, лингвист, профессор. С 1922 г. в Москве читал курс лекций по западноевропейской литературе в 1-м МГУ и на отделении еврейской лингвистики, во 2-м МГУ – лекции по еврейской литературе. Преподавал в Институте красной профессуры, заведовал кафедрой еврейской литературы в МГПИ. Входил в редакционную коллегию Литературной энциклопедии. Выступал с активной критикой творчества М.А. Булгакова.
50. Доклад А.В. Луначарского «Театральная политика Советской власти» и прения по докладу на заседании Секции литературы и искусства Коммунистической академии. 02.10.1926 г. // АРАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 90. Л. 57.
51. Там же.
52. Там же.
53. Там же. Л. 58.
54. Там же.
55. Там же. Л. 60.

56. Там же. Л. 61.
57. Там же. Л. 62.
58. Там же.
59. Там же. Л. 62–63.
60. Там же. Л. 63.
61. Там же.
62. Там же. Л. 64.
63. Там же.
64. Там же.
65. Там же. Л. 65.
66. Там же. Л. 66.
67. Там же. Л. 67.
68. Там же.

Е.В. Косырева

**Краткий обзор документов
по истории театра в Архиве РАН**

E. V. Kosyreva

**An overview of the documents on the history
of the theatre in the Archive of the RAS**

Аннотация. В статье дан обзор документов по истории театра, хранящихся в фондах Архива РАН. Значительное количество материалов по истории театра 1920-х – 1930-х гг. сохранилось в фонде Института литературы и искусства Коммунистической академии Центрального Исполнительного Комитета СССР. В личных фондах ученых отложились труды по театральному искусству, обширная переписка с артистами, режиссерами, театральными деятелями и богатый иллюстративный материал.

Ключевые слова: история искусства, история театра, личный архивный фонд, Архив РАН, Институт литературы и искусства, Коммунистическая академия.

Abstract. The article provides an overview of the documents on the history of the theater, stored in the Archive of RAS. A significant amount of material on the history of the theatre of the 1920-s – 1930-s are preserved in the Fund of the Institute of literature and art of the Communist Academy of the Central Executive Committee of the USSR. Works on theatrical art, extensive correspondence with artists, Directors, theatrical figures and rich illustrative material were deposited in the personal funds of scientists.

Keywords: art history, theatre history, personal archives, archive of the Russian Academy of Sciences, Institute of literature and art, the Communist Academy.

Архив Российской академии наук является крупнейшим хранилищем России, в котором собраны документы по истории науки. В фондах учреждений Академии наук и фондах личного произ-

хождения в первую очередь сосредоточена информация о различных этапах научного развития, открытиях, новых направлениях, научных школах и переменах в отечественной науке.

В то же время, не являясь, в отличие от Российского государственного архива литературы и искусства, специализированным архивом по комплектованию документами о культурной жизни страны, Архив РАН хранит и документы по истории отечественной литературы, изобразительного искусства, музыки, театра, кино.

Обширный массив исторических источников о театральной жизни страны за 1924–1934 гг. хранится в фонде Института литературы и искусства Коммунистической академии Центрального Исполнительного Комитета СССР. За десятилетие он сменил несколько наименований: в 1924–1929 гг. назывался Секцией литературы и искусства, в 1929–1930 гг. – Секцией литературы, искусства и языка, в 1930–1932 гг. – Институтом литературы, искусства и языка, в 1932–1934 гг. – Институтом литературы и искусства. В фонде Института отложились протоколы и стенограммы заседаний его руководящих органов и подразделений: бюро Секции литературы и искусства, театральной комиссии, комиссии марксистского театроведения, подсекции литературы и искусства народов СССР, директората Института; документы Кабинета агитационного театра; переписка Института с театральными учреждениями по научно-организационным вопросам; стенограммы докладов и прений по докладом театральным режиссеров, критиков и театроведов.

В протоколах заседаний за 1926–1934 гг. зафиксирован ход обсуждения и принятия решений по вопросам организации комиссий и подсекций, утверждения планов их работы, обсуждения задач представителей Комакадемии в художественно-политических советах театров, проведения всесоюзной олимпиады национальных театров, работы научных сотрудников Института литературы и искусства Комакадемии ЦИК СССР и др.

Документы сообщают о работе Института с большой степенью подробности. Так, например, на первом заседании Комиссии марксистского театроведения (в первое время в документах наравне с названием «Комиссия» встречается наименование «Кабинет

марксистского театроведения») 16 октября 1928 г. председатель Комиссии, театральный критик, литературовед П.И. Новицкий проинформировал присутствующих об основных ее задачах и работе четырех подкомиссий: режиссуры, драматургии, театральной критики, театрального оформления. Из проекта «Положения о Кабинете марксистского театроведения», приложенного к протоколу заседания, мы узнаем, что его задачей являлось «углубление и систематическое изучение всех вопросов театра с точки зрения диалектического материализма»¹.

С этой целью Кабинет организовывал изучение отдельных отраслей театрального искусства по историко-социологическому, методико-теоретическому и практико-производственному направлениям; заслушивал и обсуждал доклады, выпускал издания по вопросам театра; основал специальную библиотеку, производственно-исследовательский музей, проводил научные экскурсии и др.². В число сотрудников Кабинета входили действительные члены и научные сотрудники. Действительными членами могли стать работники театра, «доказавшие в своей общественной, литературно-научной или производственной деятельности марксистское понимание современного театра»³.

Стенограммы заседаний, в свою очередь, позволяют ознакомиться с целым рядом докладов, прений и дискуссий, проведенных подразделениями Института по различным театроведческим темам. За период 1928–1934 гг. были заслушаны доклады драматурга С.И. Амаглобели «О методологии театра и методах работы над материалом», «Проблема обороны страны и задачи театра. Проблема драматургии в обороне страны»; П.И. Новицкого «Социология юбилея Московского художественного театра», «Система и творческий метод Московского художественного театра», «О ТРАМовском движении»; театрального режиссера, народного артиста Грузинской ССР А.В. Ахметели «Диспут о грузинском театре», писателя, драматурга и журналиста А.Г. Глебова «Об итогах I Всесоюзной олимпиады искусств народов СССР», театрального режиссера и актера А.Я. Таирова «Постановка «Египетских ночей» в Камерном театре» и многие другие.

За 1930–1933 гг. сохранились стенограммы диспутов о постановках пьес писателей и драматургов В.В. Вишневского «Последний решительный», В.М. Киршона «Хлеб», П.Д. Маркиша «Земля», специальное заседание было посвящено обсуждению театральных постановок, показанных в дни 15-ой годовщины Октябрьской революции и др.

Документы Кабинета агитационного театра разнообразны. Они включают репертуары, инсценировки, сметы и планы выставок по театральному искусству, инструкции и программы занятий театральных кружков. Изучая их, выясняем, какие пьесы были рекомендованы для постановок в 1924–1928 гг. Так, в число исторических пьес вошли «Юлий Цезарь» У. Шекспира, «Вильгельм Телль» Ф. Шиллера, «Мария Тюдор» и «Луcreция Борджиа» В. Гюго, «Борис Годунов» А.С. Пушкина, трилогия романов «Хожение по мукам» А.Н. Толстого; теме классовых противоречий посвящены постановки «Царь голод» и «Савва» Л.Н. Андреева, «Шквал» М. Бетхера, «Гибель «Надежды»» и «Всех скорбящих» Г. Гейрманса, «Волчьи души» Д. Лондона, для знакомства публики с психологическими пьесами мирового значения Кабинет считал необходимым обратиться к творчеству Пушкина – «Скупой рыцарь», «Каменный гость», «Моцарт и Сальери»; И. Гете – «Фауст»; Ж.-Б. Мольера – «Скупой», «Мнимый больной», «Тартюф, или Обманщик»; Шекспира – «Гамлет», «Макбет», «Король Лир» «Отелло», Г. Ибсена – «Бранд» и «Пер Гюнт»⁴.

Среди учреждений, в которых отложились документы по истории театра, также можно назвать фонды Коммунистической академии ЦИК СССР, Института истории Коммунистической академии ЦИК СССР, Отделения общественных наук Академии наук СССР, Отделения истории Российской академии наук.

Значительный пласт документов по истории театрального искусства дореволюционного и советского периодов сосредоточился в фондах личного происхождения.

Научные и научно-популярные труды по истории театра в первую очередь можно встретить в личных фондах ученых-«гуманитариев»: историков, литературоведов, филологов, фоль-

клористов. Назовем лишь некоторые из них: статьи историка, члена-корреспондента АН СССР А.В. Шестакова «Театральный репертуар в наши дни» (1919); востоковеда-японоведа и китаеведа, академика АН СССР Н.И. Конрада «Театр в Новой Японии» (не ранее 1929), «Театр Кабуки (К предстоящим гастролям японского театра)» (1961), «Театральное искусство в Японии» (1964), «О театре Но» (не ранее 1982); историка, академика АН СССР Н.М. Дружинина «Почему историко-революционный театр ставит пьесу Н.Н. Лернера о Чернышевском» [1932]; историка, члена-корреспондента АН СССР С.К. Богоявленского «Первый московский театр» (1940-е); доклад этнографа, специалиста по фольклору западных и южных славян, доктора филологических наук П.Г. Богатырева «К вопросу о взаимовлиянии и взаимосвязи различных семантических театральных систем» (не ранее 1970); лекция историка, члена-корреспондента АН СССР А.И. Яковлева «Иван IV» в Малом театре (1944); заметки и выписки к трудам Богатырева «О повестях артистов» (не ранее 1930), заметки специалиста в области истории Великобритании и международных отношений, академика РАН В.Г. Трухановского к пьесе Т. Раттигана «Война, любовь и политика» о реалиях пьесы к постановке ее в Московском академическом театре им. В. Маяковского (1990); отзывы литературоведа, академика АН СССР П.И. Лебедева-Полянского на новую постановку Малым театром пьесы М. Горького «Варвары» ([1941]); историка, академика АН СССР С.В. Бахрушина о работе театроведа, режиссера В.Н. Всеволодского-Гернгросса «История русского театра» (1950); замечания Богатырева на работы С.В. Образцова «Об искусстве кукольного театра» и «Игра куклы с человеком» (1970-е), отзыв Трухановского о пьесе «Победа» по роману А.Б. Чаковского для постановки в Московском драматическом театре им. Н.В. Гоголя (1983) и др.

В личных фондах ученых сосредоточена и многочисленная переписка с директорами театров, режиссерами, актерами, критиками и другими театральными деятелями. Среди эпистолярного наследия имеются письма народных артистов СССР Г.В. Александрова и Л.П. Орловой, В.И. Качалова, О.Л. Книппер-Чеховой,

М.И. Царева; актера и режиссера советского театра на идише, народного артиста СССР С.М. Михоэлса; театральных режиссеров, народных артистов РСФСР В.Э. Мейерхольда и А.Я. Таирова, народных артисток РСФСР А.Г. Коонен и Л.В. Целиковской; театрального режиссера, народного артиста РФ Ю.П. Любимова и др.

Многих представителей театрального искусства с известными учеными, помимо вопросов постановки новых пьес, репертуара и организации зарубежных гастролей связывала многолетняя дружба.

«Дорогой Петр Леонидович! Я глубоко тронут вашим товарищеским вниманием и сердечно благодарен за принципиальную поддержку, которая, как мне кажется, имеет большое значение для всех тех, кто экспериментирует и ищет в науке и искусстве. Спасибо Вам!»⁵, – пишет известный режиссер Г.В. Александров физику, академику АН СССР, лауреату Нобелевской премии П.Л. Капице 8 сентября 1960 г.

«Глубокоуважаемый Петр Леонидович, решил присоединить и свое письмо к просьбе В[сероссийского] Т[еатрального] О[бщества]. Московские актеры мечтают увидеть Вас в их Доме. Я их прекрасно понимаю, уважаю и ценю их огромный интерес к великому ученому нашей страны. Хочу надеяться, что Вы сочтете возможным оказать нам честь своим посещением московского актерства»⁶, – приглашает Михоэлс Капицу на открытие зимнего сезона Московского дома актера. См. ил. 1, 2.

Особенного внимания заслуживают сохранившиеся в личном архиве историка, публициста, дипломата, академика АН СССР И.М. Майского документы об организации гастролей японского национального классического театра Кабуки в Москве в 1928 г. С октября 1927 по март 1929 г. Майский занимал пост советника полпредства в Токио, где одним из центральных направлений его деятельности стало налаживание экономических и культурных связей СССР и Японии. Личным вкладом Майского в развитие советско-японских отношений стали гастроли театра Кабуки в СССР.

В фонде ученого сохранились: его переписка с представителями ВОКС'а, сметы, договор, статья руководителя труппы Саданд-

зи Ичикавы для советской прессы, программы спектаклей, справка об истории театра, краткие биографические сведения о ведущих актерах, вырезки из советских газет и журналов о гастролях Кабуки, выступление Майского на приеме в честь артистов театра Кабуки по возвращению труппы в Токио.

Отдельно отметим сохранившиеся в личном фонде краеведа-фольклориста, основателя Краеведческого музея в г. Починок Смоленской области В.К. Ефременкова материалы по истории Починковского района, а именно театральные билеты и образцы театральных пьес, «какими купечество в поселке Починок увлекалось в старину»⁷. А интересовали починковское купечество пьесы Н.В. Денисова – «Снегурочка», «Подснежник», «Спящее царство» и А. Ишимова «Бедная кукла»⁸. См. ил. 3.

Исследователей также могут заинтересовать документы, собранные историком, публицистом, редактором журнала «Голос минувшего» С.П. Мельгуновым. Это резюме свидетельских показаний о беспорядках в петербургском Малом театре (Театр А.С. Суворина) в связи с постановкой в ноябре 1900 г. пьесы С.К. Эфрона и В.А. Крылова «Контрабандисты» и материалы по истории русского театра (вырезки из газет)⁹.

Встречается в личных архивах ученых и изобразительный материал: фотографии математика, географа и путешественника, академика АН СССР О.Ю. Шмидта среди артистов театра им. Е.В. Вахтангова (см. ил. 4), артистов Камерного театра (см. ил. 5); ученого и изобретателя К.Э. Циолковского среди работников Калужского театра (см. ил. 6), Майского среди японских журналистов и артистов театра Кабуки в Токио, театрального режиссера К.С. Станиславского с артистами Московского Художественного академического театра; сцен из спектаклей Государственного еврейского театра «Колдунья», «20 0000», «Три изюминки», «Путешествие Вениамина III», «Глухой» (с участием Михоэлса и актера В.Л. Зускина), из спектакля Театра им. Вахтангова «Фельдмаршал Кутузов» и др.

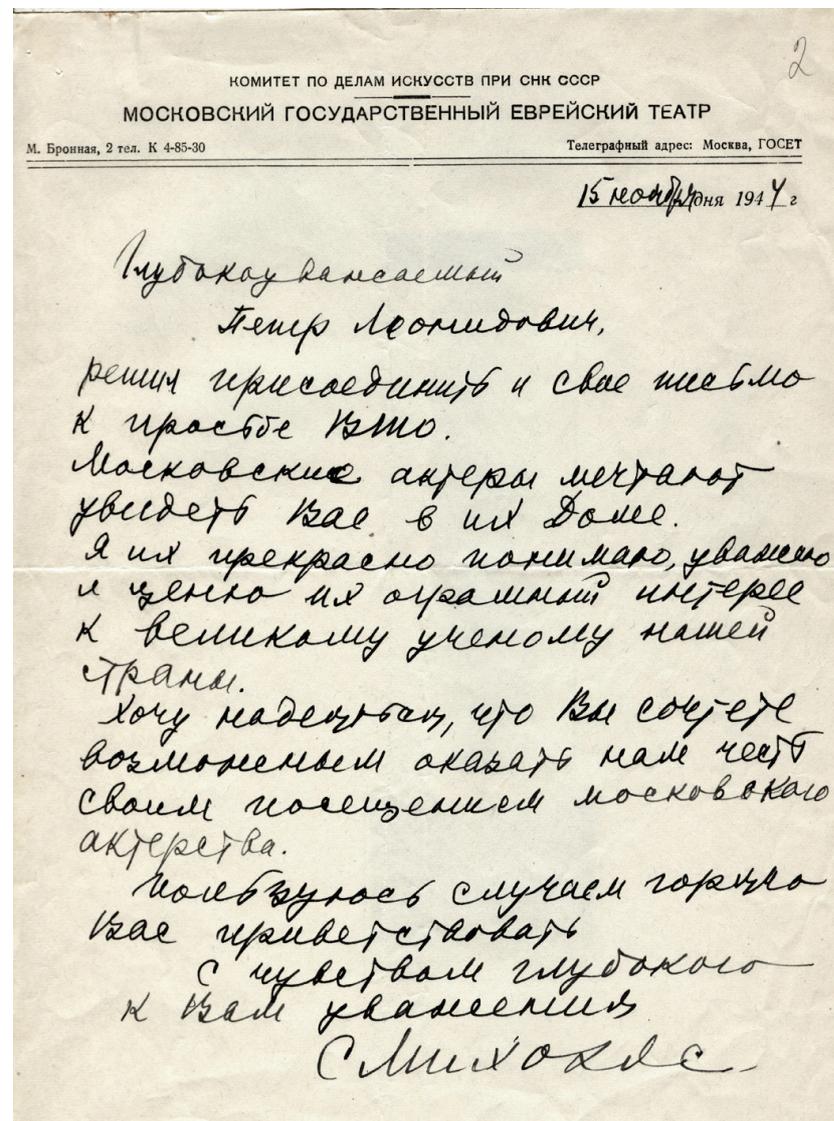
Богатый иллюстративный материал по истории театра сосредоточен в личном фонде ученого, революционного и обществен-

ного деятеля, почетного члена АН СССР Н.А. Морозова. Среди 13-ти описей фонда Морозова имеется опись, в которую включена коллекция портретов, собранная дворянином Мологского уезда Ярославской губернии, общественным деятелем, поэтом и публицистом С.А. Мусиным-Пушкиным. Данная опись включает 2 761 единицу хранения, среди которых несколько десятков занимают фотографии (см. ил. 7), рисунки (см. ил. 8), гравюры (см. ил. 9), карикатуры (см. ил. 10) русских артистов столичных и провинциальных театров, режиссеров, театральных деятелей и театральных критиков XIX–XX вв.

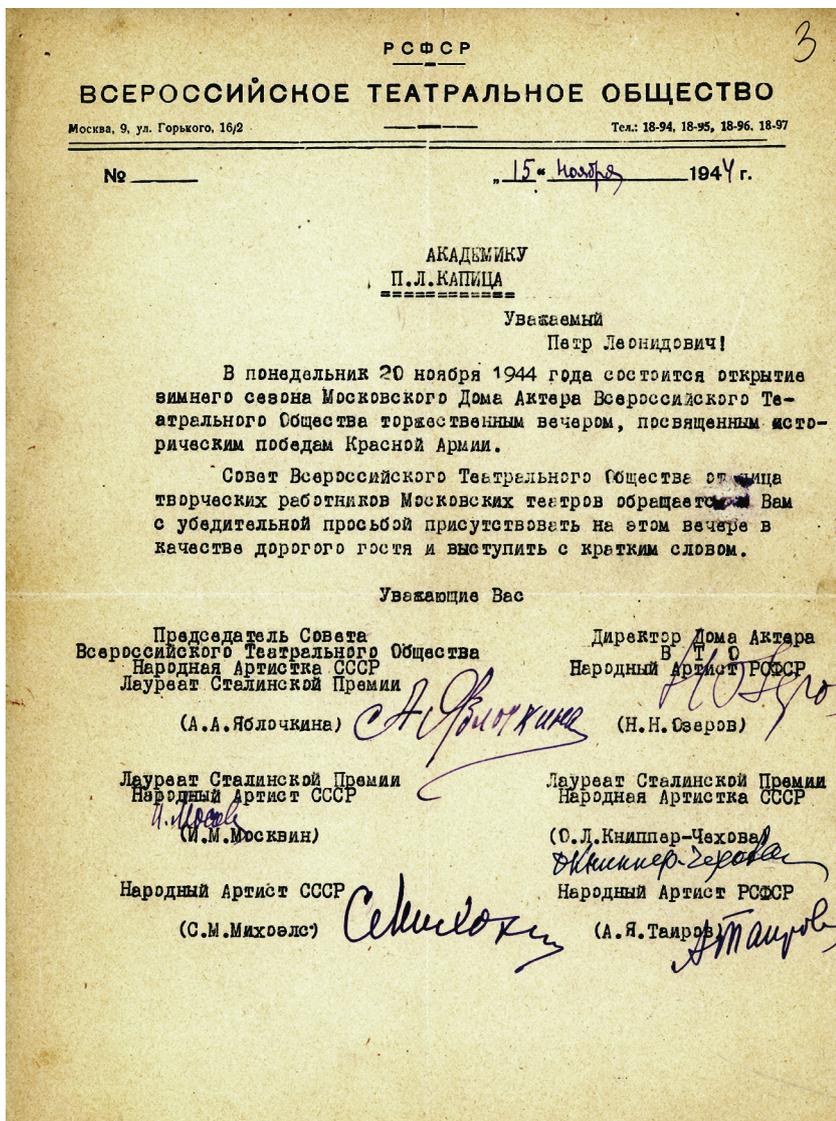
Таким образом, хранящиеся в Архиве РАН разнообразные документы по истории театра в фондах учреждений Коммунистической академии ЦИК СССР и Академии наук СССР, а также в личных фондах ученых, могут служить ценным источником для исследователей, занимающихся изучением культурной жизни нашей страны.

Примечания

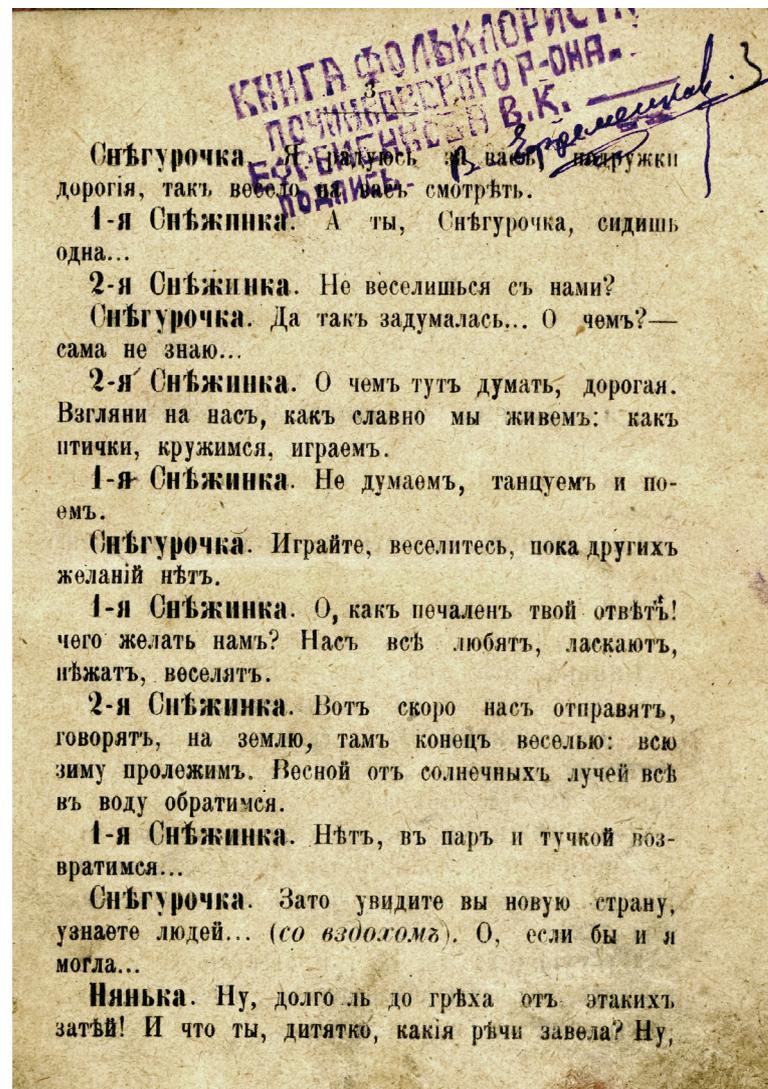
1. АРАН. Ф. 358. Оп. 1. Д. 16. Л. 12.
2. Там же.
3. АРАН. Ф. 358. Оп. 1. Д. 16. Л. 13.
4. АРАН. Ф. 358. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.
5. АРАН. Ф. 2197. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.
6. Там же. Д. 128. Л. 2
7. АРАН. Ф. 480. Оп. 1. Д. 25, 37.
8. Там же. Д. 37.
9. АРАН. Ф. 647. Оп. 1 Д. 383, 531, 532.

Ил. 1. Письмо С.М. Михоэlsa П.Л. Капице. 15 ноября 1944 г.
АРАН. Ф. 2197. Оп. 1. Д. 128. Л. 2.

Ил. 2. Письмо членов Всероссийского театрального общества П.Л. Капице с просьбой принять участие в вечере, посвященном историческим победам Красной Армии. 15 ноября 1944 г.
АРАН. Ф. 2197. Оп. 1. Д. 128. Л. 3.

Ил. 3. Фрагмент «Книги фольклориста Починковского р[ай]она Ефременкова В.К.» с театральными пьесами. [Не позднее 1917–1918 гг.]
АРАН. Ф. 480. Оп. 1. Д. 37. Л. 3.

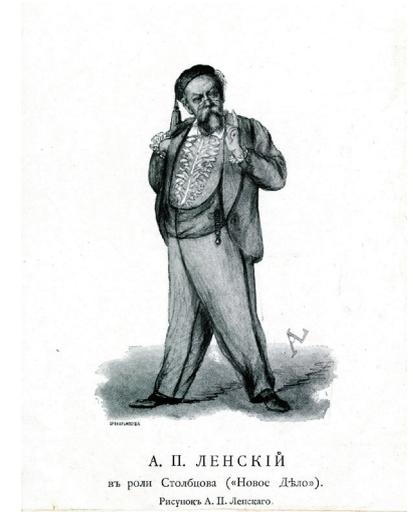
Ил. 4. Академик О.Ю. Шмидт с актрисой А.Г. Коонен, режиссером А.Я. Таировым (3-й слева) и группой челюскинцев после просмотра спектакля по пьесе С. Семенова «Не сдадимся». [Ноябрь 1935 г.]
АРАН. Ф. 496. Оп. 2. Д. 518. Л. 1.

Ил. 6. К.Э. Циолковский среди работников Калужского театра. 1934 г.
АРАН. Ф. 555. Оп. 2. Д. 150. Л. 1.

Ил. 5. Академик О.Ю. Шмидт среди артистов театра Е.В. Вахтангова. 1930-е гг. АРАН. Ф. 496. Оп. 2. Д. 545. Л. 1.

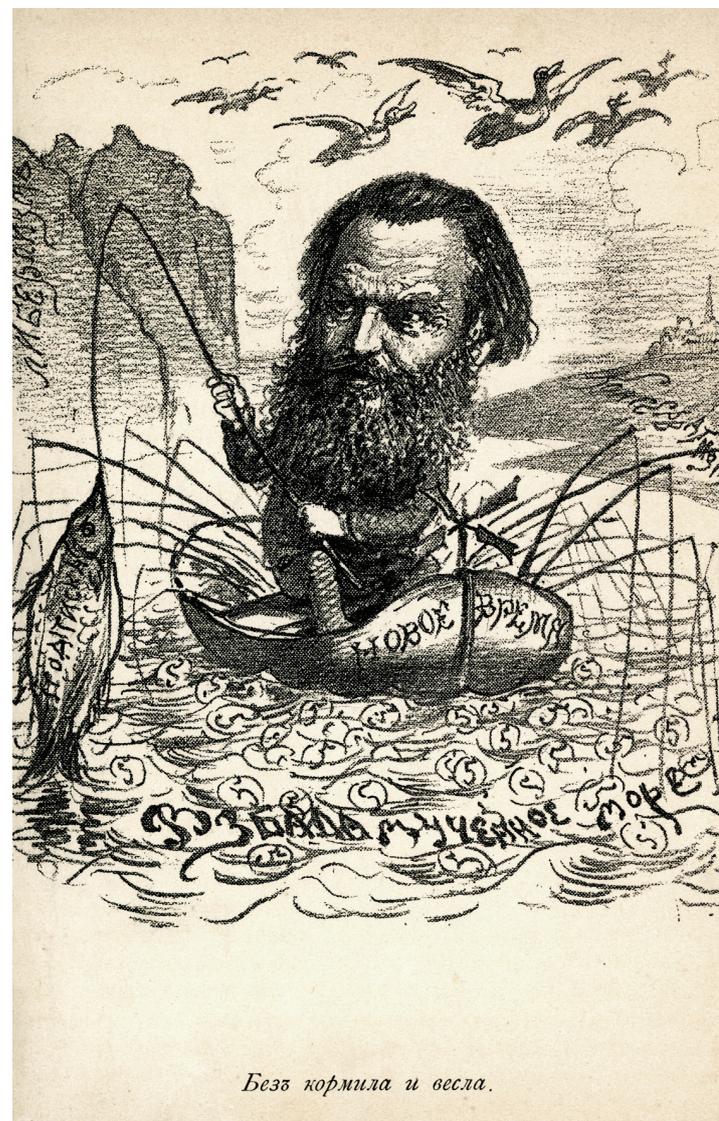

Ил. 7. Заслуженный артист Императорских театров К.А. Варламов в роли Силы Ерофеича Грознова в пьесе А.Н. Островского «Правда – хорошо, а счастье лучше». [Не ранее 1876 г.]
АРАН. Ф. 543. Оп. 8. Д. 169. Л. 2.

Ил. 8. Актер А.П. Ленский в роли Столбцова в пьесе В.И. Немировича-Данченко «Новое дело». [Не ранее 1890 г.]
Рисунок А.П. Ленского. АРАН. Ф. 543. Оп. 8. Д. 643. Л. 3.

Ил. 9. Актер А.П. Ленский в роли Столбцова в пьесе В.И. Немировича-Данченко «Новое дело». [Не ранее 1890 г.]
Рисунок А.П. Ленского. АРАН. Ф. 543. Оп. 8. Д. 643. Л. 3

Ил. 10. Актер московского Малого театра П.С. Мочалов в роли Фингала в одноименной пьесе А.В. Озерова. [Не ранее 1822 г.]
АРАН. Ф. 543. Оп. 8. Д. 761. Л. 3.

С.А. Лиманова

**Артист или геолог?
Выбор жизненного пути А.П. Павлова**

S.A. Limanova

**An artist or a geologist?
A.P. Pavlov and his trajectory of life**

Аннотация. В статье представлена краткая биография геолога А.П. Павлова. Основное внимание уделено начальному этапу жизненного пути, когда юный выпускник гимназии делал свой выбор между карьерой артиста или ученого. В дальнейшей биографии прослежено влияние артистических способностей на просветительскую деятельность ученого. В статье приводятся не публиковавшиеся ранее документы из личного фонда Павлова.

Ключевые слова: А.П. Павлов, геология, сцена, искусство, жизненный путь, биография.

Abstract. The article presents a brief biography of the geologist A.P. Pavlov. The main attention is paid to the initial stage of life, when a young graduate of the gymnasium made his choice between the career of an artist or a scientist. Further biographies traced the influence of the artistic abilities in the educational activities of the scientist. The article presents previously unpublished documents from Pavlov's personal Fund.

Keywords: A.P. Pavlov, geology, scene, art, life, biography.

«Одно время он колебался – идти ли на сцену, в педагогическую деятельность или в научную работу. Как часто бывает, для таких духовно мощных людей вопрос решился без борьбы, естественным процессом: он всюду был бы на месте, всюду в первых рядах, всюду глубоко осознанно прожил бы жизнь»¹.
В.И. Вернадский

При описании биографий известных ученых зачастую преобладают детерминистский подход и ретроспективный взгляд. Зная о конкретных заслугах того или иного человека в определенной научной области, мы склонны проецировать это знание на всю его судьбу. И, как правило, «символы» и «приметы» «жизненно-предначертания» с легкостью находятся практически на любом этапе жизненного пути. Однако, если начать «разматывать клубок» с противоположной стороны, то может оказаться, что человек неоднократно находился в точке бифуркации, когда его дальнейшая деятельность могла пойти по совсем иному направлению.

Одним из таких примеров является биография выдающегося геолога академика Алексея Петровича Павлова (1854–1929). О первых годах его жизни известно не так много. В одной из автобиографий написано: «Я родился 1 декабря 1854 г. Я рано лишился родителей и знаю только, что мой отец был офицером. Меня воспитала вдова подполковника, жившая на пенсию своего покойного мужа. Она поместила меня в очень юном возрасте сначала в частное учебное заведение, а потом во 2-ю Московскую гимназию пансионером, где я учился, начиная со 2-го класса до 8-го и окончил курс в 1874 г. В этом же году я поступил в Московский университет на Физико-математический Факультет и окончил курс в 1878 г.»². В том же 1878 г. Павлов стал преподавателем естественной истории, физики и химии в Тверском реальном училище, проработав там до 1880 г. В дальнейшем в разное время читал также лекции на Лубяньских высших женских курсах, в Петровской сельскохозяйственной академии, Народном университете имени А.Л. Шанявского и др. Педагогические вопросы продолжали волновать его в течение всей жизни³, в то

время как основным видом деятельности стала научная работа в области геологии, стратиграфии и палеонтологии.

«В апреле 1880 г. Павлов был избран Советом Московского Университета на должность хранителя Минералогического кабинета сего университета»⁴. С тех пор его жизнь оказалась неразрывно связана с Московским университетом. Будучи учеником Г.Е. Щуровского, Павлов со знанием и достоинством продолжил его дело. В 1884 г. молодой ученый защитил магистерскую диссертацию по теме «Нижеволжская юра», в 1886 г. – докторскую диссертацию по аммонитам. Впоследствии стал ординарным (1896) и заслуженным (1909) профессором, в 1916 г. – действительным членом императорской Санкт-Петербургской академии наук (с 1925 г. – АН СССР). Вместе с женой, палеонтологом М.В. Павловой, являлся в 1914–1917 гг. организатором Геологического музея Московского университета, с 1924 г. – директором Московского геологического института, с 1927 г. – председателем Комиссии по изучению четвертичного периода. Павлов состоял членом всевозможных научных сообществ, активно путешествовал по России и за ее пределами, имел неоднократные поощрения за свою научную деятельность как от царского, так и от советского правительства. Стал основателем Павловской геологической школы⁵, из которой вышли многие известные геологи и палеонтологи.

А.П. Павлов был прекрасным специалистом и организатором науки, человеком разносторонне одаренным и при этом весьма скромным, поэтому о других его талантах и увлечениях, скорее, можно узнать от близких и хорошо знавших его людей, чем от него самого. Геолог и геоморфолог В.А. Варсанофьева, ученица Павлова, ставшая его первым биографом, писала: «<...> А[лексей] П[етровичу] пришлось пережить внутреннюю борьбу, прежде чем окончательно избрать свой жизненный путь. Он был богато и разносторонне одаренной натурой. Помимо научных дарований и таланта художника, у него были большие музыкальные способности и прекрасный голос – баритональный бас очень приятного тембра. Интерес к музыке и живописи был серьезен и глубок. Товарищем А[лексей] П[етровича] по гимназии был известный впоследствии

певец Хохлов⁶. Вместе с ним А[лексей] П[етрович] учился петь и ему сулили не менее блестящую будущность. Когда по окончании курса перед А[лексеем] П[етровичем] встал вопрос о выборе специальности и дальнейшего пути в жизни, он колебался, и выбор между наукой и искусством был для него не так легок. Но стремление к науке победило, и в 1874 г. он отказался от карьеры артиста и художника и поступил в Московский университет»⁷. См. ил. 1.

На тот же поворотный момент указывал в биографическом очерке другой ученик Павлова, геоморфолог и гидрогеолог А.Н. Мазарович: «А.П. Павлов был очень одаренным человеком. У него были большие артистические наклонности: он обладал талантами художника, музыканта и певца, так что долго колебался, быть ли ему артистом или ученым. Однако заложенный в нем во время гимназического курса интерес к естествознанию победил <...>»⁸. Геолог и палеонтолог А.А. Чернов, еще один ученик Павлова, с восхищением вспоминал, что во время поездки на Тиман⁹ в 1902 г. узнал своего учителя с новой стороны: «<...> он обладал прекрасным голосом (баритоном) и иногда, когда не было комаров, когда бывало свободное время и мы продвигались на значительное пространство в лодке, А[лексей] П[етрович] пел; большей частью это были отрывки из разных опер, как на русском, так и на итальянском языке. Должен признаться, что я только тогда и слышал оперу на итальянском языке – в пении А[лексей] П[етровича] на Тимане»¹⁰.

В автобиографиях А.П. Павлова отсутствуют указания на его «творческие метания». Однако в неоконченном варианте одной из автобиографий, написанных незадолго до его смерти в 1929 г., все-таки коротко говорится о студенческих увлечениях: «Во время пребывания в Университете был членом Шекспировского кружка, изучавшего и исполнявшего, на частной сцене, произведения Шекспира»¹¹. Об участии Павлова в «шекспировском кружке» упоминал также академик В.И. Вернадский, на протяжении сорока лет знавший Павлова и долгие годы работавший с ним бок о бок в Московском университете. Вернадский высоко ценил Павлова не только как ученого-геолога, но и как человека благородного, об-

ладающего широким кругозором и космогонистическим пониманием жизни. «Его занимали крупные искания и крупные обобщения, – говорил Вернадский. – Смерть прервала нить его жизни как раз тогда, когда он думал, что может дать синтез своего понимания геологической истории нашей планеты»¹². Он же отмечал, что Павлов обладал интуицией ученого-художника, тонко чувствовал природу и любил ее.

Вернадский попытался дать свой ответ на вопрос о выборе Павловым жизненного пути: «Я думаю, что эта эстетическая сторона научной работы натуралиста-наблюдателя, связанная с путешествием, скитаниями, с жизнью вне людских скоплений, с творческой мыслью в этой необычной для нашего быта обстановке, явилась решающей в выборе Алексеем Петровичем пути жизни. Он выбрал его как художник. Он нашел в научном творчестве среди вольной природы большее удовлетворение, чем если бы он своим голосом воссоздавал и оживлял песни, другими сложенные, или игрой возрождал художественные мечтания Шекспира, или переносил свою личность в линии и в краски европейской живописной традиции»¹³. И добавлял: «<...> может быть, в этой эстетической работе геолога и в том, что ему давала природа, когда он с нею был один, он поднимался выше искусства, глубже познавал мир, чем мог это сделать, если бы отдался другим формам художественного творчества»¹⁴.

Богатые артистические данные, умение чувствовать природу и делиться этим чувством помогали А.П. Павлову увлекать аудиторию и располагать к себе слушателей. Он много внимания уделял популяризации науки, писал научно-популярные книги, выступал с публичными лекциями, не оставляя равнодушными даже людей, далеких от геологии. Ученик Павлова гидрогеолог, тектонист и стратиграф Е.В. Милановский считал, что «больше всего А[лексей] П[етрович] был одарен в области художественного слова»¹⁵: «Он горячо любил литературу и прекрасно ее знал, свидетельством этого являются его произведения и его лекции, в которых он с такой легкостью и с таким умением цитировал русских и иностранных классиков <...> Кто из нас не помнит его прекрасных, на всю

жизнь запоминающихся лекций? Эти лекции представляли по своей композиции, по своему словесному оформлению, совершенно исключительное явление. Они действовали не только на чисто логические центры нашего ума, но и на наши чувства, они захватывали, заражали и заставляли полюбить ту науку, которой А[лексей] П[етрович] отдавал всю свою жизнь»¹⁶. См. ил. 2, 3.

В личном фонде Павлова¹⁷ сохранились документы, свидетельствующие о его разносторонних интересах. От увлечений живописью – выписки о приготовлении масляных красок, о сочетании цветов и контрастах, о старинной технике живописи, об импрессионистах¹⁸, а также палитра художника и различные зарисовки¹⁹. Как подтверждение любви к чтению – требования в библиотеку на выдачу книг, выписки из исторических и литературных произведений²⁰. Привычка много читать появилась у Павлова с юных лет: «Читал книги в свободное время, не пользуясь чьим-либо руководством, в гимназии – почти исключительно те, какие были в гимназической библиотеке, а в университетские годы читал книги в Университетской библиотеке, в библ[иотеке] Румянцевского музея и из частных библиотек. Сколько лет я читал книги – сказать затрудняюсь; читаю их с тех пор, как выучился читать и до настоящего времени, читал по всем тем вопросам, какие меня в данное время интересовали»²¹. И спектр этих вопросов был весьма широк: от геологии до археологии, от литературы до философии и искусства, от живописи до фотографии.

А.А. Чернов, уже ранее упоминавшийся ученик Павлова, вспоминал: «А[лексей] П[етрович] был также и художником-фотографом, не простым фотографом, который щелкает аппаратом, снимая окружающие виды, а именно художником, который с особой любовью занимается фотографией. Он весьма интересовался цветной фотографией. Фотографические снимки его всегда бывали высоко художественны. Самые объекты, которые он выбирал, были не только объектами чисто геологическими, но отличались своей эффектностью, и таких снимков у него было очень много»²². Чернов называл Павлова «человеком исключительно большой духовной красоты»²³. И Алексей Петрович действительно

но умел видеть и чувствовать красоту в окружающем его мире. Среди его записей о фотографии можно обнаружить, например, такую: «Фотографирующий природу долж[ен] иметь в виду дать нечто новое, не банальное и стремиться выявить красоту в линиях, в массах, в тоне, в расположении»²⁴. При цветной же фотографии, как отмечал Павлов, задача усложнялась: для того, чтобы ее сделать, необходимо было найти «несравненно более редкую и переходящую вещь – совершенную мелодию цвета»²⁵.

В мировоззрении А.П. Павлова наука и искусство прекрасно сочетались, и, оказывая взаимное влияние, создавали общую картину мира. Примечателен в этом отношении черновой набросок речи Павлова к юбилею актера и режиссера К.С. Станиславского, сохранившийся среди бумаг ученого. «Присмотримся к тому, что такое сценич[еское] иск[усство], знаменитым представит[елем] которого явл[яется] Конст[антин] Серг[еевич], – писал Павлов, рассуждая о близости науки и искусства. – Чтобы воплотить изображаем[ое] лицо недостат[очно] выуч[ить] роль, подобрать позы, жесты, оттенки голоса... Нужно тонко проанализ[ировать] психол[огическое] изображ[ение] лица, и работать не по учебникам психологии, а набл[юдая] проявл[ения] психич[еских] эмоций у живых людей, как это делал Дарвин по отн[ошению] к животн[ым], когда писал свою книгу “О выраж[ении] ощущ[ений] у животн[ых]”²⁶»²⁷. Павлов приводил также образное сравнение «чистого искусства» с «пышными цветами», аромат и красота которых очаровывают зрителя настолько, что он забывает про «научные корни» и «стебель». А вместе с тем без них-то и не распустился цветок. «Для меня нес[омненно], что раб[ота] худ[ожника] есть также науч[ная] работа»²⁸, – утверждал Павлов. См. ил. 4.

Увлечение Павлова искусством разделяла его супруга палеонтолог М.В. Павлова (урожденная Гортынская, в первом замужестве – Иллич-Шишацкая), которая, как и он сам, любила рисовать на досуге. В личном фонде Павловой есть несколько папок с ее рисунками, выполненными акварелью и масляными красками²⁹. Впрочем, как показывают документы личных фондов других ученых, многие из них были творческими личностями, умевшими со-

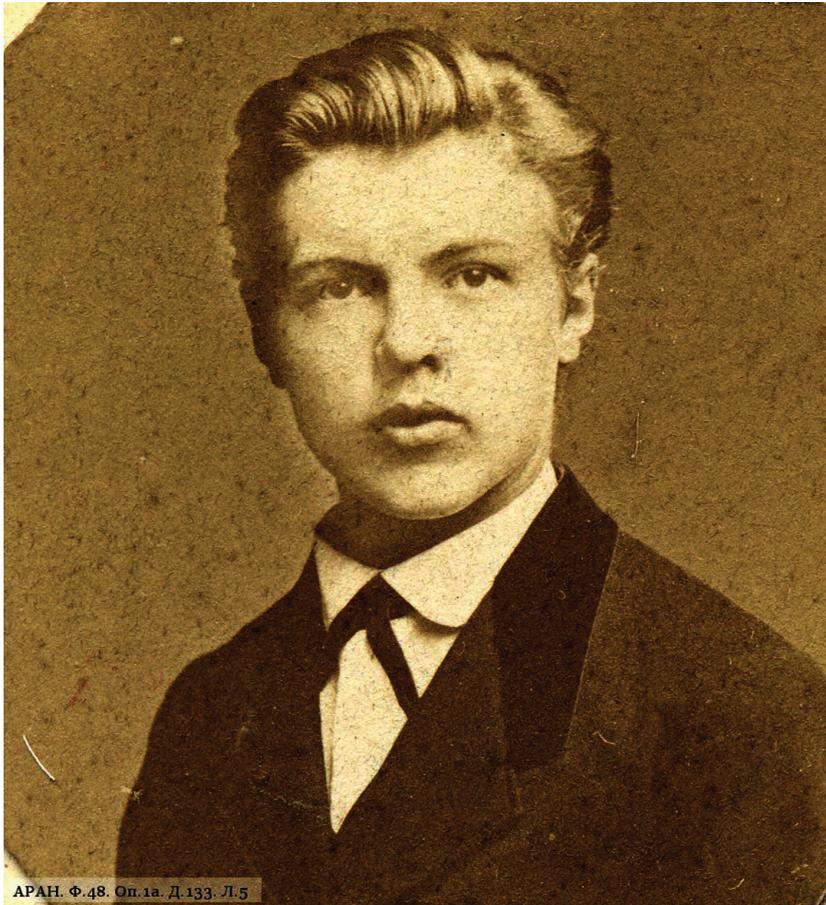
вмещать научную работу с любовью к искусству³⁰. Этюды самого Павлова его коллеги характеризовали как «наброски маслом чисто Левитановских сюжетов»³¹. Для наглядности и простоты усвоения научного материала он также создавал «художественные таблицы»³², представляющие ландшафты нашей планеты в разные геологические эпохи.

Разносторонние таланты А.П. Павлова гармонично вписались в его научную жизнь, сделали ее одухотворенной и насыщенной. Его личностные качества, умение воспринимать окружающую действительность и обширнейшие научные знания позволили не только взглянуть на явления природы во всей их красе и противоречивости, но и познать некоторые из ее законов, увидеть перспективу развития геологических научных знаний в XX в. Артистическая же натура смогла найти свое выражение в чтении увлекательных лекций и проведении занимательных экскурсий как для знатоков, так и для любителей геологии, археологии, палеонтологии³³. Как никто другой, Павлов умел актуализировать научные знания, делать их доступными для любой аудитории, вовлекать собравшихся и раскрывать перед ними тайны «каменной летописи» Земли. Таким образом, Алексей Петрович Павлов представляет собой один из тех замечательных типов ученых, которым удалось одновременно стать и генератором новых научных знаний, и просветителем в самом широком смысле этого слова.

Примечания

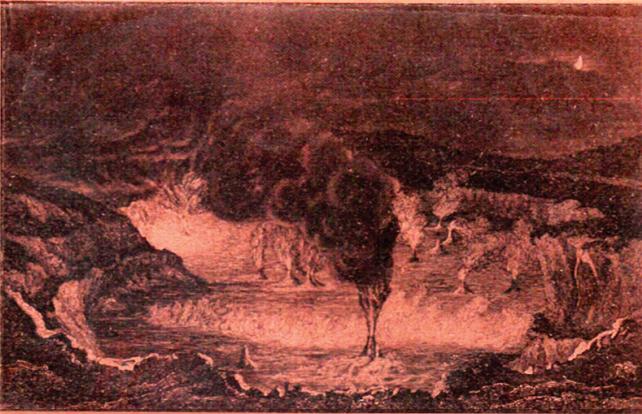
1. Вернадский В.И. Памяти академика Алексея Петровича Павлова // Вернадский В.И. Статьи об ученых и их творчестве. М.: Наука, 1997. С. 262.
2. АРАН. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 115. Л. 159.
3. Павлов А.П. Избранные педагогические труды. М.: Изд-во Акад. пед. наук, 1959. 175 с.
4. АРАН. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 115. Л. 4.
5. Подробнее см.: Стародубцева И.А., Бессуднова З.А., Пухонто С.К. и др. Павловская геологическая школа. М.: Наука, 2004. 208 с.; Лиманова С.А. Павловская геологическая школа (по документам личных

- фондов ученых в Архиве РАН) // Междисциплинарные исследования в истории науки. Коллективная монография по материалам Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием «Междисциплинарные исследования в истории науки» 11–13 декабря 2018 г. М., 2019. С. 63–67.
6. Хохлов П.А. (1854–1919) – русский певец, баритон, солист Большого (1879–1886, 1889–1900) и Мариинского (1881, 1887–1888) театров.
  7. *Варсанофьева В.А.* Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии. М.: Тип. Упр. делами Совета министров СССР, 1947. 392 с. С. 13.
  8. *Мазарович А.Н.* Алексей Петрович Павлов. 1854–1929. Биографический очерк. М.: Моск. гос. ун-т, тип. БТИ МПСС, 1948. 39 с. С. 3.
  9. Видимо, речь идет о Тиманском кряже – возвышенности, расположенной на северо-востоке Восточно-Европейской равнины и разделяющей Двинско-Печорский бассейн на две части.
  10. Из воспоминаний А.А. Чернова об А.П. Павлове. 1929 г. // АРАН. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 155. Л. 14.
  11. АРАН. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 115. Л. 159.
  12. *Вернадский В.И.* Памяти академика Алексея Петровича Павлова // Вернадский В.И. Статьи об ученых и их творчестве. М.: Наука, 1997. С. 261.
  13. Там же. С. 263.
  14. Там же.
  15. Речь Е.В. Милановского на Объединенном заседании Геологического Общества любителей естествознания и научно-исследовательского Института геологии при Московском университете, посвященном памяти академика А.П. Павлова. 9 ноября 1929 г. // АРАН. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 155. Л. 22.
  16. Там же.
  17. Подробнее см.: *Лиманова С.А.* Геология и время: личный фонд академика А.П. Павлова в Архиве РАН // Документальное наследие России: проблемы теории и практики. К 100-летию государственной архивной службы России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: Архив РАН, 2018. С. 326–330.
  18. Заметки, выписки А.П. Павлова о живописи // АРАН. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 151. Л. 1–221.
  19. АРАН. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 129.
  20. АРАН. Ф. 48. Оп. 3. Д. 49.
  21. АРАН. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 115. Л. 159.
  22. Из воспоминаний А.А. Чернова об А.П. Павлове. 1929 г. // АРАН. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 155. Л. 14.
  23. Там же. Л. 15 об.
  24. Заметки, выписки А.П. Павлова о живописи // АРАН. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 151. Л. 57.
  25. Там же.
  26. *Darwin, Ch.* The Expression of the Emotions in Man and Animals. London: John Murray, Albemarle Street. 1872. 374 p.
  27. Конспект речи А.П. Павлова к юбилею К.С. Станиславского // АРАН. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 100. Л. 1.
  28. Там же. Л. 3 об.
  29. АРАН. Ф. 311. Оп. 2. Д. 27–30.
  30. См, например: *Афиани В.Ю., Осипова Н.М.* Музы в храме науки. Альбом-каталог документально-художественной выставки из фондов Архива РАН и частных собраний. СПб: Людовик, 2008. 128 с.
  31. АРАН. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 155. Л. 22.
  32. *Вернадский В.И.* Памяти академика Алексея Петровича Павлова // Вернадский В.И. Статьи об ученых и их творчестве. М.: Наука, 1997. С. 262.
  33. См.: *Павлов А.П.* Геологический очерк окрестностей Москвы. Пособие для экскурсий. М., 1907. 80 с. (Впоследствии пособие неоднократно переиздавалось); Он же. Представления о времени в истории, археологии и геологии. М.: Сабашниковы. [1920]. 24 с.

АРАН. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 133. Л. 5

Ил. 1. А.П. Павлов в юношеские годы. [1870-е гг.]
АРАН. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 133. Л. 5.

ЛАВОВОЕ ОЗЕРО въ КРАТЕРЪ КИЛАУЕА.

Физическая Аудиторія ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета.

Въ Воскресенье, 8-го Февраля 1898 г.,

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ
Профессора А. П. Павлова:
„О ВУЛКАНАХЪ“.
ПРОГРАММА.

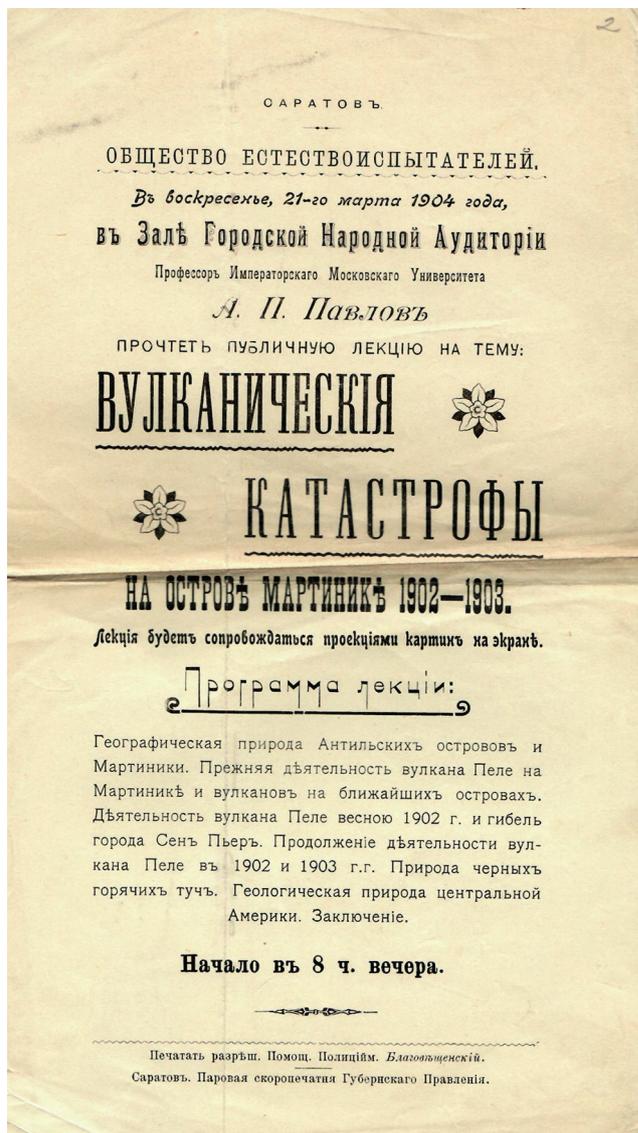
Везувій, Флеграйскія поля, Эоловы острова и Этна, Кракатоа, вулканы Гавайи, Лавы Змѣиной рѣки и Емевстона. Распространеніе вулкановъ. О причинахъ вулканическихъ явленій. Вулканизмъ во вселенной. Лекція будетъ демонстрирована свѣтовыми картинами.

Начало лекціи въ 1 часъ дня.

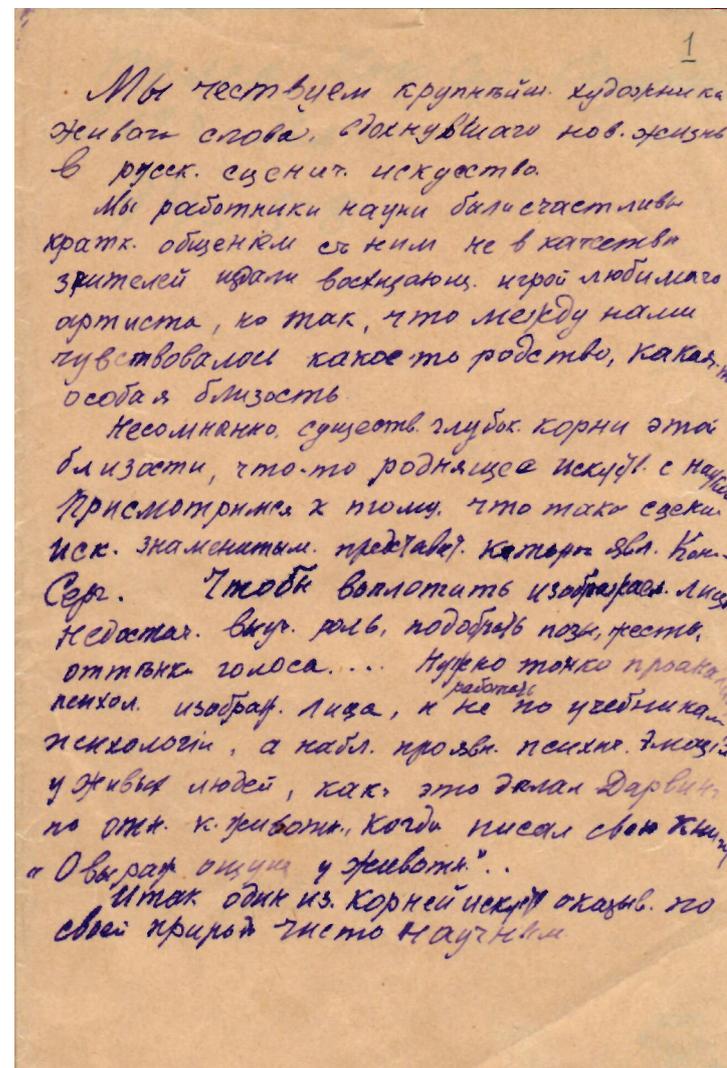
Сборъ съ лекціи поступить въ пользу Московскаго Отдѣленія Общества для усиленія средствъ С.-Петербургскаго Женскаго Медицинскаго Института.

Печ. разр. 28 янв. 1898 г. И. о. Моск. Обер-Полиц. Полюви, ЯФИМОВИЧЪ,
Теллгграфіа ИМПЕРАТОРСКИХЪ Московск. театровъ. ВЪСОЧАЙШЕ утѣ, Т-во Скор. А. А. ПЕВЕНСОНЪ.

Ил. 2. Программа публичной лекции профессора А.П. Павлова
«О вулканах». 1898 г.
АРАН. Ф. 48. Оп. 3. Д. 41. Л. 1.

Ил. 3. Программа публичной лекции профессора А.П. Павлова «Вулканические катастрофы на острове Мартинике 1902–1903». 1904 г. АРАН. Ф. 48. Оп. 3. Д. 41. Л. 2.

Ил. 4. Конспект речи А.П. Павлова к юбилею К.С. Станиславского. Черновик. АРАН. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 100. Л. 1.

РАЗДЕЛ II

К году Театра в России (2019)

Публикации

Д.В. Аносов

«Современный революционный театр должен подобрать репертуар»: историк-востоковед В.А. Гурко-Кряжин и театр

D.V. Anosov

«The modern revolutionary theater must choose a repertoire»: historian-orientalist V.A. Gurko-Kryazhin and the theater

Аннотация. Начало XX в. связано с активным развитием театрального искусства в России, поисками новых форм и жанров, которые обсуждались в прессе. В личном фонде востоковеда В.А. Гурко-Кряжина из Архива РАН сохранились неопубликованные статьи и докладная записка, посвященные развитию театрального искусства в стране в дореволюционный и послереволюционный период, современником которого он был. Документы позволяют по-новому взглянуть на события через восприятие их ученым.

Ключевые слова: В.А. Гурко-Кряжин, репертуар, театр, театральные искания.

Abstract. The beginning of the 20th century is connected with the active development of theatrical art in Russia, the search for new forms and genres, which were discussed in the press. In the personal fund of orientalist V. A. Gurko-Kryazhin in the Archive of the RAS there are unpublished articles and a Memorandum devoted to the development of theatrical art in the country in the pre-revolutionary and post-revolutionary period, of which he was a contemporary. Documents allow us to take a new look at events through the perception of a scientist.

Keywords: V.A. Gurko-Kryazhin, repertoire, theater, theatrical searches.

В.А. Гурко-Кряжин выступает в домашнем театре. [1914 г.].

РАН. Ф. 2239 (не обработан). Копия.

Подлинник в архиве семьи Гурко-Кряжиных.

Российский и советский востоковед Владимир Александрович Гурко-Кряжин родился в городе Тифлисе 27 апреля 1887 г. в семье врача Александра Готфридовича Гурко. С юношеских лет он увлекался театром, живописью, поэзией. Так в сентябре – октябре 1912 г. Владимир Александрович принимал участие в выставке этюдов, эскизов и декоративно-прикладного искусства Московского общества любителей художеств под покровительством государыни императрицы Марии Федоровны¹, а в 1917 г. участвовал в выставке картин «Группы 7»². В фонде ученого в Архиве РАН сохранилась часть его картин и рисунков. Он участвовал в домашних театральных постановках и сам писал пьесы и рассказы. Примером тому служат сохранившиеся в его архивном фонде неопубликованная драма «Сны», рассказ «Великий скрипач», относящиеся к дореволюционному периоду его творчества, а также опубликованная в 1922 г. пьеса «Красный петух»³.

До революции Владимир Александрович увлекался написанием особого жанра религиозных пьес – мистериями. Сохранилась тетрадь с тремя произведениями в этом жанре: «Действо о Гильоме», «Чудо Святой Девы», «Миракль: О славном рыцаре Тангейзере», которые не были им опубликованы. За время своей жизни он неоднократно обращался в статьях к темам искусства в общем и театра в частности. Среди таких произведений сохранились неопубликованные статьи «Современные театральные искания» (1914), «Артист на сцене» ([1914–1915]), «Биографические записки о Римском Корсакове» (не позднее 1917 г.). Особое место искусство и театр занимали в его работе «Искусство Востока» (1922). В 1922 г. В.А. Гурко-Кряжин стал членом Драмсоюза⁴. В 1925 г. он стал членом киносекции ВНАВ⁵ по подготовке сценариев, связанных с темой Востока.

Рубеж XIX – начала XX вв. для истории российского театра ознаменовался рядом важных событий: появлением пьес А.П. Чехова, Художественного театра В.И. Немировича-Данченко и К.С. Станиславского, а также мизансцен, которым уделяли большое внимание русские реформаторы театральной режиссуры К.С. Станиславский, А.Я. Таиров, В.Э. Мейерхольд и др. Многие режиссеры

экспериментировали в поисках новых способов донести до зрителя пьесы. Появились одноактовые театры, например, В.А. Казанского⁶.

Особый вклад в развитие театрального искусства внесла плеяда талантливых российских актеров – М.Н. Ермолова⁷, О.О. Садовская⁸, В.Н. Давыдов⁹, И.М. Москвин¹⁰, В.И. Качалов¹¹ и мн. др. Происходило активное развитие оперного искусства. Значительный вклад в него внесли Ф.И. Шаляпин, Л.В. Собинов¹², И.В. Ершов¹³, создавшие глубокие и яркие образы. Известной была дирижерская работа С.В. Рахманинова, который выступал, в том числе, и в Тифлисе, где познакомился с А.Г. Гурко.

Будучи современником происходивших поисков нового в театральном искусстве В.А. Гурко-Кряжин писал: «Все эти сценические революции и реставрации, привели к двум крайностям: в то время как одни <...> именно в театре будущего, в театре мистерий видят чуть ли не залог спасения всего человечества, другие <...> беспепелляционно возглашают, что театр умер, и что искания последних лет представляют из себя не творческие порывы, а старческие, смертные конвульсии»¹⁴.

После Октябрьской Революции театр привлек к себе внимание большевиков. Стали создаваться пролетарские культурно-просветительские организации. По инициативе А.В. Луначарского еще в сентябре 1917 г. была проведена первая конференция, которая привела к организации Всероссийского Пролеткульта, в 1920 г. переданный в подчинение Наркомату просвещения. Идеологами его стали А.А. Богданов¹⁵, А.К. Гастев¹⁶, В.Ф. Плетнев¹⁷. Далеко не все в верхах большевиков полностью поддерживали идеи пролеткультовцев. Так, Л.Д. Троцкий отрицал наличие пролетарской культуры, Н.И. Бухарин поддерживал с оговорками, а А.В. Луначарский был близок взглядам Пролеткульта¹⁸. Значимым явлением стала организация в 1921 г. Первого рабочего театра Пролеткульта, просуществовавшего до 1932 г. В театре в разное время работали С.М. Эйзенштейн, А.П. Антонов¹⁹, Ю.С. Глизер²⁰, И.С. Клюквин²¹, Н.Л. Юдин²², М.М. Штраух²³ и др.

Публикуемые документы отражают взгляды В.А. Гурко-Кряжина на то, каким должен был стать настоящий революционный

театр. В частности, он отмечал: «<...> современный революционный театр должен подобрать репертуар из произведений старого искусства, но которые рисовали бы моменты борьбы, героического протеста против насилия и общественной несправедливости»²⁴. Из текста публикации видно, что В.А. Гурко-Кряжин не был явным сторонником Пролеткульта, а, скорее, имел свой взгляд на репертуарный состав произведений для театра.

Документы публикуются в современной орфографии с сохранением особенностей авторского стиля. Подчеркивания воспроизводятся как в оригинале. Сокращения или пропущенные слова раскрываются в квадратных скобках. Личный фонд В.А. Гурко-Кряжина (Архив РАН, фонд 2239) находится на стадии научного описания, поэтому публикация приводится без указания номера описи, дела и листов.

№ 1

[1914]

Современные театральные искания

I.

В течение последних десяти лет русский театр переживает самую бурную эпоху своего существования, эпоху низвержения всяческих авторитетов и буйных сценических исканий.

Будущему исследователю этого интересного периода уже придется иметь дело с целой массой наслоений успевших образоваться за необычайно короткий промежуток времени. Театры: настроенный, стилизаций, мистерий²⁵, символический, неореалистичный и т.п. и т.п. тоненькими пластами отложились и продолжают отлагаться²⁶ один на другой буквально на наших глазах.

Попутно с планомерной деятельностью целых театров, осуществляющим ту или иную художественную теорию, программу, отдельные драматурги и режиссеры производят любопытнейшие сценические эксперименты: такова недавняя московская постановка пьесы Кузьмина «Венецианские безумцы»²⁷, таковы же «моно-

драмы»²⁸ Евреинова²⁹, имеющие претензию воплотить совершенно новый сценический жанр.

Общество, с каким-то исключительным любовным вниманием, относится к этому Sturm und Drang'у³⁰ разразившемуся в театре. Перечисленные диспуты, посвященные «кризису в театре», обширная полемическая литература, наконец, мелочность³¹ враждующих³² театральных партий, – все это доказывает необычайный интерес, вызванный в публике сценическими исканиями последних лет.

И вместе с тем чувствуется, что в этом отношении уже достигнута какая-то предельная точка. В самое последнее время, театральное новаторство, все эти сценические революции и реставрации, привели к двум крайностям: в то время как одни (Мейерхольд³³, Соллогуб³⁴, Вяч[еслав] Иванов³⁵ и др.) именно в театре будущего, в театре мистерий видят чуть ли не залог спасения всего человечества, другие (главным образом, известный критик Айхенвальд³⁶) безапелляционно возглашают, что театр умер, и что искания последних лет представляют из себя не творческие порывы, а старческие, смертные конвульсии.

Уже эта поляриность двух одинаково веских и авторитетных оценок, высказанных в самый разгар сценической работы, в момент наиболее интенсивного театрального³⁷ творчества³⁸, обнаруживают, что действительно в современном театре открылась³⁹ какая-то цель, которую одни стремятся расширить, другие, наоборот⁴⁰, прикрыть, во что бы⁴¹ то ни стало.

Обыкновенно вопрос о кризисе театра рассматривается под углом зрения новейших эстетических теорий или же⁴² приводится в связь с общей⁴³ эволюцией современного искусства. Я думаю, однако, что истинный характер, психология современных театральных исканий, прояснятся лишь после того, как мы проанализируем⁴⁴ их исходя из основных, органических черт сценического⁴⁵ искусства. Тогда мы убедимся, являются ли эти пресловутые искания лишь простой случайной накипью или чем-то более серьезным, а также к чему они способны нас привести.

II.

Каждому из нас, отправляясь в путешествие по железной дороге, конечно, неоднократно приходилось переживать приблизительно одно и то же чувство: уже прозвучал второй звонок, вы стоите в вагоне⁴⁶, прижавшись лицом к толстому⁴⁷ оконному стеклу и прощаетесь с провожающими вас. Вы прекрасно видите, как они говорят вам что-то, вы сами пытаетесь им ответить, но стенки вагона не пропускают ни звука. Лишь при помощи жестов, по необходимости однообразных и часто малопонятных⁴⁸, вам удается поддерживать немой разговор. Не будет слишком большой поддержкой если мы сравним и театральную технику, сценическое действие с этой немой речью. В самом деле, ведь в театре всякое волеизлияние, всякое проявление души, разума по необходимости материализуется лишь в действиях и словах. Жесты действующих лиц и их монологи и диалоги являются теми электрическими проводами, по которым до нас доходят все их эмоции и мысли.

Но также как при прощании, помимо махания платочком и символических поцелуев остается еще и сложная область внутренних переживаний, которые не просачиваются сквозь толстые стекла вагона, также в любой драме, комедии есть область скрытых душевных явлений, не находящих для себя воплощения в словах или в жестах артистов. Мы видим на сцене Гамлета, наморщивающего лоб и произносящего «to be or not to be» (быть или не быть...), но мы совершенно не переживаем того состояния душевного кризиса, внутренней растерянности, которое овладело им; ...⁴⁹ душевные эмоции Гамлета⁵⁰ не заражают нас, а лишь обнаруживаются за его словами и жестами и придают фигуре датского принца какой-то неясный, двоящийся характер. Упрощая, схематизируя эту мысль⁵¹, мы можем сказать, что театр по самой природе своей способен давать лишь творения, события, но не состояние души.

Конечно, и старинный театр интенсивно чувствовал этот первородный грех сценического⁵² искусства⁵³. В древнеиндийских драмах прозаическая речь часто перебивается стихами, когда действие выходит за пределы элементарных обнаружений при помощи жестов и слов.

В греческих театрах роль сценического сгладчика⁵⁴ играл хор, узнающий о душевных состояниях героев и облегчающий зрителю, при помощи музыки, проникновение в их⁵⁵ внутренний мир.

С развитием современного театрального зрелища, артисты уже сами должны были изобретать приемы для передачи зрителям своих душевных состояний. Таковы столь сильно некогда развитые неслоговые высказывания, вроде рычания в патетических местах, такова же необыкновенно развившаяся сценическая техника. Известна, напр[имер], «гамма ощущений» знаменитого Гарриика⁵⁶, заключающая в себе все оттенки мимического воплощения противоположных чувств (от смеха⁵⁷ до плача) в течение 2–3 минут.

Несомненно, что и французская декламация и тысяча других милых условностей, которые мы теперь ставим в вину старинному театру, были порождены этой потребностью в передаче душевных состояний наряду с психическим событием⁵⁸.

3.⁵⁹

На первый взгляд может показаться, что современный театр обладает панацеей против этого исконного сценического порока. Такой панацеей является символизм, превращающий каждый театральный эпизод из замкнутого, самодовлеющего сочетания слов и движений в какой-то намек на незримо присутствующие душевные состояния действующих лиц. Однако символическая трактовка, делающая из слов – притчи и из жестов аллегии, неспособна целиком разрешить основную проблему сценического искусства. Она не вводит нас в самое душевное состояние действующих лиц, а лишь указывает на присутствие, на наличность ее в данный момент. Символизм не разбивает толстого, хотя и прозрачного⁶⁰ стекла, отделяющего зрителя от актера, но лишь позволяет нам догадываться о том, что за ним происходит.

Возьмем, например, такую ярко символическую вещь «Гостья» М. Метерлинка⁶¹. Путем ряда аллегорий и намеков зритель действительно узнает о присутствии на сцене страшной гостьи – смерти, но он вовсе не обязательно испытывает при этом душевное

состояние страха или тоски, которое она, несомненно, должна вызывать у действующих лиц.

Другой путь к разрешению этой проблемы, правда⁶², еще не найденный, а лишь сформулированный современным театром – есть путь мистерий. В создании полурелигиозного театра, в котором⁶³ будут одинаково действующими лицами и автор, и актеры, и зрители, многие театры видят заветный ключ к раскрытию и примирению всех сценических противоречий. Уничтожая всякое искусственное разделение между актерами и зрителями и объединяя их в одном высшем состоянии, мистерия действительно представляет предельный⁶⁴ тип театрального действия. Но дело в том, [что] она возможна лишь при единстве мирозерцания у всех зрителей, а также действующих лиц.

Лишь персы-шииты способны к участию в тазийе⁶⁵, также как лишь французы или немцы⁶⁶-католики могли должным образом переживать средневековые мистерии. Способность к обоюдному действию, к растворению в общем душевном состоянии уже предполагает какую-то исходную точку, общее религиозное⁶⁷ мировоззрение, несомненно, утерянное нами. Лучшим доказательством этого является полная неудача всех попыток создать сейчас мистерию, безразлично чисто ли музыкальную или драматическую.

Теперь мы ясно видим, что действительно через весь современный театр идет огромная трещина, через которую все время перебрасывают мостки, не будучи в силах заполнить зияющей пропасти. Недостаточность символической трактовки, а также невозможность создать настоящий театр мистерий заставляют нас задуматься: есть ли вообще выход из этого положения или мы уже заранее обречены на сизифову работу беспрестанного созидания и разрушения? Я думаю, что подобный выход хотя и смутно, но все же обрисовывается в обломках и руинах драматических исканий последних лет. Во всяком случае, несомненно, одно: путь к разрешению основной сценической проблемы должен заключаться в отграничении душевных⁶⁸ событий⁶⁹ от состояний и в какой-то новой, особой трактовке последних.

АРАН. Ф. 2239. Необработанные материалы. Автограф.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕАТРА

1. ТЕЗИСЫ.

1. Репертуар решительно всех существующих сейчас театров отличается совершенно случайным характером и не объединен какой-либо единой идеологией.

2. Ввиду того, что в настоящее время (за редкими исключениями) не имеется подлинно художественной пролетарской драмы – в большинстве случаев ставятся или суррогаты драматического искусства или произведения старого искусства, рисующие отживший быт и устарелую идеологию.

3. Ввиду этого современный революционный театр должен подобрать репертуар из произведений старого искусства, но которые рисовали бы моменты борьбы, героического протеста против насилия и общественной несправедливости.

4. Для того, чтобы эта задача была выполнена стройно и цельно – необходимо дать серию драматических произведений, которые изображали бы эту борьбу в различных социально-культурных преломлениях в исторически меняющейся обстановке общественных отношений и среды.

5. На очередь ставится, таким образом, создание исторического театра, который дал бы картину, меняющихся идеологий борющегося и страдающего человечества, начиная с древнейших времен и до наших дней.

6. Подобный исторический и героический театр должен сыграть и огромную культурно-просветительную роль для трудящихся масс, поскольку именно театр является тем фокусом, в котором всего ярче преломляется идеология⁷⁰ каждого данного общества, всякой социальной среды.

7. Для достижения всех этих намеченных целей необходимо, чтобы стиль постановки вполне соответствовал каждому драматическому произведению, для него необходимо проделать тщательную литературно-художественную работу.

8. Чтобы ввести зрителей в сущность изображаемых произведений – необходимо перед каждым спектаклем читать специальные лекции, посвященные: автору пьесы, условиями возникновения произведения, ее социальной и эстетической ценности, а также принятому стилю постановки.

II. ПЕРИОДЫ ДРАМАТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА И ПРЕДЛАГАЕМЫЙ РЕПЕРТУАР.

А. ЕВРОПЕЙСКИЙ ТЕАТР.

ГРЕЧЕСКИЙ ТЕАТР – ЭСХИЛ⁷¹ – ПРОМЕТЕЙ⁷² (трагедия человечества, восстающего против авторитета богов).

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ДРАМА – Инсценировка одного из фавблио⁷³ (протест против духовенства, дворянства, насмешка над средневековой буржуазией и т.п.).

ИСПАНСКИЙ ТЕАТР ЭПОХИ РЕНЕССАНСА – Лопе де Вега⁷⁴ – Фуэнте⁷⁵ Овехуна⁷⁶ (революционная борьба кастильских крестьян против феодалов).

АНГЛИЙСКИЙ ТЕАТР ЭПОХИ РЕНЕССАНСА – Шекспир⁷⁷ – Мера за меру⁷⁸ (протест против общественной несправедливости, творимой городской⁷⁹ аристократией).

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТР ЭПОХИ ЛЮДОВИКА XIV – Корнель⁸⁰ – Сид⁸¹ (борьба испанцев против насильников мавров).

ИТАЛЬЯНСКАЯ КОМЕДИЯ МАСОК – Гоцци⁸² – одна из его commedia dell'arte⁸³ (сатира на современный автору общественный строй).

ФРАНЦУЗСКИЙ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕАТР – Бомарше⁸⁴ – Свадьба Фигаро⁸⁵ (едкая сатира на дворянство, которому противопоставлен человек из третьего сословия).

НЕМЕЦКАЯ РОМАНТИЧЕСКАЯ ДРАМА – Гете⁸⁶ – Эгмонт (борьба против абсолютизма).

ФРАНЦУЗСКАЯ РОМАНТИЧЕСКАЯ ДРАМА – Гюго⁸⁷ – Кромвель.

АНГЛИЙСКАЯ РОМАНТИЧЕСКАЯ ДРАМА – Байрон⁸⁸ – КАИН (героический протест личности против всякого божественного авторитета).

РУССКАЯ РОМАНТИЧЕСКАЯ ДРАМА – Лермонтов⁸⁹ – одна из его юношеских драм.

ТЕАТР ЭПОХИ РЕАЛИЗМА – Диккенс⁹⁰ – инсценировка «КОЛОКОВ»⁹¹ (сатира на капиталистический строй).

СКАНДИНАВСКАЯ ДРАМА – Ибсен⁹² – Строитель Сольнес⁹³ или доктор Штокман⁹⁴ (трагедия индивидуализма в буржуазной среде).

СОВРЕМЕННЫЙ ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТР – Р. Ролан⁹⁵ – Взятие Бастилии⁹⁶.

СОВРЕМЕННЫЙ НЕМЕЦКИЙ ТЕАТР – Гауптман⁹⁷ – Ткачи⁹⁸ (борьба силезских ткачей против предпринимателей).

ЛУНАЧАРСКИЙ – Фауст или Кромвель⁹⁹.

Гурко

АРАН. Ф. 2239. Необработанные материалы. Машинопись с авторской правкой.

Примечания

1. Гурко-Кряжнина Е.В. Востоковед Владимир Александрович Гурко-Кряжин (1887–1931). Библиографический указатель. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 10.
2. Там же. С. 11.
3. Гурко В.А. Красный петух. М.: Красная Новь, 1922.
4. Драмсоюз – Ленинградское общество драматических и музыкальных писателей. Основано в 1910 г. В 1930 г. вошел в состав Всероском-драм.
5. ВНАВ – Всесоюзная научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР (1921–1930).
6. Казанский В.А. – русский режиссер-антрепренер. Организовал театры миниатюр «Литейный театр» и «Невский фарс». В сезоне 1908/1909 гг. в этих театрах работал В.Э. Мейерхольд.
7. Ермолова Мария Николаевна (1853–1928) – русская драматическая актриса Малого театра, прославившаяся ролями свобододолюбивых личностей. Заслуженная артистка Императорских театров (1902). Первая Народная артистка Республики (1920). Герой Труда (1924).

8. Садовская Ольга Осиповна (1849–1919) – российская актриса, Заслуженная артистка Императорских театров (1911).
9. Давыдов Владимир Николаевич (Иван Николаевич Горелов) (1849–1925) – российский и советский актер, театральный режиссер, педагог, Заслуженный артист Императорских театров, Народный артист Республики.
10. Москвин Иван Михайлович (1874–1946) – русский и советский актер, театральный режиссер, мастер художественного слова (чтец). Народный артист СССР (1936).
11. Качалов (Шверубович) Василий Иванович (1875–1948) – русский и советский актер, мастер художественного слова (чтец), педагог. Народный артист СССР (1936).
12. Собинов Леонид Витальевич (1872–1934) – русский оперный певец (лирический тенор), народный артист Республики (1923).
13. Ершов Иван Васильевич (1867–1943) – русский и советский оперный певец (драматический тенор), педагог. Народный артист СССР (1938).
14. Гурко-Кряжин В.А. Современные театральные искания (текст не опубликован). [1914] // АРАН. Ф. 2239.
15. Богданов (Малиновский) Александр Александрович (1873–1928) – российский ученый-энциклопедист, революционный деятель, врач, мыслитель-утопист, писатель-фантаст, один из крупнейших идеологов социализма и Пролеткульта. См.: Богданов А.А. О пролетарской культуре 1904–1924. М.-Л.: Книга, 1924.
16. Гастев Алексей Капитонович (1882–1939) – русский революционер, профсоюзный деятель, поэт и писатель, теоретик научной организации труда и руководитель Центрального института труда. Один из идеологов Пролеткульта. См.: *Гастев А.К.* Восстание культуры. // Правда, 1923. 3 января.
17. Плетнев Валериан Федорович (1886–1942) – русский писатель и критик, один из теоретиков Пролеткульта. См.: *Плетнев В.Ф.* К вопросу о пролетарской культуре // Наша заря, 1913, № 10–11.
18. Подробнее см.: *Луначарский А.В.* Театр и революция. М.: Гиз, 1924; *Он же.* Искусство и революция. М.: Новая Москва, 1924.
19. Антонов Александр Павлович (1898–1962) – советский актер театра и кино. Заслуженный артист РСФСР (1950).
20. Глизер Юдифь Самойловна (1904–1968) – советская актриса театра и кино. Народная артистка РСФСР (1954).
21. Клюквин Иван Сергеевич (1900–1952) – советский актер театра и кино.
22. Юдин Николай Леонидович (1899–1986) – советский актер театра и кино.
23. Штраух Максим Максимович (1900–1974) – советский актер театра и кино, театральный режиссер. Народный артист СССР (1965). Лауреат Ленинской (1959) и трех Сталинских премий (1949, 1951 – дважды).
24. Гурко-Кряжин В.А. Докладная записка об организации исторического театра (текст не опубликован). [1921] // АРАН. Ф. 2239.
25. Мистерия – жанр европейского средневекового театра, связанный с религией. Сюжет мистерии обычно брался из Библии или Евангелия и перемежался различными бытовыми комическими сценками.
26. Фраза «и продолжают отличаться» дописана над строкой.
27. Комедия М.А. Кузьмина «Венецианские безумцы» (1912) впервые поставлена П.Ф. Шаровым 23 февраля 1914 г. в доме меценатов Е.П. и В.В. Носовых, музыку к ней написал М. Кузмин, хореография – М. Мородкина.
28. Монодрама – принцип театральной теории Н.Н. Евреинова, развертывание сценических событий, словно проецируемых через сознание главного героя или одного из действующих лиц.
29. Евреинов Николай Николаевич (1879–1953) – русский и французский режиссер, драматург, теоретик и преобразователь театра, историк театрального искусства, философ и актер, музыкант, художник и психолог.
30. Sturm und Drang (нем.) – буря и натиск.
31. Далее зачеркнуто неразборчивое слово.
32. Слово дописано над строкой.
33. Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940) русский театральный режиссер, актер, теоретик и практик театрального гротеска и создатель актерской системы – «биомеханика».
34. Соллогуб Владимир Александрович (1813–1882) русский чиновник, прозаик, драматург, поэт.
35. «Вяч. Иванов» дописано над строкой. Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949) русский поэт-символист, философ, переводчик и драматург, литературный критик, педагог, идеолог дионисийства.
36. Айхенвальд Юлий Исаевич (1872–1928) русский литературный критик, действительный член Общества любителей российской словесности (с 29 ноября 1903). В.А. Гурко, по-видимому, имеет в виду работу Ю.И. Айхенвальда «Отрицание театра» (1912).
37. В словах «театрального творчества» исправлено окончание «ого» поверх «ых».
38. Слово дописано над строкой поверх зачеркнутого слова «исканий».

39. Слово дописано над строкой поверх зачеркнутого слова «обнаружена».
40. Слово дописано над строкой.
41. Далее зачеркнуто слово «ни».
42. Слово дописано над строкой поверх зачеркнутого слова «вообще».
43. Слово дописано над строкой.
44. Слово дописано над строкой поверх зачеркнутого слова «взгляне».
45. Слово дописано над строкой поверх зачеркнутого слова «театрального».
46. Слова «в вагоне» дописаны над строкой.
47. Далее зачеркнуто слово «стеклу».
48. Слово «мало» дописано над строкой над зачеркнутым словом «не».
49. Далее зачеркнуто неразборчивое слово.
50. Слово дописано над строкой.
51. Слова «эту мысль» дописаны над строкой поверх зачеркнутых слов «все вышесказанное».
52. В слове исправлено окончание поверх «ую».
53. Слово дописано над строкой поверх зачеркнутого слова «практику».
54. Так в тексте автора
55. Слово дописано над строкой.
56. Гаррик Дэвид (1717–1779) английский актер, драматург, директор театра Друри Лейн, театральный реформатор.
57. Слово дописано поверх зачеркнутого слова «радост».
58. Слово дописано над строкой поверх зачеркнутого слова «движением».
59. Такая нумерация в оригинале.
60. Слова «хотя и прозрачного» дописаны над строкой.
61. Метерлинк Морис (1862–1949) бельгийский писатель, драматург и философ, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1911 г. Здесь В.А. Гурко Кряжин вероятно имеет в виду пьесу «Непрошенная» (L'Intruse, 1891).
62. Слово дописано над строкой.
63. Далее зачеркнуто слово «явятся».
64. Слово дописано над строкой над зачеркнутым словом «высший».
65. Тазиye – вид персидской шиитской мистерии, театрализованное представление в память о «мученической» смерти Хусейна ибн Али.
66. Слова «французы или немцы →» дописаны над строкой.
67. Слово дописано над строкой.
68. Слово дописано над строкой.
69. Слово дописано над строкой над зачеркнутым неразборчивым словом.
70. Слово дописано над строкой.
71. Эсхил (525 до н.э. – 456 до н.э.) древнегреческий драматург.

72. Имеется в виду пьеса «Прометей прикованный» из тетралогии «Прометей».
73. Фаблю – жанр французской городской литературы XII–XIV вв. в виде стихотворной новеллы, где грубоватый юмор соседствовал с поучениями.
74. Феликс Лопе де Вега и Карпио (1562–1635) – испанский драматург.
75. Последняя буква дописана поверх «а».
76. Имеется в виду пьеса «Овечий источник» / Fuenteovejuna (Фуэнте Овехуна).
77. Шекспир Уильям (1564–1616) – английский поэт и драматург.
78. Имеется в виду «Мера за меру» (англ. Measure for Measure) – пьеса Уильяма Шекспира, написанная предположительно в 1603 или 1604 г.
79. Слово дописано над строкой поверх зачеркнутого слова «народной».
80. Корнель Пьер (1606–1684) – французский поэт и драматург.
81. Имеется в виду трагикомедия в стихах «Сид» (фр. Le Cid), первое представление состоялось в декабре 1636 или в январе 1637 г.
82. Гоцци Карло (1720–1806) – итальянский писатель и драматург.
83. Commedia dell'arte (итал.) – комедия масок. Вид итальянского народного площадного театра – импровизация на основе сценария.
84. Бомарше Пьер-Огюстен Карон де (1732–1799) – французский драматург и публицист.
85. Имеется в виду «Безумный день, или Женитьба Фигаро» – пьеса Бомарше, вторая из трилогии о Фигаро. Известна тем, что вдохновила Моцарта на создание одноименной оперы.
86. Гёте Иоганн Вольфганг фон (1782–1832) – немецкий писатель, мыслитель, философ и естествоиспытатель. Имеется в виду трагедия «Эгмонт», действия в которой происходят на фоне борьбы Нидерландов с Испанией.
87. Гюго Виктор Мари (1802–1885) – французский поэт, прозаик, драматург. Имеется в виду «Кромвель» (фр. Cromwell) (1827).
88. Байрон (Норел) Джордж Гордон (1788–1824) – английский поэт. Имеется в виду мистерия «Каин» (Cain) (1821).
89. Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841) – русский поэт, прозаик, драматург, художник.
90. Диккенс Чарльз Джон Хаффем (1812–1870) – английский писатель, романист и очеркист.
91. Имеется в виду повесть «Колокола: рассказ о гоблинах некоторых колоколов, которые звонили в уходящий Старый год и приходящий Новый год» (1884).
92. Ибсен Генрик (Хенрик) Юхан (1828–1906) – норвежский драматург,

- основатель европейской «новой драмы»; поэт и публицист.
93. Имеется в виду пьеса «Строитель Сольнес» (Bygmester Solness, 1892).
94. Имеется в виду пьеса «Враг народа» (1882), главным героем которой является доктор Томас Стокман (в первых переводах с немецкого языка – Штокман).
95. Роллан Ромен (1866–1944) – французский писатель и общественный деятель, драматург, ученый-музыковед. Иностраннный почетный член АН СССР (29 марта 1932 г.).
96. Имеется в виду пьеса «Четырнадцатое июля» (1902) из цикла пьес «Театр революции».
97. Гауптман Герхарт Иоганн Роберт (1862–1946) немецкий драматург. Лауреат Нобелевской премии по литературе за 1912 г.
98. Имеется в виду пьеса «Ткачи» (нем. «Die Weber») (1892), которая явилась вершиной драматургического творчества Гауптмана. Он выступил здесь как художник-новатор, который впервые запечатлел в немецкой драме важнейшие социальные конфликты эпохи.
99. Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) – российский революционер, советский государственный деятель, писатель, переводчик, публицист, критик, искусствовед. Имеются в виду «Фауст и город» (1918) и «Оливер Кромвель» (1920).

Д.В. Аносов , Ю.В. Стеценко

«Чудо Святой Девы»: неопубликованная мистерия (миракль) В.А. Гурко-Кряжина

D.V. Anosov, Yu.V. Stetsenko

«Miracle of the Virgin»: unpublished mystery of V.A. Gurko-Kryazhin

Аннотация. В.А. Гурко-Кряжин – историк-востоковед, исследователь истории международных отношений, этнограф и археолог, изучавший народы Кавказа, историю стран Ближнего и Среднего Востока. Гурко-Кряжин является также автором трех неопубликованных драматургических произведений, два из которых («Действо о Гильоме» и «Чудо Святой Девы») написаны в жанре мистерий, а третье («О славном рыцаре Тангейзере») названо мираклем. Все они хранятся в личном фонде В.А. Гурко-Кряжина в Архиве РАН. Публикуемое произведение – «Чудо Святой Девы» – позволяет открыть новые, ранее неизвестные грани драматургического творчества ученого.

Ключевые слова: В.А. Гурко-Кряжин, историк-востоковед, мистерии, миракль, источниковедение, Архив РАН.

Abstract. V.A. Gurko-Kryazhin is a historian-orientalist, researcher of history of international relations, ethnographer and archaeologist who studied the peoples of the Caucasus, history of the countries of the Middle East. V.A. Gurko-Kryazhin is also the author of three unpublished dramatic works, two of which («Action of Guillaume» and «The Miracle of the Virgin») is written in the genre of mysteries, and the third («The glorious Tannhauser») called the miracle. They are stored in the personal fund of V.A. Gurko-Kryazhin in the Archive of the RAS. The published work – «The Miracle of the Virgin» – allows you to discover new, previously unknown facets of the dramatic work of the scientist.

Keywords: V.A. Gurko-Kryazhin, historian-orientalist, mystery, miracle, source studies, Archive of the RAS.

Увлеченность Владимира Александровича Гурко-Кряжина (1887–1931) искусством, помимо любви к истории Востока, привела его к непосредственному участию в различных обществах и организациях, связанных с искусством, а также, к созданию литературных произведений, которые в большинстве своем остались неопубликованными¹. Обладая незаурядными способностями рисовальщика, Гурко-Кряжин был участником нескольких художественных выставок². Как ученому-этнографу, побывавшему в экспедициях на Ближнем и Среднем Востоке, ему свойственна каллиграфическая точность в передаче рисунка и цветовых пятен. Если говорить о принадлежности или приверженности его к определенному художественному течению начала XX в., то русский символизм³ был Гурко-Кряжину наиболее близок. Религиозно-мистическая символическая драма рассматривалась символистами, как высшая форма синкретического искусства.

Искусство театра завладело Гурко-Кряжиным с юношеских лет. Он не только участвовал в домашних театральные постановках, но и сам писал пьесы и рассказы. В 1922 г. в издательстве «Красная новь» была опубликована его пьеса «Красный петух», мелодрама в трех действиях из эпохи Великой французской революции. Написанные Гурко-Кряжиным до революционных событий 1917 г. мистерии⁴ являются отражением близких ему идей русского символизма: непоколебимости духовности и святости, которых всеми силами искушают страсти человеческие и другие порождения дьявола. Конфликт между Богом и дьяволом с участием ангелов, чертей и других персонажей был традиционен для средневековых мистерий. Это было многодневное действо, в котором почти стирались границы между актерами и зрителями. Количество действующих лиц достигало нескольких десятков и даже сотен. Важной особенностью средневековых мистерий являлось наличие в них различных «чудес», например, Святая Дева выходит невредимая из огня, простой деревянный посох расцветает лилиями, вода превращается в кровь и т.д.

В мистерии Гурко-Кряжина «Действо о Гильоме» один из монахов по имени Жан, который живет в одной келье с благоче-

стивым Гильомом, жалуется Аббату на то, что Гильом не принял привезенных из замка даров – гусей и каплуна⁵. Аббат хочет избавиться от Гильома, потому что солидарен с Жаном в его желании наслаждаться всеми прелестями мирской жизни, находясь в монастыре. Он заключает договор с Дьяволом, предлагая в залог себя и весь Сен-Галленский монастырь. Дьявол, понимая, что Гильом ему не по зубам, обращается к Светлому Духу⁶ с просьбой: «Клянусь я рогом и хвостом, когда Небесного Слугу, с проклятым, огненным мечом, ты отзовешь, тогда смогу Гольома святость победить»⁷. За эту услугу Дьявол обещает отпустить «двенадцать пар мужей и жен». Среди «князей зла» первой вызывается совратить Гильома Гордость, затем Прекрасный Грех, но попытки их безуспешны. Перед Гильомом отверзаются врата Рая, а Дьяволу достаются нечестивые монахи Сен-Галлена вместе с Аббатом.

Сюжет мистерии традиционен. Раскаяние в грехах, молитва и хвала Господу непременно приведут человека к вечной жизни на небесах. В этом смысле мистерии Гурко-Кряжина продолжают линию средневековых мистерий. Они, скорее всего, нашли бы своего зрителя. Их создатель, подобно В.Э. Мейерхольду⁸, Ф.К. Соллогу-бу⁹, В.И. Иванову¹⁰, именно в театре мистерий видит залог спасения всего человечества. Стихотворный размер, реплики действующих лиц, единство действия, времени и места, минимум декораций – вот готовая театральная постановка, оставшаяся только на бумаге. Основная сила воздействия на читателя заключена в содержании и основном смысле.

Скажем несколько слов о другом произведении Гурко-Кряжина «Миракль о славном рыцаре Тангейзере, Папе Урбане и прекрасной Даме Венере». Четыре небольших страницы машинописного стихотворного текста, четыре действующих лица (Тангейзер, Венера, Папа, Кардинал) и чудо расцветшего жезла. Если в мистерии «Действо о Гильоме» монахи и настоятели монастыря представлены в негативном образе, то Папа Урбан в «Миракле о Тангейзере» смущен своим неверием в раскаяние Тангейзера и сожалеет о своем поступке. Здесь неверие в раскаяние Тангейзера равно неверию в Господа – страшный грех, требующий немедленного исправления.

Произведение «Чудо Святой Девы» названа Гурко-Кряжиным мистерией, но с полным основанием можно назвать его мираклем¹¹. Святая Дева – один из наиболее популярных персонажей средневековых мистерий. Миракли с ее участием составляли целый цикл так называемых *Miracles de Notre Dame*. Дева Мария всегда помогала людям преодолевать неприятности и невзгоды, особенно любимы ею неразумные молодые девы и простодушные добродетельные жены. В мистерии Гурко-Кряжина «Чудо Святой Девы» Богородица предстает в той же роли спасительницы троих несчастных: блудницы, убийцы и утопленницы, взяв на себя их грех. Этим поступком она дает им возможность обрести покой в Раю.

О театре мистерий Гурко-Кряжин писал в очерке «Современные театральные искания»: «Уничтожая всякое искусственное разделение между актерами и зрителями и объединяя их в одном высшем состоянии, мистерия действительно представляет предельный тип театрального действия. Но дело в том, она возможна лишь при единстве миросозерцания у всех зрителей, а также действующих лиц. Лишь персы-шииты способны к участию в тазий¹², также как лишь французы и немцы-католики могли должным образом переживать средневековые мистерии. Способность к обоюдному действию, к растворению в общем духовном состоянии уже предполагает какую-то исходную точку, общее религиозное мировоззрение, несомненно, утерянное нами. Лучшим доказательством этого является полная неудача всех попыток создать сейчас мистерию, безразлично чисто ли музыкальную или драматическую»¹³.

Из находящихся в самодельной тетрадке трех мистерий публикуется одна – «Чудо Святой Девы». Это произведение раскрывает новые грани драматургического таланта ученого. Документ публикуется с сохранением орфографии и стилистических особенностей оригинала. Сокращения слов раскрыты в квадратных скобках. Действующие лица для удобства восприятия выделены нами полужирным шрифтом. Личный фонд В.А. Гурко-Кряжина (Архив РАН, фонд 2239) в настоящее время находится на стадии научного описания, поэтому публикация приводится без указания номера описи, дела и листов.

Чудо Святой Девы

Praecursor¹⁴

Вот дева бедная, внизу,
Пятная мрамор – в пыль и грязь,
Роняя на ступень слезу,
Главой во вретище¹⁵ – склоняясь,
К вратам небесным прибрела.

Перв[ая] Дева.

Впусти Привратник.

Ап[остол] Петр¹⁶.

Пыль с чела, и грязь с лица отри, ступай!

Перв[ая] Дева.

Мне не войти вовеки в Рай...

Praecursor.

Вторая дева поднялась:
В крови лицо ея, рука –
И каплет кровь, как темный мак.

Вторая Дева.

Впусти меня небес Слуга.

Ап[остол] Петр.

Вот был бы я тогда простак.
Отмой сперва всю кровь с одежд.

Вторая Дева.

На Рай лишилась я надежд.

Praecursor.

Вот третья дева поднялась:
Нагая, с тинной в волосах;
Власами густо обвилась,
Плащом – в мерцающих росах;
И по ступеням потекла –
Вода – Апостолу рекла¹⁷.

Третья Дева.

Апостол Петр, открой мне дверь.

Ап[остол] Петр.

Сначала высуши волосы,
Число всех капелек отмерь,
И вынь лягушек из косы.

Третья Дева.

Я не увижу Рая – сень¹⁸.

Праecursor.

Вот села молча на ступень;
Сидят оне, как три вдовы,
У входа в склеп, где муж лежит;
У ног их, вниз, поток бежит –
Из грязи, крови и воды,
Но скорби горькие плоды –
Слеза и стон – наверх текут.

Святая Дева.

Нельзя спастись им Светлый Дух?
Иль неизменен Божий Суд?

Светлый Дух.

Когда одна из здешних дев,
К страданьям их склонивши слух,
Личину грешную презрев,
Сойдет на землю – взять их грех, –
Они избегнут Ада зев.

Праecursor.

Уста запаяны у всех.
Корону, лилии¹⁹, плащ сняла
И вышла Дева за врата:
Блудниц, печальных, обняла.

Святая Дева.

Подайте сестры мне одежд,
Хочу пойти я в города.

Праecursor.

Те молвят не поднимая вежд²⁰.

Перв[ая] Дева.

Возьмите Дева башмаки,

В стезях греха в них ноги шли,
Но кончились мои шаги –
И гвозди в тело мне вошли.

Вторая Дева.

Возьмите этот плащ греха,
В крови, как в листьях жгучих роз
Его серебристые меха.

Третья Дева.

Возьмите водоросль с волос,
Она мне душу холодит,
Как склепа, тяжкая плита.

Все Три.

Возьмите то, что нас тягчит.

Праecursor.

Вот по ступеням, золотым,
Плащем пурпурным обвита,
Помочь блудницам молодым,
Спускалась, в грубых башмаках,
Сжимая водоросль в руках,
Святая Дева, в мир, к врагам.
Святая Дева, входит в храм:
Зубчатый, мрачный великан,
В железных арках весь согнут:

И стала у решетки той,
Где оглашенные²¹ поют²².
С слезами покаянный стих,
Где одержимых слышен вой;
И голос был смирен и тих,
Когда Святая изрекла.

Святая Дева.

Скажите люди мне: зачем,
От солнца прячетесь вы, в храм?
Лучи хиреют от стекла,
Кровавым, пурпурным бичем,
По полу бьют о²³ по стенам.

Praecursor.

Вот стала Дева посреди
Волны молящих.

Святая Дева.

Почему, ответьте люди, этот плач?
Зачем вы бьете по груди,
В рыданиях, служите Ему?
На ветки прилетел уж грач,
Ногой зеленою, Весна –
Ступает всюду; в синеве,
Кружатся птицы, облака...
Обитель храма – так тесна,
Как серп, на огненной жниве,
Орган блистает и гремит;
Обитель мира – велика,
В нее войдите.

Praecursor.

Вот спешит решетку, Дева, отомкнуть;

Святая Дева.

Зачем в слезах и в прахе лик,
И власяница на груди,
Горбаты спины от вериг?
Нельзя свободно вздохнуть
В железной клетке и приди
Сама к вам Милость, не достать
За прутом медным ваших душ.
Хотите вы сердца спасать,
Как звери, жмурясь солнца, в глушь
Земли лице уткнув.

Praecursor.

Берет за руки, за лохмотья риз²⁴
И за решетку в храме ведет
Всех оглашенных
Св[ятая] Д[ева]

Улыбнись толпа смиренная, не терн –

Венки из роз, благоухать
Должны на лбах; ваш грех не черн.

Любовь могли вы угадать
И бледным утром, на заре;
За то вы святы, цепи снять –
Служите радостно Горе²⁵,
И знайте, – не грешна любовь.

Одержимый.

Во сне я слышу – или въявь?
Меня любви терзает бес,
Но бремя тяжкое оков
Несет он; плетью сбил я спесь,
Молитвой – похоть и постом –
Гордыне выю²⁶ я согнул.
Ваш голос, Дева, отомкнул
Замки цепей. Клянусь крестом
Любви я бесу лишь служу,
С пурпурно-огненным крылом
И жгучим ликом...

Епископ.

Я вяжу людскую слабость и порок
И мир спасаю от вреда.
Костер тебя блудница ждет
За то, что перейдя порог –
Святого храма, риз стыда –
С рамени²⁷ не сбросила. Во зле
Тебя судил погибнуть – Бог!

Praecursor.

И вот толпа молодых блудниц
Святую окружает, с лиц –
Струится злоба; таки в золе
Змеями искорки ползут.

Блудницы.

Вы, Госпожа, простили нас:
Грехам устроив нашим суд;

Без вас – кипели б мы в смоле.
Но углем подведен ваш глаз
И тот же жемчуг на плаще,
Как и на нашем; кто ж вам дал
Такую святость, чтоб в души
Того, кто согрешил и пал,
Могли б вы радость поселить...
И сквозь румяна наших лиц,
Сердца – прощеньем убелить?
Должны мы пасть пред вами ниц,
Но мы пришли вас оплевать.

Praecursor.

Вот стали огонь воспламенять,
Вот в красных демонах – колпак
И в бесах вретище – палач
Одел на грудь Святой Сестре –
Блуднице, в огне²⁸ ее казня.
И был прекрасен, чист и благ
Конец Мадонны. Но не зряч
Никто не видел, как огня –
Белели алые уста,
Как будто ссыпались листы
Пурпурно-красного куста²⁹;
И лилий желтые цветы –
Повисли в узах; на главе,
В короне жемчуг замерцал
И как цветок встает в траве
Из пепла образ Девы встал.
И вот нетленною ногой,
Плащем овеяна златым,
Идет по лестнице³⁰ с толпой –
Спасенных, Дева – в дом, к ее святым
И грифом на груди блестя
Крылатым, с головой львиной,³¹
Лиловым платьем шелестя³²

И обнаженною ступней:
Чуть прикасаяся к плите,
Шла вереница дев святых.
Подобно голубей чете,
В плащах нетленных, шли меж них
Ланчлот³³ с Франческою³⁴ ... и с уст
Литания³⁵ Деве, вверх неслась.
И лестница была, как куст,
В бутонах, на золотых ветвях;
Как будто к небу вознеслась
Насесть золотая в голубях.
За руки взявшись, шли толпой –
Блудницы, те что в городах
Платили за серебро – собой;
В своих слезинках, как в водах –
Оне омылись; шли смеясь
Страдальцы бедные – в любви...
Убийца с жертвою, держась
За кисти бледных рук – в крови
Они омылись, как в грозе.
Блудницы, те что у ворот
Рыдали, к благостной лозе
Мужей и жен святых, как плод
Припали, грязь, вода и кровь –
Цветами пышно расцвели...
И непорочной стала вновь –
Одежда девы; и в Рай ввели
Их нежно девы, в цепь связав –
Ладони, как гирлянда роз.
Апостол Петр, засовы сняв,
Впустил с улыбкой, без угроз
В Обитель Рая – чистых дев.
Несется Ангелов напев:
Цветы и дети, облака
Поют Литанию.

Литания.

Глубока страданья чаша, за любовь,
Что Вы испили Госпожа!
С любви Вы сняли темный ков,
Теперь она навек свежа,
Как слезы дерева – смола,
Как детских душ, молитвы зов
Хвала же Дева Вам! Хвала!

АРАН. Ф. 2239. Машинопись. Самодельная тетрадь. Бумага имеет штемпель «№ 4 К.Р.П.Ф. Рига». [Не позднее 1917 г.]

Примечания

1. Драма «Сны», рассказ «Великий скрипач», которые относятся к до-революционному периоду творчества.
2. Гурко-Кряжина Е.В. Востоковед Владимир Александрович Гурко-Кряжин (1887–1931). Библиографический указатель. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 10.
3. Русский символизм – направление в литературе и искусстве России конца XIX – первой четверти XX в. Появился как подражание французскому символизму, но в нем не было единства концепций, единой школы, единого стиля. Объединяло русских символистов недоверие к обыденному слову, стремление выразиться посредством аллегорий и символов.
4. Мистерия (от греч. *mysterion* – тайна) – один из жанров европейского средневекового театра. Мистерии были широко распространены в Европе в XV–XVIII вв. Поскольку сюжеты брались из Библии и зачастую трактовались с элементами иронии и фарса, католическая церковь запретила их в конце XVIII в.
5. Каплун – специально откормленный на мясо, кастрированный петух.
6. Светлый Дух – персонаж мистерии В.А. Гурко-Кряжина «Действо о Гильоме».
7. Мистерии В.А. Гурко-Кряжина «Действо о Гильоме», «Чудо Святой Девы», «Миракль: О славном рыцаре Тангейзере». [Не позднее 1917 г.] // АРАН. Ф. 2239.
8. Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874–1940) – русский театральный режиссер, актер, теоретик и практик театрального гротеска, создатель

актерской системы «биомеханика».

9. Соллогуб Федор Кузьмич (1863–1927) – русский поэт, писатель, драматург, публицист. Видный представитель русского символизма.
10. Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949) – русский поэт-символист, философ, переводчик и драматург, литературный критик, педагог.
11. Миракль (от лат. *miraculum* – чудо) – разновидность средневековых мистерий, сюжетом которых было чудо, житие святого или чудо Богородицы.
12. Тазийе – древнеперсидское музыкальное представление о жизни и смерти имама Хусейна ибн Али.
13. Статья В.А. Гурко-Кряжина «Современные театральные искания». [1914] // АРАН. Ф. 2239.
14. Праесурсог (лат.) – предтеча.
15. Вретище (церк.) – рубище, власяница – вид одежды из грубой толстой ткани, козьего или верблюжьего волоса, надевавшаяся во времена печали, раскаяния, глубокого поста.
16. Апостол Петр – один из двенадцати ближайших учеников Иисуса Христа. Чаще всего изображается с ключами от Рая. См. Евангелие от Матвея 16:18-19: «...Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах».
17. Рекла (устар., поэт.) – говорила.
18. Сень – тень, полог (устар.), крона деревьев (поэт.), защита, покровительство (переносн.).
19. Лилия в христианстве – символ чистоты и невинности. Богородица изображалась с цветком лилии. Например, икона «Неувядаемый Цвет» или картина французского живописца Адольфа Вильяма Бугро «Богородица».
20. Вежды (старослав., устар., церк.-книжн., поэтич.) – веки.
21. В древней Церкви оглашенными или катихумени назывались христиане, еще не принявшие крещение, но уже получившие наставление в вере. Институт оглашенных исчезает после V в.
22. По православной энциклопедии «Азбука веры» оглашенным в церкви было отведено место вместе с кающимися второй степени, т.е. в притворе перед местом, назначенным для крещения, близ главного входа в церковь. Литургия оглашенных включает и пение евангельских блаженств, напоминающих о начале проповеди Иисуса Христа и показывающие пример христианской жизни.
23. Вероятно, опечатка автора

24. Ризы – верхнее облачение священника при богослужении. В данном случае – разновидность верхней одежды.
25. Здесь отсылка к Горе Нрукосечной – символическому изображению Девы Марии.
26. Выя (устар.) – шея.
27. Рамени (устар.) – плечи.
28. Так у автора.
29. Имеется в виду Неопалимая купина – один из ветхозаветных прообразов, указывающих на Богородицу.
30. Лестница Иакова – один из метафизических символов Девы Марии, объединяющий небесное и земное.
31. Вероятно, имеется в виду грифон, символизирующий власть над небом и землей, а также, исходя из контекста, являющийся защитником.
32. Традиционно на иконах Богородица изображается в пурпурной мафории с тремя звездами на плечах и голове и синей тунике.
33. Вероятно, имеется в виду рыцарь Круглого стола Ланселот (фр. Lancelot du Lac, англ. Lancelot of the Lake).
34. Вероятно, под Франческой, автор имел в виду католическую святую Франциску римскую (1384–1440), канонизированную буллой «Caelestis aquae flumen», изданной Папой Павлом V в 1608 г.
35. Литания – вид молитвы, сложенной из коротких повторяющихся воззваний. Наиболее часто употребляется в католичестве и, как правило, адресована Иисусу Христу или Богородице.

В.Ю. Афиани, О.В. Селиванова

**«Сделано открытие чешского и словацкого народного театра»:
документы П.Г. Богатырева из Архива РАН**

V. Yu. Afiani, O. V. Selivanova

**«The opening of the Czech and Slovak national theatre was
made»: documents of P.G. Bogatyrev from the Archive of the RAS**

Аннотация. В данной статье представлены неопубликованные документы из фонда этнографа и филолога П.Г. Богатырева, хранящиеся в Архиве РАН. Это его речь на защите диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук по книге «Народный театр у чехов и словаков» («Lidové divadlo české a slovenské») и отзыв профессора И.Н. Розанова на эту книгу. Документы представляют интерес для исследования как научной биографии П.Г. Богатырева, так и его вклада в изучение истории и развития национального театра.

Ключевые слова: П.Г. Богатырев, народный театр, И.Н. Розанов, этнография, Архив РАН.

Abstract. This article presents unpublished documents from the personal archival collection of ethnographer and philologist P.G. Bogatyrev, stored in the Archive of RAS. The documents are his speech at the defense of his thesis for the degree of doctor of Philology on his book «Czechs and Slovaks' folk's theater» («Lidové divadlo české a slovenské») and the review of professor I. N. Rozanov on this book. The documents are of interest for the analysis of both the scientific biography of P. G. Bogatyrev and his contribution to the study of the history and development of the national theater.

Keywords: P.G. Bogatyrev, national theatre, I.N. Rozanov, ethnography, Archive of the RAS.

Имя Петра Григорьевича Богатырева (1893–1971) знакомо не только исследователям театра, фольклористам, этнографам и фи-

пологам, но и более широкому кругу читателей благодаря первому, классическому переводу романа Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка».

П.Г. Богатырев окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1918 г. с дипломом 1-й степени. Еще студентом он занимался этнографическими исследованиями в Московской и Архангельской губерниях¹, его дипломная работа «Жарты и фацеции XVII–XVIII вв.» была отмечена Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Студентом он активно посещал Московский лингвистический кружок – объединение российских филологов, действовавшее в 1915–1924 гг. В 1921 г. он уехал в Прагу. Точный его статус в тот период до сих пор не установлен: он был референтом и переводчиком при советском полпредстве², отвечал за русскую тематику в репертуарной политике Национального театра в Праге, а также по заданию В.Д. Бонч-Бруевича для Государственного литературного музея разыскивал и приобретал архивные документы и коллекции³. Так, например, в письме за 1930 г. тот писал Богатыреву: «Я ужасно радуюсь, что Вы нашли письма И. Репина и, конечно, их надо купить <...> точно также не упускайте писем Петра I и рукописи Гоголя»⁴.

В это же время Богатырев занимался и научной работой: проводил этнографические исследования Подкарпатской Руси (ныне Закарпатье), окончил филологический факультет Карлова университета в Праге, выступал с докладами⁵, защитил абилитационную диссертацию, которая дала ему право занять место приват-доцента университета имени Коменского в Братиславе⁶, где он стал читать лекции по этнографии (1933–1938). В 1929 г. Богатырев по материалам исследований опубликовал монографию «Магические действия, обряды и верования Закарпатья» на французском языке⁷. В 1939 г., после оккупации Чехословакии фашистами, ученый вернулся в СССР.

В марте 1940 г. он стал профессором МИФЛИ по кафедре фольклора; в 1941 г. защитил докторскую диссертацию по изданной в Чехословакии книге «Народный театр у чехов и словаков»⁸.

С 1942 г. Богатырев заведовал сектором в Институте этнографии и кафедрой литературы в МГУ, с 1948 г. – кафедрой фольклора.

Исследователи научного творчества П.Г. Богатырева считают, что идеи ученого обогнали свое время⁹, в том числе и благодаря его длительному пребыванию в Европе и возможности знакомиться с опытом мировой науки в области фольклористики и этнографии без необходимости поиска классовой сущности явлений. По этой же причине его идеи долгое время в СССР не получали должного признания, а сам он в конце 1940-х гг. подвергся гонениям в ходе чистки рядов советской фольклористики, в 1951 г. был снят с должности заведующего кафедрой с формулировкой «по собственной просьбе», а в 1952 г. отчислен с кафедры «ввиду отсутствия педагогической нагрузки»¹⁰. Продолжить научную работу опальный ученый смог в Воронежском университете по приглашению своего ученика С.Г. Лазутина¹¹, где занял должность профессора на кафедре русского языка.

В своих исследованиях П.Г. Богатырев часто обращался к проблемам народного театра. По его же собственным словам, он «погружался в прошлое этого театра и одновременно размышлял над его будущим, наблюдая за сценической практикой»¹²; исследования Богатырева оказали «благотворное влияние» не только на театральную практику в Чехии и Словакии, но и на возрождение интереса к народной сценической культуре¹³. В Архиве РАН сохранились, например, письма от известного чешского театрального критика, историка театра Яна Копецкого, где он не раз подчеркивал влияние Богатырева на всю театральную культуру Чехословакии. Так, в письме от 28 ноября 1967 г. он писал: «Глубокоуважаемый г. профессор, разрешите мне вручить Вам прилагаемую книгу. Она является одним из результатов того интереса, который Вы несколько лет тому назад пробудили во мне своей книгой “Народный театр чехов и словаков” и своими личными выступлениями на семинарах проф[ессора] Мукаржовского»¹⁴ <...> Я Вам стольким обязан, как и вся наша театральная культура, в которой ныне Ваши и Э.Ф. Буриана¹⁵ проявленные когда-то инициативы вновь оживают в новой инспирирующей форме»¹⁶. Заслуги Богатырева в деле

изучения народного театра были отмечены рядом дипломов. См. ил. 1, 2, 3.

П.Г. Богатырев внес неоценимый вклад в такие научные вопросы, как изучение функционирования вещей (работа «Функции национального костюма в Моравской Словакии», 1937 г.), размежевание продуктивных и непродуктивных этнографических явлений («Активно-коллективные, пассивно-коллективные, продуктивные и непродуктивные этнографические факты», 1939 г.), построение новых обрядов и явлений («Рождественская елка в Восточной Словакии»), функции этнографических явлений («Этнологическая география и синхронистический метод», 1927 г.), изучение современного состояния обрядов («Магические действия, обряды и верования Закарпатья»), применяя в исследованиях функционально-структуральный метод. Вклад П.Г. Богатырева в науку получил мировое признание, он был избран членом зарубежных научных обществ, в первую очередь, конечно, чешских, в 1967 г. – почетным доктором Карлова университета в Праге.

К идеям Богатырева в последние годы проявляют все больший интерес в России и за рубежом фольклористы, этнографы, театроведы, исследователи народного искусства. Переиздаются его труды, публикуются воспоминания и переписка¹⁷. При этом следует отметить, что документы фонда ученого в Архиве РАН до сих пор остаются недостаточно востребованными исследователями.

Личный архив П.Г. Богатырева был передан его вдовой Т.Ю. Богатыревой в Архив АН СССР в 1971–1976 гг. В фонде 464 единиц хранения (1912–1972): рукописи его научных трудов, статей, конспекты лекций, планы докладов, отзывы на работы других лиц; рабочие материалы к научным трудам; биографические документы и документы о деятельности (например, дипломы об окончании МГУ и Карлова университета в Праге, диплом доктора философии и доктора филологических наук и аттестат профессора, диплом объединения кукольных театров при Народно-воспитательном институте имени Масарика в Праге, диплом почетного члена труппы Центрального кукольного театра в Праге, издательские договоры, список научных трудов (1955); рекомен-

дации Б.В. Томашевского и В.Б. Шкловского П.Г. Богатыреву для вступления в Союз советских писателей, извещения об избрании членом Чешского Королевского научного общества и членом Союза Советских писателей и др.

Обширно эпистолярное наследие ученого. В фонде отложились письма П.Г. Богатырева к В.Д. Бонч-Бруевичу, Д.К. Зеленину, Д.С. Лихачеву, Ю.М. Лотману, Р.О. Якобсону; письма П.Г. Богатыреву от В.П. Адриановой-Перетц, Б. Бенеша, П.Н. Беркова, В.Д. Бонч-Бруевича, Б. Гавранека, Й. Горака, В.Е. Гусева, Н.С. Державина, В.М. Жирмунского, Д.К. Зеленина, Я. Комаровского, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, А. Мазона, М. Попа, Я. Рипки, Е. Уорнера (Фридмана), Д.Н. Ушакова, А.В. Флоровского, И.Г. Эренбурга, Р.О. Якобсона и др. Кроме того, в фонде П.Г. Богатырева хранятся интереснейшие документы для изучения театра и театрального искусства – это работы и самого ученого, и переписка, и ряд изобразительных материалов, и пр. Ил. 4, 5, 6, 7, 8.

В представленной публикации приводятся два хранящихся в Архиве РАН взаимосвязанных документа – речь П.Г. Богатырева на защите своей диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук по книге «Народный театр у чехов и словаков» (№ 1) и отзыв профессора И.Н. Розанова¹⁸ о книге П.Г. Богатырева «Чешский словацкий народный театр» (№ 2), представляемой на соискание ученой степени доктора филологических наук. Документы публикуются по современным правилам правописания, с сохранением стилистических особенностей подлинника.

№ 1

Выступление П.Г. Богатырева на защите своей диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук по книге «Народный театр у чехов и словаков»

Я воспитанник Московского университета. Моими учителями по фольклору в университете были проф. Михаил Нест[орович] Сперанский¹⁹ и проф. Конст[антин] Серг[еевич] Шамбинаго²⁰. Проф[ессор] русского языка был в то время Дм[итрий] Ник[олаевич] Ушаков²¹. Большую роль в моей научной деятель-

ности сыграли два московских научных общества: Комиссия по народной словесности при Этнографическом отделе Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии²² и Московская диалектологическая комиссия при Академии наук. Комиссия по народной словесности, основанная академиком Всеволодом Феодоровичем Миллером²³, хранила традиции своего основателя. Члены ее, тогда в большинстве случаев только начинающие ученые, потом сыграли и играют большую роль в истории русской фольклористики. Со второго курса университета я начал принимать деятельное участие в работах этой комиссии. Читал здесь доклады, выступал в прениях. Вспоминаю, что после каждого заседания такой комиссии я чувствовал, как постепенно расту и набираюсь знаний и отшлифовываюсь в методологическом отношении. Атмосфера была поистине товарищеская. Среди членов этой комиссии, моих старших товарищей, которые оказали на меня несомненно большое влияние, при самых зачатках моей научной работы, не могу не вспомнить покойного Николая Васильевича Васильева²⁴, покойных братьев Соколовых²⁵ и ныне здравствующих Владимира Алексеевича Гордлевского²⁶, Елену Николаевну Елеонскую²⁷ и Бориса Исааковича Ярхо²⁸. Другим научным обществом, близко стоявшим к Московскому Университету, которое оказало на меня очень сильное влияние, была Московская диалектологическая комиссия, основанная академиком Коршем²⁹, но фактически руководимая Дмитрием Николаевичем Ушаковым. В этой комиссии из ныне работающих в Москве ученых хотелось бы назвать профессора Петерсона³⁰, Галанова³¹ и потом Григория Осиповича Винокура³². Особо мне хотелось бы отметить то большое влияние, какое оказали на меня лекции, практические занятия, которые вел учитель нескольких поколений³³ Дмитрий Николаевич Ушаков. Это руководство моей работой происходило [не] только в стенах университета, но и за его стенами в Московской диалектологической комиссии и, наконец, прямо на дому у всегда гостеприимного Дмитрия Николаевича. В дальнейшем моя связь с лингвистикой не пре-

рывалась до последнего времени. Я принимал деятельное участие в Московском лингвистическом кружке³⁴, а потом в Пражском лингвистическом кружке³⁵. Хотелось бы здесь указать на то влияние, которое оказала на меня лингвистика и, в частности, работа под руководством Дмитрия Николаевича, в моей научной работе. Это, может быть, будет тем более любопытно, что я не являюсь лингвистом, а фольклористом-этнографом и только отчасти историком литературы. Работ специально лингвистических у меня почти нет, если не считать небольших отчетов о моих диалектологических поездках и отдельных мест, посвященных в моих работах поэтическому языку. Между тем целый ряд основных моих работ находится в определенной связи с лингвистическими теориями и работами. Моя книга «Акт мажик»³⁶ несомненно претерпела известное воздействие теории швейцарского лингвиста Де-Сосюра³⁷, кстати сказать, об этой теории я услышал впервые в Московской диалектологической комиссии от Дмитрия Николаевича Ушакова. Моя статья «Этнологическая география»³⁸ во многом обязана школе Жильерона³⁹ и другим лингвистам, работавшим в области картографирования лингвистических фактов, в частности, в лингвистической карте⁴⁰, изданной Московской диалектологической комиссией. Целый ряд работ, написанный мною методом функционально-структуральной фольклористики и этнографии, основателем в области фольклористики, этнографии которого являюсь я, разрабатывался мною на заседаниях Пражского лингвистического кружка.

Перехожу к моей книге «Лидове дивадло»⁴¹, которую я здесь представил на соискание ученой степени доктора филологических наук. Эта книга является как бы главой большой работы, которую я задумал, а отчасти и выполнил, а именно труда, посвященного рассмотрению этнографических и фольклорных фактов функционально-структуральным методом. Этим методом, кроме этой книги, я проработал национальный сельский костюм в моей книге, напечатанной на словацком языке «Funkcie kroja na Moravskom Slovensku»⁴².

Из области фольклора этим же методом я начал обследование народной песни в статье на французском яз[ыке] «Ля шансон популёр»⁴³ «La chanson populaire du point de vue fonctionel»⁴⁴.

Тем же методом обследованы и народные обычаи в статье «Обычай полазник»⁴⁵ у южных славян, венгров, словаков и украинцев и обычай при постройке дома»⁴⁶ в статье, напечатанной по-русски в журнале «Lud Slowanski».

Кроме того, вопросу о том, в какой степени функционально-структуральный метод может помочь иным методам, посвящена моя статья на словацком яз[ыке] «Funkcno-structuralna metoda a ine metody etnografie a folkloristiky»⁴⁷. Итак, моя книга о «Лидове ди-вадло» является рассмотрением тем же методом народного театра.

Итак, в методологическом отношении эта моя книга является как бы главой среди других работ, написанная функционально-структуральным методом. Кроме того, эта книга является как бы продолжением ряда работ, написанных по чешскому, словацкому, русскому и украинскому народному театру. В 1923 г. вышла моя книга «Чешский кукольный и народный театр»⁴⁸. Кроме того, народному театру были посвящены статья «Стихотворение Пушкина «Гусар» и русская народная словесность»⁴⁹, где я разбираю, как видоизменилось и как вошло стихотворение Пушкина в [народную драму] «Царь Максимилиан»⁵⁰. Народному театру украинскому посвящена моя статья «Les jeux dans les rites funebres en Russie Subcarpathique»⁵¹, на чешском языке «Znaky divadelni»⁵², «Hra a divadlo»⁵³ и др. мелкие статьи по народному театру. Теперь хотелось бы отметить, что нового привносит эта книга среди моих других работ. В методологическом отношении эта книга, как и другие мои работы, написанные функционально-структуральным методом, в главе II-ой разбирает структуру функций и их иерархии, которые несет народный театр. Но кроме того, – и этим книга отличается от других работ, написанных моим методом, разбирает и сам народный театр, как сложную структуру, состоящую из многих элементов. Глава за главой я указываю, как в этой сложной структуре, которую представляет собой театральное представление, один элемент тесно связан с другим, как напр[имер], игра

актера тесно связана с реакцией зрительного зала, с реакцией публики. Как текст представления меняется в зависимости от публики, как режиссер, – или лучше сказать его функции в народном театре, – тесно связаны с игрой актеров и с драматургом или текстом народных пьес, как сценическая площадка находится в тесной зависимости от самой пьесы, от костюмов актеров, от их игры. В большинстве случаев в народном театре, в котором отсутствует архитектурное устройство сценической площадки, сценическую площадку составляют сами переодетые в театральные костюмы актеры.

Далее – как тесно связан с текстом пьесы театральным костюмом. В заключительной главе я останавливаюсь на очень важном в истории театра вопросе о соединении комического и трагического в театре и рассматриваю, какие формы это соединение комического и трагического принимало в народном театре. Как бы продолжением этой главы является моя статья, посвященная тому же вопросу, но рассмотренная на материале средневекового чешского театра. Вот что нового в методологическом отношении по сравнению с другими моими работами вносит эта книга. Об отдельных деталях методологического характера я упоминать не буду.

Книга «Народный театр у чехов и словаков» является первой теоретической работой, посвященной чешскому и словацкому народному театру. К сожалению, материал по народному театру у чехов и словаков невелик, и для того, чтобы показать его значимость, мне все время приходилось вкрапливать его в русский материал по народному театру и, кроме того, объяснять его значимость целым рядом высказываний по театру крупнейших передовых деятелей современного театра, как чешских, так и русских. В частности, мне приходилось часто цитировать работу Станиславского «Моя жизнь в искусстве»⁵⁴. В моих главах я пользуюсь терминологией искусственного театра и в каждой главе просматриваю один из элементов народного представления, как то игру актера, реакцию публики, сценическую площадку, театральным костюмом, наконец, текст пьес, театральные движения, театральную декорацию. Но во всех этих главах я подчеркиваю, что это деление (особенно

это касается народного театра) является условным, так как все эти элементы тесно между собой переплетаются и часто один из них вытекает из другого, так, напр[имер], сценическая площадка в народном театре часто создается театральным движением актеров и самими актерами, одетыми в театральные костюмы⁵⁵.

В моей книге, как и всякой книге, которая впервые приступает к разработке какого-либо вопроса, далеко не все вопросы выяснены и потребуется еще ряд других исследований, которые вопросы, поставленные в моей книге, углубят и, может быть, разрешат до конца. Хотел бы подчеркнуть, что моя работа, хотя и разрабатывает чешский и словацкий материал, во многом основана и выходит из тех научных традиций, которые восходят к старым русским традициям театроведения и которые получили развитие в современной советской науке. Мне очень приятно, что мои чешские рецензенты верно это поняли, и несмотря на фашистский гнет в Чехии, справедливо отметили в своих рецензиях, что ценность моей работы отчасти заключается в том, что эту работу писал именно русский, применяя методы русской науки.

В заключение я не могу не вспомнить с благодарностью о помощи, которая мне была оказана со стороны чешских передовых деятелей науки при разработке этой темы.

АРАН. Ф. 1681. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–6. Машинопись с правкой. В деле имеются тезисы к книге П.Г. Богатырева «Народный театр у чехов и словаков. Л. 4–7. Машинопись. Подпись – автограф.

№ 2

Отзыв о книге П.Г. Богатырева «Чешский словацкий народный театр», представляемой на соискание ученой степени доктора филологических наук

Работа П.Г. Богатырева поражает прежде всего широтой своего охвата. Он обследует народный театр в разнообразных видах и проявлениях, от начала его возникновения, причем доказывает, что чешский /и словацкий/ народный театр связан с античным

театром, но имеет точки соприкосновения и с театром Шекспира. Попутно он касается иногда и русского народного театра, так, на стр. 44, сравнивая городскую чешскую пьесу начала XVII в. с ее деревенской переделкой, он указывает, что переделкам такого рода подвергались и пьесы русских драматургов. «Подобный пример, – пишет он, – мы имеем и в репертуаре русского народного театра, где водевиль Григорьева⁵⁶ «Ямщики или как гуляет староста Семен Иванович»⁵⁷ коренным образом изменился в сельском народном представлении.

И здесь это изменение произошло не от непосредственного влияния традиционных фольклорных игр». Но исследователь изучает связь чешского народного театра не только с народным театром других народов, но и связь его с новейшими устремлениями искусственного театра. Таким образом он одновременно бросает взор и на прошлое, иногда очень отдаленное, и на современность.

И интересует его не только текст пьес, но все, что относится к театральному действию. В этом легко убедиться из заглавий отдельных глав:

После введения идет глава
«Внеэстетические функции “народного театра”»;
Глава III – Сцена и зрительный зал;
Глава IV – Коллективное творчество;
Глава V – Режиссер;
Глава VI – Сценическая и театральная площадка;
Глава VII – Театральный костюм;
Глава VIII – Театральное движение;
Глава IX – Театральная декламация;
Глава X – Кукольный театр;
Затем идет заключение.

Во введении диссертант касается вопроса о происхождении народного искусства, выступая против теории о народном искусстве, «сниженных литературных ценностей» и подчеркивая взаимную связь между литературой и фольклором. Народный театр он понимает широко, включая сюда искусственные, религиозные пьесы, которые вошли в фольклор.

Во второй главе П.Г. Богатырев очень убедительно доказывает, что эстетическая функция в чешском народном театре не занимает главенствующего значения⁵⁸. Часто важнее ее является функция магическая или функция религиозная. Напр[имер], в пьесах на евангельские сюжеты. Эти пьесы являются продолжением богослужения. Кроме того, видное место могут занимать функция обрядовая, церемониальная, функция сатирическая, сливающаяся нередко с функцией социальной. Одно из характерных отличий обычного городского театра от народного П.Г. Богатырев совершенно правильно усматривает во взаимоотношениях сцены и зрительного зала: в народном театре не существует того отрыва зрителей от актера, который существует в театре искусственном. Существуют различные формы общения тех и других, формы соучастия зрителей в представлении.

Очень интересны и ценны соображения диссертанта об импровизации актеров, о взаимоотношениях трагического и комического элементов.

Особенное внимание исследователя привлекает кукольный театр, чистая условность которого особенно бросается в глаза.

Исследование П.Г. Богатырева дополнено интереснейшими образцами, взятыми из чешского и словацкого народного театра.

Интересный общий вывод получается о театральной реальности народного театра. Эта реальность построена на фантазии и соединяет в себе музыку, пе[сню], декламацию, комизм и трагизм. Это типично для средневекового жанра.

Диссертант взялся за тему почти совсем не разработанную. Как раз на народный театр чешская фольклористика всего меньше обращала внимание. Недаром в чешской газете «Лидове новины» по поводу книги Богатырева появилась статья под характерным заглавием «Сделано открытие чешского и словацкого народного театра»⁵⁹.

Другой критик /в журнале «Ржад»/ особенно ценным в работе Богатырева считает то, что исследователь счастливо соединяет в себе этнографа с исследователем театральной эстетики. Он воспринимает народный театр не только как явление фольклористическое, но и исследует его как факт театральный.

Основным театральным признаком он считает перевоплощение, что есть и в детских играх, и в свадебных обрядах, и в рассказывании сказок.

Книга Богатырева много дает и фольклористу, и режиссеру, и артистам, и театральному теоретику.

Она далеко выходит за пределы интересов только чешской фольклористики. Строго выдержанная в методологическом отношении работа П.Г. Богатырева является ценным вкладом в мировую фольклористику, на долгое время она, вероятно, останется незаменимой или основным классическим трудом по данному вопросу.

Автор ее безусловно заслуживает ученой степени доктора филологических наук.

Доктор филолог[ических] наук

Ив. Розанов.

29 июня 194[1]

АРАН. Ф. 1681. Оп. 1. Д. 463. Л. 59–62. Авторизованная машинопись с правкой.

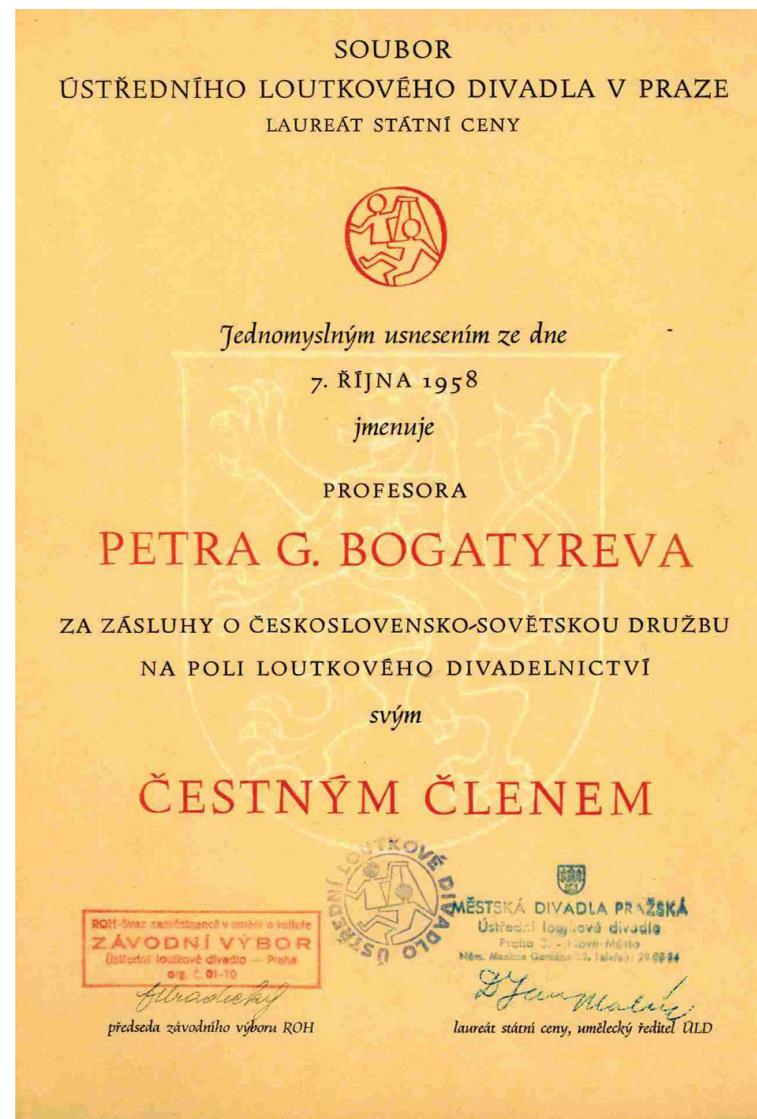
Примечания

1. *Богатырев П.Г.* Воспоминания об Архангельской губернии собирателя произведений словесности // Архангельск, 1916, 25/VIII. С. 3; Несколько легенд Шенкурского уезда Архангельской губернии // Живая старина, XXV. Пг., 1917. Прил. № 6. С. 71–76.
2. Дипломатические отношения Чехословакии с Россией были установлены только в 1934 г.
3. Интересна справка от Гослитмузея, выданная 9 декабря 1940 г. В.Д. Бонч-Бруевичем: «Государственный Литературный Музей удостоверяет, что библиотека профессора-этнографа П.Г. Богатырева, прибывшая в Москву из Праги /Чехословакия/ в количестве 10 ящиков /книги и рукописи, собираемые им в течение более чем 25 лет/, – просмотрена при получении ее в таможне представителем Главлита и Гослитмузея. Библиотека представляет из себя большую научную ценность и совершенно необходима проф. П.Г. Богатыреву при выполнении им научно-исследовательских работ, поручаемых ему Государ-

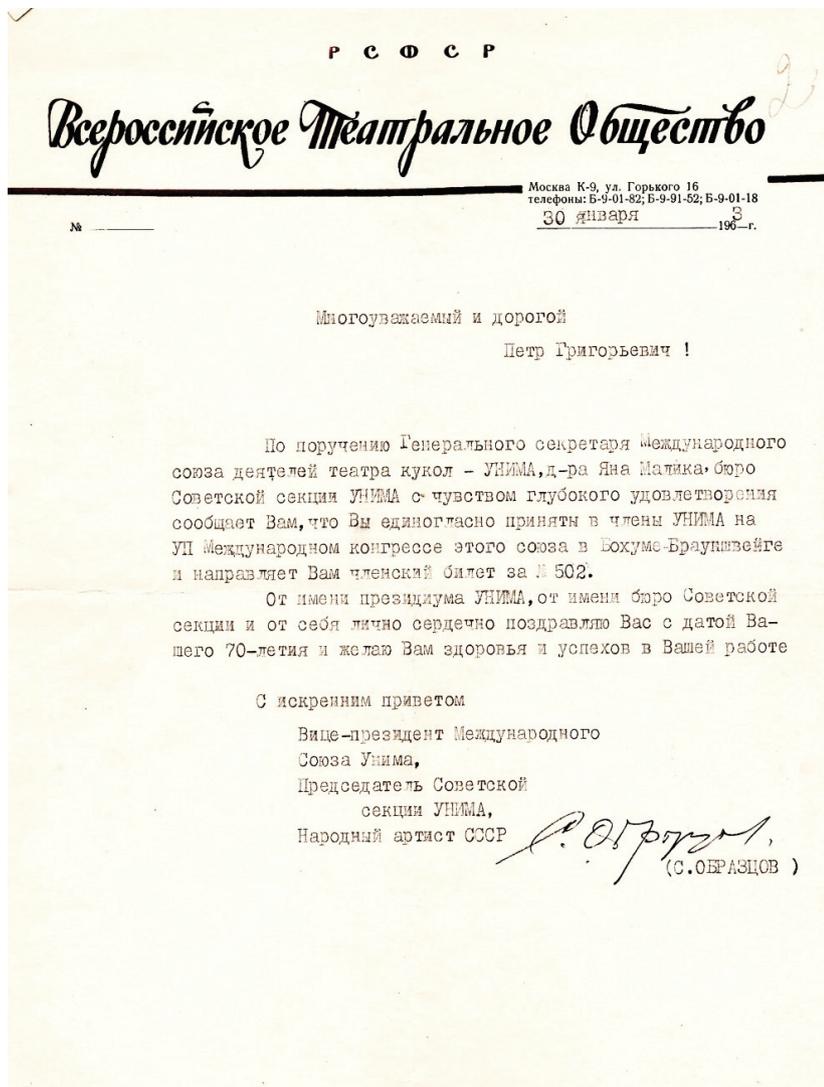
- ственным Литературным Музеем, Академией Наук Союза ССР и прочими научными учреждениями» (АРАН. Ф. 1651. Оп. 1. Д. 444. Л. 1).
4. АРАН. Ф. 1651. Оп. 1. Д. 268. Л. 1.
  5. См.: *Богатырев П.Г.* Народная культура славян / Сост. Е.С. Новик, Б.С. Долгин. М.: ОГИ, 2007. 368 с.
  6. АРАН. Ф. 1651. Оп. 1. Д. 155. Л. 1.
  7. Монография П.Г. Богатырева «Магические действия, обряды и верования Закарпатья» была издана на французском языке в 1929 г. в Париже в Трудах Института славяноведения (Actes magiques, rites et croyances en Russie subcarpathique, par *Pierre Bogatyrev* // Travaux publiés par l'Institut d'études slaves; 11. Paris: Champion, 1929. 162 p.). По этой книге П.Г. Богатырев защитил в Чехословакии диссертацию на соискание степени доктора филологических наук.
  8. *Bogatyrev P.* Lidové divadlo české a slovenské. Praha: Borovy, 1940. 316 p.
  9. Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора: Сборник статей и материалов / Отв. редакторы С.П. Сорокина и Л.В. Фадеева. М.: Государственный институт искусствознания, 2015. С. 11.
  10. АРАН. Ф. 1651. Оп. 1. Д. 167. Л. 3.
  11. Лазутин Сергей Георгиевич (1919–1993) – фольклорист, специалист по песенному жанру русского фольклора, педагог, д.филол.н., заслуженный деятель науки РСФСР (1990). Член, зам. председателя научного совета по фольклору АН СССР.
  12. *Солнцева Л.П.* Идеи П.Г. Богатырева в исследованиях и сценической практике чехов и словаков // Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора... С. 44.
  13. Там же.
  14. Мукаржовский Ян (1891–1975) – чешский философ, литературовед, лингвист, специалист по эстетике театра, кино, изобразительного искусства. Академик Чехословацкой академии наук (1951/1952), проф. эстетики Карлова университета в Праге.
  15. Буриан Эмиль Франтишек (Burian Emil František) (1904–1959) – чехословацкий композитор, режиссер-постановщик, драматург, поэт, публицист. Народный художник Чехословакии (1954). Один из организаторов политического театра Чехословакии.
  16. АРАН. Ф.1651. Оп.1. Д. 329. Л. 2–4.
  17. См.: *Tchougounnikov S.* Pětr Bogatyřev: du «fait linguistique» au «fait ethnographique»; *Trautmann-Waller C.* Bogatyřev à Prague et la genèse transnationale du structuralisme; *Velmezova E.* Synchronie vs diachronie vs panchronie vs achronie en linguistique et en ethnographie: Pětr Bogatyřev lecteur de F. de Saussure // Pětr Bogatyřev et les débuts du Cercle de Prague. Recherche ethnographiques et théâtrales. Paris, 2013. P. 17–91; *Bogatyrev P.G.* Funktional-strukturelle Ethnographie in Europa: Texte aus den 1920er und 1930er Jahren zu Brauchtum, Folklore, Theater und Film / Mit einem Beitrag von K. Braun; herausgegeben und eingeleitet von K.-H. Ehlers und M. Nekula. Heidelberg: Winter. 2011; *Ehlers K.-H.* Pětr G. Bogatyřev et le Cercle linguistique de Prague: traces d'une biographie d'émigré; Braun K. Petr Bogatyřev und die Europäische Ethnologie // *Bogatyrev P.G.* Funktional-strukturelle Ethnographie in Europa... P. 7–18; *Ehlers K.-H.* Petr G. Bogatyřev: Leben und Werk im wissenschaftlichen Kontext der 1920er und 1930er Jahre und in späterer Rezeption // Bogatyřev P.G. Funktional-strukturelle Ethnographie in Europa... P. 19–53; Петр Григорьевич Богатырев: Воспоминания. Документы. Статьи // Сост. и отв. ред. Л.П. Солнцева. СПб., 2002. Библиография трудов ученого и литературы о нем см.: Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора. Сб. статей и материалов. М. 2015. С. 439–449; См. также: Библиографический список публикаций архивных материалов (1988–2007). Подготовлен С.П. Сорокиной // Функционально-структуральный метод П.Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора. Сб. статей и материалов. М., 2015. С. 443–445.
  18. Розанов Иван Никанорович (1874–1959) – историк русской поэзии, библиограф, один из основателей современного отечественного книговедения. Профессор Московского университета (с 1918), д.филол.н. (1939). В 1921 г. организовал и возглавил отдел истории русской книги при ГИМе. С 1941 г. руководил сектором народного творчества Союза писателей СССР.
  19. Сперанский Михаил Несторович (1863–1938) – византист, филолог, фольклорист. Профессор Московского университета, чл.-корр. Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1902), академик Российской академии наук (1921), член Болгарской академии наук (1926), член Сербской академии наук и искусств (с 1907).
  20. Видимо, имеется в виду Сергей Константинович Шамбинаго (1871–1948) – писатель, фольклорист, литературовед, специалист по истории древнерусской литературы и истории театра. Доктор филологических наук (1914), с 1914 г. – профессор Московского университета.
  21. Ушаков Дмитрий Николаевич (1873–1942) – лингвист, член-корреспондент АН СССР (1939). Один из организаторов Московской диалектологической комиссии. Известен, прежде всего, как редактор и соавтор толкового словаря русского языка и организатор реформы русской орфографии.

22. Комиссия по народной словесности при Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии образована в 1911 г. для собирания фольклорных материалов и сведений по народной словесности, составления программ, указателей и т.д. Председатель Отдела В.Ф. Миллер, товарищ председательствующего – В.А. Гордлевский, возглавивший Комиссию в 1913 г. после смерти В.Ф. Миллера.
23. Миллер Всеволод Федорович (1848–1913) – этнограф, фольклорист, языковед и археолог, один из организаторов востоковедческого образования в России. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1898).
24. Васильев Николай Васильевич (1879–1936) – литературовед, фольклорист, с 1911 по 1921 гг. – казначей Комиссии по народной словесности ОЛЕАиЭ, с 1921 по 1926 гг. вместе с Ю.М. Соколовым – товарищ председателя Комиссии.
25. Соколовы Борис Матвеевич (1889–1930) и Юрий Матвеевич (1889–1941) – братья-близнецы, педагоги, фольклористы, этнографы. Представители «исторической школы» в фольклористике. Авторы многочисленных трудов по теории фольклора, методике собирательской деятельности, этнографии.
26. Гордлевский Владимир Александрович (1876–1956) – востоковед-тюрколог, специалист по языку, литературе, фольклору и истории Турции. Редактор первого «Турецко-русского» словаря (1931). Академик АН СССР (1946).
27. Елеонская Елена Николаевна (1873–1951) – этнограф и фольклорист. Ученица В.Ф. Миллера. Составила сборник великорусских частушек – первый научный труд, посвященный этому жанру (1914).
28. Ярхо Борис Исаакович (1889–1942) – филолог-медиевист, фольклорист, теоретик и историк литературы, переводчик.
29. Корш Федор Евгеньевич (1843–1915) – русский востоковед, филолог, славист, поэт-переводчик, автор идеи синтаксической типологии. Академик Петербургской Академии наук (1900), заслуженный профессор Московского университета (1893).
30. Петерсон Михаил Николаевич (1885–1962) – российский и советский лингвист, доктор филологических наук, профессор, специалист в области синтаксиса и методики преподавания русского языка, индоевропеистики, литовского, армянского, французского языков. Секретарь Московского лингвистического общества (1918–1923).
31. Галантер (Галанов) Борис Ефимович (1914–2000) – русский советский литературовед, критик. Член Союза писателей СССР (1955), Союза писателей Москвы, Союза журналистов (1958), Союза кинематографистов (1958).
32. Винокур Григорий Осипович (1896–1947) – российский лингвист и литературовед, специалист по русской литературе, стиховедению, истории русского языка, теории словообразования.
33. Подчеркнуто в тексте.
34. Московский лингвистический кружок (1915–1924) – научное общество, занимавшееся разработкой вопросов языкознания, этнографии и фольклора, всестороннего исследования поэтики. Председатели: Р.О. Якобсон (1915–1919), М.Н. Петерсон (1920), А.А. Буслаев (1920–1922), Г.О. Винокур (1922–1923), Н.Ф. Яковлев (1923–1924). Работал при постоянной поддержке Московской диалектологической комиссии.
35. Пражский лингвистический кружок (фр. Cercle linguistique de Prague, чеш. Pražský lingvistický kroužek; также Пражская лингвистическая школа; 1926–1953) – один из основных центров структурной лингвистики. Основан чешским лингвистом Вилемом Матезиусом. Среди видных членов: Николай Трубецкой, Богуслав Гавранек, Роман Якобсон, Сергей Карцевский, Йозеф Вахек, Владимир Скаличка, Леонтий Копецкий, Франтишек Травничек, Ян Мукаржовский и др.
36. Actes magiques, rites et croyances en Russie subcarpathique, par Pierre Bogatyrev.
37. Соссюр Фердинанд де (Saussure Ferdinand de, 1857–1913) – швейцарский лингвист, основоположник семиологии и структурализма как научной идеологии и методологии; отец лингвистики XX в., стоявший у истоков Женевской лингвистической школы. Идеи де Соссюра оказали серьезное влияние на гуманитарную мысль XX в.
38. Богатырев П.Г. Этнологическая география и синхронистический метод // Pamiętnik II. Zjazdu Slowińskich geografow i etnografow w Polsce w r. 1927. T. II. Krakow, 1930. С. 174–175.
39. Жильерон Жюль (1854–1926) – швейцарско-французский лингвист, один из основоположников европейской и глава французско-швейцарской школы лингвистической географии; занимался диалектологией, этимологией.
40. Лингвистическая карта (диалектологическая карта) – географическая карта, на которой зафиксированы сведения о территориальном распространении того или иного языкового явления
41. Bogatyrev P. Lidové divadlo české a slovenské. Praha: Borovy, 1940. 316 p.
42. Bogatyrev P. Funkcie Kroja na Moravskom Slovensku. Turčiansky Sv. Martin: 1937. 76 p.
43. После транслитерации в тексте стоит вставка от руки французского названия.

44. Стáтья «Народная песня с функциональной точки зрения» издана на французском в 1936 г. Переиздана на русском: *Богатырев П.Г.* Народная песня с точки зрения ее функций / пер с фр. // Вопросы литературы и фольклора. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1973. С. 200–211.
45. Полазник – первый посетитель.
46. Богатырев П. «Полазник» у южных славян, мадьяр, словаков, поляков и украинцев // *Lud Slowianski*. 1933. Т. 3. Zesz. 1. В (etnografia). S. 107–114; 1934. Т. 3. Zesz. 2. В (etnografia). S. 212–273.
47. Funkcno-strukturalna metoda a ine metody etnografie a folkloristiky // *Slovenske Pohl'ady*. Rocn. 51. Turciansky Sv. Martin, 1935. P. 550–558.
48. *Богатырев П.* Народный театр: Чешский кукольный и русский народный театр. Сборники по теории поэтического языка. Вып. VI. Берлин, 1923. 124 с.
49. *Богатырев П.Г.* Стихотворение Пушкина «Гусар», его источники и его влияние на народную словесность // Очерки по поэтике Пушкина. Берлин, 1923. С. 147–195.
50. «Царь Максимилиан» – драма-комедия, игралась на Святки в деревнях по тексту анонимной пьесы. В 1919 г. А.М. Ремизов создал пьесу по мотивам драмы «Царь Максимилиан». В основу сюжета легло описание драмы в сборнике фольклора, так называемом «своде Бакрылова».
51. *Bogatyrev P.* Les jeux dans les rites funebres en Russie Subcarpathique // *Le Monde Slave*. Т. III. № 11. 1926. P. 196–224.
52. *Bogatyrev P.* Znamky divadelni // Slovo a slovesnost. Rocn. IV. Praha, 1938. P. 138–149.
53. *Bogatyrev P.* Hra a divadlo // Listy pro umeni a kritiku, rocn. V. Praha, 1937. P. 232–235.
54. *Станиславский К.С.* Моя жизнь в искусстве. М. 1923. 541 с.
55. На полях стр. 5 сделана приписка карандашом: «Мною рассмотрены в книге не только народные представления [...] форме близкие к нашему театру, но также и обряды [...] [сцены?] и пр[очее], заключающие в себе драматургию действия».
56. Григорьев Петр Григорьевич (известный также как Григорьев Второй; 1807–1854) – русский актер и драматург. Выступал с 1831 г. в Александринском театре. Написал больше 30 комедий и водевилей, карикатурно отображавших низшие слои русского общества.
57. «Ямщики, или Как гуляет староста Семен Иванович» – русский народный водевиль в одном действии (1845).
58. Автором зачеркнуто слово «места».
59. АРАН. Ф. 1651. Оп. 1. Д. 463. Л. 11–16.

Ил. 1. Диплом почетного члена труппы Центрального кукольного театра в Праге. 7 октября 1958 г. Подлинник.
 АРАН. Ф. 1681. Оп. 1. Д. 171. Л. 1.

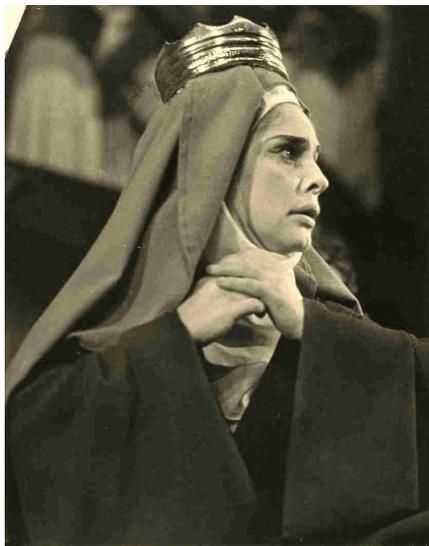
Ил. 2. Письмо вице-президента Международного союза деятелей театра кукол (УНИМА), председателя Советской секции С.В. Образцова с сообщением о принятии П.Г. Богатырева в члены УНИМА. 30 января 1963 г. АРАН. Ф. 1651. Оп. 1. Д. 214. Л. 2.

Ил. 3. Членский билет УНИМА. АРАН. Ф. 1651. Оп. 1. Д. 214. Л. 1.

Ил. 4. Афиша народных пьес, поставленных в театре Брно. 1960-е гг. АРАН. Ф. 1651. Оп. 1. Д. 145. Л. 7.

Ил. 5. Афиша народных пьес, поставленных в театре Брно. 1960-е гг.
АРАН. Ф. 1651. Оп. 1. Д. 145. Л. 14.

Ил. 6. Фотография с постановки народной пьесы в театре Брно.
1960-е гг. АРАН. Ф. 1651. Оп. 1. Д. 143. Л. 3.

Ил. 7. Фотография с постановки народной пьесы в театре Брно.
1960-е гг. АРАН. Ф. 1651. Оп. 1. Д. 143. Л. 11.

Ил. 8. Фотография с постановки народной пьесы в театре Брно.
1960-е гг. АРАН. Ф. 1651. Оп. 1. Д. 143. Л. 12.

Н.В. Бойко

**Из жизни актера столичного Театра сатиры:
письма В.Я. Хенкина Н.В. Алексеевой (1937–1939)**

N.V. Boyko

**From the life of the actor of the Moscow Theater of satire:
letters of V. Ya. Henkin to N.V. Alekseeva (1937–1939)**

Аннотация. Публикация писем известного актера Московского театра сатиры В.Я. Хенкина раскрывает романтическую историю, произошедшую в годы сталинского террора (1937–1939). Несмотря на жизненные условия, актер жил, работал, любил и надеялся. Документы иллюстрируют также неизвестные страницы истории Театра сатиры, его репертуара, характеризуют особенности актерских ролей. Интересны сведения об организации эстрадных выступлений советских актеров перед рабочей, крестьянской и красноармейской аудиторией.

Ключевые слова: В.Я. Хенкин, Театр сатиры, репертуар, концертная деятельность, Н.В. Алексеева.

Abstract. The publication of letters by the famous actor of the Moscow satire theater V. Y. Henkin reveals a romantic story that occurred during the years of Stalin's terror (1937–1939). Despite the living conditions, the actor lived, worked, loved and hoped. The documents also illustrate the unknown pages of the history of the Theater of Satire, its repertoire, characterize the features of acting roles. Interesting information about the organization of pop performances of Soviet actors in front of the working, peasant and red army audience.

Keywords: V.Ya. Henkin, theater of satire, repertoire, concert activity, N.V. Alekseeva.

Обращаясь к истории отдельного взятого театра, в данном случае Московского театра сатиры, мы рассматриваем ее в значи-

тельной степени через преломление человеческой истории, жизни конкретных актеров и актрис. Их каждодневная работа для зрителя происходила и продолжается сегодня, невзирая на все невзгоды и трагедии, сердечные травмы, с которыми они встречались и встречаются на жизненном пути. См. ил. 1.

Известный русский, а затем советский актер, «король эстрады», старший друг и учитель Леонида Утесова, Владимир Яковлевич Хенкин (1883–1953) родился в многодетной семье конторщика угольного склада Якова Леонтьевича Хенкина. На сцену он вышел в 1902 г. и стал знаменитым провинциальным комиком, часто играл в театрах юга России – в Феодосии, Ташкенте, Баку, Ростове-на-Дону, Киеве, а с 1908 г. стал актером московского театра «Буфф». В 1911 г. сменил профиль работы и перешел на эстраду, где специализировался в жанре пародий, а также исполнял куплеты и сатирические рассказы. В воспоминаниях директора известных московских театров Игоря Владимировича Нежного¹ рассказывается о том, что первые выступления Хенкина в Одессе показали – на сцене появился талантливый артист: «Владимира Яковлевича Хенкина Одесса признала сразу. Его дарование было настолько большим, ярким и несомненным, что успех сопутствовал ему с первых же выступлений. <...> И актеры, <...> и публика – все мы с восхищением наблюдали, как артист, каждый раз видоизменял, обогащал, расцвечивал новыми и новыми красками свои номера. Он вообще любил <...> неожиданные обращения, реплики, вопросы непосредственно к зрителям. <...> Перевоплощался Хенкин мгновенно, и достаточно было ему сделать какой-нибудь жест, изменить выражение лица, чтобы зритель увидел не просто того или иного человека, а все самое смешное, самое комичное, что было в его характере, внешности, привычках, манерах. <...> Красок на актерской палитре Хенкина было много, красок ярких и разнообразных – мимических, интонационных, пластических. Недаром Владимир Яковлевич с одинаковым блеском выступал как рассказчик, играл в миниатюрах, скетчах, водевилях, пел куплеты»². В годы Гражданской войны Хенкин руководил театром Политотдела Кавказского фронта³, а затем московскими те-

атрами «Палас» и «Вольный ветер». Первый большой успех пришел к актеру в программах московского Мюзик-холла, в котором он проработал до 1926 г. Затем служил в Московском театре оперетты (1928–1934), а с 1934 г. – в Московском театре сатиры. Помимо работы в театре и на эстраде Хенкин снимался в кино, озвучивал мультфильмы. В 1937 г. актер отметил 35-летие своей сценической деятельности.

Как вспоминала его партнерша по театру сатиры, актриса Капитолина (Клавдия) Васильевна Пугачева, Хенкин владел сценой и зрительным залом – пел, танцевал, шутил со зрителями: «Вот он стоит перед публикой – маленького роста, лысый и держит свою знаменитую паузу. Минуты в полторы. Любой трагик, я уже не говорю о политике, утонет в такой паузе. А он не тонет. Из глубины, из живота зала возникает сначала легкий и недоумевающий, а потом неудержимый хохот. Люди смотрят друг на друга как на идиотов и не могут остановиться. Хенкин излучал фантастическую энергию юмора»⁴. Эту особенность таланта актера подчеркивал и известный режиссер Московского театра кукол С.В. Образцов, сам большой мастер общения со зрителями. Он писал: «Сила Хенкинского таланта в абсолютности его общения со зрителями. <...> Огромный активный темперамент, предельное ощущение зрительской реакции, безотказная работа его “радиолокатора”, придают выступлению Хенкина совсем особый характер. Он отправляет через рампу фразу и тут же отражает реакцию на эту фразу каждого зрителя»⁵. Однажды И.В. Сталин разрешил включить выступление Хенкина в правительственный концерт. Во время его номера стал хохотать до слез, никак не мог остановиться, после чего распорядился больше Хенкина не звать⁶.

Как вспоминал известный конферансье советской эстрады Алексей Григорьевич Алексеев⁷, посвятивший многие страницы книги рассказу о своем друге Хенкине, Владимир Яковлевич заражал весельем на сцене старых и молодых артистов Московского театра сатиры, «<...> мешал им играть: бывало вся труппа собиралась в кулисах и ждала, что сегодня выдумает, что нового скажет по ходу действия Хенкин – пунктуальный мастер и замечательный

импровизатор <...> А он рассмешит всех на сцене так, что и сам играть не может: сузит глаза буравчиками, а рот трубочкой, чтобы не смеяться, и спрячется за чью-нибудь спину <...>»⁸.

Познакомиться с выступлениями В.Я. Хенкина на эстраде – с его юмористическими рассказами и фрагментами из спектаклей Московского театра сатиры за 1939–1951 гг. – можно прослушав пластинку фирмы «Мелодия» под названием «Владимир Хенкин у микрофона и в театре», вышедшей в 1983 г. (в настоящее время запись доступна в Интернете). Это позволит составить собственное мнение об актере и сравнить его профессионализм с современным состоянием сатиры и исполнительской культуры. См. ил. 2.

Его корреспонденткой была молодая скрипачка Нина Владимировна Алексеева (1913–1998), окончившая Ленинградскую консерваторию в 1934 г. При ее поступлении известные профессора, прослушивавшие кандидатов, А.К. Глазунов, А.В. Оссовский, И.Р. Налбандян, А.Б. Гордон и др., дали ей консолидированную характеристику, высоко оценив самобытность поступавшей талантливой девушки в июне 1928 г. В отзыве говорилось: «Прекрасное музыкально-художественное дарование и выдающиеся виртуозные данные. Превосходные по четкости и легкости пальцы, исключительно свободная правая рука. Яркий, светлый и теплый звук большой красоты. Кристаллической чистоты интонация. Зрелая выразительная фразировка, врожденное чувство ритма. Передача жизненная и стройная. Как материал высокой ценности крайне желательно иметь Нину Алексееву в составе студентов Консерватории»⁹. Такая блистательная аттестация позволила юной скрипачке начать обучение. После завершения консерватории ее преподаватель профессор И.Р. Налбандян подарил ей свою фотографию, датированную апрелем 1934 г. с трогательной надписью: «Нине Алексеевой – моей талантливейшей ученице-дочке на память от сердитого, но все же любящего. Иоаннес Налбандян»¹⁰. См. ил. 4.

Выбранные для публикации фотографии, на которых запечатлена милая изящная молодая женщина, соответствуют словам будущего мужа Н.В. Алексеевой, который писал ей: «Мне так безумно не хватает твоей нежности и твоего уюта, твоей рассудитель-

ной спокойной головки, твоей изобретательности и фантазии. Твоих милых трогательных капризов»¹¹.

С началом постоянной профессиональной деятельности молодой скрипачки, хотя на сцене она начала выступать с 1929 г., Н.А. Алексеева много концертировала, в том числе выезжая в составе сборных бригад в части Дальневосточного военного округа. В 1935 г., будучи артисткой Военно-театрального бюро Ленинградского дома Красной Армии, была командирована в Приволжский военный округ, а в 1936 г. направлена в составе художественной бригады в Среднюю Азию в двухмесячную командировку, как тогда писали в газетах, для обслуживания частей военного округа¹². В те годы участие работников искусств в культурном шефстве над Красной Армией приобрело общегосударственный характер, особенно в связи с 20-летием создания Рабоче-крестьянской Красной армии¹³. С 1939 г. Алексеева работала в составе объединения Ленинградской государственной эстрады Управления по делам искусств при Ленинградском Совете рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов. Она получила разрешение от Управления по контролю за зрелищами и репертуаром на исполнение 38 музыкальных произведений иностранных и русских классиков, среди которых были И.С. Бах, Л. ван Бетховен, В.А. Моцарт, Н. Паганини, Ф. Шопен и др. Нина ежедневно выступала в составе сборных концертов в ленинградских Домах культуры и клубах, научных и учебных институтах, воинских частях, на телевидении¹⁴. См. ил. 3.

Она мечтала о совершенствовании игры и собиралась приступить к занятиям с одним из крупнейших педагогов в истории отечественного скрипичного исполнения, профессором Московской консерватории А.И. Ямпольским¹⁵. Однако, начавшаяся в декабре 1939 г. советско-финская, а затем в июне 1941 г. Великая Отечественная война, разрушили эти намерения, и Алексеева была вынуждена прервать столь плодотворно начавшуюся концертную деятельность молодой актрисы.

Публикуемые письма В.Я. Хенкина приоткрывают завесу личной жизни актера в предвоенный, трагичный период истории нашей страны – 1937–1939 гг. В письмах изредка проглядывает глу-

бокая напряженность, царившая в обществе: ведь ночные аресты были каждодневной реальностью, а опоздание на работу вполне могло привести к увольнению, «несмотря на звания» (№ 4). Тем не менее, он неосмотрительно упоминает в записке Нине название популярного романа «Дни за днями катятся», написанного двумя эмигрантами – старшим из братьев Покрасс Самуилом Яковлевичем, сделавшим музыкальную карьеру в Голливуде, и поэтом-песенником Германом Павлом Давыдовичем, вернувшимся в начале 30-х гг. в Киев. К сожалению, это могло послужить тогда основанием для доноса в компетентные органы и грозило страшными последствиями. Ведь в 1933 г. был репрессирован друг Хенкина, упоминавшийся ранее А.Г. Алексеев, который руководил театром заключенных и вернулся в Москву только в 1939 г.

В переписке разворачивается лирическая история, которой мешают расстояния и творческая востребованность актера¹⁶. Хенкин писал: «Жизнь состоит сплошь из репетиций, спектаклей, концертов. А “жить” когда <...>?» (№ 3). Он с юмором относился к собственным вокальным данным, сравнивая свой голос с «немазаной арбой» на фоне божественных голосов оперных исполнителей (№ 5).

К сожалению, он не упомянул в письмах о таком интересном факте, как чтение в Театре сатиры пьесы «Чертов мост» писателем А.Н. Толстым, который взялся за постановку этого злободневного антифашистского сатирического памфлета. Кроме того, в переписке нет информации ни о замечаниях автора актерам после репетиций, ни о частном приеме на даче в Барвихе для актеров театра после премьеры в марте 1939 г. Скорее всего, это было вызвано неудовлетворенностью от исполняемой им роли Артура Зелкина, депутата парламента от рабочей партии. Оценивая ее, Хенкин писал: «Роль просто плохая, стараюсь, но думаю только стараниями и кончится... Очень досадно!» (№ 5). Нужно отметить, что пьеса не прижилась в театре и не заняла почетного места среди его театральных достижений.

Письма В.Я. Хенкина, хранящиеся в личном фонде Виппера Юрия Борисовича (Архив РАН, Ф.2032), публикуются по автографам в соответствии с современными правилами орфографии, при

сохранении их специфических особенностей. Сокращения рас- шифровываются в квадратных скобках.

№ 1

В.Я. Хенкин – Н.В. Алексеевой

[Ленинград]

[Москва]

14.IX.[19]37 г.

Миленькая Ниноша!

Получил Ваше грустное, одинокое письмо¹⁷...

Как жаль, что ни Вы не можете приехать в Москву, ни я – в Ле- нинград.

Сейчас очень горячее время в т[еат]ре. Начинаем ставить юби- лейную пьесу¹⁸.

Это раз.

Затем я принимаю участие в организационной работе, по вы- пуску юбилейного концерта¹⁹. Много работы также по подготовке к декаде советской

эстрады. 15-го открытие клуба Мастеров Искусств²⁰ и т.д. Как видите, работа есть. Не говорю уже о том, что 10, 11, 12-го играю в театре, были еще концерты. В общем: «Флаг поднят, ярмарка от- крыта»!²¹

Вчера видел опять Галину²² со скрипачом Дегтяр²³. Очень мило поздоровались.

И все, благодаря Вам!

Вы пишете о брате²⁴, который болен, а я не знал, есть ли у Вас брат? Вы мне о нем не говорили...

Сегодня радостный солнечный знойный день!

Пойду, поброжу и зайду в театр.

Подумайте о приезде в Москву. Я же подумаю о каком-нибудь выступлении в Ленинграде. В первую очередь в клубе актера²⁵, на просп[екте] 25 Октября.

Поцелуйте крепко Вашего Стасика²⁶.

Вам желаю всего самого светлого!

В. Хенкин

АРАН. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 619. Л. 1-2 об. Автограф.

№ 2

В.Я. Хенкин – Н.В. Алексеевой

[Ленинград]

[Москва]

04.IX.[19]38 г.

...А ты не удивляйся, милая Ниночка, просто захотел написать и написал...

Лето прошло без Ленинграда... Был в поездке. Со мной был скрипач Кричевский, пианист Мандрус²⁷ и певица Белогорская²⁸.

Сезон начал. Играть неохота... Леня, но понемногу втянусь.

Сегодня читает автор Погодин²⁹ новую пьесу «Джиоконда»³⁰.

Меня посылает наш клуб с бригадой на открытие Дома Ак- тера³¹ в Ленинград на 14-е Октября.

Так что, volens³²-неволенс, повидаемся.

Кроме того, 20-го и 21-го / IX играем в Промкооперации³³ «Простую девушку»³⁴. Пора и бабушке³⁵ посмотреть.

Вот и все!.. Привет!

В. Хенкин

Стасика (кажется так?) поцелуй.

АРАН. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 619. Л. 4. Автограф.

№ 3

В.Я. Хенкин – Н.В. Алексеевой

[Ленинград]

Москва

17.I.[19]39 г.

Мой милый, маленький друг!

Получил твое нежное письмо... Спасибо. Обстоятельства – против нас (пока). Во 1) нет «реального» предложения, во 2) опас- но ехать! Поезда опаздывают, а стало быть, вместе с поездами и ак- теры на репетицию, а теперь за это просто выгоняют, «не взирая на лица»! Так что, как видишь, очевидно, не удастся...

Время идет... Уже 17-е Января... Так незаметно пройдет и остановится жизнь (говорю о себе...).

Настроение отвратительное... Идет дождь... Гололедица. Че- рез ½ часа еду на концерт в Политех[нический] Музей³⁶. Концер-

ты с 2-х часов дня?! С ума сойти!! Вечером пока, два концерта и т.д. ... Жизнь состоит сплошь: из репетиций, спектаклей, концертов. А «жить» когда, я все спрашиваю? Вот хотел съездить в Смоленск, повидаться с тобой, побыть хоть один день вместе – так вот, вышеуказанные обстоятельства мешают!.. Виделся как-то с Бариновой³⁷, завтра с ней выступаю в Доме Печати³⁸, удовольствия от встречи не получил. Не люблю я ее... Когда сдам премьеру, в конце февраля, буду иметь возможность приехать в Ленинград.

Это не плохо, что ты пробудешь месяц на «периферии» или проще в провинции. Отдохнешь от сутолоки большого города, от прости меня, Стасика и бабушки и самое главное от телефона!! Последний занимает в твоей жизни не последнее место...

Очень хорошо, что живете дружно, но, конечно, весь месяц так не будет.

Примерно на 10-й день отношения «видоизменяются»... Думаю, что в сроке я не ошибся.

Через 10 минут бегу (другого слова не подберу) на репетицию. Ведь я – отличник, премирован и должен быть образцом для всех.

Обнимаю и нежно целую мою милую Ниночку.

В. Хенкин

А черт его знает, может и приеду...

АРАН. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 619. Л. 5–5 об. Автограф.

№ 4

В.Я. Хенкин – Н.В. Алексеевой

[Смоленск]

[Москва]

Не ранее января – не позднее 10 марта 1939 г.³⁹

Дорогой мой дружок!

Замотан... Замотан... Замотан.

Не знаю даже, застанет ли тебя это короткое письмо? Дело в том, что репетируем даже в выходные дни театра и в общевыходные! Темпы!! С посылкой был сплошной юмор! Когда были мандарины – отсутствовали апельсины и наоборот! А когда были яблоки – отсутствовало и то, и другое.

«Дни за днями катятся»⁴⁰, и «научная» командировка твоя шла к концу.

Пришлось ограничиться только апельсинами.

АРАН. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 619. Л. 3. Автограф.

№ 5

В.Я. Хенкин – Н.В. Алексеевой

[Москва]

2 часа ночи, III.[19]39 г.

Милый ты мой дружок!

Вчера получил твое письмо...

Работаю, что называется, не покладая голоса!.. День ото дня, концертов все больше и больше... Чем это кончится? Думаю – хрипотой...

Должен был 14-го начать свои выступления в Ленинграде в Ленгосэстраде⁴¹, думая, что премьеру сдам 9-го с[его] м[есяца], но... премьера будет только 18-го, и поэтому все полетело к чертям. Теперь думаю быть в Ленинграде 26-27-28-29-е Марта, если снова что-нибудь не помешает. В театре совсем зашился с репетициями «Чертова Моста»⁴² А. Толстого⁴³. Играю социал-демократа. Роль просто плохая. Стараюсь, но думаю только стараниями и кончится... Очень досадно!

Мне, кажется, что ты слишком ударила в «вояж»⁴⁴. Не с твоим здоровьем, об росте я уже не говорю, ездить по гастролям. Ведь ты целый месяц пробыла в Смоленске!? Мало? Поехала дальше... Можно подумать, что в Ленинграде перестали любить скрипку, а целиком и полностью перешли на цыганский романс и в плохой интерпретации...

Сейчас слушал откуда-то оперу Верди⁴⁵, название не разобрал... Какие божественные голоса. Когда слушаешь звонкий драматический тенор (девственно-чистый), тогда только понимаешь, что ты (я) скрипишь как немазаная арба...

Завтра (т.е. сегодня) – генеральная в гриме и костюме «Чертов Мост» (провались он совсем). Закончу и ложусь спать. 16-го в 24

ч[аса] 30 минут я читаю по радио. Пойди к кому-нибудь послушай.
Обнимаю и нежно целую.

Покойной ночи!

В. Хенкин

АРАН. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 619. Л. 6–7 об. Автограф.

Примечания

1. Нежный Игорь Владимирович (1892–1968) – директор московских театров оперетты, мюзик-холла, Реалистического и Камерного театров, МХАТ, Театра киноактера, Центрального театра кукол, ранее – провинциальный театральный актер.
2. *Нежный И.* Былое перед глазами. Театральные воспоминания. М.: ВТО, 1963. С. 65–67.
3. *Алексеев А.Г.* Серьезное и смешное. Полвека в театре и на эстраде. М.: «Искусство», 1967. С. 156.
4. *Пугачева К.В.* Прекрасные черты (Воспоминания). М.: АСТ, 2009. С.147–149.
5. *Образцов С.* Моя профессия. М.: «Искусство», 1950. С. 232–233.
6. *Пугачева К.В.* Указ соч. С. 149.
7. Алексеев Алексей Григорьевич (1887–1985) – конферансье советской эстрады, руководитель столичных театров оперетты, сатиры.
8. *Алексеев А.Г.* Указ. соч. С. 156.
9. Материалы к биографии Н.В. Алексеевой // АРАН. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 603. Л. 1.
10. Фотографии с посвящениями Н.В. Алексеевой // АРАН. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 610. Л. 5.
11. Письмо Ю. Виппера Н.В. Алексеевой. 11 августа 1943 г. // АРАН. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 366. Л. 12.
12. Материалы к биографии Н.В. Алексеевой // АРАН. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 603. Л. 51, 53, 54.
13. Культурная жизнь в СССР. 1928–1941. Хроника. М.: Наука, 1976. 816 с. С. 420, 448, 475, 503, 504, 551, 556, 618.
14. Материалы к биографии Н.В. Алексеевой // АРАН. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 603. Л. 8–17.
15. Письмо Г.В. Бариновой Н.В. Алексеевой. Январь 1939 г. // АРАН. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 612. Л. 2; Письмо А.И. Парашина Н.В. Алексеевой. 26 января 1939 г. // АРАН. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 620. Л. 1.
16. РГАЛИ. Оп. 1. Д. 20. Письма ЦК и Московского областного совета профсоюза работников искусств, Всероссийского театрального общества, Центрального дома Красной Армии, театров Художественного им. Вахтангова, Революции и др. с просьбой принять участие в концертах; Там же. Д. 59. Репертуар концертов В.Я. Хенкина, утвержденных Главным управлением по контролю за зрелищами и репертуаром; Там же. Д. 76. Программы спектаклей и концертов с участием В.Я. Хенкина в Большом театре, Колонном зале Дома Союзов и др.; Там же. Д. 78. Дневник выступлений В.Я. Хенкина в клубах, театрах и концертных залах.
17. В личном фонде В.Я. Хенкина (Ф. 2019), хранящемся в Российском государственном архиве литературы и искусства, письма Н.В. Алексеевой В.Я. Хенкину отсутствуют.
18. Очевидно имелась в виду постановка к 20-летию Октябрьской революции, пьеса В.В. Шкваркина «Весенний смотр», 1937 г., (в первой редакции «Ночной смотр, 1936 г.), о воспитании молодого поколения, где В.Я. Хенкин исполнял роль старика, поэта Василия Максимовича. Это произведение стало самым светлым, одухотворенным лирикой и молодостью комедией автора. См.: *Шкваркин В.В.* Весенний смотр [Текст]. Комедия в 3-х актах, 5 карт. М.: «Искусство», 1938. 86 с.
19. Речь шла о концерте к той же дате.
20. Клуб мастеров искусств, так назывался Центральный дом работников искусств – культурно-просветительское учреждение, объединявшее работников театра, музыки, эстрады, цирка, изобразительного искусства, кино, радио и т.д., основанный в 1930 г., после слияния с Клубом художников в 1935–1937 гг. (Москва. Энциклопедия. М., 1980. С. 244).
21. Цитата из поэмы Ивана Саввича Никитина (1824–1861) «Кулак»: Народом площадь вся покрыта / На море пестрое голов / Громада белая домов / Глядит усталыми очами...
22. Речь шла о Бариновой Галине Всеволодовне (1910–2006) – скрипачке, Лауреате третьего Всесоюзного конкурса скрипачей и виолончелистов, педагоге Московской консерватории, Лауреате Сталинской премии (1949).
23. Дополнительных сведений не выявлено.
24. О ком идет речь, по имеющимся документам, установить не удалось.
25. Клуб актера в Ленинграде – творческий клуб театральных деятелей был открыт по примеру аналогичного клуба в Москве (создан в 1937 г. при ВТО), а также в Казани и других городах для проведения творческих вечеров мастеров сцены, чтения лекций, смотров и конкурсов и т.д. (Театральная энциклопедия. Т. 2. М., 1963. Ст. 475–476).

26. Имеется в виду сын Н.В. Алексеевой Станислав Петрович Пшеничков (1933 г. рожд.), впоследствии журналист, специальный корреспондент по культуре и искусству Советского информационного бюро, редактор Агентства печати «Новости», редактировал книгу известного датского художника-карикатуриста Х. Бидструпа «Что увидел Херлуф Бидstrup в Советском Союзе» (М., 1968), позднее – ведущий редактор журнала «Наука в СССР».
27. Мандрус Борис Яковлевич (1912–?) – аккомпаниатор, концертмейстер, с конца 30-х гг. работал с певицей Екатериной Юровской, затем с Клавдией Шульженко.
28. Белогорская Елизавета Борисовна (?–1941/1942) певица, поэтесса, автор известных романсов «Наш уголок нам никогда не тесен», «В мою скучную жизнь», «Осень, призрачное утро». Выступала на эстраде с исполнением лирических песен, работала с В. Козиным (Савченко Б.А. Кумиры забытой эстрады. М., 1992. С. 151–152).
29. Погодин (Стукалов) Николай Федорович (1900–1962) – известный сценарист и драматург. Заслуженный деятель искусств. Лауреат Сталинской (1941, 1951) и Ленинской (1959) премий.
30. «Джиоконда» – комедия Н.Ф. Погодина. Лирическая линия, намеченная автором в пьесе, была продолжена им в кинокомедии «Кубанские казаки». См.: *Погодин Н.Ф. «Джиоконда»* [Текст]. Лирическая комедия в 3 действиях. М.–Л.: «Искусство», 1940. 120 с.
31. См. примеч. № 25.
32. Volens-nolens (лат.) – волей-неволей.
33. Дворец культуры Промкооперации – один из крупнейших в СССР культурно-просветительских центров, с театральным залом на 2400 мест, кино, концертными и выставочными залами. Здание было расположено на Петроградской стороне в Ленинграде.
34. Пьеса советского комедиографа В.В. Шкваркина (1894–1967), писавшего легкие комедии с музыкальными вставками, обладавшего тонким чувством сценического эффекта, впервые была поставлена в Московском драматическом театре.
35. Алексеева (урожд. Дмитриева-Мамонова) Анна Кирилловна – мать Н.В. Алексеевой (АРАН. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 608. Л. 7).
36. Один из старейших научно-технических музеев мира. Был создан в 1872 г. В Большой аудитории музея, открытой в 1907 г. и вмещавшей свыше 500 зрителей, проводились лекции, диспуты, литературные вечера, конференции выдающихся деятелей науки и культуры.
37. См. прим. № 22.
38. Дом печати – творческий клуб журналистов, был учрежден в 1920 г. в 1938 г. реорганизован в Дом журналистов при ЦК профсоюза работников печати, в 1959 г. передан Союзу журналистов СССР. Здесь проводились всесоюзные и московские семинары, встречи с деятелями науки и культуры и т.д.
39. Датируется по содержанию писем № 3 и № 5.
40. Цитируются строки поэта П.Д. Германа к известному романсу С.Я. Покрасса «Дни за днями катятся», написанного не позднее 1926 г.: Сердце лаской тратится, / Обрывая тоненькую нить, / Пусть туман колыхнется, / Пусть гитара слышится, / Не мешайте мне сегодня жить.
41. Ленгосэстрада – объединение ленинградской государственной эстрады, было организовано в 1930 г., с 1965 г. – реорганизовано в Ленконцерт.
42. Пьеса А. Толстого – острый антифашистский памфлет, впервые была поставлена в Московском театре сатиры. Премьера состоялась 18 марта 1939 г.
43. Толстой Алексей Николаевич (1882/1883–1945) – писатель, общественный деятель, автор пьес, академик АН СССР (1939).
44. В концертной книжке за 1939 – начало 1949 гг. были записаны более 100 концертных выступлений (АРАН. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 619. Л. 14 об.–17 об.).
45. Верди (Verdi) Джузеппе (1813–1901) – всемирно известный итальянский композитор, автор классических опер: «Риголетто» (1851), «Трубадур», «Травиата» (1853), «Дон Карлос» 1867), «Аида» (1870), «Отелло» (1886) и др.

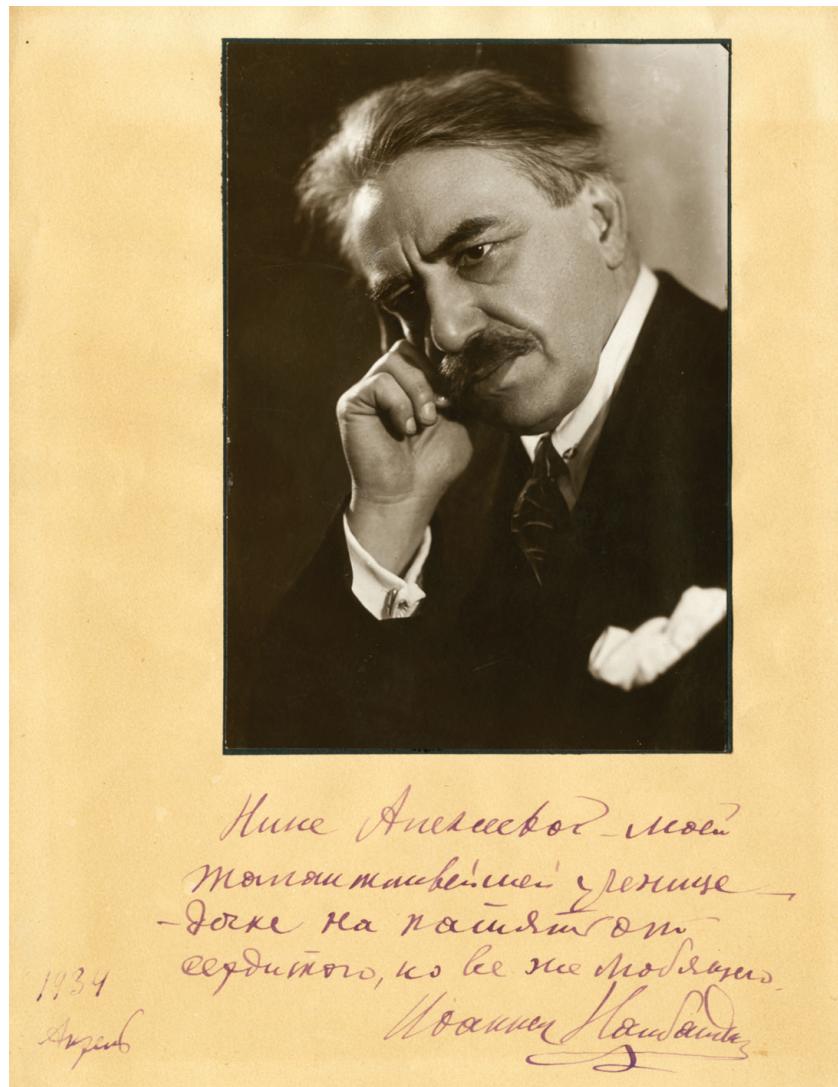
Ил. 1. В.Я. Хенкин. 1930-е гг.

URL: <https://www.kino-teatr.ru/teatr/acter/m/empire/25312/foto/156207/>

Ил. 2. Н.В. Алексеева. Май 1938 г.
АРАН. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 605. Л. 14.

Ил. 3. Н.В. Алексеева на сцене. 1937 г.
АРАН. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 605. Л. 33.

Ил. 4. Портрет профессора Ленинградской консерватории
И.Р. Налбандяна с дарственной надписью Н.В. Алексеевой. 1934 г.
АРАН. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 610. Л. 5.

О.В. Селиванова

**Театральное хобби историка И.Н. Бороздина:
«Смотр театрального искусства народов СССР»**

O. V. Selivanova

**Theatrical hobby of the historian I.N. Borozdin:
«Review of the theater art of the nations of the USSR»**

Аннотация. В статье представлена неопубликованная рукопись историка И.Н. Бороздина «Смотр театрального искусства народов СССР. (Некоторые итоги Олимпиады)». Статья содержит обзор театральных спектаклей, представленных на первой Всесоюзной Олимпиаде театров и искусства, проводившейся в Москве в 1930 г. В статье Бороздин дает не только фактический материал по постановкам отдельных театров, но и оценивает выбранные для показа произведения с идеологической и исторической точки зрения, а также игру актеров, режиссуру и художественное оформление.

Ключевые слова: И.Н. Бороздин, театр, личный архив, первая Всесоюзная Олимпиада театров и искусства, национальные театры.

Abstract. The unpublished article of historian I.N. Borozdin «Review of the theater art of the nations of the USSR. (Some results of the Olympics)» is given. The document contains an overview of theatrical performances presented at the first All-Union Olympiad of Theaters and Art held in Moscow in 1930. The author shows not only factual material on the shows and spectacles of some theaters, but also gives an assessment of the works chosen for display from ideological and historical point of view, the play of actors, directing and decorating.

Keywords: I.N. Borozdin, theatre, personal archival fund, first All-Union Olympiad of Theaters and Art, national theatres.

В России конца XIX – начала XX вв. театральное искусство было неотъемлемой частью духовной и общественной жизни ин-

теллигенции, отражая ее социально-политические и культурные процессы. С одной стороны, это период обогащения театра веяниями современного искусства, рождение МХТ, ознаменовавшее новую театральную эпоху с формированием собственной культурной среды, появление идей гротескового театра-балагана, театра футуристов, формирование реалистического театра, с другой – использование форм старинных театральных представлений, обращение В.Э. Мейерхольда к «традиционному театру», возрождение Старинным театром Н.Н. Евреинова и Н.В. Дризена средневековых пасторалей. В целом театральная жизнь этого периода была чрезвычайно насыщенной. Фактически театр в эти годы стал общественной трибуной, будь то постановка классики или произведений символистов.

Типичным представителем интеллигента-театрала можно назвать историка Илью Николаевича Бороздина¹. См. ил. 1. Любовь к театру еще с детства и юности ему привили мать, Ю.В. Бороздина, двадцать пять лет работавшая воспитателем и учителем истории в Императорском театральном училище при Малом театре См. ил. 2 и профессор Московского университета Н.И. Стороженко. Он был литературоведом и крупнейшим шекспироведом. И в доме матери, и на известных «воскресеньях» Н.И. Стороженко собирались многие представители науки и культуры того времени – историки, литературоведы, писатели, театральные деятели. Для И.Н. Бороздина это было важной культурной школой, о которой он вспоминал на протяжении всей жизни. Ю.В. Бороздина часто брала его на спектакли и репетиции в Малый театр. Все это сформировало серьезное увлечение историка театром; он не только старался при возможности посещать спектакли, но и нередко выступал консультантом различных постановок и писал отзывы и рецензии. Интересны сохранившиеся в архиве И.Н. Бороздина письма от известного в те годы артиста Малого театра В.Ф. Лебедева². Они состояли в переписке долгое время – сохранились письма с 1904 по 1950 гг. См. ил. 3. В.Ф. Лебедев рассказывал о своих творческих планах, гастролях, даже о финансовой стороне выступлений, размышлял о театре в целом. См. ил. 4, 5. Смерть артиста в 1952 г. потрясла

И.Н. Бороздина; в архиве сохранился составленный историком некролог с теплыми словами об ушедшем. Хорошие отношения сложились у И.Н. Бороздина с оперными певцами А.В. Неждановой и Л.В. Собиновым, артистами Е.Д. Турчаниновой и М.Ф. Астанговым (см. ил. 6), режиссером и актером Ю.А. Завадским – учеником Ильи Николаевича по Медведниковской гимназии.

Стоит отметить, что во всех городах, где оказывался И.Н. Бороздин, он активно участвовал в культурной жизни, и не в последнюю очередь, в театральной сфере. В Ашхабаде он вошел в Художественный совет при республиканском отделе культуры, писал рецензии, консультировал актеров и режиссеров. Сохранилось, например, обращение от Управления по делам искусств при Совете Министров ТССР к начальнику Театрального Управления [В.Ф.] Пименову, датированное 1947 г., с просьбой оказать содействие И.Н. Бороздину в ознакомлении с театральными постановками Москвы. Там же упоминается, что Бороздин принимал активное участие в работе Управления по делам искусств и Художественного совета³. В Воронеже Илья Николаевич также с удовольствием посещал театральные представления, однако хотя и сдружился со многими актерами, в целом, по воспоминаниям его жены, П.А. Бороздиной, с театральным обществом отношения близкими не стали⁴. Безусловным и, наверное, самым ярким подтверждением любви к театру был период пребывания историка в ГУЛАГе. Он стал одним из вдохновителей и организаторов драмкружка в Буржелдорлаге, поставившего гоголевскую «Женитьбу» и антифашистскую пьесу Ф. Вольфа⁵ «Профессор Мамлок». Там же он смог помочь Э.Ю. Урусовой⁶ и Е. Ильинской⁷, убедив лагерное начальство, что от изнуренных артисток будет больше пользы в постановках драмкружка, чем на гашении извести. Интересно, что с того времени даже сохранилась фотография Ильи Николаевича среди участников агитколлектива. См. ил. 7.

Как уже отмечалось выше, И.Н. Бороздин нередко писал статьи на тему театрального искусства и отзывы. Вот некоторые из них, отложившиеся в его личном фонде в Архиве РАН: «Культурно-социальное строительство национальных республик и областей

РСФСР» ([1929]), «Корифеи Малого театра» (1945), «Н.И. Стороженко и театр» (1946), «Шекспир и эпоха Возрождения» (1946), «Дворянское гнездо» на сцене театра им. Пушкина» (статья со схемой занятости по картинам и актам в спектакле и сценарии, 1946), «Дядя Ваня» Чехова на сцене театра им. Пушкина» (1948), «В.Ф. Лебедев» (1952)⁸.

С 15 июня по 11 июля 1930 г. в Москве проводился смотр театрального искусства народов СССР – первая Всесоюзная Олимпиада театров и искусства. В ней приняли участие 17 театров, а также музыкальные и хореографические ансамбли. Всего было показано 30 спектаклей и задействовано 1014 человек. Лучшими спектаклями жюри признало «Ламару» и «Анзор» (Театр им. Руставели, Грузия), «Гута» и «Междубурье» (Первый Белорусский театр), «Халима» (Узбекский музыкальный театр), «Овечий источник» и «Глухой» (Государственный еврейский театр БССР), «Плавятся дни» и «Целина» (Ленинградский ТРАМ). Безусловно, И.Н. Бороздин не мог обойти вниманием такое событие; он подготовил обзор Олимпиады, дав краткие характеристики многим постановкам и оценив развитие театрального искусства почти всех представленных республик. Отметив важнейшую роль национальной политики партии в развитии театрального искусства различных народов СССР, Бороздин признавал успехи как старых, дореволюционных театров, так и новых, послеоктябрьских. Безусловным плюсом он считал то, что в репертуаре республиканских театров представлены не только национальные произведения, но и русская, и зарубежная классика. Говоря об успехах национальных театров, И.Н. Бороздин особо подчеркивал роль театрального искусства у мусульманских народов, отмечая, что до революции религия не позволяла ему развиваться в полной мере.

Хотя статья и изобилует характерными для того времени штампами, отметками об идеологической необработанности постановок, представляется сомнительным, что для И.Н. Бороздина это было приспособленчеством к спускаемым свыше установкам. Вероятнее всего, он действительно считал, что революция открыла путь для национальных меньшинств к самоопределению, дала

возможности для культурного роста, в том числе и в сфере искусства⁹. При этом театр как результат синтеза различных видов искусства наиболее ярко отражал эти изменения, несмотря на то, что все больше превращался в эти годы в средство агитации и пропаганды.

По неустановленной причине приводимая статья не была опубликована ранее, хотя в этот период (до первого ареста в 1935 г.) большинство подготовленных работ историка выходило в печати. Кроме того, на полях рукописи карандашом стоит ошибочная датировка, вероятно, рукой П.А. Бороздиной – 1932 г., однако из текста ясно, что он написан по недавним впечатлениям.

Документ публикуется в соответствии с современными правилами орфографии, с сохранением авторских стилистических особенностей. Иллюстративный материал взят из личного архива И.Н. Бороздина. Научно-техническая обработка фонда (Архив РАН, Ф.2181) еще не завершена, поэтому публикация приводится без указания номера описи, дела и листов.

Смотр театрального искусства народов СССР. (Некоторые итоги Олимпиады)

Успех первой всесоюзной Олимпиады театров и искусств народов СССР превзошел все ожидания. Самый факт выступления в столице Союза – Москве целого ряда национальных театров, демонстрировавших свои успехи и достижения на фронте театральной культуры, является лучшим доказательством правильности Ленинского разрешения национального вопроса и национальной политики Советской власти. В самом деле, что можно было говорить о театре у большинства народов, населяющих Союз, всего каких-нибудь пятнадцать лет назад. Бесправным «инородцам», нещадно эксплуатируемым под игом царизма, было не до театров или каких-либо других выявлений культурного строительства. Лишь Октябрьская революция провела красную борозду, ликвидировав постылое прошлое, и взрыхлила почву для созидательного культурного творчества многочисленных и разноязычных народов Советского Союза.

В течение почти месяца, с 15 июня по 11 июля выступили перед трудящимися Москвы 17 театров и 15 музыкальных ансамблей с общим количеством участников в тысячу человек. На разных языках в различных художественных оформлениях и на разных инструментах продемонстрированы были лучшие образцы драматического и музыкального репертуара различных народностей СССР. Этот показ, своего рода генеральный смотр, был и красноречив, и красочен.

В Олимпиаде приняли участие как театры тех народов, которые имеют свою театральную традицию, так и национальные театры, порожденные Октябрем. И те, и другие наглядно засвидетельствовали большой подъем и подлинный энтузиазм театрального творчества в национальном разрезе. При этом сразу надо сказать, что это национальное творчество не имеет ничего общего с шовинистическими и националистическими настроениями, выпячивающими на передний план «исконные» особенности пресловутого «национального гения». Нет, Олимпиада показала, что народы Советского Союза творят культуру национальную по форме и пролетарскую по содержанию. Конечно, не все смогли преодолеть в одинаковой степени узкие национальные рамки. Но даже самые новые театры, только что, можно сказать, родившиеся, включили в свой репертуар не только авторов-националов, но и лучшие драматические произведения иностранных и русских авторов. Разве не характерно, что известная драма Лопе де Вега¹⁰ «Овечий источник»¹¹ была показана до и во время Олимпиады целым рядом театров, и пламенный монолог героини пьесы Луаренсии звучал на грузинском, еврейском и башкирском языках. Одним из лучших спектаклей грузинского театра имени Руставели был переделанный и приспособленный в условиях грузинской сцены «Бронепоезд»¹² Всеволода Иванова¹³ /«Анзор»/, производивший более сильное впечатление, нежели в постановке Московского Художественного театра. Этот известный интернациональный уклон театров отнюдь не знаменует какую-либо подражательность и уход от репертуара национальных писателей. Наоборот, мы видим, что из среды националов выдвинулся ряд драматургов, берущих актуальные и бое-

вые сюжеты современности. Достаточно, напр[имер], упомянуть о пьесе украинского драматурга «Диктатура»¹⁴, трактующей взаимоотношения пролетариата и крестьянства на новом этапе. Наряду со жгучей современностью не забывалось и прошлое, причем здесь преобладали преимущественные мотивы национальной борьбы и национальных протестов против деспотизма господствующих классов и религиозного фанатизма. В этом отношении интересны были постановка башкирским театром исторической пьесы «Кара Гыл»¹⁵, рисующей восстание башкирских трудящихся против царской администрации и прислуживавших ей башкирских богатеев, и демонстрировавшаяся Азербайджанским тюркским театром драма «Невеста огня»¹⁶, уводящая в Средневековье, в эпоху арабского завоевания и характерная своим антирелигиозным уклоном.

В настоящей краткой статье трудно, конечно, охарактеризовать во всех деталях все театры, участвовавшие в Олимпиаде, приходится ограничиваться лишь главнейшими. Как мы уже сказали выше, в соревновании /а Олимпиада была подлинным соревнованием/ приняли участие театры народов, имевших свое театральное прошлое, не говоря уже о русском театре, который был представлен театром имени Вахтангова /Москва/ и Трамом¹⁷ /Ленинград/, и к каковым относятся театры Украины, Белоруссии, Грузии и Армении. Правда, театр сегодняшнего дня этих республик не имеет ничего общего с театральными представлениями давно прошедших времен. Украина показала два своих самых молодых театра; Государственный Краснозаводской театр¹⁸, основанный в 1927 г., специально обслуживает рабочие районы Харькова. На подмостках этого театра шла отмеченная мною пьеса «Диктатура», в общем довольно удачно поставленная. Другим представителем Украины был театр малых форм «Веселый пролетар»¹⁹, в числе своих спектаклей показавший «Выстрел»²⁰ Безыменского²¹, переведенный на украинский язык и поставленный в разрезе клубных передвижных постановок. Большой успех выпал на долю Белорусского Государственного театра²², также возникшего и развернувшегося в послеоктябрьский период. Это – театр с выдержанным революционным репертуаром, хорошим и сплоченным коллективом. Обе постанов-

ки театра, представленные на Олимпиаде, «Гута» /Стеклозавод/ и «Межбурье» /из жизни Красной армии/ показали, что белорусскому театру принадлежит видное место среди театров Союза. Очень удачны были выступления Белорусского Государственного Еврейского театра, руководимого Рафальским²³. Как спектакли, показанные в порядке гастролей до Олимпиады, так и участие в Олимпиаде выявили большую театральную культуру театра, свежесть и оригинальность трактовки, выдающееся художественное оформление /примечательны работы художника Тышлера²⁴/, живую темпераментную игру актеров. Постановка «Овечьего источника», оригинально и остроумно разрешенная, вызвала большой интерес.

В течение лета Москва видела два грузинских театра: первый – государственный имени Руставели и второй – государственный имени Марджанова. К сожалению, второй театр, гастролировавший в начале мая, не смог принять участия в Олимпиаде. Но в виду того, что театр Марджанова занимает видное место в художественной жизни Грузии, нельзя о нем не упомянуть в обзоре успехов и достижений наших национальных театров. Грузинский театр, восходящий своими истоками в далекое прошлое парадных спектаклей, с одной стороны, и публичных народных представлений с другой, влачил довольно жалкое существование во времена русского владычества, преследовавшего все национальное. В состоянии полного кризиса привело театр господство меньшевиков; тут узкий и нетерпимый национализм соперничал с затхлыми и отжившими театральными формами. Советизация Грузии внесла полный перелом в состояние театрального дела; реформатором грузинского театра явился К. Марджанов²⁵, который сначала руководил театром имени Руставели, а затем стал во главе второго государственного театра Грузии. Гастроли Марджановского театра показали очень высокую художественную культуру театра. Особенно следует отметить блестящий спектакль «Уриель Акоста»²⁶, с превосходным составом исполнителей и любопытным художественным оформлением. Принимавший участие в Олимпиаде Первый Государственный театр имени Руставели, руководимый в настоящее время Ахматели²⁷, пользовался большим и заслуженным успе-

хом. Прекрасно сплоченный актерский коллектив, исключительное мастерство в постановке массовых сцен, блестящее и оригинальное оформление художника Гамрекели²⁸ – все это способствовало эффекту обеих олимпиадных спектаклей театра, «Анзор»²⁹ и «Ламара»³⁰. Правда, последняя постановка не вполне выдержана идеологически; определенно дает о себе знать излишнее и нарочитое любование национальным сюжетом. В общем же оба грузинских театра могут, по справедливости, занимать первые места среди наших советских театров. Государственный театр Армении, особенно развивавшийся в советский период, дал любопытные постановки как классиков армянского театра /Сундукьянц³¹/, его известная бытовая комедия «Пепо»³² /, так и современных пьес, приуроченных к моментам дня /очень интересно прозвучала «Ярость» в армянском переводе и соответствующей переделке/. И режиссура, и актерский состав театра показали себя на должной высоте.

Но если велика роль театров в Советском Союзе вообще, то особенное значение приобретает он для тюркских народов СССР. Если говорить о революционном значении театра, то именно среди тюркских народов СССР, находившихся под мертвящим влиянием ислама, театр стал могучим рычагом революции. Недаром основание татарского театра связано с революцией 1905 г., когда было положено начало регулярным театральным представлениям, долгое время встречавшим бешеное сопротивление со стороны мулл и их благочестивых приспешников. Но преграды были сломлены, театр был создан, появились драматурги и артисты³³. Татарская женщина сбросила чадру и осмелилась выступить на театральных подмостках. С Октября начинается новая фаза развития татарского театра, когда сценические представления были перенесены в рабочие районы, на фабрики, заводы, на фронты и в казармы. В настоящее время государственный академический татарский театр имеет хорошую труппу, насчитывает ряд постановок, как оригинальных, так и переводных пьес. Наряду с обычными драматическими произведениями у татар, как и у других тюркских народов, популярны музыкальные представления, обильно уснащенные пением и танцами. Казанский театр

показал на Олимпиаде как драму из эпохи гражданской войны «Огненное кольцо»³⁴ /пьеса эта оказалась не на высоте, беспомощная подражательность в сюжете соединилась с банальным внешним оформлением/, так и музыкальное представление «Иль»³⁵. Татарский театр демонстрировал также на Олимпиаде и оперу «Эшче»³⁶ из рабочей жизни. Эта опера, вторая татарская опера /первая была «Сания»³⁷, поставленная в 1925 г., написана на сюжет популярной поэмы татарского писателя Гафура³⁸, и в этой опере, как и в «Сания», оформлены в оперной композиции /во многом еще не совершенной, татарские и башкирские народные мелодии/. Самый сюжет, полный социальной насыщенности, хорошее исполнение заглавной партии народным певцом Башкирии Альмухамедовым³⁹, ряд запоминающихся музыкальных мотивов – все это, несмотря на известную примитивность оперы, создает ей определенный успех.

Тюркский театр в Азербайджане хронологически возник раньше Казанско-татарского. Еще в 1873 г. в Баку состоялся первый тюркский спектакль, когда была сыграна пьеса Ахундова⁴⁰, одного из первых пионеров тюркской драматургии. Особенное развитие театр получил после революции 1905 г., когда выступил ряд драматургов-общественников, в том числе покойный председатель ЦИК СССР Н. Нариманов⁴¹, хорошо известный революционному Востоку. Советизация Азербайджана способствовала дальнейшему росту тюркского театра, значительно пополнившего свои актерские кадры и разнообразно строящему свой репертуар. Наряду с местными драматургами театр пользуется также и переводной драматической литературой, включая классиков. Во время гастролей Азербайджанского театра в Москве был, между прочим, показан «Гамлет» Шекспира в восточном оформлении. Что касается оформления, то, помимо «экзотичности», оно не было и достаточно выдержанным. Из показанных во время Олимпиады спектаклей любопытна была постановка пьесы «Севиль» /тема – борьба тюркской женщины за эмансипацию/; что касается до упомянутой выше «Невесты огня», то здесь слишком погнались за внешней красотой, нередко переходящей в олеографию⁴².

Узбекистан на Олимпиаде был представлен двумя театрами: драматическим и музыкальным. Оба театра – дети революции. До советизации Узбекистан не знал настоящего театра; правда, здесь функционировали различные народные зрелища, кукольный театр, сатирические диалоги и пр[очее]. Драматический театр, начало которого было положено узбекской студией в Москве, находится под известным влиянием театра Вахтангова. Это особенно сказывается на постановке показанной во время гастролей пьесы «Фархад и Ширин»⁴³, поставленной на сюжет знаменитого поэта Неваи⁴⁴; тут выдержан сказочный стиль, введен рассказчик легенд, который в пении и эпическом сказе вводит зрителя в круг сказания Неваи и Кугорча /узбекский кукольный театр/. Если этим спектаклем театр отдает дань легендарному прошлому, то другие спектакли уже отражают современную действительность. Любопытно поставлена музыкальная буффонада «Худжум»⁴⁵, в ярком гротеске изображающая столкновение старых и новых начал в узбекском быту и победу последних. Очень большим успехом пользовался во времена Олимпиады Узбекский музыкальный театр, руководимый народным певцом Кори Якубовым⁴⁶. Этот театр, помимо сценических постановок, дал ряд музыкально-этнографических концертов. Прекрасно подобранный ансамбль исполнителей, как музыкантов с их старинными инструментами, так и певцов и танцовщиц, делал эти выступления в высшей степени интересными. Музыка Узбекистана, хранящая многие исторические пережитки, весьма мелодична; в пении наряду с ходовыми номерами выделялись дуэты, мастерски выполнявшиеся Кори Якубовым и премьершей театра Тамарой Ханум⁴⁷. Тамара Ханум выказала себя первоклассной танцовщицей, изумительно владеющей мимикой и чувством ритма. Целый ряд движений, несмотря на кажущееся однообразие, представляет ряд интересных вариантов. Вместе с Тамарой Ханум очень удачно выступил талантливый узбекский молодежник. Перед узбекским музыкальным театром, при условии его большего приближения к современности в репертуаре, открываются большие перспективы дальнейшего развития.

Из других тюркских театров мы уже упоминали об удачном, идеологически выдержанном и хорошо сыгранном спектакле Башкирского Государственного театра «Кара Гыл». Туркменский театр только выступил на сценическую арену и находится в стадии роста.

Отметим также и самый юный из театров – театр Марийской Автономной области, насчитывающий всего 9 месяцев. Этот театр, специально предназначенный для обслуживания деревни, имеет свои оригинальные пьесы, незамысловатые по содержанию, но разыгранные с подкупающей искренностью и свежестью молодыми исполнителями. Обильно введены были мелодичные марийские песни.

Итак, итоги: можно смело сказать, что первая всесоюзная Олимпиада удалась. Это был подлинный праздник театрального искусства народов СССР. Очень важным моментом было взаимное общение и взаимная учеба театров братских республик Союза. Наряду с достижениями, конечно, отмечались недостатки и всякого рода прорывы. Всенародный показ и общественная критика должны внести нужные коррективы и исправления. Тщательное изучение всего того, что было показано на Олимпиаде, может дать богатый материал при постановке проблемы о дальнейших путях развития национального театра, его большей идеологической и художественной выдержанности.

И. Бороздин.

АРАН. Ф. 2181. Необработанные материалы. Машинопись с правкой.

Примечания

1. Бороздин Илья Николаевич (1883–1959) – историк, археолог, историограф, член Союза советских писателей (1934); окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1907 г. В 1920-е гг. сотрудничал в различных организациях: ГАИМК (с 1920), ВНАВ и журнале «Новый Восток» (1922–1930), Госплане (1924), РАНИОН (1924–1927), Музее восточных культур (1925–1929) и др. Репрессирован в 1935 г. (реабилитирован в 1955). 1943–1948 гг. – проф.

- АГПИ. 1948–1959 гг. – зав. кафедрой всеобщей истории ВГУ. См. подробнее: *Бороздина П.А.* «Думой века измерил...». Жизнь и судьба профессора Ильи Николаевича Бороздина. Воронеж: ВГУ, 2000. 408 с.; *Селиванова О.В.* Илья Николаевич Бороздин // *Московская энциклопедия*. М., 2013. Т. 1: Лица Москвы. Кн. 6. «А–Я». С. 137; *Она же*. Личный архив профессора И.Н. Бороздина: реконструкция биографии // *Материалы международной научно-практической конференции «Документ. Архив. Информационное общество»* (Москва. РГГУ, 26 сентября 2013 г.). М., 2014. С. 484–491.
2. Лебедев Владимир Федорович (1871–1952) – театральный актер, народный артист РСФСР. В 1904 г. поступил в театральную школу при Императорском Малом театре; в труппе с 1904 г. до 1949 г. Известность получил как рассказчик, начав выступать с рассказами основателя жанра И. Горбунова, затем и со своими.
  3. АРАН. Ф. 2181.
  4. *Бороздина П.А.* «Думой века измерил...». С. 134–135.
  5. Фридрих Вольф (1888–1953) – немецкий писатель, драматург, медик, общественный и политический деятель еврейского происхождения. Посол ГДР в Польше. Классик немецкой литературы социалистического реализма, дважды лауреат Национальной премии ГДР.
  6. Урусова Евдокия (Эда) Юрьевна (1908–1996) – советская актриса театра и кино, народная артистка РСФСР (1989). С 1928 г. играла в театре драмы им. Ермоловой. Дважды подвергалась репрессиям (1938, 1949). В 1955 г. после реабилитации вернулась в театр Ермоловой, где сыграла около 200 ролей.
  7. Ильинская Елена Сергеевна – актриса Малого театра, Первого рабочего театра Пролеткульта.
  8. АРАН. Ф. 2181.
  9. С периода работы в журнале «Новый Восток» И.Н. Бороздин активно занимался изучением творчества писателей Советского Востока. Он посетил ряд республик и познакомился с их культурными достижениями. При этом наиболее существенными вопросами он считал взаимодействие и взаимовлияние национальных культур, а также популяризацию достижений республик. Подробнее см.: *Бороздина П.А.* «Думой века измерил...». С. 90–99.
  10. Феликс Лопе де Вега и Карпио (1562–1635) – испанский поэт и прозаик, драматург, ярчайший представитель Золотого века Испании, создатель классической испанской драмы. Автор около 2000 пьес, из которых сохранились 426, и около 3000 сонетов.
  11. «Овечий источник» – историческая драма Лопе де Вега (1614), пове-
ствующая о крестьянском выступлении 1476 г. деревни Фуэнте Овехуна (Овечий ключ) против своего сеньора.
  12. «Бронепоезд 14–69» – пьеса в 4-х действиях, 8 картинах Всеволода Иванова, написанная им в 1927 г. по мотивам одноименной приключенческой повести на революционную тематику.
  13. Иванов Всеволод Вячеславович (1895–1963) – советский писатель и драматург, журналист, военкор. Получил известность благодаря произведениям о борьбе за советскую власть на юге Сибири. Один из авторов книги «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина: История строительства. 1931–1934 гг.». После создания Союза писателей в 1934 г. стал одним из секретарей правления.
  14. «Диктатура» – пьеса украинского писателя И.К. Микитенко (1897–1937) о борьбе за хлеб и сопротивлении кулачества всем начинаниям советской власти.
  15. «Кара Гыл» (Карагол, Карагул) – пьеса по произведению башкирского советского писателя и драматурга Даута Юлтыя, поставленная в 1925 г. Сюжет заимствован из национального фольклора.
  16. «Невеста огня» – историческая трагедия азербайджанского драматурга Джафара Джаббарлы в 18 картинах, написанная в 1927 г. Трагедия посвящена событиям IX в. и борьбе полководца Бабека, возглавившего всенародное освободительное движение против арабско-исламских завоевателей. Впервые поставлена на сцене в 1928 г. в Баку.
  17. ТРАМ – Театр рабочей молодежи в 1920–1930-е гг. Первый ТРАМ появился в Ленинграде (1925–1936) на основе самодеятельного театрального коллектива Дома коммунистического воспитания молодежи им. Глерона М.В. Соколовским, ставшим его руководителем и режиссером. Театр приобрел популярность как образец пролетарского искусства, деятельность его была связана с активистами комсомола и агитработой.
  18. Краснотавровский театр – украинский драматический театр. Инициаторами создания в 1927 г. были драматург Я.А. Мамонтов и актер, режиссер В.С. Васильке. Коллектив был создан из участников Харьковского Народного театра. Режиссером сначала стал А.Л. Загаров, с 1928 г. – Васильке. Большинство спектаклей были масштабными и показывали жизнь Советов в первые годы. В 1933 г. театр перевели из Харькова в Донецк, и он стал называться Донецкий украинский драматический театр.
  19. «Веселый пролетарий» («Веселый пролетар») – украинский театр малых форм, существовавший в Харькове в 1927–1933 гг. Художественный руководитель – Я. Бортник.

20. «Выстрел» – сатирическая комедия в стихах А.И. Безыменского (1929 г.). И.В. Сталин называл «Выстрел» образцом «революционного пролетарского искусства для настоящего времени».
21. Безыменский Александр Ильич (1898–1973) – поэт, журналист и переводчик. Во время советско-финской войны и Великой Отечественной войны был на фронте в качестве специального корреспондента газет «За честь Родины» и «Во славу родины». Один из основателей литературных групп «Молодая гвардия» и «Октябрь».
22. Автор имеет в виду Первый Белорусский государственный драматический театр (1-й БГДТ) (сейчас Белорусский театр им. Янки Купалы), образованный в 1920 г. в Минске. Художественный руководитель – Е.А. Мирович.
23. Рафальский Мойше-Арно (Михаил Федорович; 1889–1937) – еврейский советский театральный режиссер, актер и педагог. Был одним из создателей первого на Украине еврейского театра «Наш уголок» в Харькове (1918); с этим театром переехал в Витебск, затем в Минск. В 1926 г. основал в Минске Белорусский государственный еврейский театр (БелГОСЕТ). Репрессирован, погиб в заключении, посмертно реабилитирован.
24. Тышлер Александр Григорьевич (1898–1980) – график и театральный художник, скульптор, заслуженный деятель искусств УзССР. Занимался художественным оформлением спектаклей БелГОСЕТа, Московского еврейского театра, Ленинградского БДТ, Московского театра драмы и комедии и др.
25. Марджанишвили Константин Александрович (1872–1933) – режиссер театра и кино, основоположник грузинского театра, Народный артист Грузинской ССР. С 1897 г. по 1922 г. служил в русских театрах, стал режиссером. В 1922 г. вернулся в Грузию и фактически создал грузинский театр. До 1928 г. работал в театре им. Руставели, затем ушел и создал новый театр в Кутаиси, получивший название 2-го Государственного театра Грузии.
26. «Уриэль Акроста» – историческая трагедия в 5 действиях Карла Фердинанда Гуцкова, его наиболее известное произведение. Пьеса написана в 1846 г.; на сцене показана в том же году в Дрезденском придворном театре. Спектакль имел большой успех; пьеса вошла в репертуар немецкого театра, была переведена на многие европейские языки. На русской сцене впервые была поставлена в сезоне 1875–1876 гг.
27. Ахметели Александр (Сандро) Васильевич (1886–1937) – театральный критик, режиссер, народный артист Грузинской ССР (1933 г.). С 1924 по 1935 гг. – главный режиссер театра им. Шота Руставели, сто-

ронник героико-романтического направления. В 1936 г. арестован как враг народа, в 1937 г. расстрелян.

28. Гамрекели Ираклий Ильич (1894–1943) – художник, заслуженный деятель искусств Грузинской ССР (1934 г.). С 1922 г. работал в Тбилисском театре им. Шота Руставели, оформив более 50 спектаклей. Также работал в театрах Москвы, Ленинграда, Киева, Саратова, Баку. Награжден орденом «Знак Почета» (1936 г.).
29. «Анзор» – пьеса Вс. Иванова «Бронепоезд 14-69», адаптированная С. Шаншиашвили к грузинским реалиям. Поставлена в 1928 г. в театре им. Руставели С. Ахметели и А. Васадзе.
30. «Ламара» – пьеса Г. Робакидзе, поставленная в 1928 г. С. Ахметели в театре им. Руставели. На ее показе в июне 1930 г. в Москве присутствовал И. Сталин; спектакль по просьбам зрителей, в том числе иностранных журналистов, показали повторно. Однако вскоре «Ламара» была запрещена, так как автор эмигрировал в Германию.
31. Сундукянц (Сундукян) Габриэл Мкртичевич (1825–1912) – писатель, драматург. Оказал важное влияние на развитие национального армянского театра. В 1879–1882 гг. был одним из руководителей Тифлисского армянского театра.
32. «Пэпо. Комедия в трех действиях» – опубликованная в 1870 г. комедия (как назвал ее сам автор) Г.М. Сундукянца, по сути социальная драма. Автор в этом произведении впервые внес психологический анализ в армянскую драматургию.
33. В конце 1918 г. была открыта первая национальная советская драматическая студия, а в 1922 г. – театральный техникум, который стал готовить профессиональных артистов для татарской сцены.
34. «Утлы божра» («Огненное кольцо») – драма Г. Уральского, поставленная в 1929 г. в Татарском государственном академическом драматическом театре режиссером С.Я. Валеевым-Сульвой.
35. «Ил» («Родина») – музыкальная драма К.Г. Тинчурина (1928 г.), поставленная в 1929 г. в Татарском государственном академическом театре З.Г. Султановым.
36. «Эшче» («Рабочий») – опера в пяти действиях Г.С. Альмухамедова, В.И. Виноградова, С.Х. Габаши режиссера-постановщика С.Я. Валеева-Сульвы, либретто М. Гафури по его одноименной поэме. Премьера состоялась в феврале 1930 г. в ТГАТ.
37. «Сания» – первая опера на татарском языке о любви простой крестьянской девушки Сании и джигита Зии, написанная совместно композиторами Султаном Габаши, Газизом Альмухамедовым и Василием Виноградовым в 1925 г. на либретто татарского писателя Фатиха Амирхана.

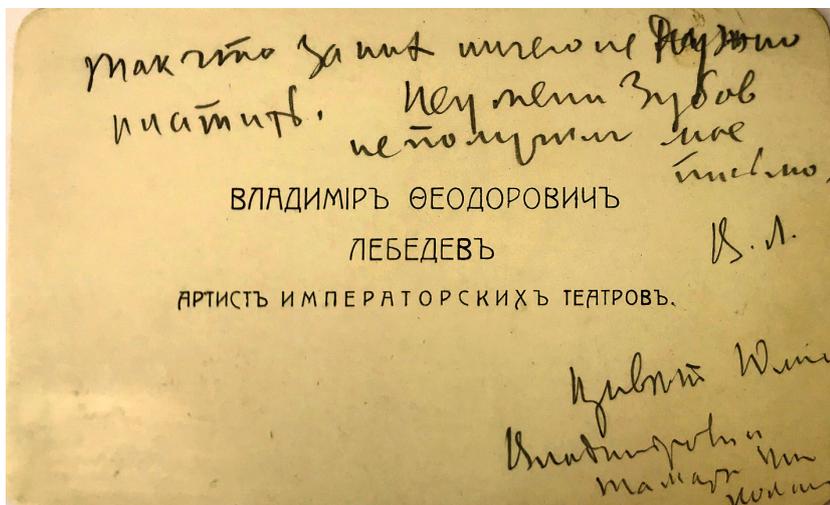
38. Мажит Гафури (Габдельмажит Нурганиевич Гафуров, 1880–1934) – татарский и башкирский писатель, журналист, фольклорист, драматург, народный поэт Башкирской АССР (1923), классик башкирской и татарской литературы. Оказал существенное влияние на развитие башкирской литературы.
39. Альмухаметов Газиз Салихович (1895–1938) – певец и композитор, музыкально-общественный деятель. Первым из певцов удостоился звания «Народный артист Башкирской АССР» (1929). Был одним из организаторов Башкирской студии при Московской консерватории и Башкирской филармонии. Репрессирован как «башкирский националист» в 1937 г., расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.
40. Ахундов (Ахунзаде) Мирза Фатали (1812–1878) – азербайджанский писатель-просветитель, поэт, философ-материалист и общественный деятель; зачинатель азербайджанской драматургии и литературной критики, считается «мусульманским Мольером». Его деятельность оказала значительное влияние на иранских просветителей. Ахундов также был одним из предшественников иранского национализма.
41. Нариманов Нариман Кербалай Наджаф оглы (1870–1925) – государственный деятель, писатель. В 1920 г. – председатель Азербайджанского ревкома. С 1922 г. – председатель Союзного Совета ЗСФСР, затем один из председателей ЦИК СССР. Член советской делегации на Генуэзской международной конференции. Занимался писательским трудом: «Бахадур и Сона» (1896–1900), «Надиршах» (1899), «Пир» (1913) и т.д.
42. Скорее всего, в данном случае автор употребляет слово «олеография» в значении красочной картины грубой работы.
43. «Фархад и Ширин» – одна из пяти эпических поэм «Пятерицы» поэта А. Навои: дидактическая «Смятение праведных» (1483) и сюжетные героические (дастаны) «Лейли и Меджнун» (1484), «Фархад и Ширин» (1484), «Семь планет» (1484), «Стена Искандера» (1485). «Пятерица» – это «ответ» на «Пятерицы» Низами Гянджеви и Амира Хосрова Дехлеви.
44. Автор имеет в виду Алишера Навои (Низомиддин Мир Алишер) (1441–1501) – государственного деятеля тимуридского Хорасана, тюркского поэта, суфия. Большинство произведений он создал на чагатайском языке под псевдонимом Навои; под псевдонимом Фани – на персидском. Его творчество оказало огромное влияние на развитие тюркоязычной литературы, а также литературы на узбекском и уйгурском языках.
45. «Худжум» («Наступление») – буффонада в 5-ти картинах режиссера М. Уйгура (1928), посвященная раскрепощению женщин и их движению за свои права после Октябрьской революции.
46. Мухитдин Кари-Якубов (1896–1957) – певец (баритон), театральный деятель, один из основателей и худрук Узбекского музыкального театра (1926). Первый из народных певцов Туркестана, народный артист Узбекской ССР (1936). Исполнял узбекские народные песни на Всемирной выставке в Париже и «Шуберт-холле» в Берлине. Участвовал в организации музыкальных театров Ташкента, Андижана и Коканда.
47. Ханум Тамара (настоящее имя – Тамара Артемовна Петросян; 1906–1991) – танцовщица, певица, балетмейстер, балетный педагог. Народная артистка СССР (1956), лауреат Сталинской премии II степени (1941). В 1929–1934 гг. – солистка и одна из организаторов Узбекского музыкально-драматического театра. В 1941–1969 гг. – организатор, художественный руководитель, и солистка музыкального ансамбля Узбекской филармонии. Супруга Кари-Якубова.

Ил. 1. И.Н. Бороздин. [1917 г.]. АРАН. Ф. 2181.

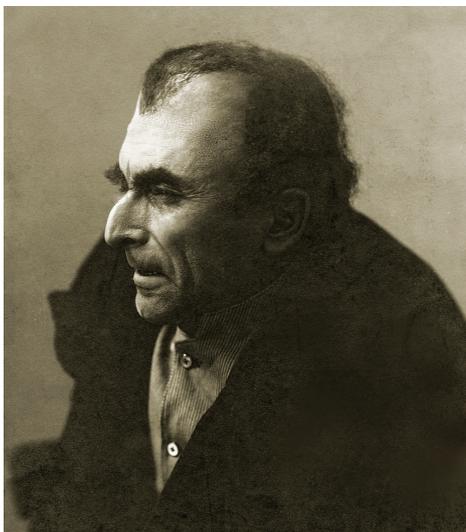
Ил. 2. Ю.В. Бороздина. 1906 г. АРАН. Ф. 2181.

Ил. 3. Записка В.Ф. Лебедева И.Н. Бороздину. АРАН. Ф. 2181.

Ил. 4. В.Ф. Лебедев и Р.Р. Рейзен в спектакле «Каштелянский мед». [Сезон 1910/1911 гг.]. АРАН. Ф. 2181.

Ил. 5. В.Ф. Лебедев в спектакле «Перед зарею». [1910 г].
АРАН. Ф. 2181.

Ил. 6. М.Ф. Астангов. АРАН. Ф. 2181.

Ил. 7. И.Н. Бороздин среди участников драмкружка в ГУЛАГе.
АРАН. Ф. 2181.

РАЗДЕЛ III

Документальное наследие. Архивная практика

Статьи

**Экспозиция на основе архивных документов в системе
отечественной музейно-выставочной деятельности**

N.V. Litvina

**Exposition on the basis of archival documents in the system
of national Museum and exhibition activity**

Аннотация. В статье предпринята попытка проследить предпосылки возникновения в России архивной экспозиции как самостоятельного жанра. В качестве примера приводится экспозиция, работающая в течение трех лет в Архиве РАН «Прорыв. Наука XX века». Выставка создана при участии сотрудников Архива РАН и студентов-выпускников Московского архитектурного института (МАРХИ). За основу был принят проект Дарьи Свистовой «Пульсация науки на линии времени». Периоды взлетов и падений в истории науки отмечены на ленте времени и укладываются в экспозиционную драматургию общей концепции выставки.

Ключевые слова: выставка, экспозиция, архивный документ, история отечественной науки.

Abstract. The article attempts to trace the background of the emergence in Russia of the archival exposition as an independent genre. As an example, the exposition working for three years in the Archive of RAS «Breakthrough. The science of the twentieth century.» The exhibition was created with the participation of the staff of the RAS Archive and graduate students of the Moscow architectural Institute (MARHI). The basis was the draft Daria Whistling «Ripple science on the line of time.» The periods of UPS and downs in the history of science are marked on the tape of time and fit into the exposition dramaturgy of the General concept of the exhibition.

Keywords: exhibition, exposition, archival document, history of Russian science

Архивы, и в мире, и в нашей стране, экспонируют документы на выставках самого разного рода: от художественных до научно-просветительских, если говорить о жанре, стационарных, передвижных или виртуальных, если речь идет о технологии.

Первенство в экспонировании исторических документов принадлежит Франции. В середине XIX в. на базе Сигиллографического музея¹ по инициативе маркиза Леона де Лаборда началась планомерная работа по выявлению и копированию 1800 документов из фондов Национальных архивов². В 1867 г. этот труд воплотился в экспозиции «Французского музея», где демонстрировалась документальная история от Меровингов до Первой империи, включая подтверждение пожертвования Клотера II аббатству Сен-Дени 625 г., допрос тамплиеров 1307 г., указ об отмене Нантского эдикта 1685 г. и другие исторические документы³.

Как таковые музеи архивов или музеи в архивах – явление в мировом архивном деле не слишком частое. В первую очередь потому, что осознанию значимости архивных фондов, важности постоянной демонстрации исторических документов обществу должна способствовать государственная идеология. Подобный путь развития прошел Музей Национального архива в Вашингтоне⁴. В проект здания Национального архива в 1931 г. было заложено выставочное пространство. Президент Герберт Гувер на церемонии закладки краеугольного камня провозгласил: «Этот храм нашей истории будет одним из самых красивых зданий в Америке, выражением американской души»⁵. Ротонда Национального архива была спроектирована как святилище для хранения трех важнейших документов в истории США – Конституции, Декларации независимости и Билля о правах. Пятнадцать лет переговоров ушло на то, чтобы первые два документа, наконец, торжественно передали из Библиотеки Конгресса в Архив, где затем подлинники были помещены для всеобщего обозрения в специальных герметичных витринах, заполненных инертным газом⁶.

В Российской архивной истории не возникало идеи создания музея, в основу экспозиции которого легли бы исторические документы, хотя обустройство отечественных музеев в XVIII–XIX вв.

сопровождалось собиранием разного рода документов, рукописей и книг. Уже первый провинциальный музей в Иркутске, открытый в 1782 г по инициативе губернатора, формировался одновременно с библиотекой⁷. Наиболее ярким примером этой стратегии развития стал Румянцевский музей (СПб., 1831 г.), а затем Московский публичный Румянцевский музей и библиотека. Венцом плеяды общественных исторических музеев, частных музейных собраний стал Императорский Российский Исторический музей имени Императора Александра III (ныне – ГИМ), открытие которого состоялось в 1883 г. Именно он сыграл роль главного публичного исторического музея страны. И.Е. Забелин, многие годы служивший архивариусом Московской дворцовой конторы, издавший помимо знаменитых исторических трудов комплекс архивных документов⁸, более 20 лет был товарищем директора музея, прекрасным организатором, сформировавшим, в том числе, стратегию пополнения музейных фондов. В 1883 г. он писал: «Покупаем так называемый хлам и в вещах и книгах, рукописных особенно. <...> Берем рукописи, покупаем молитвенники, сборники, в которых списки, каноны, акафисты, молитвы избранным святым и при них иногда записки о домашних делах, о событиях и т.п. Этот хлам избразительно расскажет о чувствах, мыслях народности, о направлении ее умственных интересов. <...> Исторический музей не есть Музей рукописей, невиданных вещей. Он есть собрание памятников, т.е. разных вещей, систематически вводящих зрителя в бытовой порядок миновавшей жизни»⁹. Хотя изначально фонды музея пополнялись документами, основу экспозиций по замыслу создателей составляли вещи.

На выставках и в музейных экспозициях дореволюционной России исторические документы долгое время играли вспомогательную роль. Музеи демонстрировали на экспозициях свои собрания. Профиль разного рода выставок можно понять из названий: «промышленная», «мануфактурная», «археологическая», «этнографическая», «антропологическая», «политехническая» и др.¹⁰. С некоторой натяжкой можно сказать, что в России выставки, демонстрирующие заметное число исторических документов, ор-

ганизовывались с конца XIX в. Например, в каталоге «Выставки археологических коллекций и предметов древностей Пермского края» 1894 г. после перечня 90 археологических территориальных коллекций числится небольшой раздел «Старинные книги, рукописи и фотографии». В этом разделе среди христианских и светских книг и рукописей преимущественно XVIII в. (не более 30 единиц) встречаются «два рукописных свитка XVII в.», атлас, ланд-карта, фотографии и фототипии¹¹. В конце XIX в. роль фотографии как источника исторической информации была вполне осознанной, фотографии в 1890-е гг. значились в фондах самых разных музеев и исследовательских обществ¹². Бурное развитие фотографии неизбежно привело к созданию сначала отдела светописы (1878) при Русском техническом обществе, а затем Русского фотографического общества (1894). Однако самостоятельные фотографические выставки конца XIX в. служили, в первую очередь, демонстрации фотоискусства¹³.

На дореволюционную историю отечественных архивов влияли государственные, в том числе территориальные реорганизации, пожары, войны, деятельность научных обществ и губернских учебных архивных комиссий, а также инициатива и халатность конкретных исполнителей. В результате к началу XX в. так и не была проведена архивная реформа, способная систематизировать около 120 тысяч государственных и общественных архивов страны.

В структуру архивной службы, которая отсчитывает свою историю с 1 июня 1918 г., на сегодня входят 15 федеральных архивов различного профиля, не считая региональных, муниципальных и ведомственных¹⁴. Для того чтобы организовать современную документальную выставку государственного значения, необходима огромная подготовка с участием множества архивных учреждений. Прошедшая в 2018 г. выставка «100 раритетов российской государственности», которая была приурочена к юбилею архивной службы, отразила современную государственную позицию в отношении важнейших документов и вех отечественной истории от Остромирова Евангелия до закона о принятии Крыма в состав РФ. Экспонаты для этой уникальной выставки были предо-

ставлены шестнадцатью архивами, четырьмя музеями и двумя библиотеками. Выставка продлилась менее месяца, что соответствует требованиям обеспечения сохранности подлинных документов.

В отечественном музееведении значительное внимание уделялось смысловому разделению терминов выставка и экспозиция¹⁵. Главным различием можно назвать хронологические рамки существования: краткосрочные/ограниченные для выставки и длительные для долгосрочной/постоянной экспозиции.

Документальная выставка архивных подлинников – физический стресс для документа, сокращающий его жизнь, даже если выставочное оборудование позволяет обеспечить приемлемые условия освещенности, температуры и влажности. Этим обусловлен непродолжительный срок работы любой выставки исторических документов.

Известен целый ряд экспозиций краеведческих музеев, музеев-квартир писателей, ученых, музыкантов, в которых используются подлинные документы¹⁶. Подобное обращение с документами свидетельствует о недостаточной квалификации хранителей фондов (зачастую хранитель, экскурсовод и директор в подобных музеях – один человек), недофинансировании учреждений культуры и науки, не имеющих ни техники, ни средств для производства и экспонирования сканированных копий и муляжей, а также об отсутствии авторитетного экспертного сообщества, способного выявлять подобные случаи и изменять существующую ситуацию.

Теории музейной экспозиционной работы во всех учебниках музееведения и теоретико-методических статьях современных специалистов отводится особое место. Постоянными темами остаются драматургия, системность, доходчивость, архитектурно-художественный образ экспозиции, место в экспозиции экспоната, авторская концепция куратора, темп зрительского восприятия, творческие споры о содержании экспозиции и его дизайнерском воплощении и многое другое. Если в 1990-е гг. именно выставочный дизайн находился в авангарде музейного творчества, то в начале XXI в. музеи осознали, что экспозиционное пространство может использовать те же выигранные принципы, что и выставоч-

ный творческий авангард, включающие помимо архитектурных элементов (фоновые цвета, стеклянные и разнофактурные конструкции, свет, разномасштабные тексты и пр.) максимальное приближение зрителя к экспонату, использование больших и малых форм с учетом психологии восприятия, интерактивные системы, рассчитанные на разные возрастные категории посетителей.

В выставочном зале Архива РАН на протяжении трех лет работает экспозиция «Прорыв. Наука XX века»¹⁷, задуманная и воплощенная научно-творческим коллективом сотрудников Архива РАН, среди которых были архивисты, музеееды, дизайнер музейной группы Архива РАН, совместно с группой студентов-выпускников МАРХИ. Экспозиция формировалась на основе документальных материалов Архива РАН в помещении, выделенном для экспозиционных целей музейной группе архива. Это пространство, прежде служившее торгово-выставочным залом по продаже дверей, содержало веерную архитектурную конструкцию с нишами, делившую зал на пять секторов. Было принято решение использовать конструктивные особенности выставочного зала для хронологического структурирования экспозиции, а в нишах, где прежде располагались образцы дверей, размещать тематические ключевые композиции, содержащие тексты, копии документов, фотографий, иллюстраций и интерактивные элементы.

За основу приняли проект студентки МАРХИ Дарьи Свистовой «Пульсация науки на линии времени», позволяющий за счет повышения и понижения единой для всей экспозиции ленты времени отмечать на хронологической шкале периоды взлетов (научных достижений) и падений (кризисных периодов) в истории науки. Внутренняя структура экспозиции опирается также на этапы руководства Академией наук президентов, академиков В.Л. Комарова, С.И. Вавилова, А.Н. Несмеянова, М.В. Келдыша, А.П. Александрова и Г.И. Марчука.

Д. Свистова предложила размещать в тематических нишах многослойным способом на материалах разной плотности, фактуры и прозрачности (сетка, прозрачный пластик, матовая бумага, дублированная на пенокартон и т.п.) разномасштабные копии

документов, а кроме того ключевые цитаты, схематические карты, интерактивные модели и пр. За счет масштабирования копий архивных документов, у создателей выставки появилась возможность ярче выделять важные исторические факты, создавать образ науки в конкретный период времени, размещать на единице пространства значительный объем информации, зрительно не перегружая экспозицию.

Наряду с общей идеей хронологического развития, в замысле Д. Свистовой присутствовали принципы экспозиционной драматургии¹⁸. Роль вступительной части выполнял биографический раздел, посвященный В.Л. Комарову, его становлению как ученого-биолога, экспедиционным исследованиям и научному вкладу. Заключительный стенд отражал переходный этап в развитии Академии наук на рубеже 1980–1990-х гг. – время президентства в Академии Г.И. Марчука. Помимо вступления и заключения в экспозиции присутствуют кульминационные точки: драматические, связанные с репрессиями ученых, периодом торжества антинаучной идеологии, атомной угрозой человечеству и способами противостояния ей, и позитивные – запуск первого спутника Земли, полет человека в Космос¹⁹. Логика экспозиционного повествования держит зрителя в эмоциональном напряжении, посетитель всматривается и вчитывается в историю отечественной науки, наполняя новыми смыслами широко и малоизвестные страницы истории страны.

В работе над экспозицией принимали участие пятнадцать студентов-архитекторов, каждый из которых работал над несколькими сюжетами. Для всех сюжетов экспозиции кураторы подбирали серию документов и иллюстраций, затем начиналась совместная работа куратора и архитектора, в ходе которой заново прочитывался и переосмысливался конкретный пласт истории науки. Зачастую поиск окончательного визуального решения сюжета экспозиции проходил в спорах, где сталкивался опыт, знания и стереотипы куратора-архивиста и конструктивные дизайнерские предложения, а также экспресс-анализ творчества ученых, проводимые студентом-архитектором. Результатом стала в полном смысле со-

вместная работа, где архивист-исследователь участвовал в создании художественного образа, а художник погружался в биографии ученых и историю отечественной науки.

В работе над созданием архивной экспозиции, музейную теорию пришлось существенно корректировать с учетом архивных особенностей. Основным экспонатом экспозиции, построенной на архивных документах, становится рукописный или печатный текст на бумаге, плоский, зачастую невзрачный объект, прочитать который не всегда легко, зрительно довольно скучный, особенно если учесть, что таких документов экспонируется много. Оживляют архивные экспозиции изобразительные материалы, в первую очередь фотографии, однако далеко не все исторические сюжеты легко проиллюстрировать, особенно когда речь идет об истории науки. Кроме того, посетители архивной экспозиции могут быть разочарованы, узнав, что перед ними копии исторических документов, даже если они зрительно неотличимы.

Подчеркнем, что в работе архивной экспозиции, в сравнении с музейной, возрастает роль проводника-экскурсовода, который не только доносит нюансы содержания и замысла проекта, но комментирует документы, читать которые зрителям может быть сложно.

Таким образом, в XXI в. отечественная музейно-выставочная деятельность приобретает новые интересные формы. Выставка «Прорыв. Наука XX века» в Архиве РАН продемонстрировала перспективу развития в экспонировании архивного документа, когда теоретическая дисциплина (архивоведение) находит точки соприкосновения с одним из видов искусства (архитектура). За прошедшие три года с момента создания выставки эта практика укрепляется и расширяется. Сотрудничество архивистов и студентов-архитекторов имеет огромное значение, т.к. дает возможность молодому поколению познакомиться с архивной работой, с правилами обращения с архивными документами, обогащает их знаниями по истории науки. В свою очередь, творческая молодежь дарит новые идеи, будоражит мысль для создания новых выставочных проектов Архива РАН.

Примечания

1. Сигиллография – от лат. sigillum, печать, синоним – сфрагистика; вспомогательная историческая дисциплина, изучающая печати (матрицы) и их оттиски. Сигиллографическая коллекция включает более 13000 оттисков.
2. Национальные архивы Франции Archives nationales // NAAR. URL: <http://naar.ru/articles/nacionalnyi-arkhiv-francii-Archives-nationales/> (дата обращения: 26.06.2019).
3. Collections du musée // Archives nationales. URL: <http://www.archives-nationales.culture.gouv.fr/web/guest/collections-du-musee;jsessionid> (дата обращения: 26.06.2019).
4. National Archives Museum // National Archives. URL: <https://museum.archives.gov/founding-documents> (дата обращения 26.06.2019).
5. A History of the National Archives Building, Washington, DC // National Archives. URL: <https://www.archives.gov/about/history/building.html> (дата обращения 26.06.2019).
6. The National Archives Building: Temple to our History // URL: <https://artsandculture.google.com/exhibit/the-national-archives-building-temple-to-our-history> (дата обращения 26.06.2019); см. также: The History of the National Archives at College Park // National Archives. URL: <https://www.archives.gov/about/history/college-park> (дата обращения 26.06.2019).
7. История музея // Иркутский областной краеведческий музей. URL: <https://museum-irkutsk.com/history> (дата обращения 26.06.2019).
8. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 1. М., 1884. 746 с.; Ч. 2. М., 1891. 826 с.
9. *Забелин И.Е.* Дневники. Записные книжки. М., 2002. С. 129–130.
10. *Корепанова С.А.* Выставочная деятельность в России в XIX в. (промышленные и научно-промышленные выставки). Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005.
11. Выставка археологических коллекций и предметов древностей Пермского края. Пермь, 1894. С. 77–80.
12. Выставка археологических коллекций и предметов древностей Пермского края. Пермь, 1894. С. 79. См. также: Кино, фото, негативы // Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал» URL: <http://museum-nt.ru/content/exposition/collections> (дата обращения 02.07.2019).
13. Русское техническое общество. Одесское отделение. Выставка по светописю и ее применениям. Одесса, 1890.
14. Портал архивы России. Федеральное архивное агентство // URL: <http://www.rusarchives.ru>
15. Словарь музейных терминов: учеб.-метод. пособие [Электронное издание] / Сост. О.И. Захарова. Красноярск, 2013 // URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/95489392> (дата обращения 26.06.2019).
16. См., например: Кабинет-музей П.Л. Капицы, ИФП РАН // URL: <http://www.kapitza.ras.ru/museum/virtual.htm> (дата обращения 26.06.2019); Музей Нижегородской духовной семинарии // URL: <http://www.nds.nne.ru/muzej/obshchie-svedeniya> (дата обращения 26.06.2019).
17. Экспозиции в Архиве РАН. «Прорыв. Наука XX века» // URL: <http://www.arran.ru/?q=ru/node/692> (дата обращения 26.06.2019).
18. *Майстровская М.* Введение // Музейная экспозиция: теория и практика, искусство экспозиции, новые сценарии и концепции. На пути к музею XXI века. М., 1997. С. 4.
19. Каталог выставки «Прорыв. Наука XX века» // Архив РАН. URL: <http://www.arran.ru/bookreader/publication.php?guid=DAEC8B89-1A0D-466B-8104-24DC87F2F4D1&ida=1&kod=9#page/1/mode/1up> (дата обращения 26.06.2019).

Об этом замечательном деятеле науки написано мало. Впервые его память была увековечена в серийном издании «Материалы к биобиблиографии историков науки и техники»: сотрудниками СПбФ ИИЕТ Б.И. Ивановым и Е.И. Красиковой была составлена биография, которая свелась к очень краткому перечню основных этапов его жизненного пути¹. Позднее Иванов, хорошо знавший и Мандрыку, и его жену, написал более подробную статью². Богатые сведения о биографии ученого имеются в шести очерках-воспоминаниях Мандрыки, которые хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН в фонде его тестя Р.А. Орбели³. Они содержат много деталей из жизни двух поколений семьи Мандрыки, быта советской эпохи, воскрешают забытые имена людей, встречавшихся ему на жизненном пути. Подробное описание перипетий человеческих судеб явилось отражением его воспитания и особенно внимательного отношения к людям, возможной причиной могло быть и то, что в результате несчастного случая он ослеп в раннем возрасте, слепота позволяла ему видеть душой, а не глазами. Эти воспоминания до сих пор не введены в научный оборот.

Данная статья имеет своей целью напомнить о талантливом историке науки, и, опираясь на архивные источники, написать более полную его биографию.

А.П. Мандрыка родился в Москве в весьма известной семье. Его отец Петр Васильевич был военным врачом и лечил многих высокопоставленных лиц (см. ил. 1). По воспоминаниям А.П. Мандрыки «отец был, прежде всего, врачом, хирургом с большой буквы и действительно предан клятве Гиппократова. В любое время отец был готов помочь страждущему, будь то человек высокого социального положения или простой смертный; он помогал больным на своем служебном посту в госпитале и покидая праздничный стол, даже во время летнего отдыха на даче. До конца своих дней он не мыслил жизнь без ножа хирурга в руке <...> тяжелобольных, в первую очередь хирургических, отец вел лично. <...> Он посещал своих пациентов не только днем, но и вечером <...>, со своими пациентами отец был ласков и внимателен, невзирая на чины и звания»⁴.

П.В. Мандрыка родился в Самаре 10 июля 1884 г., окончил гимназию близ Харькова, затем – Харьковский университет (1904–1910). После учебы устроился земским врачом Валуйского уезда Воронежской губернии. Благодаря работе в санитарном поезде и в связи с этим периодическими посещениями Москвы, в 1915 г. он познакомился с будущей женой, Ниной Георгиевной Ванюшиной, барышней утонченной, хорошо знавшей немецкий и французский языки, увлекавшейся поэзией, склонной к сочинительству и немного к рисованию. 12 мая 1917 г. они сыграли свадьбу. Молодые поселились в Москве в доме отца жены в Кривоникольском переулке, здесь будущий ученый прожил свои первые 25 лет.

Довольно скоро в семье появились сыновья, Алексей (22 апреля 1918 г.) и Андрей (28 января 1920 г.). Заботы о детях полностью легли на плечи матери, которая долгое время оставалась домохозяйкой и только в предвоенные годы недолго работала школьной учительницей⁵. В личном архиве Л.Г. Кондратьевой, вдовы геофизика, академика К.Я. Кондратьева, которая была хорошо знакома с дочерью ученого Ольгой, хранится дневник Нины Георгиевны, посвященный ее сыновьям. Он представляет собой общую тетрадь, почти распавшуюся на отдельные листы, ко многим страницам которой приклеены или привязаны тесемками фотографии детей, открытки, «температурные листки», рецепты из аптек, письма детей. Н.Г. Мандрыка начала вести дневник 2 мая 1918 г., назвав его «Алеша и Андрей. 1918, 1919, 1920». См. ил. 2, 3. Дневник представляет собой образец бытового документа, и в этом смысле является уникальным. Последняя запись в дневнике датирована апрелем 1921 г., когда А.П. Мандрыке было всего 4 года: «Алеша любит играть в кубики, читать книги. Он гораздо вспыльчивее и раздражительней Андрюшки. По-французски занимается 40 мин. в день, понимает все, но говорить еще не говорит фразами, но словами иногда – отвечает»⁶. С 1926 г. дети стали изучать и немецкий язык (см. ил. 4).

П.В. Мандрыка редко бывал дома, он был полностью поглощен работой. Воспитание в семье было не совсем обычным: родители, особенно мама, считали, что новая школа сильно усту-

пает прежним гимназиям, поэтому мальчиков первые классы учили дома. В школу Алексей пошел сразу в четвертый класс, а его брат – в третий. С раннего детства, а затем и в студенческие годы, А.П. Мандрыка занимался иностранными языками – французским, немецким и английским, к основным предметам долгие годы брал уроки музыки. Сам А.П. Мандрыка вспоминал, что «был воспитан в строгих правилах и отнюдь неизбалованным <...> родители держали в благосклонной строгости, воспитывая с пеленок», при этом он отмечал, что «обстановка благожелательности в семье отразилась на моем отношении к окружающим меня близким, а позднее, видимо, и к встречавшимся на моем жизненном пути людям»⁷.

В октябре 1922 г. П.В. Мандрыка стал заведующим хирургическим отделением 1-го госпиталя Российского общества Красного Креста. 1 марта 1923 г. – главным врачом госпиталя⁸, который в настоящее время носит название «Центральный военный клинический госпиталь имени П.В. Мандрыка». Там он проработал 20 лет, в 1920–1930-е гг. имел звание дивврача, которое в советское время приравнивалось к генеральскому, был ведущим военным хирургом столицы. В его госпитале лечились Н.М. Тухачевский, С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов, летчик М.М. Громов, генерал Л.В. Тюленев и другие видные военные деятели. В декабре 1935 г., по рекомендации Ворошилова, он был делегирован на Международный съезд хирургов в Каире, а затем осуществил поездку с научными целями по странам Западной Европы⁹. Незадолго до войны по совокупности заслуг он получил степень кандидата медицинских наук. Ему посчастливилось не попасть в жернова репрессий. Переход от жизни в царской России к жизни в советской России прошел для него без ощутимых потерь, ему даже удалось сохранить свои «аристократические» хобби – верховую езду и охоту. На почве последней он близко сошелся с Ворошиловым¹⁰. А.П. Мандрыка не исключал, что отца миновали репрессии именно благодаря дружественным контактам с Ворошиловым с одной стороны, и отсутствия близких связей с Тухачевским – с другой. Частое общение с советской военной верхушкой не мешало осознавать нависшую над семьей опасность, что стало одной из возможных причин перенесенного

им в 1937 г. инфаркта. П.В. Мандрыка остро переживал несправедливость большого террора, он лично обращался к председателю ВЦИК М.И. Калинину с просьбой о помиловании несправедливо репрессированных¹¹. Интересно, что и его сын Алексей, вел в школе довольно независимую линию, и даже отказался стать пионером, заявив, что «мне, мол, некогда»¹².

В 1937 г. А.П. Мандрыка окончил московскую среднюю школу № 10 и поступил в Военно-инженерную воздушную Академию им. Н.Е. Жуковского на факультет авиавооружения. Он не отличался крепким здоровьем, и нельзя исключать протекцию отца при его принятии на военную службу¹³. Среди преподаваемых в Академии дисциплин была баллистика, знание этого предмета в дальнейшем позволило ему заняться историей развития этой технической науки. Летом 1941 г. он был выпущен из Академии досрочно в связи с началом Великой Отечественной войны, получив звание старшего техника-лейтенанта с дипломом инженера-механика по вооружению самолетов (см. ил. 5).

С июля 1941 г. по январь 1946 г. он служил в Военно-воздушных силах Красной армии на различных должностях в Подмосковье: с 6 июля 1941 г. в качестве помощника военного представителя на военном заводе в Кунцево, так как «роль инженера по вооружению авиационной части <...> представлялась неподходящей»¹⁴, а затем старшим инженером-испытателем в Научно-испытательном институте ВВС КА в г. Ногинске. Здесь он некоторое время состоял инженером в баллистической лаборатории. 21 февраля 1945 г. при испытании очередного объекта его тяжело ранило, пострадали лицо и грудь, вскоре он полностью потерял зрение. Ему было всего 27 лет. В январе 1946 г. его уволили в запас в звании инженер-капитана, за время службы в армии был награжден орденом «Красной Звезды» и медалью «За победу над Германией».

Через много лет, будучи маститым ученым, Мандрыка напишет в своих воспоминаниях: «Если в июне 1941 я встретил войну на полигоне, то незадолго до ее окончания там же выбыл из строя... Казалось, что все кончено... Однако именно в новой, темной жизни я нашел себя. Смог войти в строй и работать по призванию»¹⁵.

Потеря зрения не сломила молодого человека и, выйдя в запас, Мандрыка решил изменить свою жизнь и заняться научной работой. В его положении это было довольно рискованно и непросто. За короткое время он смог освоить шрифт Брайля, позволяющий ему читать, писать и даже воспроизводить математическую символику. Одновременно научился печатать слепым методом, используя немецкую машинку для слепых марки «Пихт», а также на обыкновенной машинке. Эти навыки и постоянная помощь секретарей (некоторым из них приходилось тоже приспособливаться и обучаться, чтобы помогать с написанием математических формул) позволили Мандрыке начать новый этап жизни. Первые шаги на новом поприще он сделал в качестве технического переводчика на договорных началах, и в этом помогли знания, полученные еще в детстве благодаря участию матери.

Осенью 1946 г. Мандрыка женился на Русудане Рубеновне Орбели и переехал из Москвы в Ленинград. Но еще ранее, в сентябре 1942 г., судьба свела их родителей: Рубен Абгарович и Ольга Владимировна Орбели были пациентами П.В. Мандрыки. В это время и сам А.П. Мандрыка тоже лечился в госпитале отца¹⁶. Супруги покинули госпиталь только в декабре 1942 г., Р.А. Орбели хоть и стало легче, но он уже был тяжело болен из-за перенесенной в блокадном Ленинграде дистрофии, и умер 8 мая 1943 г., пережив своего лечащего врача ровно на месяц¹⁷ (см. ил. 6).

В октябре 1947 г. Мандрыка поступил в аспирантуру Ленинградского механического института на кафедру баллистики, выдержав на отлично все вступительные экзамены. Во время учебы он получил стипендию им. М.Я. Крупчатникова – крупного советского конструктора-артиллериста, а затем стал и Государственным стипендиатом. Его научным руководителем был профессор Б.Н. Окунев – специалист не только в области баллистики, но и теоретической механики. Мандрыка получил хорошие знания и в этой области. Научные интересы руководителя и аспиранта совпали, и тема диссертации была связана с историей технических наук – механики и баллистики. В апреле 1951 г. Мандрыка защитил кандидатскую диссертацию «Н.В. Маиевский и его роль

в развитии русской артиллерийской науки». После доработки и ряда дополнений рукопись, посвященная не только деятельности Н.В. Маиевского, но и созданной им научной школы баллистиков, была издана в виде книги – «Николай Владимирович Маиевский» (1954). Позднее Мандрыка будет еще не раз обращаться к творчеству некоторых представителей этой школы (Н.А. Забудского, В.А. Пашкевича и др.), но уже в отдельных статьях. Через много лет, в своих воспоминаниях он обратит внимание на символизм в его жизни, т.к. в 1973 г. темой его последнего научного выступления станет доклад, посвященный 150-летию Н.В. Маиевского¹⁸.

Успешно окончив аспирантуру, молодой ученый устроился на работу старшим научным сотрудником в исторический отдел НИИ-1 Академии артиллерийских наук, а затем – в Музей истории артиллерии, инженерных войск и войск связи. В институте он подготовил работу, оформленную в виде машинописного отчета и озаглавленную «Теория вероятностей и ее применение к стрельбе и пристрелке. Исторический очерк». В Музее Мандрыка составил более 200 научных описаний приборов наводки отечественной артиллерии и подготовил несколько исторических справок. Эти материалы (объемом около 10 авторских листов) были использованы затем при создании экспозиции музея.

Однако музейная работа не соответствовала его научному потенциалу, и Мандрыка искал возможность попасть в академическую среду. 1 октября 1954 г. его приняли по конкурсу в Ленинградское отделение ИИЕТ АН СССР¹⁹. Попасть в институт было нелегко. Протекция из московского ИИЕТ не возымела действия, директор отделения Б.В. Федоренко был непреклонен и ходили слухи, будто он заявлял, что «Мандрыка придет к нам лишь через мой труп»²⁰. В этой ситуации помог бывший научный руководитель Окунев, хорошо знакомый с ученым секретарем ИИЕТ А.Т. Григорьяном. В НИИ-1 и Музее он работал на ставке старшего научного сотрудника, однако это было учреждение рангом ниже академического, и ученому предложили ставку младшего научного сотрудника, несмотря на наличие ученой степени и монографии.

В ИИЕТ ему поручили подготовку очерков по истории механики для второго тома «История Академии наук СССР» (XIX – начало XX вв.). Разделы были написаны в соавторстве с академиком В.И. Смирновым и приняты доброжелательно. Однако в первые годы работа в институте не полностью удовлетворяла научным потребностям Мандрыка, ученый вспоминал, что «дважды в неделю являлся на службу. Фактически это было потерянным временем, если не считать дней, когда бывали заседания. Но в присутственные дни я знакомился с коллективом»²¹.

В 1956 г., освоившись в институте, Мандрыка решил выдвинуть новую плановую тему – исследование о баллистических работах Л. Эйлера. В это время Институт готовился к 250-летию со дня рождения Л. Эйлера и тема была принята. В 1956–1957 гг. историк работал над монографией «Баллистические исследования Леонарда Эйлера» (1958), подготовительную работу к которой начал еще в 1952–1954 гг. В итоге вместо шести авторских листов он написал двенадцать и был переведен на должность старшего научного сотрудника, а вскоре стал старшим научным сотрудником и по званию.

Мандрыка, обладавший хорошим чувством юмора и владевший поэтическим слогом, описал свою научную работу в шуточной поэме:

Баллистиком был Эйлер крупным
Писал о нем я года два
И план свой выполнив едва
Закончил все триумфом шумным.
Был новый труд мой обобщен
И к докторской представлен он.
Редактором официально
Был Окунев почти всегда.
Сказать, быть может, и печально
Он не работал – вот беда²².

Мандрыке удалось убедить ленинградское и московское руководство ИИЕТ расширить тему до работы по истории баллистики вообще. Он много выступал с докладами, публиковал статьи.

Следующим его трудом стала «История баллистики до XIX в.», которую он завершил в 1960 г., но увидела свет она только в 1964 г. Как писал сам Мандрыка, «таким образом, с историей баллистики было в принципе покончено. Оставалась правда защита и преломление баллистики в истории развития теории полета ракет. Поэтому в различных проявлениях баллистика выступала в моих работах не только в [19]60-х гг., но и позднее, когда я перешел к изучению истории механики в ее взаимной связи с техникой»²³. Упомянутая автором защита докторской диссертации состоялась 23 января 1967 г.

Подготовка к защите диссертации проходила не очень гладко. В 1964 г. он намеревался защищаться в Военно-механическом институте, но работа была отклонена как историческая²⁴. В Военно-воздушной академии ему отказали, указав на отсутствие авиационной темы в диссертации²⁵. Весной 1965 г. он получил согласие на рассмотрение работы в Военно-инженерной академии в Москве, но неожиданно в июне 1966 г. от него потребовали для успешной защиты около полутора десятков отзывов²⁶. В то время вопросами баллистики интересовались мало, и для получения такого количества отзывов пришлось задействовать все связи, привлечь коллег из разных городов. Защита прошла успешно. В монографии (1964), которая легла затем в основу диссертации, ученый осветил развитие баллистики «в ее взаимосвязи не только с прогрессом материальной части артиллерии, но и во взаимосвязи с теоретической механикой, математикой, физикой и химией, т.к. для внутренней баллистики необходимо было знать и процесс эволюции состава пороха <...>. Монография должна была носить не только историко-научный, но и методологический характер»²⁷. После защиты последовал ряд мелких неурядиц: его диссертационные документы послали не по тому адресу, и в Комиссию они поступили с большим опозданием, а в полученном им в феврале 1968 г. дипломе значилась фамилия Мандрык²⁸.

С 1961 г. он переключился на новую тему – теория полета ракет в историческом аспекте. И здесь ему пришлось ощутить на себе всю мощь пропагандистской работы советской науки. Первая

попытка выступить с докладом о том, что английский математик У. Мур (William Mooge) еще в начале XIX в. предвосхитил расчеты К.Э. Циолковского, была остановлена полетом Ю.А. Гагарина в космос, после этого невозможно было и думать о том, что малоизвестный англичанин опередил СССР. В воспоминаниях ученый писал: «По начальному периоду развития теории полета ракет у меня были разработаны достаточно оригинальные вопросы. Один из них относился к пониманию учеными и артиллеристами XVI–XVIII вв. природы реактивной силы и отдачи ствола орудия. В другой статье излагалась теория полета ракет, созданная У. Муром в 1810–1812 гг. Содержание первой работы было доложено на Ученом совете Ленинградского отделения и на секции истории математики и механики, которую возглавлял Н.Н. Поляхов²⁹. Содержание же работы Мура было мною первоначально оформлено в виде статьи. Она попала в руки Космодемьянского³⁰, который не оставил в ней камня на камне: как можно говорить о пионерских работах какого-то англичанина Мура, если у нас есть Циолковский! К этому сводилось содержание его критических замечаний³¹. Одновременно я воевал за то, чтобы в нашем полупериодическом издании “Вопросы истории естествознания и техники” была помещена моя статья об исследованиях начала 30-х гг. П.Д. Львовского по теории полета ракет, которая вышла в 1965 г., но уже после кончины ее автора. Статьи же о Муре так и не дали хода, несмотря на то, что она получила положительный отзыв академика А.А. Благоднарова»³².

Трудности продолжались и при обсуждении уже готовой монографии, все также вызывая нападки раздел о У. Муре, несмотря на то, что ученый его значительно переработал. Спустя время, он осознал, что «еще подлил масла в огонь тем, что акцентировал внимание читателей на слабой механико-математической подготовке Циолковского, что проявилось и в его теории полета ракет. И не догадался обратить внимание на плодотворность его идей в завоевании космоса посредством реактивных летательных аппаратов»³³. В 1964 г., после очередного резко критического заседания, было решено книгу коренным образом изменить. Мандрыка решил взять паузу и принялся за новую тему. Ее первоначальное

название – «Аэродинамические и баллистические основы ракетодинамики».

25 января 1967 г. во главе Ленинградского отделения ИИЕТ встал Ю.С. Мелешенко и его приход, по мнению Мандрыки, резко изменил жизнь отделения в лучшую сторону. Мандрыку перевели в созданную директором Группу истории и методологии технических наук (до этого он числился в Московском секторе Современной научно-технической революции)³⁴. Поставив крест на «Теории движения ракет», он стал активно заниматься новой темой, которая в итоге получила название «Генезис современной ракетодинамики». Однако его не покидало ощущение, что и эта работа не будет утверждена к печати в ИИЕТ в Москве, где у него уже была «испорчена репутация». Но, с приходом Мелешенко, отпала необходимость утверждать работы в головном институте. В Совете Ленинградского отделения в 1967 г. монография была принята весьма доброжелательно, рекомендована к печати и увидела свет в 1971 г. Перед читателями открывалась история возникновения ракетодинамики «не в одном лишь традиционном аспекте развития механики точки и тела переменной массы. Акцент делался на преемственных связях между внешней баллистикой и ракетодинамикой в плане применения ранее созданных методов, например, вычисления траектории по дугам, использования метода конечных разностей и т.п.»³⁵.

Ученый смог вернуться к теме, которую уже неоднократно хотел сделать своей плановой работой, и которая затрагивала область интересов его руководителя Мелешенко – «Эволюция механики в ее взаимосвязи с техникой». Тема была утверждена на семь лет³⁶. Работа над монографией в итоге продлилась восемь лет. К середине 1969 г. Мандрыка завершил первую часть под заглавием «Эволюция механики в ее взаимосвязи с техникой», и опубликовал ее в 1972 г. Кроме этого, ученый успел напечатать ряд статей, сделать несколько докладов по этой теме³⁷. В связи с тем, что Мандрыка закончил работу над темой только в 1974 г. и не успел подать в издательство две части своего труда одновременно, название второго тома пришлось менять на «Взаимосвязь механики и техники». Он

был опубликован через год после завершения. Совет Ленинградского отделения оставил во второй книге страницы, посвященные достижениям У. Мура по теории полета ракет, Мандрыка писал: «Мой неизменный редактор Т.И. Сушкова на это пошла, не усмотрев в помещенном мной материале никакого криминала. Наш Совет это тоже допустил, что в Москве бы не прошло <...>. Книга <...> увидела свет, <...> пройдя весь издательский путь менее чем за один год»³⁸.

Историк науки Б.И. Иванов³⁹, отмечал, что «в этих работах развитие механики исследовалось не только в плане ее связи с техникой. Этот процесс давался на фоне развития социальных условий, эволюции организационных форм науки и развития технической школы. Освещалась реальная физико-математическая и техническая подготовка инженеров и механиков-теоретиков, т.е. творцов техники и механики»⁴⁰. Сам ученый оценивал конец 1960-х – середину 1970-х гг. как наиболее плодотворный период своего творчества: «Кроме научной зрелости, к которой я пришел, благодаря предшествовавшим исследованиям, несомненную роль сыграл общий подъем моей научно-исследовательской работы, обусловленный контактами с Мелешенко и тесным сотрудничеством с коллективом – сотрудниками группы истории и методологии технических наук»⁴¹. Ученый с особой теплотой вспоминал коллектив группы, где всех спланивал ее глава Мелешенко: «Не проходило ни одного заседания, в котором он не принимал бы самого живого участия. Они же проводились регулярно. Как мы, и, в частности я, их ждали! <...> Нас привлекало не только то, что на этих собраниях рассматривалось, но и сам Юрий Сергеевич. Заседания всегда носили деловой характер и отличались лаконичностью выступлений»⁴².

Статус Мандрыки в институте сильно вырос. С 1965 по 1975 г. он входил в состав Ученого совета Ленинградского отделения, с 1971 г. стал членом комиссий по приему кандидатских экзаменов⁴³. К сожалению, все это происходило на фоне резкого ухудшения здоровья, большую часть 1973 г. Мандрыка провел в больницах и санаториях, и следующие два года редко посещал Институт⁴⁴.

В 1975 г. в Ленинградском отделении заговорили о создании нового Института социально-экономических проблем (ИСЭП), «в новый институт должны были войти сектора института философии, кафедра философии, которая принимала кандидатские экзамены, вычислительный центр института математики и некоторые другие учреждения. Многие понимали, что ничего хорошего в <...> ИСЭП они не получат и спасались, кто как мог. Сектор истории Академии наук и научных учреждений не должны были затронуть. Группа же истории и методологии технических наук и сектор социологии переходили целиком, как мне представлялось, в ИСЭП <...> от Отделения остались рожки да ножки... Все <...> отныне именовалось Ленинградским сектором Института истории естествознания и техники АН СССР <...> Мы снова попали под владычество Москвы, естественно, лишены Ученого совета, а, следовательно, и прав проводить переаттестацию сотрудников»⁴⁵. Мандрыка чувствовал себя все хуже, не мог работать по 8 часов в день, возникли проблемы с помощницами⁴⁶. Последним публичным мероприятием Мандрыки стала 30-летняя годовщина Победы, где он смог поделиться своими воспоминаниями, это было 6 мая 1975 г.⁴⁷.

После реформирования института Мандрыка, как сотрудник сектора истории Академии наук и научных учреждений, взялся за новую тему «Гидромеханика в Петербурге в конце XIX и в начале XX вв.», но вскоре понял, что здоровье не позволит ему завершить столь масштабную работу. Рамки исследования пришлось сузить до изучения работы «аэродинамических лабораторий Петербурга, при том, что в отыскании архивных документов мне помогала Лена – дочь сотрудницы нашей библиотеки <...> Примерно в середине 1976 г. рукопись была готова и представлена в сектор. Она попала и в руки Б.И. Козлова⁴⁸, который повел среди сотрудников разговор о том, что работа, якобы, сырая, и в таком виде к печати ее представлять нельзя. Особенно ему пришлось не по вкусу первая глава, где говорилось о соотношении фундаментального и прикладного в аэродинамике. С этим он и пришел ко мне вместе с Борисом Ильичом Ивановым⁴⁹. Разговор носил мирный характер, и

я, во избежание возможных нареканий, изъясил в упомянутой главе анализ прикладного и фундаментального. Однако в полном виде глава была опубликована в наших «Вопросах...»⁵⁰. Рукопись, несмотря на ряд замечаний Космодемьянского и Григорьяна, получила одобрение Ученого совета в Москве и увидела свет в 1978 г. под названием «Аэромеханические лаборатории Петербурга». Иванов отмечал, что в этой монографии, посвященной вопросам истории организации науки, были также затронуты и проблемы методологического плана, «кроме нового фактического материала по организации и функционированию лабораторий в дореволюционные годы в книге освещаются и другие вопросы, как то, специфика аэромеханических научно-экспериментальных центров Москвы и Петербурга, характер проводимых там исследований, различие научного потенциала работавших в Москве и Петербурге ученых и т.п.»⁵¹.

Не имея уже возможности часто посещать Институт, Мандрыка в конце 1970-х гг. начал изучать новую тему, связанную с техническими науками механического цикла, и успел написать несколько разделов новой монографии⁵². В 1978 г. в Отделении возобновила работу Группа по истории и методологии технических наук, но теперь уже во главе с Козловым, к которому Мандрыка не испытывал доверия. Однако он согласился вступить в группу, «памятуя то, как дружно работал аналогичный коллектив при Мелешенко <...>. Несколько раз товарищи из нового микроколлектива собирались у меня. В основном шло разглагольствование о предметах весьма отдаленных от реальности. В частности, о работе по составлению программы исследований, на что ушло более года. Затем посещения носили совсем формальный характер. Во всяком случае, никогда у меня не собирались для обсуждения работ, в том числе и моих»⁵³.

В 1984 г. увидела свет последняя монография Мандрыки «Очерки развития технических наук: Механический цикл». В ней ученый постарался выявить «специфику становления ряда дисциплин, входящих в одну из групп технических наук, в самостоятельные области знания»⁵⁴.

Он еще строил научные планы и, возможно, мог бы часть из них реализовать, но в 1985 г. умерла его жена и главная опора в

жизни и в науке, это стало для него сильным ударом. Мандрыка пережил супругу всего на год и умер 30 июля 1986 г. Ученый остался в памяти коллег как отзывчивый человек, вдумчивый собеседник и слушатель, не теряющий внутреннего самообладания. Известный историк науки Э.И. Колчинский, коллега Мандрыки по Ленинградскому отделению ИИЕТ, по праву назвал его «легендарной личностью»⁵⁵.

Многочисленные труды Мандрыки вошли в научный оборот при его жизни. Для историков науки ученый оставил своеобразный и ценный «подарок» – неизданные воспоминания, ярко освещающие как его собственный творческий путь, так и жизнь его коллег, нормы и ценности научного сообщества того времени, деятельность в Ленинградском отделении ИИЕТ, а также быт поколения его родителей.

Примечания

1. Алексей Петрович Мандрыка / Сост. Б.И. Иванов, Е.И. Красикова. Авт. вступ. ст. Б.И. Иванов. СПб.: Нестор-История, 2009. 20 с. (Материалы к биобиблиографии историков науки и техники. Вып. 10).
2. *Иванов Б.И.* Алексей Петрович Мандрыка // Социология науки и технологий. 2013. Т. 4. № 3. С. 48–56.
3. Документы были переданы в архив Санкт-Петербургского филиала Архива РАН О.А. Мандрыка в составе документов семьи Рубена Абгаровича Орбели (Ф. 1104). В фонде отложилось 5 дел с воспоминаниями ее отца: Д. 522 «История моей жизни. Воспоминания» (машинопись с авторской правкой, 295 листов) – повествует об истории семьи с XVI в. до июня 1941 г., о соратниках и знакомых П.В. Мандрыки, очень подробно о школьных годах и друзьях детства и юношества; Д. 523 «История моей жизни» (машинопись, 206 листов) – о детстве, родственниках, знакомых семьи (до начала 1950-х гг.); Д. 524 «История моей жизни» (машинопись, 419 листов) – продолжение повествования предыдущего дела, с 1954 г. по 1978 г., представляет интерес для историков науки, т.к. дает много интересной информации о научной деятельности ученого, работе ИИЕТ в Москве и Ленинградском отделении, сотрудниках института, также изобилует рассказами о друзьях и родственниках, случайных людях, встречаемых в санаториях и больницах; Д. 525 «Дорога к светлой темноте. Воспоминания» (машинопись, 21 лист); Д. 526 «В

- тылу. Воспоминания очевидца» (машинопись, 19 листов) – лаконичное повествование о работе в тылу на благо Красной армии; Д. 527 «Див-врач Петр Васильевич Мандрыка (воспоминания старшего сына)» (машинопись, 86 листов) – рассказ о судьбе отца, частично повторяющий дело 522, но более подробно описано окружение окружение дивврача.
4. История моей жизни. Воспоминания // СПбФ АРАН. Ф. 1104. Оп. 1. Д. 522. Л. 78, 86–87.
  5. *Иванов Б.И.* Алексей Петрович Мандрыка // Социология науки и технологий. 2013. Т. 4. № 3. С. 49.
  6. «Алеша и Андрей. 1918, 1919, 1920» (Дневник Н.Г. Мандрыки). С. 69 (Из личного архива Л.Г. Кондратьевой).
  7. История моей жизни. Воспоминания // СПбФ АРАН. Ф. 1104. Оп. 1. Д. 522. Л. 25.
  8. Там же. Л. 78–79.
  9. Там же. Л. 202.
  10. Там же. Л. 88–90.
  11. Там же. Л. 99.
  12. Там же. Л. 206.
  13. Там же. Л. 225.
  14. Там же. Л. 295.
  15. Там же. Д. 526. Л. 19.
  16. Там же. Д. 524. Л. 84.
  17. Там же. Л. 87.
  18. Там же. Л. 335.
  19. Там же. Л. 4.
  20. Там же.
  21. Там же. Л. 14.
  22. Там же. Л. 29.
  23. Там же. Л. 167.
  24. Там же. Л. 221.
  25. Там же. Л. 222.
  26. Там же. Л. 231.
  27. Алексей Петрович Мандрыка / Сост. Б.И. Иванов, Е.И. Красикова. Авт. вступ. ст. Б.И. Иванов. СПб., 2009 (Материалы к биобиблиографии историков науки и техники. Вып. 10). С. 7–8.
  28. СПбФ АРАН. Ф. 1104. Оп. 1. Д. 524. Л. 288–290.
  29. Поляхов Николай Николаевич (1906–1987) – профессор Ленинградского Государственного Университета, в 1954–1965 гг. – декан математико-механического факультета, руководитель кафедры теоретической механики.
  30. А.А. Космодемьянский был в то время профессором и руководил кафедрой теоретической механики Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского (1960–1965). В ИИЕТ работал в 1972–1975 гг.
  31. Речь идет о докладе о У. Муре, представленном Мандрыкой в 1963 г. на конференции по истории механики в МГУ, в результате вмешательства Космодемьянского статья на основе этого доклада не была принята к печати (СПбФ АРАН. Ф. 1104. Оп. 1. Д. 524. Л. 179).
  32. СПбФ АРАН. Ф. 1104. Д. 524. Л. 168.
  33. Там же. Л. 169.
  34. Там же. Л. 260.
  35. *Иванов Б.И.* Алексей Петрович Мандрыка // Социология науки и технологий. 2013. Т. 4. № 3. С. 51.
  36. СПбФ АРАН. Ф. 1104. Оп. 1. Д. 524. Л. 263.
  37. Там же. Л. 264.
  38. Там же. Л. 348.
  39. *Иванов Б.И.* Алексей Петрович Мандрыка // Социология науки и технологий. 2013. Т. 4. № 3. С. 52.
  40. СПбФ АРАН. Ф. 1104. Оп. 1. Д. 524. Л. 266.
  41. Там же. Л. 271.
  42. Там же. Л. 271.
  43. Там же. Л. 272.
  44. Там же. Л. 364, 370 и др.
  45. Там же.
  46. Там же. Л. 370.
  47. В воспоминаниях Мандрыка пишет про своего будущего биографа Б.И. Иванова: «Еще при жизни Мелешенко ученым секретарем отделения, как мне уже приходилось говорить, назначили Бориса Ильича Иванова. Несмотря на то, что он был “неостепенен”, ему предоставили должность старшего научного сотрудника – исключительный случай в академической практике. Уже тогда я был с Борисом Ильичом в добрых отношениях» (СПбФ АРАН. Ф. 1104. Оп. 1. Д. 524. Л. 343).
  48. СПбФ АРАН. Ф. 1104. Оп. 1. Д. 524. Л. 349.
  49. Козлов Борис Игоревич (1931–2010) – советский и российский специалист по истории и философии науки и техники, технической кибернетики.
  50. СПбФ АРАН. Ф. 1104. Оп. 1. Д. 524. Л. 349.
  51. СПбФ АРАН. Ф. 1104. Оп. 1. Д. 524. Л. 350.
  52. Там же. Л. 350.
  53. *Иванов Б.И.* Алексей Петрович Мандрыка // Социология науки и технологий. 2013. Т. 4. № 3. С. 52.

54. Там же.

55. Колчинский Э.И. История науки в городе на Неве // Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (1953–2003) / Отв. ред.: В.М. Орёл и Э.А. Тропп. СПб., 2003. С. 51.

Ил. 1. П.В. Мандрыка, отец. 1930-е гг.
Из личного архива Л.Г. Кондратьевой, публикуется впервые.

Ил. 2. Н.Г. Мандрыка с сыном Алексеем. Июнь 1918 г.; братья Алексей и Андрей с домашним питомцем. Конец 1920-х гг.

Ил. 3. Алексей Мандрыка с отцом и дедом по матери, Г.С. Ванюшиным.
Авг. 1918 г. (страницы дневника Н.Г. Мандрыки). Из личного архива
Л.Г. Кондратьевой, публикуется впервые.

Ил. 4. Алексей Мандрыка с мамой. Авг. 1919 г.
(страница дневника Н.Г. Мандрыки)

Ил. 5. А.П. Мандрыка. Конец 1930-х – нач. 1940-х гг.
Из личного архива Л.Г. Кондратьевой, публикуется впервые.

Ил. 6. А.П. Мандрыка с дочерью Ольгой. Конец 1940-х гг.
Из личного архива Л.Г. Кондратьевой, публикуется впервые.

Н.М. Осипова, Н.Ф. Паламарь, И.А. Урмина

**Выставка документальных источников по истории церкви
из фондов Архива РАН: сохранение и реставрация**

N.M. Osipova, N.F.Palamar, I.A. Urmina

**Exhibition of documentary sources on the history of the Church
from the archives of RAS: preservation and restoration**

Аннотация. В статье представлены результаты исследовательской работы музейно-выставочного и реставрационного центров Архива РАН по обеспечению длительного хранения и реставрации подлинников рукописных документов и артефактов. Речь идет о выявлении документов, связанных с церковной историей, из фондов историков, краеведов-фольклористов, филологов, их общественном значении и сохранении для потомков. Это не только письменные источники, но и изобразительные – фотографии, рисунки, иллюстрации.

Ключевые слова: архив, документ, историко-культурное наследие, реставрация, сохранение.

Abstract. The article presents the results of the research work of the Archive RAS to ensure long-term storage and restoration of original manuscripts and artifacts. We are talking about the identification of documents related to Church history, from the funds of historians, local historians-folklorists, philologists, their social significance and preservation for posterity. These are not only written sources, but also graphic – photographs, drawings, illustrations.

Keywords: archive, document, historical and cultural heritage, restoration, preservation.

В Архиве Российской академии наук вот уже свыше 290 лет бережно хранится огромный комплекс документов, связанный с историей отечественной и зарубежной науки. И тем более интересно, что в Архиве РАН среди чисто научной документации сохра-

нились материалы, связанные с историей Церкви и изучением ее ценностей. Свыше 30 фондов ученых содержат документы по этой теме. Это подлинные рукописные и старопечатные книги и рукописи. Например, в фонде историка А.И. Яковлева (АРАН. Ф. 665): «Алфавит духовный», «Святцы», «Тропник» и др. В коллекции документов по истории церкви и сектантства в России XVIII–XX вв. имеется рукопись заметок по истории русской церкви историка, публициста С.П. Мельгунова (АРАН. Ф. 647). В фонде краеведа-фольклориста В.К. Ефременкова (АРАН. Ф. 480) к этой теме имеют отношение прошения крестьян к Смоленскому и Дорогобужскому епископу за 1858–1911 гг., копии распоряжений Святейшего Синода и др.

Представляют несомненный интерес исследования в области церковной истории ученых и священнослужителей: статья М.М. Богословского «Имущество архимандрита Воскресенского монастыря Никанора 1686–1698 гг.» (АРАН. Ф. 624), брошюры филолога-классика Г.Э. Зенгера (АРАН. Ф. 504), изданные в 1902–1905 гг.: «Заметка к средневековым латинским текстам», «О Краковском епископе Станиславе» и «Св. Станислав епископ в свете источников. Критический разбор источников, относящихся к вопросу о св. Станиславе епископе». В фонде редакции журнала «Голос минувшего» имеется книга иеромонаха Илиодора «Святой черт» (записки о Распутине) и статья 1874 г. В. Случевского «Игуменя Митрофаня, ее личность и ее преступление».

История дореволюционной России неотъемлема от истории церковной. Ученые разных специальностей, в особенности историки, филологи-слависты, публицисты и общественные деятели, фольклористы, внесли вклад в изучение взаимного влияния государства и церкви. Таковы лекции диалектолога и фольклориста Н.М. Каринского по церковно-славянскому языку (АРАН. Ф. 468), статья общественного и земского деятеля В.Ю. Скалона «Духовенство и средняя школа» (АРАН. Ф. 649). В фонде академика В.И. Вернадского сохранилась статья 1882 г. епископа Саратовского и Царицынского Тихона «Замечания относительно фактов из раскольнического мира Саратовской епархии» (АРАН. Ф. 518).

Среди документов отца, И.Х. Пичеты, протоиерея, в фонде историка В.И. Пичеты (АРАН. Ф. 548) сохранилась статья Иоанна Филевского «Памяти академика-профессора Е.Е. Голубинского».

Многие священнослужители пользовались огромным авторитетом в научной среде, являлись действительными и почетными членами университетов и академий. Таков был митрополит Киевский и Галицкий Е.А. Болховитинов. Его письма к Игумену (впосл. архимандриту) Серафиму Покровскому сохранились в фонде В.И. Пичеты.

Несмотря на активную антирелигиозную кампанию, начавшуюся после событий 1917 г., занимался врачебной практикой и активно проповедовал доктор медицины, профессор хирургии, единственный из священнослужителей лауреат Сталинской премии 1946 г. архиепископ Лука Войно-Ясенецкий (1877–1961). В фонде историка Н.М. Дружинина (АРАН. Ф. 1604) имеется очерк 1941 г. «Воспоминания об Архиепископе Луке», принадлежащий перу исследователя русской деревни, а впоследствии геолога А.М. Фокина (псевд. Шагаров).

Кандидатская диссертация 1942 г. Л.В. Черепнина «Древнерусская церковная феодальная вотчина XIV–XVI вв. (Очерки по истории землевладения Московской митрополичьей кафедры)» (АРАН. Ф. 1791), и, конечно, знаменитый многотомный труд Н.А. Морозова «Христос» (АРАН. Ф. 543) являются значительными трудами в области церковной истории. В связи с последним упоминаемым произведением отдельно необходимо отметить протокол заседания от 14.12.1928 г. Комиссии по истории религии Комакадемии об организации дискуссии по поводу книги Н.А. Морозова «Христос» и переписку 1929 г. с Народным комиссариатом по просвещению по вопросу о работах Н.А. Морозова «Апокалипсис», «Пророки», «Христос» (АРАН. Ф. 355).

Заслуживают отдельного внимания рисунки церквей и часовен, сделанные М.Н. Тихомировым, а также его фотографии памятников древнерусской архитектуры (АРАН. Ф. 593), и рисунки Е.А. Косминского – иллюстрации к «*Epistolae obscurorum virorum*»¹ (АРАН. Ф. 1514).

Кроме того, сохранились документы, связанные с деятельно-

стью священнослужителей разных конфессий. К ним относятся документы протоиерея В.А. Богданова (АРАН. Ф. 446), материалы, собранные к 50-летию деятельности (1857 г.) вице-президента Московской евангелическо-лютеранской консистории И. Губера (АРАН. Ф. 445), речь преосвященного Петра, епископа Пермского и Соликамского, при погребении Н.Г. Славянова (АРАН. Ф. 585), статьи и биографические документы ректора Полтавской духовной семинарии И.Х. Пичеты (АРАН. Ф. 1548).

В коллекции С.И. Мусина-Пушкина собрана портретотека русского и католического духовенства (АРАН. Ф. 543), а также в других фондах имеются отдельные фотографии священнослужителей. В то же время необходимо отметить, что ученые преподавали в церковных образовательных учреждениях: Московской Духовной академии (М.М. Богословский, В.О. Ключевский, С.И. Соболевский) и Калужском епархиальном училище (К.Э. Циолковский). Сохранилась в фондах Архива РАН переписка ученых с церковными деятелями, а также духовные завещания и свидетельства о крещении.

Архив РАН на сегодняшний день является не только учреждением, которое занимается сбором, обработкой и хранением научных документов, но и богатейшей содержательной историко-культурной основой формирования у современного молодого поколения индивидуальной картины мира. Следует подчеркнуть, однако, что социальный и культурный опыт предыдущих поколений осваивается каждым человеком в трансформированном им самим виде в соответствии с представлениями, заданными текущей социокультурной ситуацией. Сами знания сегодня формируются не рациональной системой образования, а средствами массовой информации, предлагающих общий поток сообщений, из которого человек хаотично выхватывает и пытается раскодировать лишь часть, что зависит от его социокультурной компетентности. А социокультурная компетентность, как совокупность знаний и навыков, позволяет отбирать, понимать, организовать информацию, представленную в знаковой форме и успешно её использовать при решении личных и общественно значимых групповых задач и проблем. Но

для молодого поколения значимость историко-культурного наследия, в том числе документального, является лишь иллюстративной информацией, не связанной с текущей жизнью, а из безграничных информационных ресурсов оно может воспринимать и расшифровывать содержание только того, что соответствует ограниченному жизненному опыту. «Не владея условностями языка СМИ, дети, подростки, молодежь, да и среднее поколение не могут эффективно использовать для решения жизненно важных для них задач большую часть информации об историко-культурном наследии, в том числе и в глобальном его значении <...> сама информация является лишь иллюстративным материалом к реальным событиям прошлого и настоящего. Это «познание в образах» даёт возможность по-разному трактовать содержание объекта наследия, в том числе и в форме архивного научного документа»².

Выставка «Современные технологии сохранения исторического документального наследия в Архиве РАН – церковные документы из фондов А.И. Яковлева, В.И. Семевского, В.И. Пичеты, С.П. Мельгунова, Н.А. Морозова, А.В. Флоровского, М.Н. Тихомирова, А.П. Богданова», которая состоялась в выставочном зале АРАН в феврале 2019 г., лишь подтвердила это. В экспозиции были представлены ранее неэкспонировавшиеся уникальные документы из личных фондов таких известных российских ученых, как Анатолий Петрович Богданов – крупнейший русский антрополог XIX в., зоолог и историк зоологии, член-корреспондент Петербургской академии наук, профессор Московского университета; Алексей Иванович Яковлев – известный советский историк, член-корреспондент АН СССР; Михаил Николаевич Тихомиров – советский историк-славист, источниковед, специалист в области истории и культуры России X–XIX вв., академик АН СССР; Сергей Петрович Мельгунов – один из известнейших русских историков XX в., общественный и политический деятель, издатель; Николай Александрович Морозов – ученый-энциклопедист, почетный член АН СССР; Владимир Иванович Пичета – российский и советский историк, первый ректор Белорусского государственного университета, академик АН СССР; Василий Иванович Семевский –

русский историк либерально-народнического направления, доктор русской истории, профессор, основатель и редактор журнала «Голос минувшего»; Антоний Васильевич Флоровский – историк-славист, доктор исторических наук Чехословакии.

В Архиве РАН выявлено много фондов, в которых хранятся уникальные документы религиозного характера. Их можно проиллюстрировать на примере фонда Н.А. Морозова, его знаменитого труда «Христос» – 150 единиц хранения, 10 томов, которые он написал, а затем всю жизнь дополнял. На выставке был представлен только один документ – его издание³. См. ил. 1.

В фонде Н.А. Морозова хранится и знаменитая коллекция Мусина-Пушкина, в которой собраны портреты выдающихся людей, портреты священнослужителей различных уровней. Эта коллекция многократно запрашивалась и использовалась разными инстанциями и учреждениями.

М.Н. Тихомиров занимался историей Древней Руси и постарался сохранить образы тех памятников, которые эту историю олицетворяли. На выставке были представлены сделанные им фотографии церквей и рисунки – некоторые церкви уже не существуют⁴. См. ил. 2

Есть документы, связанные с семьями ученых. Например, у В.И. Пичеты отец был ректором Полтавской духовной семинарии, у А.П. Богданова сын стал протоиреем, поэтому такого рода документы сохранились в фондах. А.И. Яковлев и С.П. Мельгунов собирали и хранили коллекции церковных артефактов, В.И. Семейский изучал историю христианства и историю масонства, и у него тоже большая коллекция.

Особенно ценным представляется содержание сохранившихся в фондах Архива РАН документов церковного характера. Ведь большая их часть была профессионально отобрана учеными-историками из множества исторического материала, понимавшими важность сохранности и уникальности этих документов, фотографий и артефактов. Такие научные архивные документы являются материальными носителями зафиксированного временного и событийного контекста. Их уникальность составляют знаковые и

содержательные особенности текстов, смысл и форма. В качестве примера назовем текст обвинения по поводу отлучения от церкви Льва Николаевича Толстого, духовное завещание Нобелевского лауреата И.И. Мечникова⁵. См. ил. 3.

На выставке были представлены три таких завещания, различные по содержанию и адресованные разным людям. Все три завещания официально заверены и скреплены дорогой гербовой маркой.

А.И. Яковлев сохранил для следующих поколений уникальные рукописные церковные книги, например, Тропник⁶, сборник старообрядческих духовных стихов 1886 г.⁷, а также материалы по истории сектантства, в т. ч. интереснейшие обвинительные акты. Одним из них является «Указ Ея императорского величества Самодержицы всероссийския». Из дела о драке крестьянина Ивана Никитина Коробова с дьяконом Звенигородской церкви Иваном Алексеевым 1787 г. См. ил. 4, 5, 6.

Прекрасно сохранились альбомы печатей-гербов Новгородской и Псковской державных республик XV–XVI вв., самих этих печатей уже нет. Древнерусские державные княжества скрепляли своими печатями важнейшие политические документы: татарские корни – узлы шнурков, сирийские корни – Георгий Победоносец, Византия – двуглавый орел, и т.д.⁸.

С.П. Мельгунов отобрал множество документальных свидетельств по русской истории. На выставке был представлен обвинительный акт более чем столетней давности по поводу деяний иеромонаха Илиодора (дело получило тогда широкую огласку в газетах)⁹. Удивителен стиль и профессиональный язык обвинительного акта, точность формулировок, написанных, казалось бы, языком повседневности. И таких документов в экспозиции выставки было много!

Из личного фонда А.П. Богданова на выставке была представлена еженедельная газета – дневник («для себя») «Христианский компас» его дочери, Ольги Анатольевны Богдановой 1923 г.¹⁰, представляющая собой тот самый зафиксированный временной и событийный контекст повседневной и профессиональной жизни ученых. Из фонда основателя и редактора журнала «Голос минув-

шего» В.И. Семевского в экспозиции выставки был представлен миниатюрный месяцеслов XVIII в.¹¹. См. ил. 7.

Архив, как государственная структура, должен не только изучать, описывать и экспонировать свои коллекции, но, в первую очередь, заботится о сохранении (то есть длительном хранении) своих уникальных, представленных в единственном экземпляре, документах. Лаборатория реставрации документов в составе музейно-выставочного и реставрационного центра Архива РАН имеет огромный опыт и достигла определенных результатов в своей деятельности.

Физико-химическое состояние сохранности всех документов XX в. вызывает серьезную озабоченность. Рукописи, выполненные на бумагах содержащих древесную массу, крайне нестабильны. Их основа содержит химические элементы, которые активно взаимодействуют с воздухом. Что, в свою очередь, провоцирует серьезные окислительные процессы и изменения механической прочности всего рукописного документа. Синтетические чернила, которыми написаны тексты, со временем начинают агрессивно влиять на основу документов, проступают на обратной стороне листа или угасают. Кроме того, старая архивная упаковка из технического картона оказывает дополнительное негативное влияние на состояние документов при длительном хранении.

Исследованию причин старения и физико-химических изменений состояния рукописных документов, представленных на выставке, были посвящены отдельные разделы экспозиции. См. ил. 8, 9.

Результаты лабораторных исследований состояния сохранности основы рукописей, химический анализ состава чернил, состава бумаги по волокну, исследования с использованием микроскопа и специального лабораторного оборудования иллюстрируют процесс научного подхода к реставрации. В результате анализа полученных данных формируется программа консервации или реставрации конкретного исторического документа. Все это фиксируется в «Реставрационном паспорте», представленном в одной из витрин. Фотографии документов, их общие виды и фрагменты являются продолжением реставрационной документации.

Практической целью было сохранение оригинальных рукописных документов на разрушающейся основе из фондов Архива РАН. В процессе подготовки документов к экспонированию были проведены исследования с использованием следующих методов и оборудования: Определение состава бумаги по волокну (ГОСТ 7500-85). Измерение водородного показателя (рН) бумажной основы документа. Определение состава проклейки бумаги. Качественный микрохимический анализ на наличие крахмала, белка или канифоли. Исследование железо-галловых чернил на присутствие водорастворимых солей железа. Изучались степени воздействия железо-галловых чернил на бумажную основу. Выявлены синтетические органические красители в составе цветных чернил и определен класс красителя. Механическую стойкость текста оценивали визуально с использованием оптического микроскопа по следующим признакам: растрескивание и отслаивание элементов текста; осыпание чернил. Физическая стойкость текста определялась пробами на растворимость в воде. В работе использовался оптический бинокулярный микроскоп Leica MZ 125 с ультрафиолетовым модулем; компьютерная программа для обработки и анализа изображения Leica DM 1000; рН-метр HannaHI 9025, оснащенный комбинированным электродом с плоской мембраной. Для проведения реставрации или фазовой консервации подобных документов было необходимо разработать специальные индивидуальные программы. Поэтому были внесены изменения в стандартные методики и использованы специальные реставрационные материалы для работы с конкретными документами из собрания Архива. Отреставрированы руинированные документы из фондов.

Вернуть первоначальный авторский вид старой рукописи невозможно. Время и люди оставляют следы исторического бытования документов. Но проведя лабораторные исследования, анализируя причины изменения основы и чернил, нужно устранять негативные факторы и заботиться об обеспечении длительного хранения с использованием современных специальных материалов.

Среди документов по истории русской церкви, представленных на выставке, выделяются рукописные и старопечатные книги,

статьи ученых – историков, филологов, фольклористов, публицистов и священнослужителей различной тематики, документы о деятельности лиц духовного звания разных конфессий, визуальные источники, такие как рисунки церквей и часовен, фотографии памятников древнерусской архитектуры, фотопортреты русского и католического духовенства, переписка.

Выставка отразила взаимное влияние духовенства и гражданского общества, которое проявляется в родственных связях, в совместной деятельности на почве просвещения, медицины, культуры и искусства. Музейно-выставочная группа и лаборатория реставрации документов адресуется результаты своей работы не только специалистам, но и молодому поколению, пытаясь содействовать общению его к историко-культурному наследию нашей страны.

Примечания

1. «Epistolae obscurorum virorum» (лат.) – «Письма темных людей» – анонимно созданная в Германии книга в двух частях (1515 и 1517 гг.), содержащая в себе сатиру, направленную против схоластики и клира.
2. Урмина И.А. Актуализация документального научного наследия в музейно-выставочной деятельности. Сборник по итогам конференции «Документальное наследие России: проблемы теории и практики. К 100-летию государственной архивной службы России: Материалы научно-практической конференции» // Москва: АРАН, 2018. С. 54–60.
3. Книга 5 работы Морозова Н.А. «Христос». «Руины и привидения». Госиздат // АРАН. Ф 543. Оп. 1. Д. 335.
4. Фотографии Спасского собора Андроникова монастыря в г. Москве, собора Успения в Белозерске и др. церквей и монастырей. 1952 г. // АРАН. Ф. 693. Оп. 2. Д. 278. Л. 1, 2, 3, 5, 6, 8, 11, 12; Альбом рисунков М.Н. Тихомирова с изображением памятников архитектуры (церкви, часовни, помещицьи усадьбы). 1916–1917 гг. // АРАН. Ф. 693. Оп. 2. Д. 287. Л. 2, 7, 17; Фотографии Спасо-Преображенского монастыря под Пугачевском Самарской губернии. 1919 г. // АРАН. Ф. 693. Оп. 2. Д. 252. Л. 8, 9, 16, 20, 24.
5. Духовное завещание И.И. Мечникова с подписями свидетелей. 1893 г. // АРАН. Ф. 584. Оп. 2. Д. 42. Л. 1.
6. Книга «Тропник» («О чудесном исцелении»). Нет окончания. Из коллекции А.И. Яковлева. 1823 г. // АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 606. Л. 9.

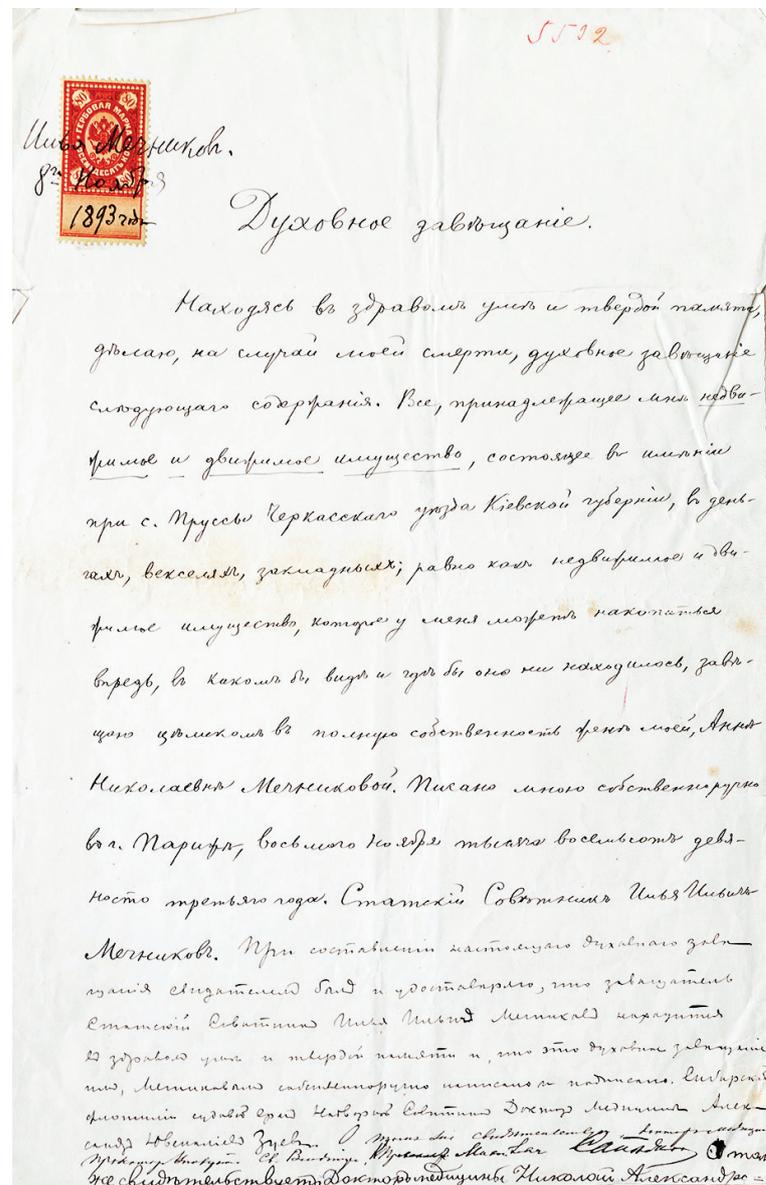
7. Сборник старообрядческих духовных стихов. Из коллекции А.И. Яковлева. 1886 г. // АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 607. Л. 4.
8. Альбом печатей-гербов Новгородской и Псковской державных республик. Из коллекции А.И. Яковлева. 1950 г. // АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 609. Л. 11-12.
9. АРАН. Ф. 647. Оп. 1. Д. 561. Л. 50, 51.
10. Еженедельная газета – дневник («для себя») «Христианский компас» дочери А.П. Богданова – Ольги Анатольевны Богдановой. 1923 г. // АРАН. Ф. 446. Оп. 5. Д. 77. Л. 1.
11. Материалы В.И. Семевского: месяцеслов XVIII в. // АРАН. Ф. 489. Оп. 1. Д. 865. Л. 3.

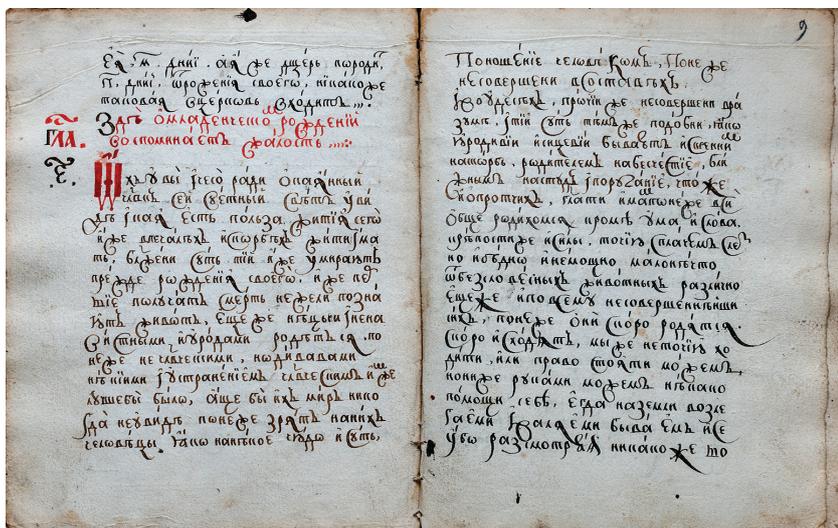
Ил. 1. Книга 5 работы Н.А. Морозова «Христос». «Руины и привидения». Госиздат. 1929. АРАН. Ф. 543. Оп. 1. Д. 335. Ежедневная газета – дневник («для себя») «Христианский компас» дочери А.П. Богданова – Ольги Анатольевны Богдановой. 1923 г. АРАН. Ф. 446. Оп. 5. Д. 77. Л. 1. Альбом печатей – гербов Новгородской и Псковской державных республик. Из коллекции А.И. Яковлева. 1950 г. Ф. 665. Оп. 1. Д. 609. Л. 11–12.

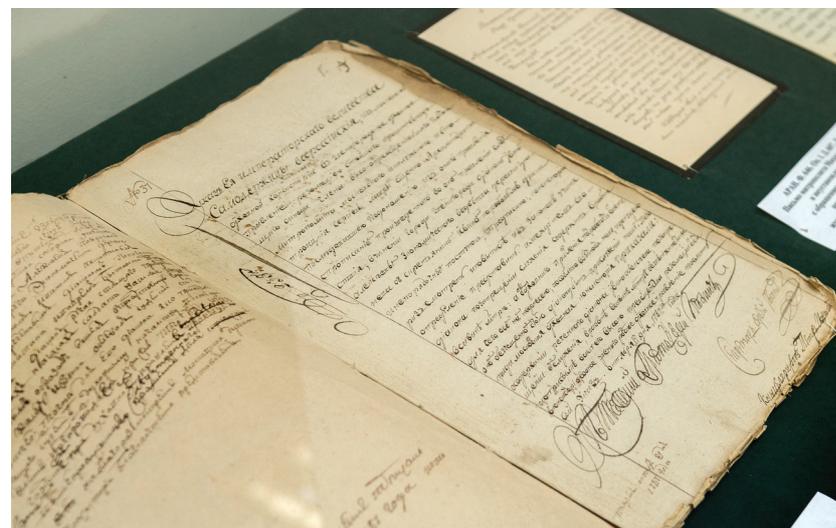
Ил. 2. Альбом рисунков М.Н. Тихомирова с изображением памятников архитектуры (церкви, часовни, помещичьи усадьбы). 1916–1917 гг. АРАН. Ф. 693. Оп. 2. Д. 287. Л. 2, 7, 17.

Ил. 3. Духовное завещание И.И. Мечникова с подписями свидетелей. 1893 г. АРАН. Ф. 584. Оп. 2. Д. 42. Л. 1.

Ил. 4. Книга «Тропник» («О чудесном исцелении»).
Нет окончания. Из коллекции А.И. Яковлева. 1823 г.
АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 606. Л. 9.

Ил. 6. Указ Ея императорскаго величества Самодержицы всероссийския.
Из дела о драке крестьянина Ивана Никитина Коробова с дьяконом Зве-
нигородской церкви Иваном Алексеевым. Из коллекции А.И. Яковлева.
1787–1788 гг. АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 598. Л. 14–15.

Ил. 5. Сборник старообрядческих духовных стихов.
Из коллекции А.И. Яковлева. 1886 г.
АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 607. Л. 4.

Ил. 7. Материалы В.И. Семевского: месяцеслов XVIII в.
АРАН. Ф. 489. Оп. 1. Д. 865. Л. 3.

Ил. 9. Витрина «Исследование физико-химического состава
основы документа».

Ил. 8. Планшет «Исследование состояния сохранности рукописей».

РАЗДЕЛ III

Документальное наследие. Архивная практика

Публикации

О.А. Кирикова, К.Г. Шишкина

«Ваша коллекция служит величайшим украшением музея Кембриджа»: письмо Александра фон Гумбольдта Генриху фон Струве (1827)*

О.А. Kirikova, K.G. Shishkina

«Your collection serves a great ornament to the Museum of Cambridge»: letter from Alexander von Humboldt to Heinrich von Struve (1827)

Аннотация. Генрих Струве, почетный член Императорской академии наук (1828), был страстным коллекционером. Его Кабинет минералов вмещал порядка 6 000 образцов. К концу 1820-х гг. владелец распродал его. Предлагая России свои сокровища, Струве представил письмо Александра фон Гумбольдта о тех камнях, что купил ранее Музей Кембриджа, как подтверждение их научного значения. Оригинал письма не сохранился, но в Архиве РАН есть копия XIX в. За утратой подлинника ее ценность только возросла.

Ключевые слова: Г. Струве, А. Гумбольдт, естественные науки, Академия наук, музей, минералогическая коллекция.

Abstract. Heinrich Struve, honorary member of the Imperial Academy of Sciences (1828), was an avid collector. His Cabinet of Minerals contained about 6,000 items. By the end of the 1820s, the owner had sold it out. When offering his treasures to Russia, Struve presented the letter of Alexander von Humboldt about the stones that had been bought before by the Museum of Cambridge, as good evidence of their scientific significance. The original letter has not remained by now, yet its 19th Century copy is held in the Archive of the RAS. As the original document was lost, the copy seems to be much more important.

Keywords: H. Struve, A. Humboldt, natural sciences, Academy of Sciences, museum, mineralogical collection.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-00212а

Минералог, натуралист, коллекционер Генрих Христофор Готфрид фон Струве (Heinrich Christof Gottfried von Struve), на русский манер – Генрих Антонович, родился 10 января 1772 г. в немецком городе Регенсбурге в семье дипломата¹. Отец Генриха Христофора – Антон Себастьян фон Струве² в 1755 г. приказом великого князя Петра Федоровича, герцога Гольштейн-Готторпского, будущего императора Петра III, был назначен секретарем миссии при Постоянном рейхстаге Священной Римской империи в Регенсбурге³. С тех самых пор представители семьи фон Струве оказались на долгие годы связаны с Российской империей, не являясь ее поданными, они умело сочетали интересы государственные и свои личные.

Генрих фон Струве изучал государственное управление в университете Эрлангена, а по окончании курса, приблизительно в начале 1789 г. переехал в Бонн, где подружился с Людвигом ван Бетховеном и вошел в близкий круг композитора⁴. В это же время Струве благодаря протекции отца поступил на русскую службу⁵. Начав с должности секретаря барона Фридриха Мельхиора фон Гримма, публициста и дипломата, корреспондента императрицы Екатерины Великой, Струве постепенно вошел в российские дипломатические круги и со временем стал министром-резидентом Империи в Гамбурге, Любеке и Бремене (1820–1843), а потом и чрезвычайным посланником и министром-резидентом при дворе принца Ольденбургского (до 1850)⁶. Занимаясь политикой, неся государственную службу, Струве находил настоящую отдушину в научных занятиях. Его исследования в области естественных наук были оценены избранием в члены-корреспонденты Академии наук Геттингена (1810), члены-корреспонденты Императорской Петербургской академии наук (1816), действительные члены Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина» (1822) и, наконец, в почетные члены Императорской академии наук (1828)⁷.

Сформировавшись в век Просвещения, Струве не ограничивал круг своих научных интересов: в 1812 г. он совершил путешествие на Кавказ и описал его в письмах, опубликованных в 1826 г.⁸, изучал химию и минералогию, собирал коллекции насекомых, птиц,

растений и минералов. Минералогия особенно привлекала его: еще в апреле 1811 г. в фонды Библиотеки Академии наук поступила книга Струве «Исследования в области минералогии, главным образом, применительно к Вюртембергу и Шварцвальду», вышедшая в Готе в 1807 г.⁹

Минералогическая коллекция Струве, или, как ее называли во вкусе времени – «Кабинет минералов» начала формироваться в 1804 г. Как указывал сам коллекционер: «Это – результат двадцати пяти лет неусыпных забот и немалых жертв. [Коллекция] заслуженно могла бы стать украшением любой столицы, любой академии»¹⁰. В 1825 г. она уже насчитывала порядка 6 000 образцов и являлась лучшей в Европе. Тем не менее, к концу 1820-х гг. владелец по неизвестным причинам распродал коллекцию по частям. Одним из первых покупателей стал научный Музей Кембриджа, а в 1829 г. переговоры о приобретении отдельного кластера повела Императорская академия наук¹¹. Предлагая академии собранные им образцы, Струве выслал несколько документов, дающих представление о научной ценности собрания: краткий обзор коллекции на немецком и французском языках, альбом с рисунками наиболее ценных экземпляров, подлинное письмо Александра фон Гумбольдта и лестные отзывы двух заслуженных немецких ученых – профессоров Маркса и Гайдингера¹². Вспоминая о той части коллекции, что оказалась в Англии, Струве уточнял, что ему не хотелось бы передавать туда все, не обсудив прежде вопрос о покупке с академией в Санкт-Петербурге: «...с учреждением, к которому я имею честь принадлежать, чувства признательности и глубочайшего уважения к которому мне важно доказать <...> Эти чувства, – продолжал он далее, – связаны с убеждением, что ни в С.-Петербурге, ни в Москве нет пока коллекции минералов, сравнимой с этой в отношении состава и научного интереса, в отношении многообразия кристаллизации, огромного количества редких, недавно открытых веществ, а еще, возможно, в отношении великолепия и роскоши образцов. Эти обстоятельства, говорю я себе, рождают во мне горячее желание, чтобы сей Кабинет стал собственностью правительства, под покровительством которого я имел счастье его собрать»¹³.

В 1829 г., когда Струве предложил Академии наук свою коллекцию, в Россию по приглашению императора Николая I прибыл Александр фон Гумбольдт, ученый-энциклопедист, непререкаемый авторитет для ученых, политиков и государей¹⁴. Вместе со своими спутниками, Христианом Готфридом Эренбергом и Густавом Розе¹⁵, он исследовал Урал, Алтай и Прикаспийские области. Его повсюду встречали с искренним радушием и почтением. Академия наук устроила в честь ученого и его коллег два торжественных заседания: 29 апреля и 16 ноября¹⁶. В таких обстоятельствах письмо Гумбольдта, присланное Струве вместе с предложением о покупке, придало коллекции, и без того ценной, значительный вес. Вероятно, поэтому Академии наук удалось заручиться моральной, а главное, материальной поддержкой императора Николая I, по приказу которого из Казначейства выделили 50 000 рублей на покупку коллекции, торжественно переданной в дар академии для помещения в ее Минералогическом музее¹⁷. Коллекция Струве поступала в Санкт-Петербург в течение нескольких лет, с 1830 по 1832 г.; всего было получено 53 контейнера, содержащих образцы геогностической коллекции (образцы с берегов Рейна и с Гарц-Гебирга), собрание кристаллов, шлифованные камни и пр.¹⁸. Приобретенные сокровища были бережно разобраны и описаны директором Музея академиком А.Я. Купфером и хранителем А.Ф. Постельсом¹⁹. До наших дней, увы, дошла малая часть коллекции – около 600 образцов хранятся сейчас в Минералогическом музее им. А.Е. Ферсмана РАН в Москве. Там же находится альбом с изображением минералов коллекции Струве²⁰.

Один из многочисленных корреспондентов Гумбольдта назвал его «Космосом» за «бесконечные занятия, которыми он неустанно обогащает науку»²¹. Действительно, ученый внес огромный вклад в развитие многих наук: химии, физики, ботаники, географии, климатологии и т.д. Минералогия и геология в этом ряду занимают, отнюдь, не последнее место. Во время путешествий по миру ученый собирал коллекции местных образцов, многое приобретал у других коллекционеров либо получал в дар. Например, в письме естествоиспытателю, члену-корреспонденту Академии наук

Иоганну Фридриху Парроту²² Гумбольдт благодарил последнего за камни и растения, привезенные с Арарата и полученные через императрицу Александру Федоровну. Эти минералы из России были с благодарностью помещены в Королевскую минералогическую коллекцию принца Вильгельма Прусского, которой заведовал Гумбольдт²³. В апреле 1827 г. Гумбольдт побывал в Англии, как считается, ища поддержку у правительства в планируемом им путешествии в Индию²⁴. Именно в тот раз он имел возможность осмотреть минералы из бывшего собрания Струве в Музее Кембриджа. Известно, что Гумбольдт обладал даром распознавать научные таланты и поддерживать их в случае необходимости. Иногда достаточно было одной его похвалы, чтобы перед тем, в адрес кого она была сказана, открылись самые благоприятные возможности. Вот и слова «Ваша коллекция служит величайшим украшением музея Кембриджа» сыграли свою добрую роль.

Ниже публикуется документ – фрагмент, скопированный из подлинного письма Александра фон Гумбольдта Генриху фон Струве от 2 июня 1827 г. Документ не датирован и не подписан. Но по косвенным признакам: почерку, сходному с тем, каким писались протоколы Конференции той поры, и обстоятельствам появления в Академии наук, его можно датировать не ранее 1829 г. Он сохранился среди материалов Канцелярии Конференции Академии наук; по всей видимости, пассаж, относящийся именно к коллекции, был нарочно скопирован из письма и подшит к делу «О приобретении Минералогической коллекции Струве». Сейчас, с утратой подлинного письма, его копия XIX века, пусть и частичная, приобретает значение оригинала; она становится тем интереснее, что в 2019 г. отмечается 250 лет со дня рождения Гумбольдта и 190 лет его личного знакомства с Академией наук и путешествия по России.

Письмо написано по-французски, но помета в верхнем поле документа, а также время и место его составления написаны по-немецки. Ниже дается французский оригинал, а затем его русский перевод. При публикации сохранены языковые и стилистические особенности оригинала, орфография и пунктуация соответствуют

современным нормам правописания. Имеющиеся в тексте традиционные сокращения: предлог при дате, имя, восстановлены без особого на то указания. Месяц написания письма заключен в квадратные скобки, поскольку написан не по правилам. Имеющееся в тексте подчеркивание при публикации передано полужирным шрифтом и упомянуто в легенде документа. Письмо публикуется согласно действующим «Правилам издания исторических документов в СССР» (1990).

Vom 2 [Juni] 1827
Berlin

Il m'est bien doux, Monsieur, de vous réitérer par écrit l'hommage de ma vive reconnaissance pour l'extrême bonté avec laquelle Vous avez bien voulu me faire voir une partie de votre admirable collection minéralogique. Il a fallu votre heureuse position sociale et publique, votre zèle pour la science que Vous avez enrichie de tant d'observations précieuses pour la cristallographie, pour parvenir à **réunir ce qu'aucun particulier ne possède aujourd'hui** sur le continent. Il serait bien affligeant de voir un jour dispersé ce qui a été réuni avec tant d'intelligence, et ce qui perd de sa valeur scientifique dès que les échantillons ne serviront plus, par leur rapprochement, à résoudre des problèmes spéciaux. Le pays que je viens de quitter est celui où le pouvoir des richesses, se lie au pouvoir intellectuel. Je ne me lasserai pas de dire que Votre collection sert le plus grand ornement du Musée de Cambridge.

Помета: Auszug eines Briefes von Herr Alexander von Humboldt an Herr Heinrich von Struve²⁵.

ПЕРЕВОД
2 июня 1827 г.
Берлин

Сударь, мне чрезвычайно приятно письмом вновь выразить Вам свою глубокую признательность за любезное разрешение взглянуть на часть Вашей дивной минералогической коллекции. Чтобы **собрать то, чем сегодня не владеет никто** на континенте, понадобилось Ваше счастливое положение в обществе, Ваше

неистовое служение науке, которую Вы обогатили множеством ценных кристаллографических наблюдений. Было бы весьма прискорбно увидеть однажды рассеянным то, что было собрано с таким знанием дела, и что потеряет свою научную ценность, как только исчезнет возможность разрешать особо сложные вопросы путем сравнения образцов. В стране, которую я только что покинул, мощь богатства и мощь разума соединяются. Не устану говорить Вам, что Ваша коллекция служит величайшим украшением музея Кембриджа.

Помета: Отрывок письма Александра фон Гумбольдта Генриху фон Струве.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1829. Д. 2. Л. 8. Беловая копия. Автограф. Немецкий и французский языки. Подчеркивание текста.

Примечания

1. Шишкина К.Г. Почетный член Императорской академии наук Г.А. Струве: минералог, коллекционер и дипломат // Миллеровские чтения – 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: Материалы II Международной научной конференции, 24–26 мая 2018 г., Санкт-Петербург / Сост. и отв. ред. И.В. Тункина. СПб., 2018. С. 550.
2. Струве Антон Себастьян (Антон Севастьянович; Struve Anton Sebastian, von; 1729–1802) – дипломат на русской службе.
3. Hauptzüge aus dem Leben unsers unvergeßlichen Waters des weyland Russisch-Kaiserlichen wirklichen Staatsraths, Residenten und Wolodimir-Ordens Ritters Herrn Anton Sebastian Struve. München, 1802. S. 7.
4. Braubach M. Die Stammbücher Beethovens und der Babette Koch. Bonn, 1995. S. 23.
5. Heinrich Christoph Gottfried von Struve. 2017 [Электронный ресурс] // Wikiwand: Heinrich von Struve. URL: https://www.wikiwand.com/de/Heinrich_von_Struve (дата обращения: 02.06.2019).
6. Письмо президента АН С.С. Уварова в Конференцию Императорской академии наук, 11 ноября 1829 г. // СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп.1-1829. Д. 2. Л. 15; Heinrich Christoph Gottfried von Struve. 2017 [Электронный ресурс] // Wikiwand: Heinrich von Struve. URL: https://www.wikiwand.com/de/Heinrich_von_Struve (дата обращения: 02.06.2019).
7. Малахова И.Г. Струве Генрих Антонович» [Электронный ресурс] // Информационная система «История геологии и горного дела – персоналии. URL: <http://scirus.benran.ru/higeo/view-record.php?tbl=person&id=353> (дата обращения: 02.06.2019).
8. Briefe über den Kaukasus un Georgien vom Jahre 1812. Aus dem Französischen der Frau von Frehgang, geb. v. Kudrjaffsky, übersetzt von Heinrich v. Struve. Wien, 1826. 242 s.
9. Извлечение из протокола заседания Конференции от 17 апреля 1811 г. (§ 156) // СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 62. Л. 48; Шишкина К.Г. Указ. соч. С. 551.
10. Письмо Г. Струве в Конференцию АН, 2 марта 1829 г. // СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп.1-1829. Д. 2. Л. 11.
11. Письмо Струве от 2 марта 1829 г., в котором он предлагал Академии наук приобрести его коллекцию минералов, было зачитано в заседании Конференции 20 мая 1829 г. См.: Извлечение из протокола заседания Конференции от 20 мая 1829 г. (§ 289) // СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 103–103 об.; Письмо Г. Струве в Конференцию АН, 2 марта 1829 г. // СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп.1-1829. Д. 2. Л. 11–14; Шишкина К.Г. Указ. соч. С. 552.
12. Маркс – профессор из Брауншвейга (точно установить личность не удалось); Гайдингер Вильгельм, фон (Haidinger Wilhelm Karl, von; 1795–1871) – минералог и геолог, член Русского минералогического общества (1867); член-корреспондент по разряду минералогии и геологии Отделения физико-математических наук (1856).
13. Письмо Г. Струве в Конференцию Академии наук 2 марта 1829 г. // СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп.1-1829. Д. 2. Л. 11 об.
14. Гумбольдт давно мечтал о путешествии на Восток, рассказы о России он слышал с детства. Мечта усилилась со знакомством с русскими горными инженерами, вместе с которыми он слушал лекции во Фрейбургской горной академии (1829). См.: Есаков В.А. Научные связи Гумбольдта с Россией // Переписка Александра Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России / Под ред. Д.И. Щербакова. М., 1962. С. 7.
15. Эренберг Христиан Готфрид (Ehrenberg Christian Gottfried; 1795–1876) – немецкий натуралист-зоолог, анатом; член-корреспондент Императорской академии наук АН (1829), почетный член (1840); Розе Густав (Rose Gustav; 1798–1873) – немецкий минералог и геолог; профессор Берлинского университета.

16. Протоколы заседаний Конференции от 29 апреля, 16 ноября 1829 г. // СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 77–84, 230–233 об.; Séance extraordinaire, tenue par l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg, en l'honneur de Mr. le Baron Alexandre de Humboldt du 16 Novembre 1829. SPb., 1829; О научных связях А. Гумбольдта с Петербургской Академией наук (Из неопубликованных документов) // Вестник АН СССР. 1957. Вып. 4. С. 92–98; Александр фон Гумбольдт в русской литературе: аннотированная библиография / Сост. Н.Г. Сухова. СПб., 2006; *Басаргина Е.Ю.* Сергей Семенович Уваров // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII–начале XX в.: Очерки истории: в 2-х кн. / Сост. и отв. ред. И.В. Тункина. СПб., 2016. Кн. I. С. 338–339.
17. Циркулярные письма из Министерства народного просвещения // РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 429. Л. 17–20; Письмо из Министерства народного просвещения в Конференцию Императорской академии наук, 11 ноября 1829 г. и ответное письмо академии, 13 ноября 1829 г. // СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп.1-1829. Д. 2. Л. 15–16 об.; *Шишкина К.Г.* Указ. соч. С. 553.
18. Переписка Конференции с Министерством народного просвещения, Комитетом правления и Г. Струве по поводу пересылки коллекции в Санкт-Петербург // СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп.1-1829. Д. 2. Л. 26, 27, 28–28 об., 29–30, 41, 44–45, 46–48 об., 50, 53.
19. Купфер Адольф Яковлевич (Адольф Теодор; Kupffer Adolph Theodor; 1799–1865) – химик, минералог, физик; член-корреспондент с 20 декабря 1826 г., ординарный академик по минералогии с 27 августа 1828 г., по физике с 11 января 1841 г.; Постельс Александр Филиппович (1801–1871) – минералог, естествоиспытатель, путешественник; хранитель Минералогического музея АН (с 1831); почетный член (1866). Доклад Постельса о коллекции Струве, перешедшей в собственность академии, был читан в заседании Конференции 3 октября 1832 г. См.: Рукописный оригинал доклада // СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп.1-1829. Д. 2. Л. 54–55 об.
20. *Мохова Н.А.* Коллекция Струве из собрания Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана. М., 2005. С. 10–15.
21. Письмо академика Е.И. Паррота А. Гумбольдту, не ранее 10 августа 1836 г. // LNA LVVA. F. 7350. A. 1. L. 4. Lp. 27–29 г. (Национальный архив Латвии. Ф. 7350. Оп. 1. Д. 4. Л. 27–29 об.).
22. Паррот Иоганн Якоб Фридрих Вильгельм (Parrot Johann Jacob Friedrich Wilhelm; 1791–1841) – естествоиспытатель, физиолог, патолог, медик, физик; член-корреспондент Академии наук (1816).
23. Письмо А. Гумбольдта Фридриху Парроту, 28 мая 1834 г. // LNA LVVA. F. 7350. A. 1. L. 2. Lp. 243–244. (Национальный архив Латвии. Ф. 7350. Оп. 1. Д. 2. Л. 243–244).
24. *Терра Г. де.* Александр Гумбольдт и его время / Под ред. В.А. Смирнова; пер. с нем. А.К. Назимовой. М., 1961. С. 243.
25. Рукописная помета на немецком языке в верхнем поле документа.

М.В. Мандрик, Д.Н. Савельева

**Мандрыка А.П.
«Дорога к светлой темноте. Воспоминания»**

M.V. Mandrik, D.N. Saveleva

**Mandryka A.P.
«The road to light darkness. Memories»**

Аннотация. Воспоминания известного историка науки и техники А.П. Мандрыки посвящены самому тяжелому периоду его жизни – первым годам слепоты, когда он искал свой путь в мире незрячих и в науке. В этот период с ним оказалась его будущая жена, Русудана Рубеновна Орбели, чье появление во многом изменило жизнь А.П. Мандрыки и способствовало его становлению как ученого.

Ключевые слова: А.П. Мандрыка, Р.Р. Орбели.

Abstract. Memories of the famous historian of science and technology A.P. Mandryki are dedicated to the most difficult period of his life. It was the first years of blindness when he was looking for his way in the world of the blind and in science. Rusudana Rubenovna Orbeli his future wife appeared with him during this period. That appearance in many ways changed the life of A.P. Mandryka and contributed to his formation as a scientist.

Keywords: A.P. Mandryka, R.R. Orbeli.

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранятся воспоминания видного историка науки А.П. Мандрыки. Они вошли в отдельный подраздел в фонде его тестя, Р.А. Орбели (№ 1104), и составляют более 700 листов. Судя по содержанию и состоянию текста, воспоминания готовились к печати, но издание не состоялось из-за смерти ученого в 1986 г. Данная публикация, надеемся, станет первым шагом к изданию этих воспоминаний, которые затрагивают не только историю семьи ученого, но и эпоху, в которой он жил, видных политических, общественных и научных деятелей.

Воспоминания историка науки и техники А.П. Мандрыки «Дорога к светлой темноте» публикуются впервые и описывают переломный период в жизни ученого: его попытки бороться за остатки зрения, и затем – время принятия слепоты.

А.П. Мандрыка родился в 1918 г. в интеллигентной, хорошо обеспеченной семье дивврача, окончил Военно-инженерную воздушную Академию им. Н.Е. Жуковского. В начале 1945 г. во время службы инженером в баллистической лаборатории при испытании очередного объекта был тяжело ранен и стал стремительно слепнуть. Работа инженера, да и большинство других профессий были для него навсегда закрыты. Однако, благодаря семье, молодой человек смог справиться с трудностями и найти свой путь – он стал историком науки и техники, кандидатом (1951), а затем и доктором (1967) технических наук. Многие годы Мандрыка плодотворно трудился в ЛО ИИЕТ¹ (1954–1986), став автором нескольких монографий по истории баллистики, теории полета ракет, эволюции механики. Ученый брался за темы, которые были ему близки по основному образованию, и в связи с их узкой спецификой, ранее почти не рассматривались историками науки.

Случайное знакомство с Р.Р. Орбели², дочерью Р.А. Орбели³, одного из первых советских подводных археологов, племянницей академиков Л.А.⁴ и И.А. Орбели⁵, позволило А.П. Мандрыки обрести не только любящую жену, но и верного соратника, свои «вторые глаза». Она сопровождала его в Публичную библиотеку, технически помогала обрабатывать материал. Публикуемые воспоминания во многом являются гимном его жене, которую он пережил всего лишь на год.

Более подробно биография ученого представлена в статье М.В. Мандрик и Д.Н. Савельевой, публикуемой в данном сборнике. Она позволяет понять, насколько важным для А.П. Мандрыки стал период, описываемый в «Воспоминаниях». Документ публикуется дословно, в соответствии с современными правилами правописания.

Дорога к светлой темноте. Воспоминания

Мне скоро семьдесят... далеко позади защита докторской, а еще раньше кандидатской. С десятков изданных книг. Много статей. Читатель в недоумении: что же здесь особенного? Это плод деятельности обычного ученого. Приоткрою несколько завесу. Все перечисленное сделано мной в «темной» жизни, то есть после того, как я около сорока лет тому назад потерял зрение. Многие из работ, посвященные истории баллистики, основанные на математике и механике, требуют владения специальной рельефной математической символикой. Но это далеко не все. Моя жизнь в темноте освещена оптимистическим подходом ко всему, счастливой семейной жизнью и окружавшими меня родными и друзьями.

«Минувшие я помню годы, задернутые пеленой» – строки из моих стихов, которые показывают, что «пелену» можно задернуть и заглянуть в прошлое. Если даже вернуться к самым тяжелым страницам жизни, то и они представляются теперь, по прошествии многих лет, безоблачными. Таковыми я вижу месяцы моей дороги к «светлой темноте». Несколько слов о том, что этому предшествовало.

Детские юношеские годы прошли у нас с братом более чем благополучно и не только благодаря положению, которые занимал наш отец, дивврач⁶ Петр Васильевич Мандрыка⁷. Он многие годы стоял во главе Центрального военного госпиталя, который с 1943 г. носит его имя. Не прилагая большого усердия, мы хорошо успевали по всем предметам. С детских лет мы росли в дружной компании, объединенной интересом к спорту. По окончании школы я стал слушателем Инженерной военно-воздушной академии⁸ – высшем учебном заведении, на котором я остановил свой выбор, не отдавая себе полностью отчета в том, кого она выпускает. Я был склонен к математике и истории, академия же давала инженерное образование. В 1941 г., в самом начале войны, наш курс был досрочно выпущен, и каждый получил диплом инженера-механика. В течение четырех лет я работал, сперва в качестве военпреда, а затем стар-

шего инженера-испытателя в одном из институтов ВВС. Здесь-то накануне окончания войны со мной и произошло несчастье.

21 февраля 1945 г. при испытании боеприпасов к крупнокалиберному авиационному пулемету, произошел взрыв, и я получил осколочные ранения груди и лица. Упал и на некоторое время потерял сознание. Вскоре очнулся и заметил склоненную надо мной медицинскую сестру. Память меня снова оставила. Вернулась она ненадолго лишь тогда, когда меня доставили в ближайший военный госпиталь. Меня раздевают, разрезают гимнастерку. Несмотря на мое скверное самочувствие, сознание запечатлело такую мелочь, что я лишаюсь нового хорошего обмундирования. В то время я не понимаю всей серьезности случившегося. Снова прихожу в себя на операционном столе. Мне удаляют остатки левого глаза, я невольно думаю, что справа, видимо, все в порядке, хотя вижу им как бы в тумане. Удаляют осколки, попавшие в лицо. Я называю группу крови и спрашиваю, почему мне не делают анестезию. Успокаивают тем, что швы, мол, будут лучше. На самом деле, я находился в шоковом состоянии и боли не чувствовал. Быть может, я излишне много говорю о том, что мне пришлось претерпеть. Однако в дальнейшем мне не раз пришлось бывать на операционном столе, и так же как в описанном случае мне запомнилось многое. Быть может это было одним из проявлений моей острой памяти...

В день Красной Армии, 23 февраля, меня на санитарном транспорте доставили в Москву и поместили в госпиталь, который ранее возглавлял мой отец. К описываемому времени его уже не было в живых. Хотя основное ранение сводилось к поражению правого глаза, врачи решили, что для восстановления моих сил меня лучше поместить в Центральный госпиталь⁹. Удаление попавшего в глаз осколка провели в офтальмологической больнице посредством магнита. Именно здесь я претерпел наибольшие мучения и, как ни странно, от проведения анестезии: три инъекции в глазное яблоко. Осколок извлекли, и меня поместили в Центральный госпиталь.

Там я попал в руки к мягкому и знающему врачу-офтальмологу Александру Ивановичу Кураеву¹⁰. После удаления осколка, он, как и другие врачи, полагал, что мой правый глаз удастся спасти. Это

мнение основывалось на том, что у меня сохранилось светоощущение. Однако вскоре оно стало медленно угасать. Начался воспалительный процесс. Мой доктор делал все возможное, чтобы его приостановить. Укрепляли весь мой организм и проводили специальное лечение самого глаза. Тем не менее, воспалительный процесс прогрессировал...

У Александра Ивановича было тогда, как он говорил, две мечты: восстановить мне зрение и увидеть живым после окончания войны своего сына, летчика-истребителя. Второе желание моего доктора было выполнено лишь отчасти. Его сын вернулся с фронта. Однако вскоре с ним приключилась беда. Во время очередного полета его истребитель загорелся, сын Александра Ивановича выпрыгнул с парашютом и спасся. Но в каком виде! Охватившее истребитель пламя не пощадило и летчика: он сильно обгорел, особенно руки, и по стечению обстоятельств попал не только в тот же самый госпиталь, что я, но и в ту же палату. Дальнейшая судьба его мне неизвестна. Кажется, его жизнь не сложилась. А как вышло все у меня?

Врачи не говорили мне, что мне грозит потеря зрения. Длительное время шла борьба за уцелевший глаз, и доктора не хотели меня травмировать. Надежда должна была укреплять мое моральное состояние. Вначале я и не задумывался о слепоте и пребывал чуть ли не в радужном настроении. Этому способствовало внимание, которое мне оказывали близкие и друзья.

Самой заботливой была, конечно, моя мать. Несчастье, случившееся со мной вскоре после кончины ее горячо любимого мужа, она переносила с удивительным мужеством. Она неизменно проводила в палате первую половину дня. Держала себя всегда ровно и спокойно, ничем не давая мне повода для мрачных раздумий. Мы много читали. Из рук матери получал я и причитающийся мне рацион. Во второй половине дня ее сменяли близкие и друзья, развлекавшие меня, кто как умел. В редкие часы, когда я оставался один, слушал через наушники радиопередачи. Тогда я впервые познакомился с романом В. Каверина «Два капитана»; содержание книги гармонировало с моим настроением. Все вместе взятое помогало разумно воспринимать все со мной случившееся.

Подходило к концу мое трехмесячное пребывание в госпитале. Я научился пользоваться вилок, ложкой и стал самостоятелен в еде. Начал передвигаться по палате и умываться над раковиной. Все это пришло незаметно, само собой. Мечтал о возвращении домой, о том, как сяду у радиоприемника, буду крутить его ручки и слушать передаваемое в эфире. Дальше ближайшего будущего не задумывался. Врачи изредка и осторожно рассказывали о слепых и об их достижениях, побуждая и меня задуматься о своей дальнейшей судьбе. Слова врачей как бы отскакивали от моего сознания, оставляя разве что заметный след.

К маю я все уже понял, что мне не суждено больше видеть белый свет. Я, как и все, ждал окончания войны. Уже 8-го числа пошли слухи, что долгожданный мир вот-вот наступит. На следующий день – всеобщее ликование! ... Оно охватило и госпиталь. Необыкновенное оживление, взаимные поздравления... И необычно вкусный обед с каким-то сверхъестественным блюдом на третье. А вечером гости – некоторые – неожиданные!

Вскоре осуществилась и другая мечта. 13 числа меня выписали. Не всегда чертова дюжина бывает несчастливой! Я водворился в дорогой моему сердцу дом на Кривоникольском, дом в одном из уютных арбатских переулков. В этом скромном особняке я вырос и провел лучшие годы жизни. Переулок был недалеко от Госпиталя, и я без труда добрался до него пешком в сопровождении моей матери.

По возвращении в отчий дом я, в самом благодушном расположении духа, вбирал в себя все, что дает домашний очаг. Мне предоставили стоящую без дела трость, и я начал постепенно осваивать просторы нашей квартиры. Усевшись около приемника, наслаждался передачами, которые не давали обыкновенные трансляции. Мне было хорошо, я не задумывался о будущем, мечтая лишь о том, чтобы наступивший мир и тишина не были нарушены.

Неожиданно...

К нам пришла Вера Ивановна Хмельницкая¹¹, настоящая русская красавица, жена крупного военного – оба они были друзьями дома. Она решительно сказала: «Петр Васильевич не простил

бы своим друзьям, если бы его сына не показали крупнейшему офтальмологу страны Владимиру Петровичу Филатову¹²». Мне не хотелось двигаться с места. К тому же я не верил в успех затеянного. Едва ли далекая Одесса вернет мне зрение, что и подтвердилось. Однако Одесса принесла мне многое другое...

Как мне ни не хотелось, но упускать возможности показаться Филатову я не имел права. А вдруг! Следовало спешить, так как знаменитый профессор мог отправиться на отдых. Командование института, где я работал до случившейся со мной беды, предоставило нам с Верой Ивановной возможность полететь на «Дугласе». Без особых приключений мы добрались до места назначения.

К Владимиру Петровичу Филатову попасть было чрезвычайно трудно. Пациенты прибывали к нему если не из всех республик, то со всей Украины во всяком случае. Профессор принимал не только в клинике, но и дома. Очередь к нему тянулась чуть ли не на квартал. Популярность Филатова была огромной. Его чтил даже преступный мир. Однажды, например, с него в зимнее время сняли богатую шубу, но только тогда, когда он вместе с сопровождающими его лицами достиг парадной. Грабители и те пеклись о здоровье одесской знаменитости.

Владимир Петрович принял меня вне очереди, так как я имел необходимые документы, и мне содействовала «медицина» округа. Филатов не отказал, но и не обнадежил. Он решил попробовать, не поможет ли мне тканевая терапия, метод, недавно им разработанный и нередко возвращающий зрение.

Меня поместили в находившийся на берегу Черного моря Лермонтовский курорт¹³, рядом с которым был расположен госпиталь для военнопленных. Его курировал сам Филатов, я должен был ходить туда на процедуры. В курорте было еще несколько пациентов Филатова. Основными же его обитателями были французские солдаты, ожидавшие репатриации, которых поместили туда по болезни. Большинство их находилось в специальном лагере.

Вера Ивановна помогла поместить меня в палату, где кроме меня было еще трое. Моими соседями оказались попавшие в Курорт по неизвестным мне статьям медицинского кодекса. Вера Ивановна

сразу же вернулась в Москву с тем, чтобы ее сменила моя мать, которая должна была пробыть со мной в Одессе несколько месяцев.

Мне пришлось сразу же приспособиваться к жизни среди незнакомых мне людей, в какой-то мере помогавших мне. На процедуры в глазной госпиталь я ездил в сопровождении медсестры. Опекать меня было поручено молодому солдату Андрюше, который поправлялся после перенесенной операции. Он был преисполнен почтения и неизменно обращался ко мне «товарищ капитан». Мы с ним гуляли, сживали на берегу моря. Андрюша некоторое время продолжал выполнять свои функции, даже тогда, когда приехала мама, и его помощь была практически не нужна.

Несмотря на то, что меня в Курорте как могли опекали, я целых четыре дня томился в ожидании приезда матери. Именно в это время мне стало известно, что в Курорт поместили племянницу Л.А. Орбели, занимавшую должность секретаря при начальнике Главного военно-санитарного управления Е.И. Смирнове¹⁴. Я думал, что новой обитательнице Курорта будут созданы привилегированные условия. Фамилия Орбели мне была известна в связи с фотографией Леона Абгаровича, помещенной в предвоенные годы в одной из центральных газет, когда он был удостоен государственной премии. Однако я не знал, что у Леона Абгаровича были братья.

По приезде матери, нам предоставили отдельную комнату с балконом. И снова новое в моей жизни: появились знакомые, мы начали читать. Чуть ли не первой книгой, которая попала нам в руки, был исторический роман «Георгий Саакадзе»¹⁵. Здесь я впервые узнал о существовании имени Русудан, которое носила грузинская царица. Вскоре мне стало известно, что и племянница Леона Абгаровича носит тоже имя. Однако познакомилась мы с ней не сразу.

Моя мать обрела знакомых среди проживавших в курорте французов, помогая им переводить переписку с их русскими возлюбленными. Я же познакомился с польским майором, участником армии Сопротивления. Пан Анатолий после тяжелого ранения потерял не только зрение, но и руку. Мы часто сживали с ним, покурявая сигареты. Он находился в Курорте со своей энергичной

женой. В прошлом пан Анатолий занимал должность технического директора порохового завода, что входило в сферу и моих интересов. О нем можно было бы сказать многое. Пан Анатолий очень надеялся на Филатова. Позднее я узнал, что он готов был покончить собой, если ему не вернут зрение. Пытался я общаться и с молодой бельгийкой мадам де Тондр. Говорю «пытался», так как она настолько быстро говорила по-французски, что, несмотря на мое приличное владение языком, контакта у нас не получилось. Мадам де Тондр также входила в армию Сопротивления, занимая в ней далеко не рядовое место. В конце концов, она была разоблачена и попала в руки гестапо. Ее изощренно мучили, ударом штыка повредили позвоночник, что навсегда лишило ее возможности нормально передвигаться... После она попала в один из немецких концлагерей, где находилась до освобождения советскими войсками. Мадам де Тондр пользовалась симпатией находившихся в Курорте французов. Часто они целой компанией сидели прямо на полу у ее кровати, стульев не хватало.

Вкратце я остановился на том необычном, с чем я столкнулся в Курорте. Именно здесь я приобщался к новому восприятию мира, к познанию людей и оценке их поведения посредством слуха.

Вскоре я и моя мать познакомились с племянницей Леона Абгаровича, которую звали на русский манер Русуданой. Постепенно знакомство перешло в дружбу. Этому содействовали совместные чаепития по вечерам и кофе утром по воскресеньям.

Последнее напоминало священнодействие. Мама с Русуданой Рубеновнкой отправлялись на базар и возвращались с белым хлебом и бубликами. Кофе заваривалось в простом чайнике, так как более подходящей посуды не имелось, и мы наслаждались по сути дела весьма скромным завтраком.

Из рассказов нашей новой знакомой мы узнали главное о семье Орбели. Оказалось, что Рубен был старшим из трех братьев. Он являлся основоположником новой области знания – подводной археологии. Выяснилось также, что Рубен Абгарович, одновременно с его женой Ольгой Владимировной, лежали в госпитале у моего отца осенью 1942 г. после того, как они провели в блоки-

рованном Ленинграде самый тяжелый первый год. Оба они попали в госпиталь в тяжелом состоянии, обусловленном перенесенной дистрофией. Несмотря на все усилия, спасти Рубена Абгаровича не удалось. Он скончался 9 мая 1943 г., через месяц после смерти моего отца.

Имя Рубена Абгаровича не было столь известным, как имена двух его младших братьев – академиков, Леона и Иосифа. Сами же они считали, что Рубен не уступал им в эрудиции и даже стоял во многом выше. Однако судьба старшего из братьев сложилось так, что он не получил формального признания, став, правда, еще до революции профессором.

Мои первоначальные предположения, что племянница академика Л.А. Орбели получит льготные условия, оказались неверными. Быть может другая на ее месте и добилась бы этого. Однако Русудана Рубеновна была скромной во всем: в речи, в поведении и в общении с другими, в частности, с нами. Я сразу обратил внимание на мягкий тембр ее голоса и необыкновенно легкую походку. Одновременно в ней чувствовалось уверенность, когда мы вместе с ней гуляли. У моей матери этого не было. В поведении Русуданы Рубеновны сквозило искреннее желание мне помочь, сделать что-то для облегчения моей незрячей жизни. И этот первый шаг пришелся на время нашего пребывания в Одессе.

Мне пришла в голову мысль возобновить игру на рояле, чем я занимался в раннем возрасте на протяжении нескольких лет. Был необходим инструмент. Оказалось, что в Одессе жили знакомые Русуданы Рубеновны, у которых имелось пианино. Договорившись с ними, она пригласила нас отправиться к своим друзьям, чтобы попытаться счастье. Моя мать показала мне, как приступить к делу, и мы взялись за разучивание одного из вальсов Шопена¹⁶. Через некоторое время я довольно сносно играл эту вещь. Так нашла вчерне осуществление первая пришедшая в голову идея о занятиях в новой жизни.

В Одессе я намеревался поддерживать связь с московскими друзьями и решил попробовать писать с помощью трафарета. Применяя различные варианты этого вида новой для меня техники,

приступил к делу. Получалось коряво, но я не сдавался. Пусть для начала будет так. Понимая, что все же едва ли можно рассчитывать на приличное исполнение записи в такой форме, я вспомнил о «слепом» методе, которым пользуются при печатании на машинке. Осваивать этот метод в Одессе не имело смысла, и я оставил осуществление этого замысла до возвращения в Москву.

Пребывание в Одессе становилось бессмысленным. Метод Филатова на наших глазах давал результаты лишь тогда, когда была повреждена роговица глаза. У Русуданы Рубеновны и у меня было совсем другое, и мы, несолоно хлебавши, решили отправиться в обратный путь. К этому времени я твердо осознал, что зрение мне не вернуть. Спешил в Москву, чтобы начать трудовую жизнь в новых условиях. Я не уподобился здесь пану Анатолю, и мрачная мысль о самоубийстве никогда не приходила мне в голову.

Русудана Рубеновна также стремилась в Москву. Помимо неудачи с лечением, она сильно сдала физически, исхудала, так как почти ничего не ела. Мама тоже плохо себя чувствовала. После смерти отца у нее обострилась гипертоническая болезнь, и сердце тоже все чаще давало себя знать. Однажды, когда ей было плохо, она просила Русудану Рубеновну в случае чего обо мне позаботиться. Однако вскоре матери стало лучше, но слова ее, обращенные к нашей новой знакомой, оказались пророческими.

Мы стали поспешать с отъездом в родную Москву. После длительного отсутствия, как и всегда, с радостным волнением возвращался в родное гнездо на Кривоникольском. Во мне таилось ощущение, что пребывание в стенах родного дома мне поможет. По возвращении я занялся тем же, что и до поездки в Одессу. Мне доставляло большое удовольствие слушать по радио оперетты, с которыми я был знаком и ранее, когда посещал театры. Возможно, что простой незатейливый сюжет и жизнерадостная музыка повышали мне настроение. Я становился самостоятельнее и в хождении по дому. Спускался даже по внутренней лестнице со второго этажа на первый, к родным. Легко научился набирать по телефону необходимый номер и имел таким образом возможность общаться с друзьями.

По приезде дружба с Русуданой Рубеновной и с ее матерью Ольгой Владимировной продолжала крепнуть. Мы часто обменивались визитами. Бывал я у них на Чкаловской, где наши друзья жили в эвакуации. В это время много говорилось об издании сборника статей Рубена Абгаровича по гидроархеологии. Однако те годы я стоял еще далеко от науки.

Русудана Рубеновна, вернувшись к прежней работе секретаря Е.И. Смирнова, имела возможность доставать театральные билеты. Предоставляла она их и мне, не интересуясь, видимо, с кем я пойду. Однажды, а это было 3 сентября, я пригласил ее в Большой на «Кармен». Это дало повод некоторым друзьям подтрунивать и говорить, что я пошел в театр с Кармен. Мы настолько сдружились, что я с грустью провожал наших новых друзей в Ленинград, куда они отправились в начале декабря.

Мне не сразу пришла мысль о том, чем я буду заниматься в дальнейшем. Однако я все чаще задумывался о будущем. И становилось грустно. Моему мрачному настроению отвечали слова из «Травиаты» в постановке театра Станиславского и Немировича-Данченко: «Черная ночь, и ни одной звезды». Да, в те дни, действительно на моем небе не было звезды, она появилась позднее.

Чем же мне можно было заполнить свободное время, которого у меня было больше, чем достаточно? Я обратился к начатому в Одессе – к игре на рояле. Начал я разучивать фантазию и сонату Моцарта. Дело шло медленно, и я справился с задачей уже после нового 1946 года. К елке я выучил лишь вальс нобль¹⁷ из «Карнавала» Шумана¹⁸, одно из самых моих любимых произведений.

Сидел я за роялем часами. Нравилось, когда меня специально слушали. Случалось же это редко, так как моя музыка постоянно звучала у домашних в ушах, и они были ею пресыщены. Любителей игры на рояле среди друзей не имелось, а те, кого мое исполнение могло бы заинтересовать, были заняты. Однако все это меня не обескураживало, я продолжал настойчиво заниматься.

Новое пришло после того, как я сел за вновь приобретенную пишущую машинку, материальное воплощение замысла, пришедшего в голову еще в Одессе. Повезло мне с методисткой, которая помогла

мне освоить «слепой» метод. Это была наша дальняя родственница, обучавшая машинописи на специальных курсах. Напомню, что машинка имеет четыре строки клавиш. Обе руки ставятся определенным образом над вторым рядом снизу. Каждому из восьми пальцев, кроме больших, отводится одна или две клавиши на всех четырех строках. Сначала ученику предлагается освоить буквы на основной, второй строке. Постепенно присоединяются остальные три. Для работы с первой мне потребовался лишь один день, а для трех других еще три. Одним словом я научился печатать всего за четыре дня. Это почти всех поражало. Пальцы и кисти рук были хорошо разработаны благодаря моим музыкальным упражнениям, а в свое время, и занятиям спортом. Первоначально я печатал не очень быстро, техника пришла позднее: четыре листа в час.

Едва я с грехом пополам стал печатать, как отправил письмо в Ленинград с отчетом о моих достижениях. Русудана Рубеновна мне ответила, и началась переписка.

Я продолжал поддерживать контакт с товарищами по моей прежней работе. У меня возникла мысль, что с помощью матери, я смогу переводить с немецкого технический текст. Коллеги вошли в контакт с одним конструкторским бюро и стали мне эпизодически предоставлять документы, почерпнутые из архивов Германии. Немецким я владел хуже, чем французским, особенно в части технической терминологии. Дело шло медленно, я брал консультации у более сведущих лиц. Переведенное мной я сам перепечатывал. За это я получал деньги, хотя и не большие, но заработанные лично в моей новой жизни.

Понятно, что ни переводы, ни машинопись не могли стать основой моей последующей трудовой жизни. Мысли непрерывно возвращались к вопросу, чему же мне посвятить дальнейшую жизнь. Думали об этом и окружавшие меня близкие и друзья. Давали советы и те, кто меня почти не знал. Принимались и меры для моего трудоустройства.

Один близкий нашему дому профессор, например, советовал определить меня на Заочное отделение Института иностранных языков, но я не представлял себе возможным, что смогу в дальнейшем работать в этой области. Никаких занятий я не стал посещать,

и в конце семестра был исключен. Другое предложение, исходившее от дальнего родственника, было уже совершенно абсурдным. Он предлагал мне заняться скульптурой, к чему я никогда не имел ни малейшей склонности. Наш родственник имел, видимо, в виду успех, которого достигла одна незрячая, работавшая с пластилином. Однако у нее были к этому способности. Естественно, мне и в голову не пришло последовать этому совету. Были и другие предложения.

Стимул для моей последующей работы дал товарищ по школе, Володя Семенов, окончивший тот же факультет Академии, что и я, но годом позже. Непосредственно вслед за дипломной работой он написал кандидатскую, которую блестяще защитил. Вскоре после этого Володя ко мне пришел и поделился своим успехом. Он и побудил меня задуматься, не смогу ли я заниматься теорией воздушной стрельбы или баллистикой, то есть предметами, которые нам читали в Академии. Тогда мне представлялось, что работать в названных областях я смогу лишь на близком моему сердцу факультете. Начать я решил с поступления в адъюнктуру, для чего предпринял некоторые шаги.

Смущало главным образом то, как я буду справляться с техническими науками, основанными на математике и механике, не имея возможности делать записи. Я не мог себе представить, как выйти из положения. Для начала следовало овладеть рельефной записью слепых. Я понимал, что это необходимо, но был не в силах взяться за специальный букварь. Мне представлялось, что если я стану его осваивать, то поставлю крест на возвращении зрения. Я был уверен, что белого света мне не видать, но все же что-то меня суеверно удерживало. Злополучный букварь был каким-то психологическим барьером, преодолеть который я в то время был не в силах.

Несмотря на успехи в машинописи, на игру на рояле, на работу по переводам и на общение с друзьями, я пребывал в плохом настроении. Это было, в общем, мне не свойственно. НО...

Поход по жизни одинокой

Считал уделом он своим.

Одна любовь души высокой

Разгонит прочь сомнений дым.

Да, не было со мной рядом любимой, которая смогла бы поддержать меня словом. Но меня тянуло писать в Ленинград и сообщать Русудане Рубеновне хорошее и дурное. И она, отдаленная сотнями километров, сумела помочь мне, и не только словом.

В январе 1946 г. я получил от Русуданы Рубеновны письмо, которое помогло мне сделать очень трудный шаг. Оказалось, что во время блокады, когда она работала медсестрой в госпитале, рядом с ней находилась женщина хирург, жена профессора Бориса Игнатьевича Коваленко, декана дефектологического факультета Ленинградского педагогического института¹⁹. Он, как и я, был лишен зрения. В настоящее время Коваленко, вместе со своей дочерью-студенткой, был в Москве, где работал по специальности. Русудана Рубеновна устроила мне свидание с ним.

Вскоре мы с матерью отправились на Пироговку, где жил Борис Игнатьевич с дочерью Ниной. Он был всецело поглощен разработкой тифлотехники в различных ее аспектах и вопросами преподавания незрячим. В этом ему помогали не только секретари, но и дочь. Борис Игнатьевич встретил нас чисто по-деловому. Он сразу же подтвердил правильность моих намерений заниматься известными мне науками. Сказал он и о необходимости овладения чтением и письмом по Брайлю, то есть рельефной записью. Узнал я и о существовании рельефной математической символики. Все это меня окрылило. Тут же договорились, что знакомить меня со всем этим будет Нина. После предварительного визита начались регулярные занятия. Несколько слов, для непосвященных, о системе Брайля. Автор, француз по национальности, предложил рельефную запись в 1825 году, естественно, применительно к латинскому алфавиту. Поэтому в русском варианте некоторые обозначения получили иное приложение. Так, например, буква «ц» обозначалась также как латинская «с». В основу всей системы положены шесть точек, в том виде, как они расположены на обычной игральной кости. Разница заключается в том, что если в игральной кости точки вдавлены, то в системе Брайля, наоборот, они выпуклые. Эти шесть точек дают 63 сочетания, включая случай, когда точки вообще отсутствуют. Если иметь в виду латинский алфавит,

то сочетания верхних четырех точек дают восемь первых букв. С прибавлением нижних точек количество сочетаний превышает число букв в алфавите, и избыточные знаки используются для обозначения, например, знаков препинания.

В математической символике нередко употребляют те же комбинации точек, что и в алфавите. Но перед математической записью ставят специальный знак, который предупреждает, что дальше последуют формулы или числа. Знак интеграла, например, кодируется или обозначается как «и-краткое», то есть шеститочием без средней точки первого столбца. Если интеграл определенный, то специально отмечается его нижняя граница, затем обозначается ее значение, после чего опять же особым набором точек отмечается завершение нижней границы. Аналогично кодируется и верхняя граница. Почти также кодируется корень, степень, дробь и т.д. Понятно, что изображение формулы или другого математического выражения вообще представляется, таким образом, линейно, то есть вытянутым в строчку. В моем умозрительном восприятии это непривычное написание, как и последующие действия, я представлял себе в обычном виде, то есть в двух измерениях. Вероятно, потерявшие зрение в раннем возрасте или слепорожденные видят формулы по-иному и, вполне возможно, каждый по-своему. Математическую запись я постиг далеко не сразу. Этому предшествовал длительный путь.

Начал я с письма и чтения слов, состоящих из первых восьми букв алфавита, представляя собой сочетание верхних четырех точек. Эти буквы были наиболее простыми. Постепенно прибавлялись буквы, включавшие сначала нижнюю точку в левом столбце, затем одну лишь нижнюю точку правого. После этого к знакам, состоящим из верхних четырех точек, добавлялись обе нижние. Писать было проще, чем читать, так как для чтения необходимо было, чтобы кончики пальцев «научились» различать рельефные точки в их различном сочетании, то есть буквы и обозначения. Для того чтобы облегчить обучение в методе Б.И. Коваленко сначала и фигурировали лишь верхние четыре точки. «Писал» же я, как и большая часть незрячих, посредством специального трафарета или «прибора», как его чаще называли. Буквы по точкам выдавли-

вались в строке справа налево в зеркальном отображении. Делалось это с помощью специального шила с закругленным концом, что не позволяло прорвать бумагу. Она была плотной, напоминала ватманскую, но обладала более гладкой поверхностью. Для обозначения букв приходилось делать чаще всего несколько «проколов», например, пять для кодирования. Это требовало некоторых усилий ввиду того, что бумага была плотной. На такого рода запись шло много времени. Тем не менее, я овладел всем этим за два месяца. Оставалось лишь повысить технику письма и чтения.

Борис Игнатьевич знал, какие трудности представляет запись по методу Брайля, ему было известно также, что в Германии еще до войны была сконструирована шестиклавишная машинка системы Пихта, которая давала возможность нажатием нескольких клавиш получить желаемые сочетания. В Советском Союзе была изготовлена партия аналогичных машинок, но достать их было сложно. К тому же, несмотря на простоту конструкции, они не отличались надежностью. Я и обратился к «сильным мира сего», и в мае я получил такую машинку из Германии. Вскоре в первом приближении я овладел Пихтой – так она стала у нас именоваться.

Таким образом, изучение чтения и письма по Брайлю, начавшееся с января 1946 года свело до минимума мой досуг. Эти занятия явились дополнением к моей работе над переводами, сходящей постепенно на нет, и к игре на рояле. Здесь я перешел к изучению произведений Шопена, первоначально прелюдов. Разучивал я их постепенно, и в моем репертуаре их было не более шести. Особенно мне нравились прелюды № 15 («Колокола») и № 17. В то время музыка Шопена царила в Консерватории и в эфире. Страна отмечала круглую дату со дня рождения польского композитора.

Наступление в моей жизни «оттепели» во многом предшествовало необычному письму Русуданы Рубеновны. Она знала, что я уже читаю по Брайлю. И ее письмо было рельефное, то есть написанное только для меня. Она специально для меня выучила рельефное письмо. Это было для меня потрясением, которое я, правда, осознал не сразу. Теперь переписку можно было вести без привлечения третьего лица. Но это было не главное. Необычное письмо по-новому

представила Русудану и ее отношение ко мне. Все это снова проявилось в апреле, когда она на короткое время приехала в Москву.

Тогда я еще не сочинял. Лишь позднее, спустя много лет, я обратился к стихотворной форме выражения своих мыслей и чувств. Некоторые строки моих стихов дают представление о том чувстве, которое я испытывал в ту весну.

И закружилась тихой лаской
Любовь весеннюю порой;
Все впереди казалось сказкой,
Манящей радостно с собой.
Рука подруги жизни трудной
Легко звала его вперед,
И пробужденный силой чудной,
На штурм науки он идет.

Весной же 1946 г. не было ни стихов, ни прозы. Я говорил о своей любви, играя на рояле. И это был Шопен. Она слушала, внимая тому, что поверила ей моя душа. Никто другой никогда так не слушал мои игры. Это была песня без слов. Особенно объединил нас семнадцатый прелюд. Радостный, лирический, он гармонировала с весной, с нашим настроением.

Возвращаясь в Ленинград, Русудана дала понять, что летом я буду желанным гостем на Кировском проспекте. Мне было приятно это слышать, и я про себя решил, что обязательно поеду. Решение укрепилось после того, как у нас в Москве побывала Ольга Владимировна и радушно приглашала меня посетить Ленинград. На этот раз я уже ясно понял, что сама судьба влечет меня в Ленинград и дал свое согласие.

В Ленинграде я провел почти все лето. В те дни Кировский, несмотря на то, что по нему ходили трамваи, был тихой окраиной города. В прилегающих к дому садах еще пели соловьи. Мы с Русуданой много гуляли, узнавая друг друга все ближе. Я захватил с собой в Ленинград шестиклавишную машинку и занимался интегрированием, осваивая, таким образом, рельефную математическую запись. Придумал я и код для трансформирования обычных нот на язык рельефных точек. Теперь я имел возможность разучивать вещи

для фортепиано по нотам, и отказаться от помощи зрячих. В Москве же мама помогала мне разбирать вещи для фортепиано с рук.

Овладев рельефной записью нот, я выучил и стал играть произведения «больших форм», то есть один из полонезов Шопена и «Ты мой покой» Шуберта-Листа. Вторую вещь я слышал лишь однажды в Большом зале Московской консерватории в исполнении Льва Оборина. Позднее, на протяжении почти сорока лет она не звучала даже в эфире. Ходили мы в то лето и на концерты. Особое впечатление оставила «Пятая симфония» Бетховена. Симфония Судьбы звучала в наших ушах и призывала к соединению наших жизненных путей. «Ты мой покой» говорил о грядущей тихой семейной жизни. Все это нас объединяло.

Постепенно, все ближе и ближе знакомясь с Русуданой, я окреп в своем миропонимании, становясь решительнее, самостоятельной. Вопреки тому, что отсутствие зрения во многом сократило мои возможности, я чувствовал себя все более твердо стоящим на ногах. Я уверовал в себя, в таившиеся во мне силы. Именно Русудана раскрыла их и озарила существование в «светлой темноте». Следуя озаренному ею пути, я и достиг фактических результатов на жизненном поприще и соответствующего признания.

Июль 1986 г.

А. Мандрыка

СПбФ АРАН. Ф. 1104. Оп. 1. Д. 525. Л. 1–21. Машинопись.

Примечания

1. ЛО ИИЕТ – Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники им. С.В. Вавилова.
2. Орбели Русудана Рубеновна (1910–1985) – востоковед, писатель, дочь Орбели Рубена Абгаровича.
3. Орбели Рубена Абгаровича (1980–1943) – профессор, преподаватель гуманитарных дисциплин, археолог, считается основоположником подводной археологии в СССР.
4. Орбели Леон (Левон) Абгарович (1882–1958) – физиолог, один из создателей эволюционной физиологии, академик (с 1935) и вице-президент (1942–1946) АН СССР.

5. Орбели Иосиф Абгарович (1887–1961) – востоковед и общественный деятель, академик АН СССР (1935), академик АН Армянской ССР и ее первый президент (1943–1947), в 1934–1951 – директор Эрмитажа.
6. Диввврач – дивизионный врач – воинское звание военно-медицинской службы в РККА 1935–1940 гг.
7. Мандрыка Петр Васильевич (1884–1943) – земский врач, с октября 1922 г. – зав. хирургическим отделением 1-го госпиталя Российского общества Красного Креста, с 1 марта 1923 г. по 1943 г. – главврач госпиталя.
8. Автор ошибается – поступил он в 1937 г. в Военно-воздушной академии РККА (1925–1940), а окончил в 1941 г. Военную академию командного и штабманского состава ВВС Красной Армии (1940–1946).
9. Центральный военный клинический госпиталь имени П.В. Мандрыка.
10. Кураев Александр Иванович с 1935 г. – врач-офтальмолог поликлиники № 1 (при военном госпитале при 1-м доме Наркомата обороны), выпускник Военно-медицинской академии (1925), работал с П.В. Мандрыкой.
11. Кучканова-Хмельницкая Вера Ивановна (1901–1974) – жена Р.П. Хмельницкого, военного деятеля.
12. Филатов Владимир Петрович (1875–1956) – офтальмолог, хирург, академик АН УССР и АМН СССР, основатель и первый директор Института глазных болезней и тканевой терапии НАМН Украины (1936–1956).
13. Имеется в виду Клинический санаторий «Лермонтовский» в Одессе.
14. Смирнов Ефим Иванович (1904–1989) – военный и государственный деятель.
15. Имеется в виду книга Анны Антоновской «Великий Моурави». В 6-ти томах. Тбилиси, 1937–1958.
16. Шопен Фридерик Францишек (1810–1849) – польский композитор и пианист.
17. «Valse noble» (Благородный вальс)
18. Имеется в виду сюита «Карнавалл» немецкого композитора Роберта Шумана (1810–1856).
19. В описываемое время руководил дефектологическим факультетом и кафедрой тифлопедагогики ЛГПИ им. А.И. Герцена. Потерял зрение от тифа в 1921 г., в 31-летнем возрасте, и вскоре начал заниматься обучением и воспитанием слепых и слабовидящих детей, в 1938 г. стал доктором педагогических наук.

А.Г. Цыпкина

Интересная жизнь С.Р. Минцлова

A.G. Tsyapkina

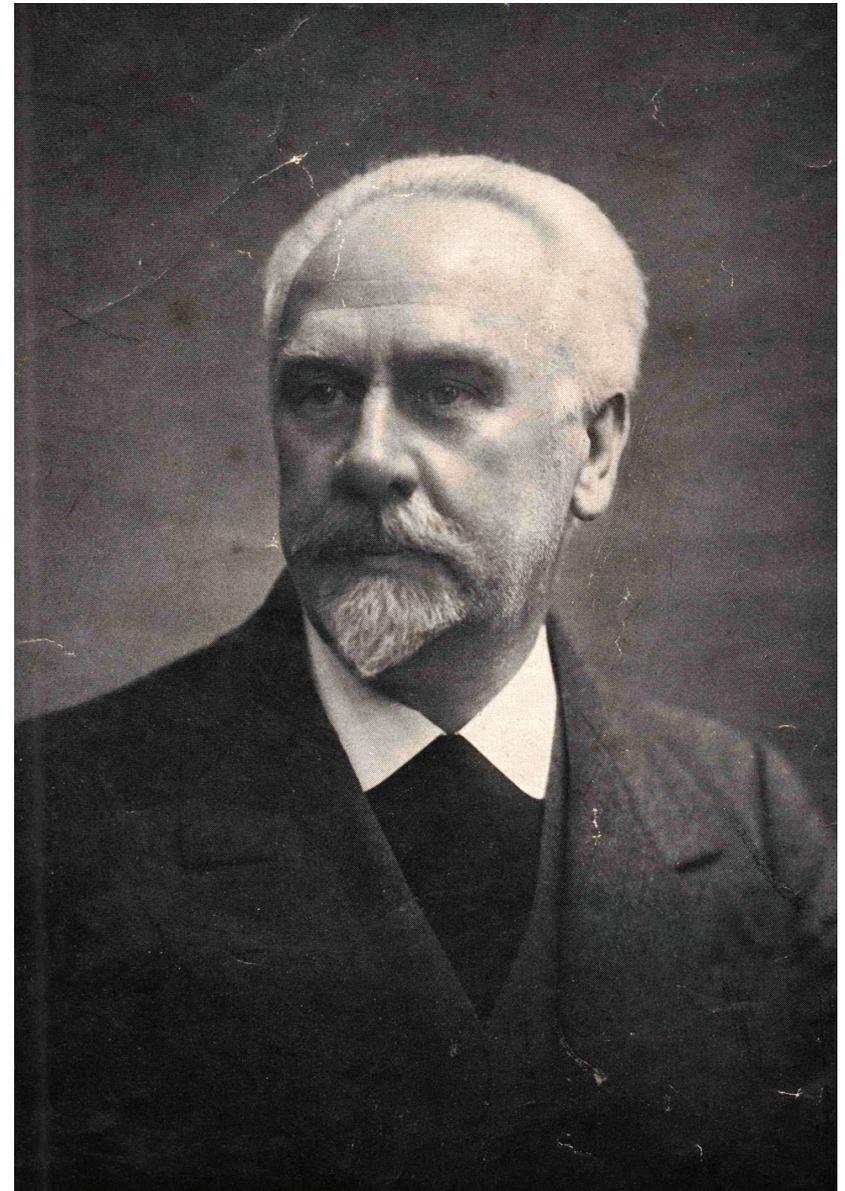
S.R. Mintslov's interesting life

Аннотация. Публикация посвящена жизни и разносторонней деятельности С.Р. Минцлова, известного прежде всего как писателя, журналиста, библиографа. В настоящей статье с комментариями публикуется текст биографии С.Р. Минцлова, написанный к 30-летию его деятельности. Автор текста, найденного в фонде редакции журнала «Голос минувшего», неизвестен, однако публикатор выдвигает ряд предположений о том, кто бы это мог быть (Шмидт Э.Г., Пильский П.М.). Также приводятся дополнительные сведения о Сергее Рудольфовиче Минцлове, не упомянутые в «Интересной жизни».

Ключевые слова: С.Р. Минцлов, биография, писатель, библиограф.

Abstract. The publication is devoted to the life and various fields of activity of S.R. Mintslov (1870–1936), known primarily as a writer, journalist and bibliographer. In this article, the biography of S.R. Mintslov is published, written to the 30th anniversary of his career. This text was found in the archival collection of the editorial board of the magazine “The voice of the past” and its writer is unknown, but the publisher puts forward a number of assumptions about who this author might be (Schmidt E.G., Pilsky P.M. and others). Additional information about Sergei Rudolfovich Mintslov, not mentioned in the “Interesting Life”, is also provided.

Keywords: S.R. Mintslov, biography, writer, bibliographer.

С.Р. Минцлов. ГАРФ. Ф. Р10027. Оп. 1. Д. 89. Л. 9.

В фонде 646 Архива РАН редакции журнала «Голос минувшего»¹ (1913–1923), была обнаружена неопубликованная биография Сергея Рудольфовича Минцлова (1870–1936), написанная к тридцатилетию его научной и общественной деятельности.

С.Р. Минцлов – известный в конце XIX – начале XX в. библиофил², драматург, писатель, действительный член Института Российской Академии Образования, Императорского Русского Географического Общества, Императорского общества ревнителей истории, Русского библиологического общества, Петроградской, Нижегородской и Черниговской ученых архивных комиссий³.

С.Р. Минцлов родился в 1870 г., окончил Александровское военное училище и Нижегородский археологический институт, в разное время служил в губернских канцеляриях и таможах: в 1910–1911 гг. – земский начальник в Уфимской губернии, в 1911–1912 гг. – чиновник особых поручений при новгородском губернаторе, в 1912–1913 гг. – занимал ряд должностей в Полтавской губернии. Несмотря на послужной список, он никогда не прекращал заниматься своим самым любимым делом – журналистикой и литературой. Последние годы жизни С.Р. Минцлов провел в Риге как владелец издательства, полностью посвящая себя литературной деятельности, начатой им еще в 1888 г., когда в печать вышли его первые стихи.

«С.Р. Минцлов, – как образно писал П.М. Пильский⁴, – это преемственность культуры, отразившая родовую любовь к книге, библиотечные привязанности, литературные связи, общение с миром писательства и мысли»⁵.

Дед писателя, Рудольф Иванович Минцлов (1811–1883)⁶, был библиографом. Отец, Рудольф Рудольфович Минцлов (1845–1904) – юрист, библиофил и публицист, сотрудничал с газетами «Русские ведомости»⁷, «Московский телеграф»⁸ и журналом «Юридический вестник»⁹. Страсть к книгам и литературе, видимо, передалась по наследству. В 1892 г. Минцлов начал собирать свою библиотеку, опись которой, вышедшую всего в 50 экземплярах, он составил и издал в 1913 г. под названием «Книгохранилище Сергея Рудольфовича Минцлова». К сожалению, «в 1925 г. он был

вынужден расстаться со своей библиотекой, значительную часть которой через посредничество одной из лейпцигских антикварных фирм приобрела Прусская государственная библиотека в Берлине; сведений о судьбе собрания после 1945 г. не имеется»¹⁰.

О поиске библиотеки С.Р. Минцлова рижским библиофилом С. Рубинчиком была написана книга «Рукопись, найденная в саквояже»¹¹. Но, насколько известно, до сих пор в библиотеках мира нет фонда «Собрание книг С.Р. Минцлова».

Публикуемая статья содержит многие общеизвестные факты биографии С.Р. Минцлова. Но то, что эти факты собраны воедино в одном тексте, сообщает статье дополнительную ценность. Она написана с ярко выраженной симпатией, по всей видимости, автор был лично знаком не только с трудами С.Р. Минцлова, но и с ним самим.

Уникальность статьи заключается также в том, что она была написана современником, хорошо знавшим биографию этого беллетриста, библиографа и коллекционера. Кроме того, эта биография объединила разные аспекты многогранной жизни С.Р. Минцлова. Несмотря на то, что многие историки ссылаются на его воспоминания исторического характера рубежа эпох, до сих пор о Минцлове доступны, в основном, краткие биографические справки в энциклопедиях¹², а в трудах современных историков освещаются только некоторые аспекты его деятельности¹³.

Одна из самых известных биографий С.Р. Минцлова принадлежит перу журналиста П.М. Пильского¹⁴.

Настоящая юбилейная статья опубликована не была, возможно, потому что в 1918 г. после присоединения Выборга к Финляндии, где находилось фамильное имение Минцловых, С.Р. Минцлов автоматически оказался за границей. Вскоре после этого писатель эмигрировал в Сербию, в Земун¹⁵, и желать ему «дальнейшей службы на благо России» уже было неактуально и политически рискованно. Кроме того, произведения Минцлова отражали дореволюционную эпоху, «старину, старый быт, умершие исчезнувшие типы, погибшую Русь»¹⁶, к наследию которой в раннее советское время не обращались.

Редакторской правки в статье не прослеживается, хотя заметна корректорская. Была ли она внесена самим автором или сотрудником журнала, выяснить не представляется возможным. На обложке указан 1918 г. и возможный автор – некий Шмидт. Неизвестно, по какой причине архивист, систематизировавший фонд редакции журнала «Голос минувшего», сделал такое предположение, однако мы считаем необходимым его рассмотреть.

Один вероятный автор этой биографии – известный журналист того времени Эмилий Густавович Шмидт (род. 1841). Другой возможный кандидат на авторство – Алексей Викторович Шмидт (1894–1935), советский археолог и востоковед, в 1916 г. окончивший Петроградский университет, ученик Б.А. Тураева, С.А. Жебелева, М.И. Ростовцева и В.В. Струве. В 1918 г. А.В. Шмидт работал хранителем музея древностей Пермского университета¹⁷.

Мы не исключаем, хотя и считаем маловероятным, что автором этой биографии был П.М. Пильский, однако достаточных сведений, чтобы опровергнуть или подтвердить какую-либо из гипотез, на данный момент у нас нет.

Текст биографии публикуется с соблюдением современных правил русского языка с сохранением некоторых особенностей подлинника, абзацы поставлены не по авторскому разделению, а согласно смыслу. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Неустановленный автор [Шмидт]

Интересная жизнь

К тридцатилетию научной и общественной деятельности Сергея Рудольфовича Минцлова

Перед нами лежит кипка книг, помеченных любопытную, впервые еще появившуюся в русской печати, датой: Трапезонд 1916–1917 гг. С ними вместе лежат номера газеты «Трапезондско-го военного листка»¹⁸ того же периода времени. Уже один факт появления на свет русских книг и газеты на самом театре военных действий, да еще в отдаленнейшем, глухом краю Турции, заслужи-

вает внимания. А так как и газета, и книги, указанные выше, кстати сказать, изданные превосходно, подписаны именем С.Р. Минцлова, то он заслуживает и особого внимания. С.Р. Минцлов известен широкой публике как исторический беллетрист, давший несколько замечательных по яркости, глубине знаний быта исторических романов для юношества, как, например, «В грозу», «На заре века», «В лесах Литвы», «На крестах» и др.

Меньше С.Р. Минцлов известен той же широкой публике с другой, главнейшей, стороны его деятельности, выдвинувшей его в первые ряды культурных деятелей нашего времени, – именно как ученый, глубокий знаток и неутомимый собиратель рукописей, книг и старины. Политические события последних годов приковали к себе все внимание народов и совершенно заслонили людей науки: все ими сделанное в наши дни суждено остаться незамеченным еще на много лет. Тем более мы считаем себя обязанными отмечать таких лиц и потому, ввиду исполняющегося 15 октября текущего 1918 г. тридцатилетия писательской и общественной деятельности Минцлова, остановим на нем внимание читателя и подведем итог сделанному им на научном и общественном поприще за треть века. Подробно библиографического обзора его многочисленных трудов, разбросанных по разным периодическим изданиям, мы не будем делать главным образом по отсутствию под руками нужных материалов, а коснемся только тех работ его, которые выпущены были отдельными изданиями. На первом месте, конечно, мы должны поставить огромный трехтомный труд С.Р. Минцлова, потребовавший немало лет для своего выполнения – «Обзор записок, писем, дневников и воспоминаний, относящихся к истории России». Книга эта, кстати заметить, весьма горячо встреченная критикой и ученым миром при своем появлении, есть ничто иное, как сводка всех перечисленных в заглавии ее, подлинных свидетельств и материалов, относящихся к русской истории. Обзор разделен по векам и затем, еще мельче – по царствованиям, так что всякий, интересующийся тем или другим веком или событием начиная со времен Геродота и до наших дней, быстро может найти все материалы, относящиеся к делу. Многие

из них снабжены весьма ценными приложениями Минцлова. По образному выражению одного из критиков, эта книга дала возможность всякому услышать подлинные голоса современников, скрытые до сих пор от непосвященных в дремучем книжном лесу. Такого труда у нас еще не было и, выполнив его, Минцлов восполнил огромный пробел в нашей библиографической литературе и дал не только ученому миру, но и широкой публике в руки ключ к великой сокровищнице русской истории, хранившейся под спудом. Второе место среди библиографических трудов Минцлова занимает книга, озаглавленная «Книгохранилище». Книгохранилище это, которое Минцлов собирал в течение всей жизни, уже не раз отмечалось в периодической печати как замечательнейшее. В нем, насчитывающем около 10 000 томов, собраны все летописи, мемуары и работы по русской истории и этнографии, и археологии; оно переполнено редкостями, которых не встретишь зачастую в большинстве лучших общественных библиотек, даже в Петроградской публичной. Кроме книг, оно включает в себе множество рукописей; часть их на арабском, турецком и армянском языках; среди русских имеются еще не издавшие света мемуары, письма известных деятелей, подлинные рукописи Св. Димитрия Ростовского и т.д. К сожалению, вторая часть «Книгохранилища» еще не издана, и рукописи, и многие редкие книги еще ждут своего описания. Порядок расположения книг в библиотеке и в названном выше труде принят Минцловым не алфавитный, а свой особый: они распределены у него по местностям, к которым относится их содержание. Вся Россия, включая все области, вошедшие в ее состав, разделены им по рубрикам: Москва, Тверь, Новгород, Литва и т.д., и под этими рубриками можно найти решительно все, относящееся к археологии, истории, этнографии, географии и статистике этих мест, причем в самых рубриках книги расположены опять не по алфавиту, а в хронологическом порядке, что сразу дает читателю полную и цельную картину данной местности с древнейших времен. Чтобы выполнить такой труд, были нужны громадные знания, было нужно прочесть каждую книгу, и только тогда можно было прийти к тем результатам, к которым пришел Минцлов. Общие труды по

истории им выделены особо; особо сгруппированы и книги, относящиеся к отдельным историческим лицам. Таким образом, из, казалось бы, простой библиографической работы Минцлов создал в своем роде шедевр, опять-таки до сих пор в русской литературе не имевшийся. Недаром критик Измайлов¹⁹, отмечая в свое время эту книгу, писал, что «Минцлов просто берет своего читателя за руку и водит его по дебрям исторической литературы». Оценили эту, весьма редкую, теперь книгу и г. г. антиквары, доведшие цену ее до ста руб. за экземпляр. Третьим важным трудом по библиографии Минцлова мы считаем его «редчайшие книги, напечатанные на русском языке». История его любопытна, и потому мы поделимся ею с читателями. Имея почти все конфискованные с начала XX в. цензурой книги, Минцлов задумал издать их описание, так как многие из этих первоклассных редкостей были совершенно неизвестны. Говорить о трудности собирания таких книг и о трудности получения сведений о них не приходится. Цензура в те времена таких описей не издавала и перечислять печатно свои жертвы не допускала. Чтобы обойти цензурное veto, Минцлов включил, как он рассказывает в своих неизданных еще записках, в число уничтоженных по воле цензуры книг и многие книги, уничтоженные случайно: пожарами, наводнениями и самими авторами.

Рукопись свою он отвез в цензуру, и там после долгих мытарств, сомнений и споров наконец разрешили ее к печати, но только под тройным замком для публики: в количестве всего ста экземпляров, не для продажи и на правах рукописи. Не дозволены были и почти все примечания, сделанные Минцловым к каждой книге.

Получив разрешение печатать, Минцлов обратился к цензору и просил, не может ли он кое-что в рукопись добавить?

– Боже сохрани! – был ответ.

– А вычеркнуть кое-что могу? – спросил Минцлов.

– Пожалуйста... хоть все! – ответил остроумный цензор. Минцлову только это и было нужно. Придя домой, он вычеркнул из рукописи почти все книги, вставленные им для замаскировки истинного содержания, и послал рукопись в типографию. Так увидело свет первое обозрение конфискованных книг, а затем, спустя года

два, цензурное ведомство поняло важность и необходимость таких каталогов, имеющих значение не для одних антикваров и библиофилов, и стало выпускать их ежегодно²⁰.

В бытность секретарем Новгородского Губернского Статистического Комитета, Минцловым составлен и издан каталог исторического отдела библиотеки комитета. По статистике Минцловым выпущены следующие книги: 1) список населенных мест Новгородской губ. Устюжнинский уезд, 2) то же Череповецкий уезд, 3) Статистический очерк Трапезондского округа. Трапезонд, 1916 г. Последняя книга – единственный в своем роде пример культурной работы в самом районе военных действий. Отдельно изданные археологические труды Минцлова следующие: 1) Очерки Приуралья. Археологические и спелеологические исследования. 2) Памятники древности в Урянхайском крае. В первой книге, помимо чисто археологических исследований, содержится описание пещер Урала, древних памятников и много исторических и этнографических данных. Вторая книга, изданная бывшей Императорской Археологической комиссией, является крупным вкладом в историю этого почти неизвестного края и бросает луч света и на древнюю русскую историю. Минцлов был командирован под строгим инкогнито правительством для обозрения и описания края по поводу предполагавшегося присоединения его к России, и одним из результатов путешествия Минцлова появилась названная книга. Извлечения из весьма ценного доклада Минцлова правительству были напечатаны в январских номерах Красноярской газеты «Енисейская мысль» в 1915 г. О путешествии своем Минцлов делал весьма интересный доклад в Географическом Обществе в Петрограде, сопровождавшийся световыми картинками, и в «Известиях» Общества ждет очереди появиться в свет и описание его путешествия.

Во время этого последняго [путешествия] им было немало сделано важных в научном отношении наблюдений, выводов и археологических раскопок. Он открыл, что длинноголовое племя, родиной которого почитался Минусинский край, жило в глубочайшей древности в Урянхае; по его выводам, они скифы и родина их Урянхайский край. При определении времени насыпки древ-

них курганов Минцловым благодаря замеченным им намывам рек, впервые применена у нас геология, и результаты этого остроумного способа соединения двух наук оказались блестящими. В Новгороде Минцлов издал найденную им рукопись XV века под названием «Записки игумении Марии». Книга эта встретила ожесточенные, но совершенно напрасные нападки со стороны местного Общества Древностей, считавшего благодаря старой заметке М. Погодина²¹ рукопись за подделку, произведенную в сороковых годах прошлого столетия.

Обращаясь к книгам, изданным Минцловым в Трапезонде, остановимся сперва на «Нескольких словах о подделках старины» и на «Сборнике статей, напечатанных в газете "Трапезондский военный листок" за 1916–1917 гг.». Заглавие первой книги ясно говорит о ее содержания. Она очень невелика, но в ней автор обнаружил такую эрудицию, такие громадные и тонкие познания в области старинного искусства, что она сразу сделалась необходимой настольною книгой знатоков, собирателей и хранителей музеев. «Сборник» почти весь состоит из статей по истории и археологии Трапезонда, принадлежащих перу самого Минцлова. Три другие книги, изданные им в Трапезонде, – беллетристического содержания. Это «Исторические драмы» и две небольших книжки рассказов для взрослых. Беллетристических работ Минцлова мы затрагивать не собирались, но для этих книг сделаем исключение и скажем о них несколько слов. Минцлов стоит совсем особняком в современной литературе: любовные перипетии его совершенно не интересуют – в рассказах его вы их не найдете. Он выше их. Он все время стремится вдаль, прочь от земли и ищет разгадки тайн бытия. Читая его рассказы, чувствуешь близость нового могучего взмаха крыла гения человечества; фантазии Минцлова, как фантазии Жюль Верна, когда-нибудь воплотятся в жизни.

Если добавить к этому, что автор глубокий знаток и мастер языка, будет понятен захватывающий интерес, испытываемый при чтении его книг. Особенно хорош его рассказ «Тайна» – поразительная по мысли и по блеску языка, словно вычеканенная из сере-

бра вещь. За этот рассказ в 1909 г. была конфискована апрельская книжка ж[урнала] «Образование», рискнувшая поместить его.

Сборник исторических драм такого знатока истории, такого талантливого беллетриста, каким является Минцлов, заслуживает особенного внимания театрального мира, жалуемого на недостаток хороших пьес. Минцлов смотрел всегда несколько свысока, как на отдых от дела, на свои занятия беллетристикой и потому и не хлопотал о постановке пьес на сцене: хлопоты в театральном мире – вещь долгая и трудная, и потому пьесы Минцлова исполнялись только в провинции. А между тем такой авторитет сцены, как А.И. Южин²² прочтя «Боярина Кучку» Минцлова, отозвался о нем в письме к П.П. Гнедичу²³, как о лучшей пьесе из всех прочитанных им в сезоне и тоже говорил многим лицам из московского театрального мира. А.И. Южин собрался ставить ее на сцене Малого театра, да за малым вниманием автора к своему детищу дело так и заглохло. Содержание «Кучки» – это яркие и живые картины основания Москвы, и надо надеяться, что Москва, никогда не забывающая выдающихся сыновей своих, почтит такого сына, как Минцлов, постановкою в год тридцатилетнего юбилея его образцовой пьесы на сцене своего образцового театра²⁴.

Последняя седьмая – книга, вышедшая в Трапезонде – это часть записок Минцлова – «Как шла жизнь». Перечислив выше пятнадцать томов работ Минцлова, мы шестнадцатую книгу его приберегли к самому концу перечня. Эта книга – часть главного труда его – записок за пятнадцать последних лет.

Этим неизданным еще запискам мы, знакомые с ними в рукописи, отводим первое по значению место среди всего написанного Минцловым. Записки эти уже приготовлены к печати и выйдут в четырех томах под общим заглавием «Как шла жизнь». Счастливого сочетания в лице Минцлова художника слова и остроумнейшего наблюдателя дало ему возможность создать замечательное произведение, мимо которого не пройдет ни один историк, ни один читатель.

Жизнь Минцлова – это сплошное скитание по России, которую он исходил и изъездил вдоль и поперек. И эта жизнь, и встречавшиеся ему целые галереи людей зарисованы поразительно

выпукло и интересно. Минцлов не сын своего века, дряблого, безвольного и нервного: он сама неутомимость и энергия, и если бы судьба забросила его на голую скалу среди океана, он и там бы нашел себе дело.

В одно лето он пешком обходит всю Литву, изучая ее исторические памятники; в другое – пересекает Крым, исследуя его пещеры и древности; далее следуют Кавказ, Урал, Курляндия, Ливония и Польша, где он изучает не только старину, но и знакомится с подземельями костелов, кстати сказать, еще не исследованными; объезжает Бессарабию и Малороссию, заглядывает в Сибирь и, наконец, мировая война застает его в дебрях центра Азии, в Урянхее, откуда он по Енисею на плоту выбирается в Россию.

И везде, кроме изучения древностей и археологических исследований, он занят розысками предметов старины, книг, рукописей и монет; роется и разбирает архивы, устраивает или приводит в порядок запущенные провинциальные музеи и библиотеки, везде вносит свое новое, самобытное слово, пишет статьи и ведет свои всюду его сопровождающие записки, а изредка дает досуг и беллетристике.

Он же вместе с женой своей основал в Петрограде Рождественское коммерческое училище и целых четырнадцать лет стоял во главе его и преподавал в нем историю; состоял товарищем председателя по литературной секции в петроградском О[бщест]ве народных университетов; читал лекции на женских курсах и т. д. Сотрудничал Минцлов в следующих изданиях: в ж[урналах] «Образование», «Былое», «Мир», «Голос минувшего», «Исторический Вестник», «Русская старина», «Аргус», во «Всходах» и в «Юном читателе». В петроградских газетах: «День», «Биржевые ведомости», «Речь» и в «Руси» периода первой революции. Про провинциальные газеты, за неимением точных данных, не упоминаю.

Призванный на войну в качестве подпоручика, Минцлов очутился в Трапезонде, и там, верхом, в сопровождении одного переводчика объезжает дикие горы и селения, составляет, ввиду полной неверности турецкой карты, схематическую карту Трапезондского района и собирает сведения, из которых вслед за тем вырастает его «Статистический очерк Трапезондского района»²⁵.

Неутомимая энергия Минцлова выдвинула его из среды, его окружавшей, и, несмотря на незначительный чин, тогда еще служивший препятствием к занятию крупных должностей, генерал Шварц²⁶, видимо, умевший ценить людей не по числу звездочек в их погонах, назначил его на должность начальника Трапезондского округа, которую Минцлов с честью исполнял семь месяцев. Затерянная среди неприступных гор Кавказская армия почти была лишена газет, прибывавших в нее с огромными опозданиями, и вот, в полуразоренном Трапезонде, Минцлов устраивает типографию, создает и выпускает газету «Трапезондский Военный Листок»; состоя редактором, Минцлов в то же время был и почти единственным ее сотрудником. Надвигавшийся на разоренный край голод заставил властей подумать о выборе энергичного лица для борьбы с ним, и выбор пал на того же Минцлова: он был назначен председателем Продовольственного Комитета, еще не существовавшего. Организация последнего, карточная система для края – все это было дело рук Минцлова. Полное отсутствие в городе разумных развлечений для массы войск, там квартировавших, заставило Минцлова взять и это дело в свои руки. По его призыву организовалось «Трапезондское Общество Образования», начали устраиваться школы для солдат, лекции, драматический кружок. Само собой разумеется, что Общество председателем своим выбрало Минцлова. Такая кипучая его деятельность продолжалась в Трапезонде со взятия его до декабря 1916 г., когда слабохарактерность генерала Шварца, всецело поддавшегося влиянию совершенно не отвечающего своему месту нового начальника штаба полковника Гриневича, заставила Минцлова отказаться от всего и уйти из Трапезонды. Нечего и говорить, как тепло и с каким сожалением расстались с Минцловым все культурные элементы населения. Спокойный, выдержанный, всегда приветливый, широко образованный и остроумный человек, Минцлов всюду и всегда оставлял за собой долго не забываемый след.

Удалось ли нам выполнить свою задачу – обрисовать в этой статье во весь рост фигуру юбиляра – не знаем. Но думаем, что и сказанного достаточно, чтобы оценить его как должно. «Всякий

человек живет», – как-то сказал про него один из наших общих знакомых, – «но важно суметь прожить так интересно». Именно интересная, красивая жизнь стоит за спиной Минцлова. Пожелаем же и мы со своей стороны ему долгой такой же жизни для пользы и славы родины.

АРАН. Ф. 646. Оп. 1. Д. 319. Л. 2–10. Машинопись с правкой.

Примечания

1. Русский журнал истории и литературы либерально-народнического направления.
2. О жизни и деятельности С.Р. Минцлова см. также: Цыпкина А.Г. Документальное наследие С.Р. Минцлова в российских и зарубежных архивах // Отечественные архивы. 2019. № 6. С. 60–67.
3. РО ИРЛИ РАН. Ф. 264. Д. 194.
4. Пильский Петр Мосевич (1879–1941) – журналист, обозреватель латвийской газеты «Сегодня» с 1921 г. по 1940 г., писатель.
5. *Пильский П.М.* «С.Р. Минцлов. Жизнь, личность, труды» // Книгохранилище С.Р. Минцлова. СПб., 1913. С. IV.
6. *Гринченко Н.А.* «Любя страстно библиографию...» Р.И. Минцлов и его библиографические труды. // Библиография. № 3 (350). 2007. С. 113–125.
7. «Русские ведомости» – российская общественно-политическая газета, выходившая в Москве с 1863 г. по 1918 г.
8. «Московский телеграф» – популярная из-за своей критической направленности общественно-политическая газета, издававшаяся в Москве с 1881 г. по 1883 г.
9. «Юридический вестник» – журнал, издававшийся в Санкт-Петербурге (1860–1864) и в Москве (1867–1892).
10. История русской литературы XX в. под редакцией Н.Н. Скатова. Т. 2. М., 2005. Статья о С.Р. Минцлове М.П. Лепехина. С. 567.
11. *Ракитянский А.* Вспоминая С.Р. Минцлова. // Рижский библиофил. Рига, 2003. С. 28.
12. *Лепехин М.П.* С.Р. Минцлов // История русской литературы XX в. под редакцией Н.Н. Скатова. Т. 2. М., 2005. С. 567; *Хомякова И.Г.* Минцлов Сергей Рудольфович // БРЭ. М., 2012. Т. 20. С. 418.
13. *Цыпкина А.Г.* Трапезундская научная экспедиция 1916–17 гг.: новые архивные материалы // Причерноморье в средние века. СПб., 2015. С. 212–237.

14. *Пильский П.М.* «С.Р. Минцлов. Жизнь, личность, труды» // Книгохранилище С.Р. Минцлова. СПб., 1913.
15. Тогда – небольшой городок под Белградом, ныне – его часть.
16. РГАЛИ. Ф. 2482 (фонд Союза русских писателей и журналистов в Югославии). Оп. 1. Д. 136. Л. 27.
17. *Инзельберг В.Д.* Шмидт А.В. [Электронный ресурс] // Энциклопедия Пермского края URL: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803700996> (дата обращения: 01.11.2018).
18. Газета, издававшаяся в Трапезунде в 1916–1917 гг.
19. Измайлов Александр Алексеевич (1873–1921) – русский беллетрист и видный литературный критик.
20. Эту историю немного в другом литературном изложении приводит П.М. Пильский. Стиль П.М. Пильского (если не учитывать, что текст мог подвергнуться серьезной редакции) не позволяет предположить, что автором публикуемой биографии был он же.
21. Погодин Михаил Петрович (11 (23) ноября 1800 – 8 (20) декабря 1875) – русский историк, журналист и публицист, писатель, издатель, академик Петербургской АН (1841).
22. Южин (Сумбагов) Александр Иванович (1857–1927) – русский актер, драматург, театральный деятель. [Электронный ресурс] // Государственный Академический Малый театр URL: <https://www.maly.ru/people?name=SumbatovA> (дата обращения: 31.10.2018).
23. Гнедич Петр Петрович (1855–1925) – русский писатель, драматург, переводчик, историк искусства.
24. В РГАЛИ сохранились письма С.Р. Минцлова к А.И. Южину-Сумбагову по поводу этой пьесы: РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 1476.
25. На самом деле – «Статистический очерк Трапезундского округа», 1916 г. Автор, видимо, перепутал название.
26. Шварц Алексей Владимирович (1874–1953) – военный инженер, генерал-лейтенант (с 24.08.1917), участник русско-японской войны и др., в 1916 г. – главный руководитель по укреплению Эрзерумского района, потом – главный руководитель по укреплению Трапезунда, с конца июля 1916 г. – начальник Трапезундского укрепленного района.

РАЗДЕЛ III

Документальное наследие. Архивная практика

Обозрения фондов

Т.Н. Лаптева

Виппер Юрий Борисович
(1916–1991)

T.N. Lapteva

Vipper Jurij Borisovich
(1916–1991)

Специалист в области истории зарубежной литературы, действительный член АН СССР (1987). Работал в Ташкентском государственном педагогическом институте (1941–1942), Московском государственном университете (1945–1964), Институте мировой литературы им. М.А. Горького АН СССР (1965–1991).

Ф. 2032. Оп. 1. 678 ед. хр. за 1860-е – 1991 гг.

Рукописи монографий «Формирование классицизма во французской поэзии начала XVII века» (1965–1967), «Поэзия Плеяды (становление литературной школы)» (1976), «Творческие судьбы и движение истории (о западно-европейских литературах XVI–первой половины XIX века)» (1989); статей «Образы Ренессанса в творчестве Романа Роллана» ([1944]), «Структура ренессансного романа» (1946), «Новеллы Проспера Мериме» (не ранее 1956), «Пьер-Жан Беранже» (1957), «Очерк французской культуры XVI и первой половины XVIII века» (1958), «Ален-Рене Лесаж» (1965), «Средневековый театр в Западной Европе» (1965–1971), «Судьбы ренессансных традиций во французской поэзии и драматургии начала XVII века» (1965–1967), «Формирование классицизма во французской поэзии начала XVII века» (1965–1967), «Когда завершается эпоха Возрождения во французской литературе» (1976), «Некоторые замечания по поводу применения термина “типологические схождения” в изучении мирового литературного процесса» (1980), «О некоторых актуальных теоретических проблемах истории литературы» (1987); докладов «Проблема барокко в

истории западно-европейских литератур» (1950-е), «Драматургия Ж. Расина» (1964), «О периодизации французской литературы XVII века» (1966), «О чертах преемственности и типологических различиях между западно-европейскими литературами эпохи Возрождения и Просвещения» (1967), «Некоторые спорные вопросы развития стилей во французской литературе на рубеже XVI–XVII веков» (1968), «Проблемы конца Возрождения в Западной Европе и своеобразие французского литературного барокко» (1969), «Влияние общественного кризиса 1640–х годов на развитие западно-европейских литератур XVII века» (1970), «Понятие общественной ангажированности и некоторые теоретические проблемы развития западно-европейских литератур в эпоху антифеодальных революций» (1977), «Современные проблемы путей развития гуманитарных дисциплин» (1980), «Внутренние противоречия как фактор развития литературной эпохи» (1987), кандидатской диссертации «Французский реально-бытовой роман XVII века (от Агриппы д'Обинье до Скаррона)», конспекты лекций и учебных курсов.

Биографические документы: выпись из метрической книги о рождении (1918), табели успеваемости, удостоверения, дипломы, военный билет, автобиографии, статьи и заметки о Ю.Б. Виппере, отзывы и рецензии о его научных трудах.

Документы о служебной деятельности: планы и отчеты о работе за 1965–1975, 1979–1990 гг., выступления в Президиуме АН СССР, общих собраниях Отделения литературы и языка АН СССР, ученых советах и сессиях Института мировой литературы, заявления, документы о командировках, календарный план лекций на 1956 г., рабочие записки к руководству студенческими дипломными работами, переписка и договоры с издательствами на публикацию работ и др.

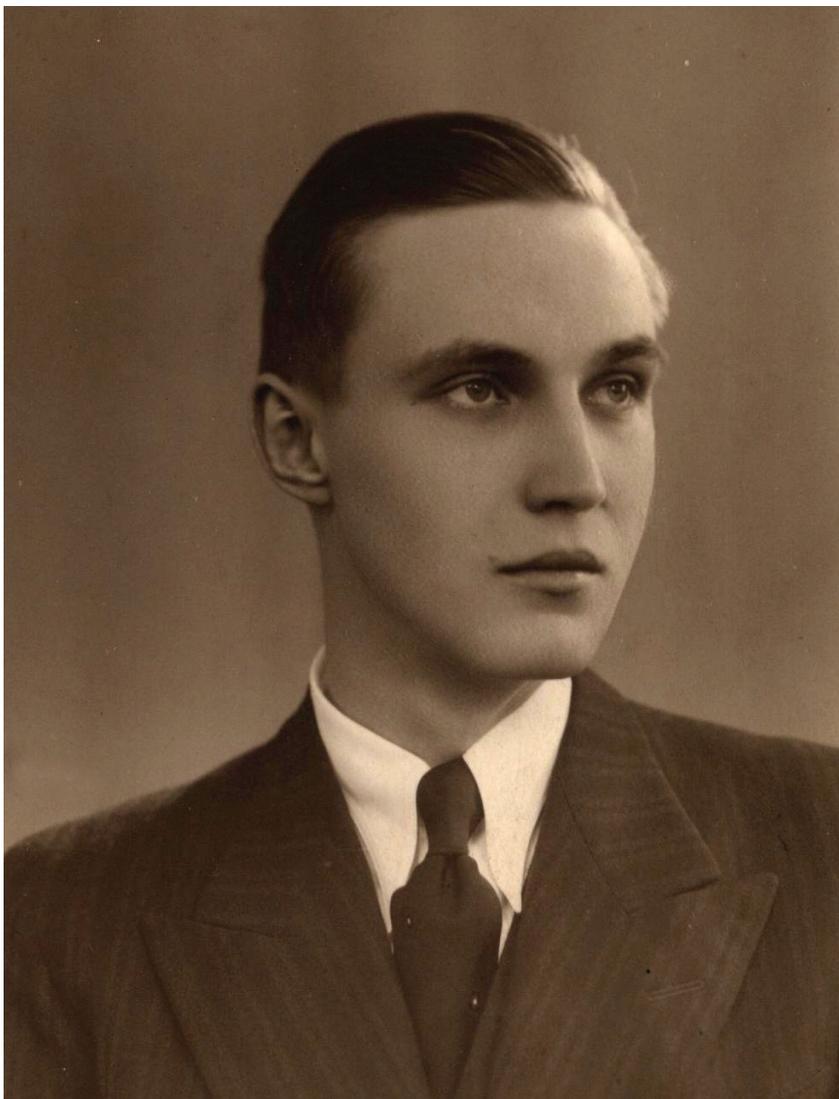
Письма Ю.Б. Виппера: С.Ф. Айнберг-Загряцковой, М.П. Алексееву, В.С. Алексееву-Попову, И.А. Антоновой, М.З. Атаровой (Дальцевой), Т.В. Балашовой, Ю.Я. Барабашу, Н.Г. Басову, Д.Д. Благому, Г.Н. Бояджиеву, И.С. Брагинскому, Р.А. Будагову, А.С. Бушмину, И.Е. Верцману, Г.Г. Гамзатову, Л.Я. Гинзбург, Л.С. Гордону, М.З. Гордону, Я.И. Гордону, Н.А. Гуляеву, Е.А. Гунсту, В.В. Данче-

ву, А.А. Деглав, Э.Г. Дементьеву, В.М. Жирмунскому, П.Р. Заборову, В.К. Зайцеву, А.Б. Кариняну, З.И. Киркозе, К.П. Корсакасу, Г.К. Косикову, В.Д. Кузьминой, В.В. Левику, Ю.Д. Левину, Д.С. Лихачеву, Е.С. Лихтенштейну, С.Г. Ломидзе, К.Н. Ломунову, А.Ф. Лосеву, Ю.Б. Лукину, Я.С. Лурье, Е.М. Мелетинскому, А.Д. Михайлову, Н.П. Михальской, А.А. Морозову, Т.В. Мюллер, В.С. Налбандяну, И.Г. Неупокоевой, Д.Д. Обломиевскому, В.М. Озерову, Я.А. Осису, З.И. Плавскину, Б.Ф. Поршневу, Б.И. Пуришеву, С.Н. Сариняну, С.Д. Сказкину, З.А. Старицыной, Ю.В. Стеннику, Г.В. Степанову, Л.И. Тимофееву, Тон за Нгану, Н.А. Троицкому, М.Л. Тронской, А.В. Удрис, М.В. Урнову, Н.Т. Федоренко, П.Н. Федосееву, Г.М. Фридендеру, В.В. Хаусману, М.Б. Храпченко, И.И. Чекалову, А.В. Чичерину, А.Л. Штейну, В.Р. Щербине, Л.З. Эйдлину, Т.К. Якимович, А.Л. Яншину.

Письма Ю.Б. Випперу от С.Ф. Айнберг-Загряцковой, М.П. Алексеева, В.С. Алексеева-Попова, А.А. Аникста, И.А. Антоновой, М.З. Атаровой (Дальцевой), Н.И. Балашова, Т.В. Балашовой, Д.Д. Благого, Г.Н. Бояджиева, Е.П. Брандиса, Ф.М. Брескиной, Р.А. Будагова, А.С. Бушмина, И.Е. Верцмана, Г.Г. Гамзатова, М.Л. Гаспарова, Л.Я. Гинзбург, И.Н. Голенищева-Кутузова, Л.С. Гордона, М.З. Гордона, Я.И. Гордона, Н.А. Гуляева, В.В. Данчева, А.А. Деглав, Э.Г. Дементьева, В.Г. Дмитриева, Н.Я. Дьяконовой, Е.М. Евниной, В.М. Жирмунского, П.Р. Заборова, В.К. Зайцева, Т.П. Знамеровской, З.И. Киркозе, Г.К. Косикова, В.Н. Лазарева, Ю.Д. Левина, Я.З. Лесюка, Д.С. Лихачева, Ю.Б. Лукина, Я.С. Лурье, Е.М. Мелетинского, А.Д. Михайлова, Д.Е. Михальчи, Н.Е. Мокульской, А.А. Морозова, Т.В. Мюллер, В.С. Налбандяна, Ф.С. Наркирьера, Д.Д. Обломиевского, В.А. Обуховой, Д.В. Ознобишина, Я.И. Пашука, И.Г. Петровского, З.И. Плавскина, Б.Ф. Поршнева, А.П. Потоцкой-Михоэлс, Б.И. Пуришева, Б.Г. Реизова, А.Н. Робинсона, Я.Я. Рудзитиса, С.Д. Сказкина, Т.В. Соколовой, З.А. Старицыной, Ю.В. Стенника, Л.И. Тимофеева, Тон за Нгана, Тон Куанг Фиета, Н.А. Троицкого, М.Л. Тронской, С.В. Тураева, А.В. Удрис, Г.М. Фридендера, В.В. Хаусмана, А.С. Чикабавы, А.В. Чичерина, Ю.Я. Яхниной.

Документы других лиц: Нины Владимировны Виппер – жены Ю.Б. Виппера, скрипачки; Юрия Францевича Виппера – прадеда Ю.Б. Виппера, педагога; Роберта Юрьевича Виппера – деда Ю.Б. Виппера, историка; Бориса Робертовича Виппера – отца Ю.Б. Виппера, историка искусства; Павла Борисовича Виппера – брата Ю.Б. Виппера, биолога, заведующего лабораторией Института эволюционной морфологии и экологии животных АН СССР; труды Н.Н. Балашова, Г.Н. Бояджиева, С.И. Великовского, И.Н. Голенищева-Кутузова, П.П. Дудочкина, Д.Д. Заславского, Д.С. Лихачева, Р.М. Самарина, Р.И. Хлодовского и др.

Фотопортреты и групповые фотографии Ю.Б. Виппера во время учебы, воинской службы, занятий спортом, научных форумов, на отдыхе, со студентами и др. На фотографиях изображены члены семьи и родственники, поэт П.Г. Антокольский, писатель Л.П. Гроссман, литературовед, академик Е.П. Чельшев, академик АН Латвийской ССР А.М. Кирхенштейн, директор Института литературоведения АН СССР Г.П. Бердников, литературовед Тон за Нган, языковед В.В. Виноградов, вице-президент АН Латвийской ССР А.М. Кирхенштейн, актер А.И. Смирнов.

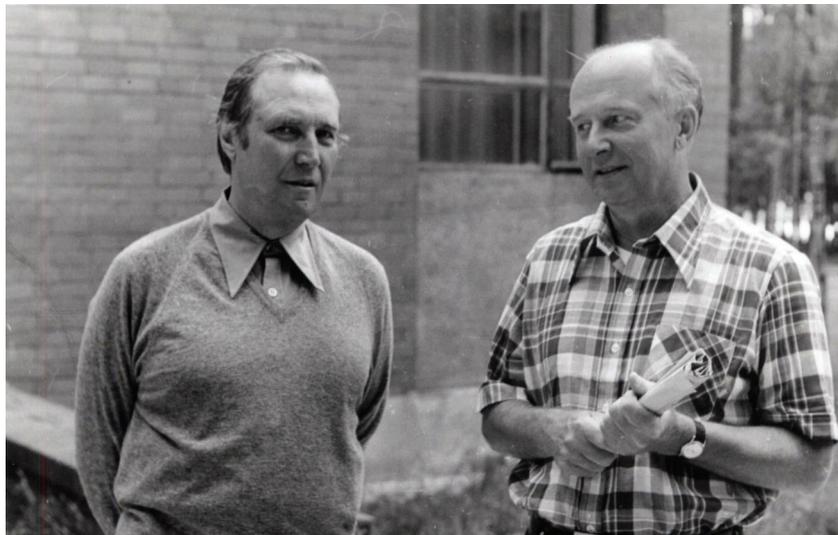
Ю.Б. Виппер. 1943 г.
АРАН. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 266. Л. 6.

Ю.Б. Виппер во время лекции. [1950-е гг.]
АРАН. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 266. Л. 6.

Ю.Б. Виппер с участниками комиссии АН СССР по оказанию научно-методической помощи АН Литовской ССР. Вильнюс. Июнь 1983 г. АРАН. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 289. Л. 1.

Ю.Б. Виппер и Е.П. Челышев. [1970-е гг.]
АРАН. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 283. Л. 1.

Т.Н. Лантева

**Мустель Эвальд Рудольфович
(1911–1988)**

T.N. Lapteva

**Mustel' Jeval'd Rudol'fovich
(1911–1988)**

Астроном, астрофизик, член-корреспондент АН СССР (1953). Работал в Государственный астрономический институт им. П.К. Штернберга (1935–1950), Астрофизической комиссии АН СССР (1944–1946), Крымской астрофизической обсерватории АН СССР (1946–1960), Астрономическом совете АН СССР (1957–1987) преподавал в МГУ (1938–1947). Главный редактор «Астрономического журнала» (с 1965 г.), вице-президент Международного астрономического союза (1970–1976).

Ф. 1986. Оп. 1. 50 ед. хр. за 1918–1988 гг.

Рукописи и оттиски статей и докладов: «Гелий во флоккулах» ([1954]), «Солнечный ветер» (не позднее 1968), «On the reality of an increase in the instability of the troposphere following the arrival of solar corpuscular stream at the earth» (О действительности роста неустойчивости тропосферы после достижения солнечным корпускулярным потоком Земли) (1980), «On the stability of the effect of an increase in tropospheric instability after the entry of the earth into a solar corpuscular stream» (Об устойчивости эффекта увеличения тропосферной неустойчивости после достижения солнечным корпускулярным потоком Земли) (1980), «Оптическая, радио, рентгеновская, γ -астрономия» (1980), «Механизм корпускулярно-атмосферных связей» (1985).

Биографические и служебные документы: диплом доктора физико-математических наук (1949) статьи и сообщения о Э.Р. Мустеле в газетах и журналах (1939–1988), афиши о чтении публич-

ных лекций (1948–1978), отчеты о командировках (1967–1980), отчет, программы заседаний, тезисы выступлений и др. документы об участии в работе Комитета по солнечно-земной физике SCOSTEP (1979–1985), служебная переписка (1971–1984) и др.

Оттиски статей с дарственными надписями Э.Р. Мустелю (1971–1981).

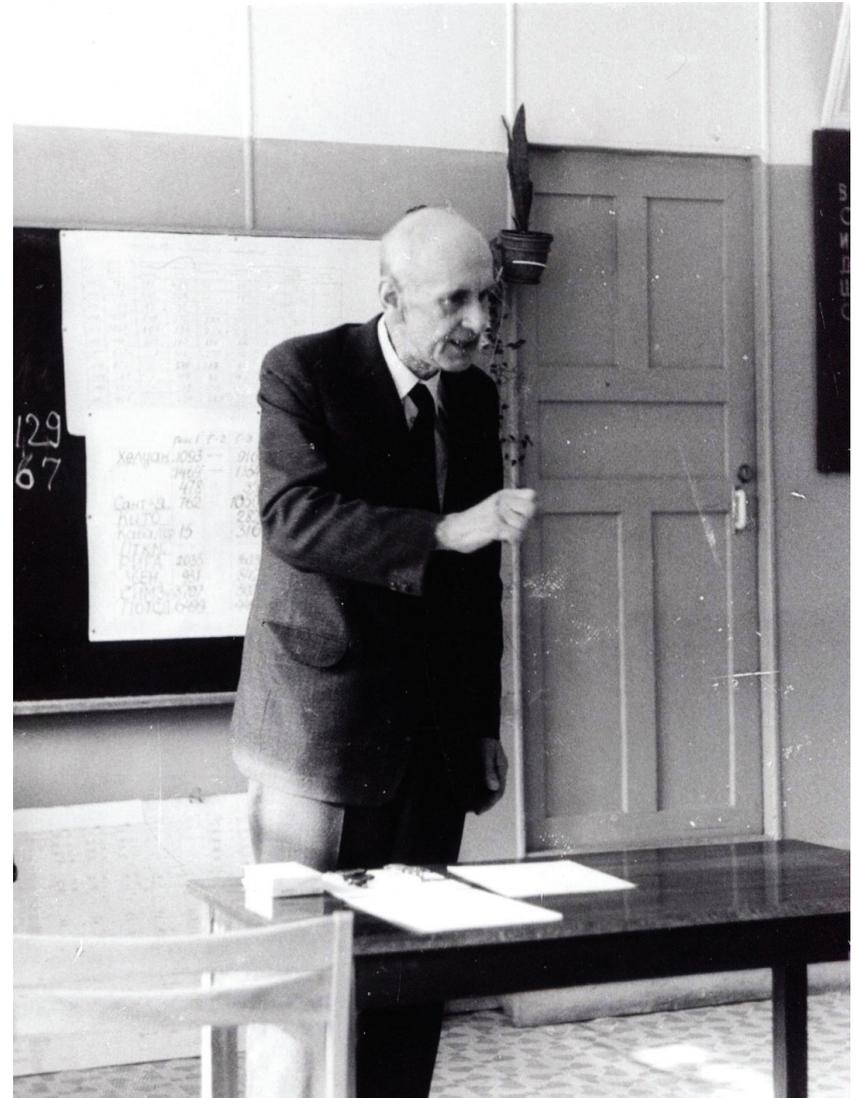
Фотопортреты и групповые снимки Э.Р. Мустеля в обсерватории, на выставке, на конференциях, во время командировок в Чили, Францию, Финляндию, Болгарию, ГДР, Венгрию, на открытии Большого телескопа Шемаханской астрофизической обсерватории ([1966]). На фото изображены советские и иностранные ученые-астрономы: члены Исполкома МАСа Ж.К. Пекер, В. Баппу, Греттон, Ловели и др., М. Конвисто, А.П. Капица, В.Д. Зудов.

Э.Р. Мустель в Париже. [1950-е гг.]
АРАН. Ф. 1986. Оп. 1. Д. 23. Л. 2.

Э.Р. Мустель. [1960-е гг.]
АРАН. Ф. 1986. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

Э.Р. Мустель во время лекции. 1982 г.
АРАН. Ф. 1986. Оп. 1. Д. 33. Л. 5.

Ю.В. Стеценко

Балашов Николай Иванович
(1919–2006)

Yu. V. Stetsenko

Balashov Nikolay Ivanovich
(1919–2006)

Литературовед, специалист в области западноевропейских литератур и сравнительного литературоведения, академик РАН (1992). Работал в Институте мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ) (1955–2006): младший научный сотрудник (1955–1957); заведующий сектором литератур социалистических стран Европы (1957–1976); заведующий отделом зарубежных литератур XX века (1976–1990); советник при дирекции ИМЛИ (1990–2006). Преподавал зарубежную литературу в Московском городском педагогическом институте (МГПИ) им. В.П. Потемкина (1946–1955). Председатель Комиссии по комплексному изучению культуры народов Пиренейского полуострова и Латинской Америки, главный редактор многотомной «Истории литератур Латинской Америки», главный редактор неперiodических научных сборников «Иберика», заместитель председателя Редколлегии серии «Литературные памятники» АН СССР, председатель Научного совета РАН «История мировой литературы», руководитель Научного Совета РАН «Отечественная и мировая литература и фольклор».

Ф. 2184. Оп. 1. 218 ед. хр. за 1926–2009 гг.

Научные труды: монография «Критерии разграничения Ренессанса и художественных направлений XVII в.» (1980-е гг.), статьи: «Франсуа Вийон» (1939–1940), «Две шкалы систем литературных связей и сравнительное изучение славянских литератур» (1973), «“Дом поэта” Максимилиана Волошина (на путях анализа поэтики одного стихотворения)» (1977), «О Поле Вале-

ри» (1970-е гг.), «Функции ритмической прозы в «Мертвых душах» и в «Риме» Гоголя» (1983), «Семиомимесис, или референция в выразительных искусствах: (постановка проблемы)» (1984), «О содержании термина “народно-революционная драма” применительно к испанскому театру Золотого века» (1988), статьи в III том «Истории всемирной литературы» о Лопе де Вега, Сервантесе (1980-е гг.), «“Сиднеевские” врата народного здравогомыслия как введение к шекспировской драматургии» (1990), «Яков Миндин и идеалы ифлийцев тридцатых годов» (1990), «Русская интеллигенция в ее классическом виде как субъект формирования живой культуры России XIX–XX вв.» (1996–1997), «“Король Лир” Шекспира глазами автора “Неистового Роланда”» (1997), «Слово в защиту авторства Шекспира (по поводу неоретландианской гипотезы И.М. Гилюлова)» (1997–2002), «Подвиг академика Лихачева» (1999–2000), «Перспектива, криволинейность и сферичность. (Искусствоведческое значение теории перцептивной перспективы академика Б.В. Раушенбаха и пространственное построение в живописи и архитектуре)» (2000), «Веласкес и проблема принужденного самостояния художника в XVII–XIX столетиях: (Размышления в музейных залах)» (2001), материалы к статье в энциклопедию современной Украины «Балашов Иван Васильевич (1890–1933)» (2001), «О возможностях анализа драмы прошлого и настоящего времени как комплексного театрального действия» (2002–2003) и др.

Доклады: «Единство и негомогенность Ренессанса и топика перехода от одной эпохи к другой» (1980), «Значение в поэтике и в литературоведении» (1980), «Развитие структур повествования от фавлики к новелле» (1981), «Пути анализа ритмики прозы Гоголя в отрывке «Рим» (1983), «Четыре направления в литературе XVII столетия. Комплексный подход с точки зрения сравнительного культуроведения» (1985), «Вопрос о ренессансном апокатарсисе и художественный контекст «Канцоньере» Петрарки» (1986), «Катарсис» и «апокатарсис» как понятия релевантные для сравнительного литературоведения (на материале поэзии Луиджи Пульчи, Италия, XV в.)» (1989) и др.

Научно-популярные работы: «Драматург-гуманист» (К 320-летию со дня смерти Лопе де Вега) (1955), «Вместе с народом: К 75-летию со дня рождения румынского писателя М. Садовяну» (1955), «Великий мастер драмы: К 100-летию со дня рождения Бернарда Шоу» (1956), «Колкий Бомарше» (1957) и др.

Рабочие материалы к научным трудам: заметки по французской литературе XVI–XVIII вв. (1938–1939), выписки из различных изданий «Поэтики» Аристотеля (1950-е гг.), подготовительные материалы к статье о гражданском гуманизме кватроченто (1970-е гг.), библиографические указатели «Литературные манифесты XX века», «Английские и американские литературные манифесты XX в.», «Антологии, монографии, сборники статей в фондах ВГИБЛ (Всероссийская Государственная Библиотека Иностранной Литературы), содержащие литературные манифесты» (1982), рабочие материалы к юбилейному изданию к 400-летию «Дон Кихота Ламанчского: варианты статей, примечания, черновики (2002) и др.

Рецензии и отзывы: отзывы о диссертациях С.С. Аверинцева, М.Н. Соколова, Н.Г. Пахсарьян, представленных на соискание ученой степени доктора филологических наук, доктора искусствоведения (1980–1992), отзывы о книгах: «Поэты Франции. XIX–XX век» (1980), «Немецкая романтическая поэзия» (1981), «Эпос Франции» З.Н. Волковой (1984), «Познание литературы и искусства. Теория, пути современного развития» (1985), «Проблемы Возрождения в советской науке» М.Т. Петрова (1989), «Русский модерн» и «Русский неоклассицизм» Е.А. Борисовой и Г.Ю. Стернина (2004) и др.

Биографические документы: Постановления Президиума АН СССР, Президиума РАН об утверждении в составе Советского комитета славистов, членом экспертной комиссии по премии В.Г. Белинского, председателем редколлегии общеакадемической серии «Литературные памятники» (1970–2002), автобиографии разных лет, автобиблиография, анкета, личные листки по учету кадров (1974–2002), списки научных трудов с 1941 по 1989 гг., документы о выдвижении кандидатом в члены-корреспонденты

АН СССР (1981–1984), переписка с Президиумом РАН по организационным вопросам (1997–2003) и т.д.

Поздравительные открытки учреждений и отдельных лиц в связи с 60-летием, 70-летием со дня рождения (1979–1989), с избранием в члены-корреспонденты АН СССР (1984–1985), с государственными праздниками (1969–1997).

Документы о Балашове: отзывы и рецензии о трудах Н.И. Балашова, опубликованные в советских и иностранных изданиях (1961–1983), библиографические справки, характеристики (1970–1990), очерки о жизни и творчестве «Николай Иванович Балашов» (К 75-летию со дня рождения), «Академик Николай Иванович Балашов» (К 85-летию со дня рождения) (1994–2004), написанные доктором филологических наук В.Б. Земсковым и др.

Групповые и индивидуальные фотографии Балашова (1926–2004).

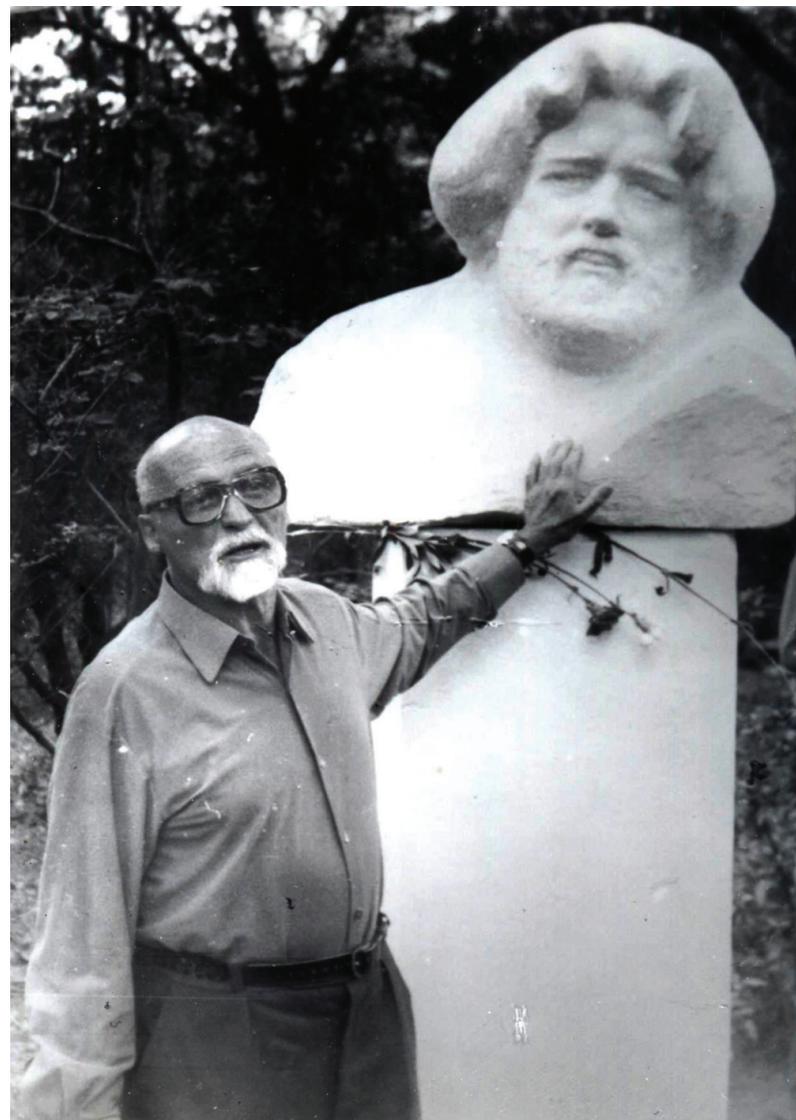
Документы о научно-организационной, педагогической, общественной деятельности в редколлегии издания «Литературные памятники РАН», в специализированных советах МГУ им. М.В. Ломоносова и Всесоюзного научно-исследовательского института искусствознания, в Комиссии РАН по истории филологических наук, в ИМЛИ им. А.М. Горького, в Отделении литературы и языка АН СССР, в Научном Совете «История мировой литературы» (1970–2005) и др. Переписка с редакциями о написании статей, об участии в работе редколлегии, рецензировании (1970–2005), переписка с научными учреждениями и обществами зарубежных стран об обмене научной информацией, об участии в симпозиумах и конференциях (1969–2003), документы конгрессов Международной Ассоциации по сравнительному литературоведению (МАСЛ-ICLA) (1982–1993), отчет о работе советских делегаций на зарубежных коллоквиумах (1983–1988) и др.;

Письма Н.И. Балашова Д.В. Иванову, сыну поэта-символиста Вячеслава Иванова (1987).

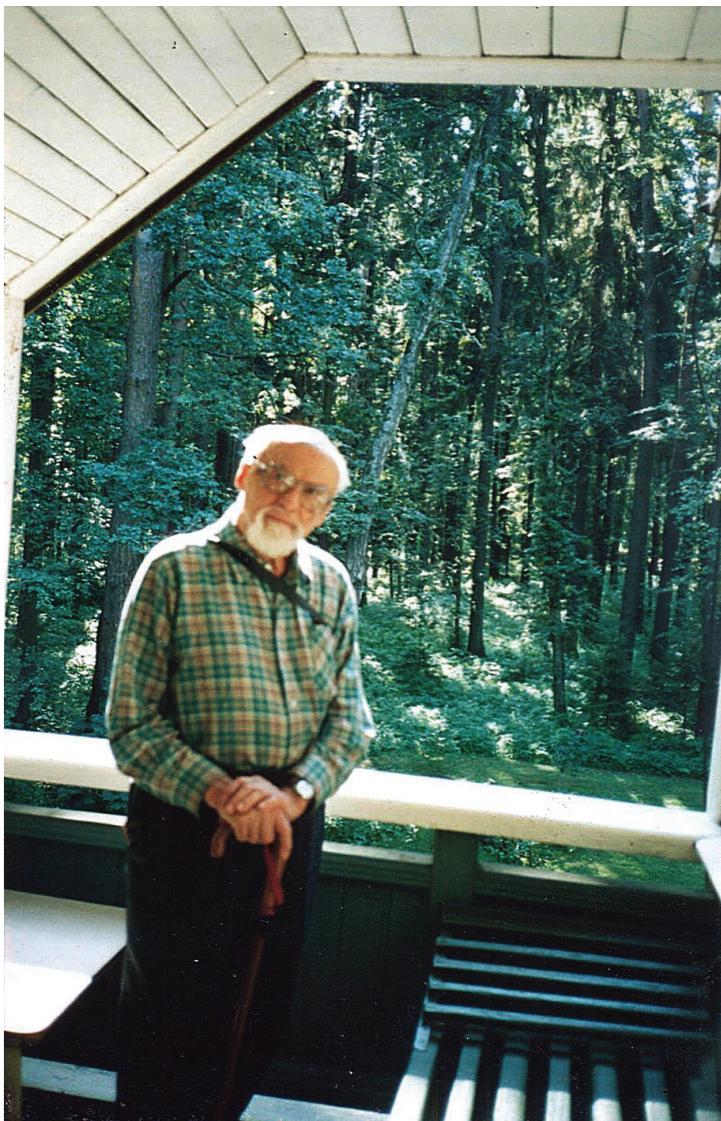
Письма Н.И. Балашову от Н.В. Банникова, поэта, переводчика, А.В. Жирмунской, художницы, дочери академика В.М. Жирмунского, от академиков АН СССР и РАН В.М. Жирмунского,

Н.И. Конрада, Д.С. Лихачева, А.В. Лаврова, от зарубежных исследователей Конрада Гурского, Александра Звигильского, Риты Шобер, от ученых-литературоведов В.В. Круглеевской, В.П. Купченко, М.Б. Мейлах, З.И. Плавскина, от родственников и знакомых (1940–2003).

Материалы других лиц: «Автобиография» И.Н. Голенищева-Кутузова, филолога, поэта, переводчика (1961–1966), статьи литературоведов Венгрии Тибора Кланицаи, Ивана Хорвата (1976–2006), статьи В.В. Ерофеева, Д.Д. Инцкирвели, М.Н. Холбекова, М.В. и Д.М. Урновых, В.Э. Молодякова, Ю.Б. Борева и др.

Николай Иванович Балашов на открытии памятника М.А. Волошину в Коктебеле. 1995 г.
АРАН. Ф. 2184. Оп. 1. Д. 144. Л. 1.

Николай Иванович Балашов на балконе комнаты
дома-музея К.И. Чуковского. 2003 г.
АРАН. Ф. 2184. Оп. 1. Д. 145. Л. 1.

Ю.В. Стеценко

**Галин Лев Александрович
(1912–1981)**

Yu. V. Stetsenko

**Galin Lev Aleksandrovich
(1912–1981)**

Математик, специалист в области механики, член-корреспондент АН СССР. Старший научный сотрудник Института механики АН СССР (1946–1950), консультант НИИ-4 Академии Артиллерийских наук (1947–1952), начальник отдела прочности «почтового ящика» № 975 Министерства среднего машиностроения СССР (1952–1960), заведующий отделом фильтрации Института механики АН СССР (1965–1981). Преподавал математику и механику в Академии авиационной промышленности (1948), в Военно-воздушной инженерной академии им. Н.Е. Жуковского (1949–1960), в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова (1956–1981).

Ф.1952. Оп.1. 34 ед. хр. за 1940-е – 1981 гг.

Рукописи статей: «Деформация ортотропного вязкоупругого тела в условиях плоской задачи», «Двумерная задача о действии вибрационной нагрузки на полимерные материалы», «Контактные задачи в технике», «Контактные задачи теории упругости при наличии износа», «Контактная задача для кривого бруса, представляющего собой часть круглого кольца, при наличии износа» и др.(1940-е – 1973).

Рабочие материалы к трудам: уравнения и расчеты «Упруго-пластичное кручение призматических стержней полигонального сечения», «Изменение контактного давления, обусловленного износом», «Контактные задачи при наличии износа», «Действие на полимерные материалы вибрационного нагружения», «Колебания

упругого стержня в том случае, когда длина волны соизмерима с размерами стержня», «Уравнение Гаммерштейна», «Уравнение движения вязкоупругого тела» (1940-е – 1970-е); документы о подготовке монографий: оттиск предисловия к книге «Контактные задачи теории упругости» (1953), план, предисловие, фрагменты коллективной монографии по контактными задачам теории упругости «Развитие теории контактных задач в СССР» (1976), оглавление книги «Контактные задачи теории упругости и вязкоупругости» для перевода на английский язык в издательстве «North Holland» (1979).

Рукописи, тезисы, резюме докладов: «Некоторые новые контактные задачи теории упругости» (1969), «Действие вибрационного нагружения на элементы конструкций из полимерных материалов» (1972), «Некоторые новые задачи контактной жесткости» (1977), «Некоторые новые направления в теории контактных задач и в вопросах контактной жесткости» (1978), «Контактные задачи теории упругости при наличии износа» (1970-е).

Отзыв о научных работах доктора технических наук, профессора А.С. Григорьева в связи с выдвижением его в члены-корреспонденты АН СССР.

Лекции, прочитанные в Московском государственном университете, в Гомельском университете, в Брянском институте транспортного машиностроения (1965–1973): «Некоторые вопросы механики полимеров», «Теория линейной вязкоупругости», «Задачи линейной вязкоупругости».

Биографические документы: членский билет Всесоюзного общества «Знание» (1980).

Фотопортрет Л.А. Галина (1976).

Документы о научно-организационной педагогической деятельности: акт экспертизы о рассмотрении статьи Галина и З.В. Нуриева «К вопросу о деформации стеклопластиков» для опубликования в печати (1966), письма ученому секретарю Ученого совета № 3 Математического института им. В.А. Стеклова О.И. Завьянову (1960-е) и инженеру проектного отдела ОКБ-1 В.М. Филину (1975), извещение о заседании Президиума Национального комитета СССР по теоретической и прикладной механике (1979) и др.

Лев Александрович Галин. [1970-е гг.]
Ф. 1952. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.

Ю.В. Щепанская

Сифоров Владимир Иванович
(1904–1993)

Yu. V. Shchepanskaya

Siforov Vladimir Ivanovich
(1904–1993)

Специалист в области радиотехники, электроники и теории передачи информации, член-корреспондент АН СССР (1953). Работал в Институте радиовещательного приема и акустики (1928–1941), в Научно-исследовательском институте радио (1953–1954, 1955–1957), заместителем министра радиотехнической промышленности СССР (1954–1955), заведующим лабораторией Института радиотехники и электроники АН СССР (1957–1966), директором Института проблем передачи информации (ИППИ) АН СССР (1966–1989), советником ИППИ РАН (1989–1993). Преподавал в Ленинградском электротехническом институте им. В.И. Ленина (1930–1941, 1946–1952, с 1938 профессор), в Ленинградской военно-воздушной инженерной академии (1941–1953). Председатель Центрального правления Научно-технического общества радиотехники, электроники и связи им. А.С. Попова (с 1954).

Ф. 2045. Оп. 1. 211 ед. хр. за 1916–1993 гг.

Рукописи статей: «О радиовещании на одной боковой полосе» (1935), «О полосе захватывания в гетеродине со стабилизированным колебательным напряжением» (1937), «Теоретические исследования частотного детектора-ограничителя» (1947), «О прохождении колокольных радиоимпульсов через колебательные системы» (1947), «Развитие радиотехники в Советском Союзе» (1954), «Основные пути развития теории информации и области ее применения» (1958), «Теория пропускной способности каналов связи со случайными изменениями параметров» (1958), «Радиоэлектрони-

ка и ее будущее» (1958), «Успехи нашей науки и техники» (1959), «Дальние радиопередачи на микроволнах» (1959), «Радиоэлектроника в исследовании космического пространства» (1960), «Квантование изображений с использованием выделения контуров» (1960), «Радиоприемная техника» (1960), «Проблемы сверхдальней радиосвязи» (1961), «Первый космический полет и радиоэлектроника» (1961), «О некоторых общественных процессах, ускоряющих развитие науки» (1961), «Современная радиоэлектроника и перспективы ее развития» (1962), «Роль радио в освоении космоса» (1964), «Радиоприемники» (1964), «Радиосвязь с другими мирами» (1965), «Проблемы теории информации» (1967), «Радиоэлектроника в космических исследованиях и развитие в СССР космической связи» (1967), «О наибольшем количестве информации от удаляющегося источника» (1970), «Развивать молодую науку прогностику» (1970), «Методологические аспекты прогнозирования научно-технического прогресса» (1971), «Формирование и развитие науки об информации» (1975), «Мировоззренческо-методологические проблемы преподавания естественных и технических наук» (1976), «Основные методологические аспекты создания новой техники» (1979), «Информатика и ее значение для народного хозяйства» (1981), «Философские проблемы развития науки и перестройка» (1988), «Моя философская концепция о новых формах движения материи» (1991).

Научные доклады: «О диалектико-материалистической трактовке статистических закономерностей в радиотехнике и физике» (1954), «О накоплении шумов и замираний в магистральных радиорелейных линиях» (1956), «Пути развития теории помехоустойчивости в радиотехнике» (1957), «Разработка теории радиорелейной связи на сверхвысоких частотах» (1959), «О кодировании телеграмм равномерными корректирующими кодами» (1959), «Радиоэлектроника в освоении космоса» (1959), «Изменения в методике преподавания в связи с быстрым развитием науки и техники» (1967), «Дальнесрочное прогнозирование научно-технического прогресса» (1968), «Перспективы развития радиоэлектроники» (1971), «Методологические вопросы разработки системы понятий об информа-

ции» (1974), «Методологические вопросы эволюции понятий пространства, времени и тяготения» (1974), «Прогнозирование науки» (1975), «Искусственный интеллект и роботы» (1976).

Научный отчет по теме «Анализ прохождения сигнальных импульсов и помех через приемные устройства импульсной радионавигации» (1947).

Лекции, прочитанные во Всесоюзном обществе «Знание»: «Достижения и проблемы радиоэлектроники» (1960), «Радиоэлектроника в народном хозяйстве» (1965), «В недра атома и в глубины космоса» (1966).

Научно-популярные очерки и воспоминания: «К новым успехам Советской радиоэлектроники (к 100-летию со дня рождения А.С. Попова)» (1959), «Космическое телевидение» (1961), «У луны – маленькая луна» (1966), «Научно-техническое общество радиоэлектроники и связи им. А.С. Попова» (1981), «Мой жизненный путь» (1989), «Тангенс выживания» (1991).

Биографические документы: свидетельства об окончании учебных заведений (1916–1929), удостоверение личности (1924), авторские свидетельства на изобретения (1932–1959), почетные грамоты Президиума АН СССР, Министерства высшего и среднего специального образования, Всесоюзного общества «Знание», издательства «Советская энциклопедия» и др. (1938–1987), анкеты (1939–1984), автобиографии (1940–1984), удостоверения, дипломы и почетные грамоты всесоюзных научных обществ (1941–1990), удостоверения к наградным знакам и юбилейным медалям (1946–1976), депутатские удостоверения (1949–1950), копии диплома доктора технических наук и аттестата профессора (1946), списки научных трудов (1952–1984).

Юбилейно-поздравительные документы: приветственные адреса, письма и телеграммы в связи с избранием в члены-корреспонденты АН СССР (1953), вручением правительственных наград (1967, 1971), празднованием юбилейных дат (1964–1984).

Отзывы академика А.И. Берга, члена-корреспондента АН СССР Д.А. Рожанского и др. о научных работах В.И. Сифорова (1935–1952), характеристики научной деятельности (1933–1984),

вырезки из периодической печати, посвященные В.И. Сифорову (1940–1993).

Фотографии В.И. Сифорова среди участников международных и всесоюзных научных съездов и симпозиумов, на торжественных заседаниях и праздничных демонстрациях, в рабочем кабинете (1945–1985).

Документы о деятельности: отчеты о научной работе (1955–1988), отчеты о зарубежных командировках и участии в международных научных съездах и конференциях (1961–1966), о работе в комиссиях, комитетах и научно-технических обществах (1972–1981), приглашения министерств, ведомств и научных организаций к участию в совещаниях и торжественных заседаниях (1945–1987), афиши публичных лекций, прочитанных В.И. Сифоровым в Московском планетарии, Центральной лектории Всесоюзного общества «Знание», Ленинградском Доме научно-технической пропаганды (1958–1970).

Письма В.И. Сифорова академику АН СССР Е.П. Велихову (1989) и ответственному редактору издательства «Материалы к библиографии ученых СССР» О.В. Исаевой (1969).

Письма В.И. Сифорову от академиков АН СССР И.И. Артоболевского, Н.М. Жаворонкова, В.А. Котельникова, Б.Н. Петрова, министра обороны СССР, маршала А.А. Гречко, генерала армии П.И. Ивашутина, генерал-майора В.Е. Дулевича, заместителя председателя Всесоюзного совета научно-технических обществ Б.С. Шрамченко и др. (1956–1988).

Личные документы (автобиография, свидетельства, удостоверения) жены В.И. Сифорова Е.В. Мысловой и дочери И.В. Сифоровой (1928–1967).

В.И. Сифоров. [1985 г.]
АРАН. Ф. 2045. Оп. 1. Д. 170. Л. 1.

В.И. Сифоров на торжественном заседании в Институте радиотехники и
электроники АН СССР. Май 1964 г.
АРАН. Ф. 2045. Оп. 1. Д. 157. Л. 4.

В.И. Сифоров на совещании в Колонном Зале Дома Союзов СССР,
посвященном Дню радио. 15 мая 1984 г.
АРАН. Ф. 2045. Оп.1. Д. 169. Л. 2.

Ю.В. Щепанская

Федосеев Петр Николаевич
(1908–1990)

Yu. V. Shchepanskaya

Fedoseev Piotr Nikolaevitch
(1908–1990)

Философ, социолог, общественный деятель, академик АН СССР (1960). Работал научным сотрудником Института философии АН СССР (1936–1941), в аппарате ЦК КПСС, главным редактором журнала «Большевик» и «Партийная жизнь», заведующим кафедрой диалектического материализма Академии общественных наук при ЦК КПСС (1941–1955), директором Института философии АН СССР (1955–1962), академиком-секретарем Отделения философии и права Академии наук СССР (1962–1965), директором Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (1967–1973); вице-президент АН СССР (1962–1967, 1971–1988), советник Президиума АН СССР (1988–1990). Герой Социалистического Труда (1978), лауреат Ленинской премии (1983).

Ф. 2096. Оп. 1. 222 ед. хр. за 1920-е – 1990 гг.

Рукописи статей: «Совершенствовать организацию социальных исследований» (1962), «Задачи научно-исследовательской работы в области философии» (1962), «Идеология и жизнь» (1963), «О разработке методологических вопросов истории» (1963), «Торжество материализма и упадок буржуазной философии» (1963), «Может ли сознание опережать жизнь» (1964), «Единство революционной мысли и художественного образа. К 120-летию со дня рождения А.М. Горького» (1988), «Мир в умах людей» (1982).

Доклады, сообщения и выступления на международных и все-союзных научных конгрессах и конференциях: «Гуманизм в совре-

менном мире» (1963), «Опыт социалистических преобразований в СССР и его международное значение» (1971), «Техника, мир и современный марксизм» (1974), «Идейно-теоретические аспекты научно-технического прогресса» (1978), «О развитии правовой науки и практики» (1984), «Классовый подход: как его понимать?» (1988), «Итоги работы IV секции Международной конференции по проблемам нового мышления и международного сотрудничества ученых социалистических стран» (1988), «Прочный мир и сотрудничество между народами» (1990), «Идеи мира и гуманизма в умах и деятельности людей» (1990).

Публичные лекции, выступления на общих собраниях, заседаниях секций и отделений АН СССР, в средствах массовой информации: «Некоторые вопросы развития советского языкознания» (1963), «Наука и идеологическая жизнь» (1963), «Коммунистический манифест современной эпохи» (1963), «О методологических вопросах развития общественных наук» (1963), «Об итогах работы методологических семинаров естественных учреждений АН СССР за 1962–1963 гг. и планах работы на 1963–1964 гг.» (1963), «О проблемах методологии исторической науки» (1963), «Строительство коммунизма и развитие марксистско-ленинской теории» (1973), «Великий Октябрь и торжество ленинской национальной политики» (1982), «Развитие советского общества на современном этапе: основные характеристики, проблемы, задачи обществоведческой науки на XII пятилетку и на перспективу до 2000 года» (1985), «XXVII съезд КПСС и задачи общественных наук» (1986), «О роли общественных наук в решении проблем научно-технического прогресса» (1980-е).

Выступления на торжественных заседаниях, посвященных юбилейным датам и государственным праздникам: «Пять лет Кубинской революции» (1963), 400-летию русского книгопечатания (1964), 46-й годовщине образования Коммунистической партии Германии (1964), 150-летию со дня рождения Н.А. Добролюбова (1986), на открытии памятника Я.М. Свердлову (1978) и др.

Наброски к статьям и выступлениям по теме «Американская буржуазная философия эпохи империализма» (1950-е – 1980-е).

Личные и биографические документы: записные книжки (1960, 1970, 1972, 1977), диплом к юбилейной золотой наградной медали Академии наук Кубинской республики (1972), почетная грамота Владимиро-Суздальского музея-заповедника (1980), орден Мира и Дружбы Венгерской народной республики (1985), сообщение Чехословацкой академии наук о награждении почетной грамотой за заслуги в развитии общественных наук (1989), письмо президента АН СССР академика Г.И. Марчука и вице-президента академика В.Н. Кудрявцева с выражением благодарности за вклад в развитие общественных наук (1990). Юбилейно-поздравительная корреспонденция в связи с 50-летием (1958), с 75-летием и награждением орденом Октябрьской революции (1983), 80-летием и награждением орденом Трудового Красного Знамени (1988); поздравительное письмо Э.А. Шеварнадзе в связи с Первомаем и 40-летием победы в Великой Отечественной войне (1985). Газетные статьи и заметки о научных трудах и деятельности П.Н. Федосеева (1952–1985), биографическая справка для издания «Who is Who in the World» (1989), письма и телеграммы с соболезнованиями по случаю кончины П.Н. Федосеева (1990).

Изобразительные документы: индивидуальные и групповые фотографии П.Н. Федосеева в годы учебы в Горьковском педагогическом институте, на международных конгрессах и конференциях, в научных командировках, на заседаниях партийных съездов и государственных органов, в Президиуме Академии наук СССР, на митингах, деловых встречах и торжественных собраниях, в рабочем кабинете и в кругу семьи (1920-е – 1980-е).

Документы о научно-организационной деятельности: выступления П.Н. Федосеева на общих собраниях и заседаниях Президиума АН СССР (1963–1988), записи, сделанные П.Н. Федосеевым в ходе инспекторской поездки от ЦК КПСС в Армянскую ССР (начало 1950-х).

Документы о редакционно-издательской деятельности: проект трехтомника «Советская социология» под редакцией П.Н. Федосеева (1963), списки и планы издания книг в серии «Библиотека философского наследия» (1988).

Документы о деятельности в области международных научных связей: отчет об участии в работе сессии Международного совета социальных наук в Италии (1962), переписка с зарубежными институтами и организациями о совместных проектах в области социальных исследований (1962–1972), аналитические записки и замечания по проекту долгосрочной программы многостороннего сотрудничества социалистических стран в области общественных наук и гуманитарным аспектам международной безопасности (1988–1989).

Документы, связанные с общественной деятельностью: выступления П.Н. Федосеева на партийно-правительственных митингах и заседаниях посвященных, защите мира, дружбе, сотрудничеству и взаимопомощи между социалистическими странами (1963–1981).

Письма к П.Н. Федосееву от академиков В.А. Амбарцумяна, Б.Е. Патона, писателя Ю.А. Жукова (1980–1988).

Документы Федосеевой Ларисы Георгиевны (урожд. Бухарцевой), доктора филологических наук, жены П.Н. Федосеева: доклад «Мейерхольдовские постановки пьес Маяковского» (1960-е), главы книги «Путь в вечность» о жизни и творчестве М.И. Цветаевой (1992), записные книжки с обзорами современной литературы, критическими заметками, библиографией (1974–1990) и др.

Труды других лиц: статьи и доклады В.В. Казютинского «Методологические проблемы и космогония» (1962), Е.Д. Модржинской «Современная буржуазная философия и проблемы исторической науки» (1962), Трусова Ю.П. «Ноосфера и взаимосвязь естественных и общественных наук» (1962) и др.

П.Н. Федосеев в рабочем кабинете. 1950-е гг.
АРАН. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 87. Л. 5.

П.Н. Федосеев на конференции, посвященной 25-летию советского движения борьбы за мир, в Колонном зале Дома Союзов. 1974 г.
АРАН. Ф. 2096. Оп.1. Д. 117. Л. 1.

П.Н. Федосеев на церемонии подписания соглашения о научном сотрудничестве между АН СССР и АН Венгрии. 15 апреля 1976 г.
АРАН. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.

П.Н. Федосеев. 1980-е гг.
АРАН. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 87. Л. 12.

Академики А.П. Александров, П.Н. Федосеев, В.А. Котельников.
Конец 1970-х гг. АРАН. Ф. 2096. Оп. 1. Д. 127. Л. 1.

Сведения об авторах

Аносов Дмитрий Владимирович, м.н.с., Архив РАН, anosov.AРАН@yandex.ru

Афиани Виталий Юрьевич, к.и.н., советник директора Архива РАН по научной работе, academ_archive@mail.ru

Бойко Надежда Владимировна, к.и.н., с.н.с., Архив РАН

Бокарева Ольга Борисовна, и.о. с.н.с., Архив РАН, bokareva.olya@mail.ru

Бондарь Лариса Дмитриевна, к.и.н., ученый секретарь, СПбФ АРАН, L007@list.ru

Виноградова Лориана Донатовна, с.н.с., Институт геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН, loriانا.vinogradova@mail.ru

Ильина Ирина Николаевна, к.и.н., рук. Лаборатории информационных технологий, Архив РАН, ilina_irina_ran@mail.ru

Киселев Михаил Юрьевич, к.и.н., рук. Центра учета и обеспечения сохранности документов, Архив РАН, kiss_RAN@mail.ru

Кирикова Ольга Александровна, н.с., СПбФ АРАН, spbaran-publications@yandex.ru

Косырева Екатерина Вячеславовна, к.и.н., рук. Центра комплектования, Архив РАН, kasya_ran@mail.ru

Лаптева Татьяна Николаевна, к.и.н., с.н.с., Архив РАН; ст.преп., Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, lapti-stv@yandex.ru

Лиманова Светлана Андреевна, к.и.н., н.с., Архив РАН, serovasvetlana@mail.ru

Литвина Наталья Викторовна, с.н.с., Архив РАН, с.н.с., зав. межкафедральной археографической лаборатории, исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, tartalja@mail.ru

Мандрик Мария Вячеславовна, к.и.н., с.н.с., СПбФ АРАН; м.н.с. СПбФ Института истории естествознания и техники РАН, mmandrik@mail.ru

Осипова Надежда Михайловна, к.и.н., ученый секретарь, Архив РАН, osipoba@mail.ru

Паламарь Наталья Федоровна, реставратор высшей квалификации, зав. Лабораторией реставрации документов, Архив РАН

Савельева Диана Николаевна, к.филос.н., зав. сектором СПбФ Института истории естествознания и техники РАН, dnsaveljeva@mail.ru

Селиванова Ольга Владимировна, к.и.н., рук. Группы комплектования личными фондами ученых и их научного описания, olya84@list.ru

Стеценко Юлия Владимировна, н.с., Архив РАН, danilina-yuliya@mail.ru

Тихонова Елена Петровна, н.с., зав. научным архивом ЗИН РАН, Зоологический институт РАН, Elena.Tikhonova@zin.ru

Урмина Ирина Николаевна, д.культурологии, с.н.с., рук. Музейно-выставочной группы, Архив РАН, urminaia@gmail.com

Цыпкина Анна Георгиевна, м.н.с., Архив РАН, Anna021090@yandex.ru

Шишкина Кристина Германовна, н.с., СПбФ АРАН, spbaran-publications@yandex.ru

Щепанская Юлия Витальевна, с.н.с., рук. Группы комплектования документами учреждений РАН, Архив РАН, Shepanskaya@mail.ru

Янин Евгений Петрович, к.г.-м.н., с.н.с., рук. Группы «Научное наследие В.И. Вернадского и его школы», Институт геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН, yanin@geokhi.ru

Научное издание

АРХИВНЫЙ ПОИСК

Электронный сборник научных статей и публикаций

Выпуск 2

Технический редактор:

Д.В. Аносов

Верстка:

Н.В. Литвина

Обложка:

Н.В. Литвина

Актер театра кабуки Сйоцио в балете «Белая цапля». 1928 г.

АРАН. Ф. 1702. Оп. 3. Д. 51. Л. 91;

Berteroa incana. Рисунок В.Л. Комарова. 1903 г.

АРАН. Ф. 277. Оп. 6. Д. 104. Л. 5.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Архив Российской академии наук

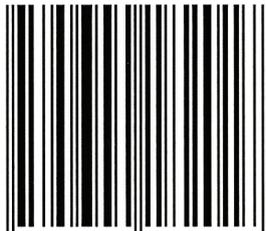
www.aran.ru

Подписано в печать 07.11.2019

Гарнитура Times New Roman

Усл. печ. л. 18

ISBN 978-5-6041820-1-7

9 785604 182017